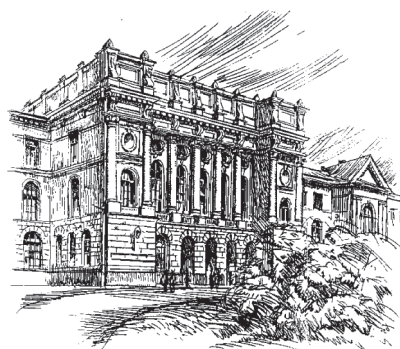

2(111)/2010

Научно-технические ведомости СПбГПУ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ

Санкт-Петербург. Издательство Политехнического университета

Министерство образования и науки РФ

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ СПбПУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Костюк В.В., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН;
Окрепилов В.В., чл.-кор. РАН; *Патон Б.Е.*, академик НАН Украины и РАН;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН; *Федоров М.П.*, чл.-кор. РАН;
Фортов В.Е., академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Десярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

СЕРИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Акопова М.А., д-р пед. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор;
Десярева Р.В., д-р ист. наук, профессор;
Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор;
Пиджаков А.Ю., д-р юр. наук, д-р ист. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН;
Снетков В.Н., д-р полит. наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор – председатель;
Алмазова Н.И., д-р филол. наук, профессор;
Горюнов В.П., д-р филос. наук, профессор;
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Пылин В.В., д-р юр. наук, профессор;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор;
Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – отв. секретарь.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук с 1995 года.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал издается в пяти сериях:

Наука и образование;
Физико-математические науки;
Экономические науки;
Информатика, телекоммуникации, управление;
Гуманитарные и общественные науки.

Журнал зарегистрирован в Госкомпечати РФ. Свидетельство № 013165 от 23.12.94.

Подписной индекс **18390** в каталоге «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Национальной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibraru.ru>.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
Тел. редакции серии (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2010

Содержание

Проблемы XXI века

Снетков В.Н., Пономаренко А.В. Проблемы развития информационного общества.....	7
Проскурина А.В. К вопросу о генезисе модернизационных теорий.....	11
Рудинский А.В. Политика нейтральных стран в борьбе за энергоресурсы в XXI веке.....	19
Матвеевская А.С. Северная Европа: внутрирегиональные особенности интеграции иммигрантов.....	23
Протасенко И.Н. Современный бонапартизм в контексте системной экологии социально-политических трансформаций.....	30

Правовые аспекты государственного управления

Тебряев А.А., Конопченко Ю.П. Интерес и субъективное право: проблемы соотношения.....	36
Кирсанова Н.Б. Естественнo-правовая теория Бенедикта Спинозы.....	41
Снетков В.Н., Фомина Н.А. Классификация современных моделей федераций.....	44
Пылин В.В. Правовые основы участия граждан в нормотворчестве органов местного самоуправления.....	51
Фомичев А.В., Фомичева Л.С. Лоббистская деятельность: понятие и модели правовой регламентации.....	57
Тебряев А.А. Юридический состав – основание правопреемства.....	62
Пылин С.В. Проблемы правового обеспечения порядка рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан.....	66

Профессиональное образование

Слесарев Ю.В., Козлов В.Н. Формирование и развитие общепрофессиональных и социальных компетенций в системе высшего профессионального образования.....	71
Степанова Н.С. Роль профориентированного иностранного языка в формировании коммуникативной компетенции студентов-физиков.....	80
Печинская Л.И. Формирование иноязычной информационной компетенции в рамках курса иностранного языка в неязыковом вузе.....	84
Аносова Н.Э. Переводческая компетентность магистров в техническом вузе.....	88
Шакуров А.А. Инновационные процессы в современном высшем образовании.....	92
Кади С.В. Обучающе-контролирующая компьютерная программа как средство интенсификации иноязычного обучения.....	96
Попова Н.В. Дидактическое моделирование вузовского учебника по иностранному языку с учетом междисциплинарных связей.....	102
Степанова М.М. Современные подходы к обучению иностранному языку в магистратуре неязыкового вуза.....	109
Красавина О.И., Ветрова О.Г. Специфика перевода терминологии в научно-технических текстах....	114
Поршнева Е.Г. Дистанционные образовательные технологии при подготовке офицеров запаса на военных кафедрах в гражданских вузах: компетентностный подход.....	118

Вопросы психологии

Доминьяк В.И. Психологическая диагностика лояльности персонала.....	122
Казанков В.В., Гуменюк О.В. Принятие решения как системное основание психологической устойчивости.....	126
Казанков В.В., Гуменюк О.В. Анализ взаимосвязи жизнедеятельности специалиста МЧС России, его психологической устойчивости и безопасности труда.....	130

История российского социума

Дегтярева Р.В. От Манифеста 1861 года к Декрету 1917 года.....	136
Маслобоева О.Д. Роль субъективного фактора в развитии отечественной экономики	143
Смирнова О.А. «Дух капитализма» в системе общественных настроений в России первой половины XIX века.....	149
Офицерова Н.В. Информационные документы о взаимоотношениях заводского сообщества и власти в 1920-х годах: проблемы и их решения.....	155

Международные отношения

Семенова К.А. Историко-правовой опыт закрепления территориальных прав России в Арктике	161
Рудинский А.В. Проблема нейтралитета и шведские политические партии.....	165
Матвеевская А.С. Географические особенности иммиграции в современной Швеции.....	171
Колесников Д.Е. Фенномания как система взглядов Й.В. Снельмана.....	177

Актуальные проблемы языкознания

Ганапольская Е.В. Неология во фразеологии	183
Пузанова Н.А. К вопросу о моделировании системного значения английских глаголов-синонимов	190
Кузина И.Ю. О дискурсивной параметризации в лингвистических исследованиях.....	194
Шестакова А.Ю. Проблемы структурного и языкового оформления приговоров уголовного судопроизводства и пути их решения.....	200

Философские и культурологические исследования

Иваненко А.И. Хаос и революция (пролегомены к онтологии революции).....	206
Одинцов А.Н. Соотношение знания и информации в искусственном интеллекте	214
Коломейцев И.В. Проблема эффективного социального управления.....	218
Оботурова Н.С. Эволюция взглядов Эдмунда Гуссерля в понимании природы идеального.....	225
Гончарко Д.Н. Понятие дара в репрезентативной модели культуры	231

Теория искусства

Позднякова К.С. Литературно-эстетические позиции П.А. Вяземского.....	237
Туминская О.А. К истории формирования иконографии образа юродивого во Христе.....	241
Коновалова Т.А. Модели текстов древних и современных архитектурных сооружений.....	246

Хроника

Нарышкина-Прокудина-Горская Н.А. Моя родословная. Часть 2. Цвет России. Изобретатель цветной фотографии С.М. Прокудин-Горский.....	252
Марасанова В.М. Рецензия на книгу «Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность».....	261
Сведения об авторах. Контактные данные.....	265
Аннотации. Ключевые слова	269

Contents

Problems of XXIst century

Snetkov V.N., Ponomarenko A.V. <i>Development problems of the information society</i>	7
Proskurina A.V. <i>For the question of genesis of the theories of modernization</i>	11
Rudinskiy A.V. <i>Politics of neutral countries in the struggle for energy resources in the XXI century</i>	19
Matveevskaya A.S. <i>Northern Europe: interregional character of the immigration's integration</i>	23
Protasenko I.N. <i>Modern bonapartism in the context of systematic ecology of socio-political transformations</i>	30

Legal aspects of state administration

Tebryaev A.A., Konopchenko J.P. <i>Interest and legal right: correlation problems</i>	36
Kirsanova N.B. <i>The natural-lawful theory of Benedict Spinoza</i>	41
Snetkov V.N., Fomina N.A. <i>Classification of contemporary models of federal states</i>	44
Pylin V.V. <i>Legal bases of participation of citizens in rulemaking of local government bodies</i>	51
Fomichev A.V., Fomicheva L.S. <i>Lobbying activity: concept and representation system of legal regulation</i>	57
Tebriaev A.A. <i>Legal composition as a base of succession</i>	62
Pylin S.V. <i>Problems of legal provision of the order of consideration of offers, statements and complaints of citizens</i>	66

Professional education

Slessarev Yu.V., Kozlov V.N. <i>Formation and development of general professional and social competences in the system of higher vocational education</i>	71
Stepanova N.S. <i>The role of foreign language for specific purposes in the formation of communicative competence of physical students</i>	80
Pechinskaya L.I. <i>Forming the foreign language information competence in foreign language course at higher professional schools</i>	84
Anosova N.E. <i>Translating competence of master students at technical university</i>	88
Shakurov A.A. <i>Innovative processes in modern higher education</i>	92
Kadi S.V. <i>Training and controlling computer program as a means of intensification foreign language teaching</i>	96
Popova N.V. <i>Didactic modeling of foreign language higher school textbook drawing on interdisciplinary links</i>	102
Stepanova M.M. <i>Modern approaches to teaching foreign languages in non-linguistics MA course</i>	109
Krasavina O.I., Vetrova O.G. <i>Particularities of terms translation in sci-tech texts</i>	114
Porshneva E.G. <i>Distant educational technologies in training of reserve officers of military sub-faculties in civilian institutes of higher education: competent approach</i>	118

Questions of psychology

Dominyak V.I. <i>The psychological diagnostics of staff loyalty</i>	122
Kazankov V.V., Gumenyuk O.V. <i>Decision-making as systemic basis of psychological stability</i>	126

Kazankov V.V., Gumenyuk O.V. <i>The analysis of correlation between Russian Federation EMERCOM specialist' life, his psychological stability and safety of work.....</i>	130
---	-----

Aspects of Russian society history

Degtyareva R.V. <i>From the Manifest 1861 to the Decree 1917.....</i>	136
Masloboeva O.D. <i>The role of the subjective factor in the development of national economy.....</i>	143
Smirnova O.A. <i>«The spirit of capitalism» in the public mood system of the first half of XIX century Russia.....</i>	149
Ofitserova N.V. <i>Information documents on relationships industrial community and authorities per 1920: problems and their decisions.....</i>	155

International relationships

Semenova K.A. <i>Historical and legal experience in strengthening of Russian territorial rights in Arctic....</i>	161
Rudinskiy A.V. <i>The problem of neutrality and Swedish political parties.....</i>	165
Matveevskaya A.S. <i>Geographical features of immigration in contemporary Sweden.....</i>	171
Kolesnikov D.E. <i>Fennomania as a system of J.V. Snellman's views.....</i>	177

Actual problems of linguistics

Ganapolskaya E.V. <i>Neology in phraseology.....</i>	183
Puzanova N.A. <i>A problem of modelling a systemic meaning of the english verbs-synonyms.....</i>	190
Kuzina I.Yu. <i>On discourse parameterization in linguistic researches.....</i>	194
Shestakova A.U. <i>Problems of structural and language lay-out of sentences in criminal court proceedingc</i>	200

Philosophical and cultural studies

Ivanenko A.I. <i>Chaos and revolution (introduction to the ontology of revolution).....</i>	206
Odintsov A.N. <i>Knowledge and information in artificial intelligence.....</i>	214
Kolomeytshev I.V. <i>Efficient social management issues.....</i>	218
Oboturova N.S. <i>Evolution of the views of Edmund Husserl in understanding the nature of the ideal.....</i>	225
Goncharko D.N. <i>The concept of donation in the representative model of culture.....</i>	231

Theory of art

Pozdniakova K.S. <i>Literary and aesthetic position of P.A. Vyazemskiy.....</i>	237
Tuminskaya O.A. <i>To history formation of an iconography of an image the foolish in the christ.....</i>	241
Konovalova T.A. <i>The texts model of ancient and modern architecture.....</i>	246

Chronicle

Naryshkina-Prokudina-Gorskaya N.A. <i>«Color of Russia». The inventor of color photography S.M. Prokudin-Gorsky.....</i>	252
Marasanova V.M. <i>Book Review.....</i>	261
<i>About the authors. Contact information.....</i>	265
<i>Abstracts. Keywords.....</i>	276

УДК 342.9

В.Н. Снетков, А.В. Пономаренко

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

На современном этапе развития стало вполне понятно, что в XXI веке та или иная страна может занять достойное место в мире и на равных участвовать в соревновании с другими странами только в том случае, если ее структуры, приоритеты, ценности, институты будут соответствовать требованиям информационного общества.

Безусловно, информатизация – это прорыв в будущее. Все развитые страны считают эту цель приоритетной, подчиняют ей основные ресурсы и усилия. Страны Запада и Япония уже три десятилетия решают проблемы информатизации общества. В последние годы там развернуты соответствующие общенациональные программы, поддерживаемые огромными государственными субсидиями. Из объекта теоретического анализа информатизация превратилась в критерий оценки могущества и фактор выживания той или иной страны в борьбе за экономическое и политическое превосходство, стала важнейшим ориентиром для выработки внутренней и внешней стратегии государства.

Информатизация вступила в стадию индустриализации, что означает создание и развитие крупного машинного производства в информационной сфере. При этом человечество столкнулось с проблемами индустриализации получения и обработки информации, психологическими, экономическими, социальными, правовыми и др. Эти проблемы порождены противоречиями между необходимостью современного использования во всех сферах человеческой деятельности больших объемов информации и невозможностью оперативно

формировать такие объемы с помощью традиционных информационных средств, технологий и систем связи.

К психологическим проблемам следует отнести в первую очередь проблему готовности населения к переходу в информационное общество. Экономические проблемы обусловлены переходом к экономике информационного общества, социальные – коренным изменением образа жизни общества под воздействием информатизации. Правовые проблемы возникают в связи с превращением информации в основные ресурсы развития общества. Появляются новые виды правонарушений, которые свойственны лишь информационной сфере.

Такие проблемы необходимо решать через воспитание и обучение новых специалистов, создание информационно-правового поля жизнедеятельности общества.

В настоящее время в нашей стране ощущается острая нехватка специалистов, способных на достаточно высоком профессиональном уровне разобраться в вышеперечисленных вопросах. В этих условиях следует уделять особое внимание подготовке юристов, в совершенстве владеющих современными информационными технологиями. Данную проблему можно решить в техническом вузе, где существует солидная юридическая и информационно-компьютерная подготовка. Базовой дисциплиной здесь должен стать курс правовой информатики, опирающийся на знания студентов, полученные в вузе по различным дисциплинам.

Учитывая специфику обучения правовой информатике студентов-гуманитариев

в техническом вузе, нужно отметить возможности вуза в их естественнонаучной и технической подготовке силами профилирующих факультетов, что следует использовать для улучшения подготовки гуманитариев по естественным и техническим дисциплинам.

В этой связи назрела необходимость создания фундаментального курса правовой информатики, обеспечивающего с правовых и логико-математических позиций развитие информатизации правовой системы России. В настоящее время ряд авторов предлагают свое видение решения данной проблемы.

В учебнике О.А. Гаврилова «Курс правовой информатики» [1] обобщен многолетний опыт научно-исследовательской и практической работы автора в сфере правовой информатики и кибернетики. Данный учебник, имеющий четкую структуру изложения материала, разделен на общую и особенную части. Для юристов такое деление привычно. В общую часть вошли главы, разъясняющие понятие «информация» в теории права и законодательстве России, понятия «информатизация» и «информационная безопасность» в рамках создания единого информационно-правового пространства, а также специфику и методологические основы правовой информатики. В особенной части учебника, состоящей из восьми глав, раскрыты основные направления информатизации правовой сферы России. В приложениях к учебнику даны необходимые извлечения из федеральных нормативных актов, основные математические понятия и символы, применяемые в курсе, краткий словарь терминов по информатике и вычислительной технике.

Важно отметить, что О.А. Гаврилов убедительно показал на конкретных примерах роль и значение математической логики для формализации нормативных текстов. При этом учебник не перегружен избыточными профессиональными терминами и понятиями, программа курса изложена достаточно ясно и вполне доступно для студенческой аудитории. Автору курса правовой информатики удалось добиться плавного перехода в подаче материала от курса математики к юридическим дисциплинам.

Гаврилов сделал попытку охватить весь спектр проблем, включая некоторые частные вопросы. Обобщая понятия «информация», «информатизация», «правовая информация»,

он справедливо отметил их возрастающую роль не только в действующем законодательстве, но и в общей теории права. При этом акцент сделан на понятиях информационных правовых отношений и норм. Кроме того, автор всесторонне проанализировал концепцию информатизации правовой сферы России, к которой наряду с компьютеризацией он относит деятельность СМИ, публикацию официальных текстов нормативно-правовых актов, деятельность юридических органов и учреждений по распространению правовой информации, обучение и переобучение кадров, развитие научных исследований. Однако учебник О.А. Гаврилова имеет один существенный недостаток. Как известно, студентам принято преподносить уже устоявшиеся формулировки, отработанные и признанные в большинстве теоретических работ. Между тем автор произвольно ввел понятие «федеральное информационное право», хотя дискуссии по поводу формирования новой отрасли права продолжаются и существует несколько достаточно взвешенных подходов к определению единого информационно-правового пространства.

В учебнике «Информационное право», подготовленном коллективом авторов под редакцией академика РАН Б.Н. Топорнина [2], систематизирован накопленный опыт преподавания в Санкт-Петербургском университете МВД РФ и других вузах по всем направлениям, изучаемым в рамках информационного права. Это позволит проводить подготовку специалистов в области разработки законодательной базы в сфере информатизации, контроля за информационными потоками и т. д.

Следует отметить, что авторы учебника приоритетным направлением развития законодательства Российской Федерации считают решение такой проблемы, как охрана прав человека в условиях формирования информационного общества.

Особое внимание в учебнике уделено вопросам, недостаточно разработанным в законодательстве РФ: реализации права на информацию; формированию эффективной системы информирования общества и совершенствованию функционирования СМИ; совершенствованию законодательства в области предпринимательства, прежде всего в части новых видов деятельности, таких как электронная торговля,

работа, обучение; дальнейшей либерализации рынков информационных продуктов, технологий и услуг; развитию конкуренции; защите персональной тайны; охране интеллектуальной собственности; улучшению сетевого доступа к информационным ресурсам и защите информации в сетях передачи данных. В конце каждой темы имеются контрольные вопросы и список рекомендуемой литературы, а в конце учебника даны примерная программа курса, вопросы к зачету/экзамену и перечень тем для рефератов.

И.Л. Бачило [3] выдвигает идею гиперсистемного правового образования – информационно-компьютерного права, регулирующего сферу, в которой реализуется информационный процесс и происходит информационное обеспечение.

В.А. Копылов [4] отстаивает понятие информационного права как системы норм и отношений, возникающих в информационной сфере, хотя в настоящее время речь следует вести о развитии информационно-электронного права, которое представляется совокупностью правовых норм и институтов, складывающихся по поводу использования информационно-электронных технологий хранения информации, а также развития и применения био- и психокомпьютерных систем.

Известны работы В.Б. Наумова [5], В.Н. Снеткова, А.В. Пономаренко [6], М.А. Федотова [7], Р.М. Юсупова [8], посвященные рассматриваемой проблеме.

К сожалению, список ученых, работающих в данном направлении, невелик, что вызывает определенные трудности в преподавании правовой информатики.

Кроме того, зачастую эта дисциплина преподается студентам второго курса, но опыт показывает, что они еще не готовы к восприятию данного материала в силу отсутствия знаний по многим отраслевым дисциплинам: уголовному праву, криминалистике, административному праву и некоторым другим. Следовало бы преподавать правовую информатику на четвертом курсе.

В настоящее время возрастает интерес к информационному праву, появились курсы лекций, учебные пособия, охватывающие все направления, изучаемые в области информационного права. Это позволит проводить подготовку специалистов в области разработки законодательной базы в сфере информатизации,

контроля за информационными потоками и т. д. Необходимо понимать, что потеря контроля за информационными потоками на государственном уровне по последствиям может сравниться с разрушением единой энергетической, транспортной и иных систем жизнеобеспечения государства.

Для перехода к информационному обществу наряду с подготовкой специалистов нужно совершенствовать и законодательную базу. Главные направления развития законодательства в информационной сфере сегодня определены. Они в основном соответствуют зарубежной практике правового регулирования информационных отношений и осуществляются в соответствии с международно-правовыми требованиями к обеспечению свободы слова и иных прав и законных интересов граждан в области производства, хранения и распространения информации.

В России интенсивное использование зарубежных технологий опережает реакцию законодателя, которому требуется время для адекватной регламентации в законах и иных нормативно-правовых актах отношений, возникающих в рассматриваемой сфере. Кроме того, очень важно разумно учитывать опыт других государств, которые значительно раньше приступили к освоению информационного пространства, в частности в борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий, и выработке системы эффективных правовых средств этой борьбы.

Законодательные инициативы на современном этапе должны затрагивать два основных направления регулирования в информационной деятельности общества: информационное экономическое право (регулирует порядок осуществления в информационной сети электронной экономической деятельности: электронной торговли, интернет-банкинга, электронного консалтинга, электронного рекламного, интернет-страхования и т. д.) и информационное гуманитарное право (регулирует порядок осуществления в информационной сети электронной гуманитарной деятельности по обеспечению государством реализации информационных прав физических лиц, в том числе путем создания и функционирования систем электронного администрирования).

Одним из направлений является внедрение и развитие так называемых систем электронного правительства (управления), которые существуют

более чем в 30 странах мира. На необходимость принятия соответствующей концепции и развития системы электронного правительства уже неоднократно указывалось в работах различных авторов, ведущих специалистов по информационному праву, и это возымело действие. Предполагается к 2017 году поэтапно выдать всем дееспособным гражданам России пластиковую карту, с помощью которой можно будет совершать большинство уведомительных, регистрационных и платежных операций через инфоматы. В рамках этой системы реализация прав граждан на оказание им публичных услуг осуществляется органами государства с помощью глобальных компьютерных сетей. В частности, уже сейчас граждане получают возможность через специальные сайты государственных органов в сети Интернет получать доступ к соответствующей публичной информации об их деятельности, обращаться с жалобами, направлять заявки на выдачу всевозможных справок, разрешений, оказание услуг социального характера. Указанная система должна способствовать упрощению диалога между обществом и властью, повышать эффективность и адресность государственного и муниципального управления.

Другим направлением выступает обеспечение государством информационных прав граждан, в том числе на свободный оборот незапрещенной (находящейся в открытом доступе) информации, ее сбор, обработку и распространение в электронной форме.

Необходимо также создание и совершенствование сетевого законодательства, регулирующего

сетевые безличные расчеты для подготовки перехода к электронным деньгам, сетевое взаимодействие для дистанционного заключения договоров, сетевое разрешение споров в виртуальных процессах и мн. др.

Приоритетным направлением развития законодательства Российской Федерации должна стать проблема охраны прав человека в условиях формирования информационного общества. Особое внимание следует уделять вопросам, недостаточно разработанным в законодательстве РФ: реализации права на информацию; формированию эффективной системы информирования общества и совершенствованию функционирования СМИ; совершенствованию законодательства в области предпринимательства, прежде всего в части новых видов деятельности, таких как электронная торговля, работа, обучение; дальнейшей либерализации рынков информационных продуктов, технологий и услуг, развитию конкуренции; защите персональной тайны; охране интеллектуальной собственности; улучшению доступа к информационным ресурсам по каналам телекоммуникаций и защите информации в сетях передачи данных.

Естественно, информация, превращаясь в основные ресурсы развития общества, должна быть защищена государством. Законодательство обязано стоять на страже интересов граждан, обеспечивать правовую защиту на всех уровнях взаимодействия в новых условиях жизнедеятельности информационного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гаврилов, О.А.** Курс правовой информатики [Текст]: учеб. для вузов / О.А. Гаврилов. — М.: Норма, 2000. — 197 с.
2. **Бачило, И.Л.** Информационное право [Текст]: учебник / И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин, М.А. Федотов; под ред. Б.Н. Топорнина. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. — 789 с.
3. **То же.** — Изд. 2-е, изм. и доп. — 2005. — 821 с.
4. **Копылов, В.А.** Информационное право [Текст]: учебник / В.А. Копылов. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2003. — 512 с.
5. **Наумов, В.Б.** Право и Интернет [Текст]: очерки теории и практики / В.Б. Наумов. — М.: Кн. дом «Университет», 2002. — 432 с.
6. **Снетков, В.Н.** Власть в обществе и информационная политика [Текст]: монография / В.Н. Снетков, А.В. Пономаренко. — СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001. — 247 с.
7. **Федотов, М.А.** Право массовой информации в Российской Федерации [Текст] / М.А. Федотов. — М.: Междунар. отношения, 2002. — 624 с.
8. **Юсупов, Р.М.** Научно-методические основы информатизации [Текст] / Р.М. Юсупов, В.П. Заболотский. — СПб.: Наука, 2000. — 455 с.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ТЕОРИЙ

Начиная с эпохи Петра Первого, когда стало очевидно катастрофическое отставание России от Европы, страна систематически предпринимает попытки модернизации. Настоящее время не является исключением. Сегодня Россия, достигнув точки бифуркации, напряженно вырабатывает возможные векторы модернизационного процесса. Государство и общественность, обсуждая стратегию модернизации, предлагают различные ее варианты. В 2003 году президент В.В. Путин обозначил стратегию национальной модернизации как достижение конкурентоспособности страны в мире. «Конкурентоспособным должно быть все — товары и услуги, технологии и идеи, бизнес и само государство, наука и культура...» [7, с. 8]. Таким образом, Путин имел в виду модернизацию в самом широком понимании.

В 2009 году президент Д.А. Медведев отметил, что технологическое отставание и зависимость России от сырьевого экспорта продолжают нарастать и в долгосрочной перспективе это ведет не только к падению уровня жизни граждан и упадку инфраструктуры, но и к прямой опасности потери обороноспособности страны в XXI веке. Конкретное проявление косности социально-экономической модели страны, по мнению президента, заключается, в частности, в том, что Россия сегодня по-прежнему полуаграрная страна, в которой значительная часть населения привязана к земле. Медведев видит в модернизации России в первую очередь обновление технологий и отраслей промышленности, а также формирование нового общественного консенсуса, исходящего из осознания необходимости перемен. Технологический прорыв планируется осуществить путем создания инновационной площадки «Сколково». Один из ее разработчиков В. Кульчицкий в интервью для газеты «Время» заявил, что «модернизация — это всегда один-единственный проект. В данном случае это создание российского инновационного центра, где будут разрабатываться новейшие технологии, формироваться инновационная

культура и реализовываться научная инициатива. Прецедент уже есть — это индийский “Бангалор”. Технологии позволят постепенно улучшить условия жизни людей» [1, с. 6]. Таким образом, официальная позиция относительно российской модернизации сводится к технологическому прорыву посредством создания единого центра инноваций.

Однако модернизацию нельзя ограничить только технологическими аспектами. Она предполагает качественные сдвиги во всех сферах жизни общества, тем самым выступая основанием универсального социального прогресса. Целью данной работы является анализ подходов к содержанию понятия «модернизация».

Термин «модернизация» (в переводе с английского — осовременивание) введен в научный оборот в середине 1950-х годов. Он относился к целой связке кумулятивных и взаимно усиливающихся социальных процессов, которые затрагивали все сферы жизнедеятельности, трансформировали ткань социальной структуры и влияли на социальные характеры и человеческие биографии (формирование капитала и мобилизация ресурсов, развитие производительных сил и повышение продуктивности труда, технологические изменения в организации производства и секуляризация норм и ценностей, урбанизация, изменение структур влияния и власти, форм политического принуждения и политической активности, формирование национальных идентичностей и развитие городских форм жизни и формального школьного образования, распространение индивидуализма и мотивации успеха, утверждение разума и науки и т. д. [13, с. 8]. Модернизация, таким образом, понималась как достижение современности, процесс превращения дотехнологического общества, по мере его трансформации, в общество, для которого характерны машинная технология, рациональные отношения, а также высокодифференцированные социальные структуры.

Одновременно в 50–60-х годах XX века в западной социальной науке начинает оформляться

и теория модернизации как результат осмысления сдвига от традиционного общества к инновационному, который был ускорен европейской мировой экспансией. Представители теории модернизации видели в ней инструмент для решения нескольких основных задач. Во-первых, в ее рамках происходило объяснение логики развития западной цивилизации от древней эпохи к современности — «модерну»; во-вторых, теория утверждала идею универсальности движения обществ в направлении современного состояния и, следовательно, в-третьих, в условиях послевоенного времени вопрос о перспективах развития мира модернизационная концепция решала вполне определенно: Запад оказался более эффективным, лидером мира и ориентиром для других обществ.

Идейные предпосылки теории модернизации обозначены в европейской социально-философской мысли XVIII—XIX веков (в работах Г. Гегеля, Г. Спенсера, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и др.). Так, Гегель использовал понятие модерна как понятие «новый мир». Этот мир открыт будущему, порождает новое из себя самого, непрерывно осуществляет обновление и разрыв с прошлым. Для модерна имеют действительное значение прогресс, эмансипация, развитие, революция [4, с. 6]. Модерн утвердил принципы новой жизни. Гегель относил к ним принцип субъективности. Она проявляла себя в индивидуализме, в праве на критику и автономию действия. Второй принцип — это актуальность настоящего, которому непозволительно искать самосознание в преодоленной эпохе. И, наконец, автономизация сфер знания, веры и вкуса. Модерн складывался в процессе общественной модернизации по мере того, как разрушалось староевропейское крестьянско-ремесленное пространство и обесценивался опыт предшествующих поколений [13, с. 17]. Ключевыми историческими событиями для осуществления модерна, с точки зрения Гегеля, были Реформация, Просвещение и Французская революция, направившие социальные ожидания на идею прогресса.

В работах по теории социальной эволюции Г. Спенсер анализировал взаимосвязанные процессы (возрастание интеграции, увеличение дифференциации и движение к определенности), способствовавшие переходу обществ

от простых к сложным и двойной сложности. Простые общества Спенсер охарактеризовал как военные с низким уровнем дифференциации, сложные общества и социумы двойной сложности, по мнению мыслителя, — это современные промышленные социальные организмы (общества модерна). Им свойственны дифференцированная социальная структура, разделение труда, отделение права от традиций и религии, демократичное и децентрализованное управление, рост сфер научного знания [12, с. 295]. Дифференциация и интеграция явились основными процессами, посредством которых происходило осовременивание обществ, т. е. модернизация.

М. Вебер связывал переход к модерну (современности) с возрастанием рационализации жизни. Под ней он понимал формализацию отношений, вытеснение аффективных действий, замену внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса, калькулируемость, т. е. учет количественных и качественных затрат на реализацию конкретных прагматических стратегий, повышение производительности труда с помощью научно обоснованного расчленения производственного процесса, способствующего устранению органического предела, установленного природой [3, с. 22–23, 40]. В качестве «рационального» он описывал также процесс демифологизации, который привел к распаду религиозных картин мира. По Веберу, внутреннее отношение между модерном и тем, что он называл рационализмом, было само собой разумеющимся. Вебер отмечал, что обмирщение культуры и институционализация целерационального хозяйственного и управленческого действия разрушали традиционные жизненные формы и формировали современные общества.

Модернизация жизненного мира определена не только структурами целевой рациональности. На взгляд Э. Дюркгейма, рационализированные жизненные миры создаются посредством: рефлексии традиций, утративших свою самобытность; универсализации норм действия; перехода от механической солидарности к органической, а также посредством образцов социализации, форсирующих индивидуацию подрастающего поколения. Это и есть тот образ

модерна и модернизации, который рисовали классики теории общества. Нетрудно увидеть, что теоретические корни концепции модернизации формировались на эмпирическом материале западных обществ. Модернизация рассматривалась как процесс, порожденный уникальными условиями европейской жизни, но в то же время делалась посылка переноса модерна в плоскость всемирно-исторической тенденции.

Представители модернизационной концепции 1950-х–1960-х годов продолжали разрабатывать «западную модель» модернизации. Значительный вклад в ее развитие внесли К. Керр, Т. Парсонс и др. Они рассматривали модернизацию как образец социального развития, связанный с контекстом западной цивилизации. Был провозглашен тезис о том, что современный тип общества возник в естественной эволюционной зоне – на Западе, представляющем собой часть Европы к северу от Средиземного моря. Именно западный христианский мир послужил отправной точкой, из которой «взяло начало то, что называется системой современных обществ» [9, с. 11–12].

Распространение системы современных обществ за пределы Европы осуществлялось либо путем колонизации, либо посредством заимствования западной модели. Об ее успешности свидетельствует тот факт, что современные европейские общества, осуществив модернизационный скачок, занявший несколько столетий, стали обладать наиболее высокой степенью адаптивной способности, что позволило им занять лидирующие позиции в мире. По замечанию Парсонса, в возрастании этой способности и заключается суть модернизационного процесса. Авторы, придерживающиеся «западной линии», видят в основании модернизационной магистрали несколько условий. К ним относятся христианство, феодальное общество, Ренессанс и Реформация. Христианство оказалось той религией, которая, возникнув, порвала с религиозно-этнической общиной. Христианином мог стать любой человек независимо от этнической и социальной принадлежности. Это имело решающее значение для утверждения принципа добровольной ассоциации, характеризующего современность. Следующим важным обстоятельством было то,

что церковная организация постепенно достигла высокой степени «бюрократической независимости» и институционально дифференцировалась. Институциональная дифференциация есть неотъемлемая черта современных обществ. Церковь стала совершенствовать христианскую догматику, опираясь на рациональную основу.

Римское правовое наследие и принцип ассоциации, находящийся в основе жизни городских общин, были «структурным мостом» к современности, а Ренессанс положил начало высокоразвитой секулярной культуре, опиравшейся на античные образцы и средневековую схоластику. Реформация стала радикальной культурной переменой. Она вывела на первый план индивидуалистический компонент христианства. За человеком, который стал рассматриваться как единое душевно-телесное существо, было закреплено право общаться с Богом без посредников. Это означало легитимацию личной моральной ответственности. Посредством такой трактовки модернизационных условий утверждался органичный, естественный характер западной модели модернизации. Органичность в данном контексте означала способность целого (европейского общества) порождать из себя свои собственные части и инновационные процессы.

Представители «западного» подхода, анализируя динамику модернизации, выделяют в ней ряд этапов. Первый, датируемый XVI–XVII веками, обозначил переход к ранней современности, характеризовавшейся началом процесса секуляризации и развитием рыночно-частнособственнических отношений. На втором этапе (XVIII век) промышленная и демократическая революции закрепили секуляризацию, институционализировали светскую культуру и дифференцировали экономическую и политическую системы. Основная фаза западной модернизации пришлась на XIX – начало XX века. В этот период экономика переживала технологические трансформации и усложнение рынков. Претерпевала изменения стратификационная модель, которая стала характеризоваться высокой степенью социальной мобильности. Происходило закрепление принципа добровольных ассоциаций, гражданственности, представительства власти и избирательных процедур. В результате западные общества

вступили в развитое состояние модерна. Новейший этап модернизации – XX век – отличался развитием академического комплекса и каналов применения научных разработок, принципом равенства возможностей [9, с. 144]. Ю. Хабермас отмечает, что на этом этапе прогрессивная общественная модернизация привела в действие функциональные законы экономики и государства, техники и науки, которые как бы соединились в единую систему [13, с. 8].

Таким образом, западная модернизация рассматривается не только как органический процесс, но и как первичный, т. е. выступающий в качестве образца. Это дает основание представителям концепции выделить другую модель модернизации, получившую название «вторичной», или «догоняющей», осуществляемой при наличии «эталона». Часто такая модернизация понимается как вестернизация, т. е. процесс заимствования (или насаждения) западноевропейской модели модернизации практически без учета специфики условий модернизирующейся страны, ее исторических традиций и культуры. В таком контексте модернизация представляет собой процесс вытеснения локальных, местных типов культуры и социальной организации «универсальными» (западными) формами современности. Вторичная модернизация нередко характеризуется «неорганичностью», так как она, не имея внутренних оснований, является вынужденным ответом на внешний вызов со стороны более развитых стран и совершается путем заимствования чужой технологии, приглашения специалистов, обучения за рубежом, инвестиций. Соответствующие изменения происходят в социальной и политической сферах: меняется система управления, вводятся новые социальные институты, меняется система ценностей и т. д. Неорганическая модернизация начинается не с культуры, а с экономики и политики. Иными словами, если органическая модернизация происходит «снизу», то неорганическая – «сверху».

Опираясь на противопоставление традиции («традиционное общество») и современности («современное общество»), классическая теория модернизации также закрепляет понимание модернизации как революционного процесса вытеснения традиции. Последняя, за

редким исключением, трактовалась как тормоз в истории, как исключительно консервативная сила, которая противостоит нововведениям и которую, следовательно, необходимо преодолеть и сломать с тем, чтобы обеспечить условия для внедрения всего нового [5, с. 3]. Революционный характер модернизации объяснялся тем, что переход от традиции к современности означал коренные, радикальные изменения в моделях социальной жизни, во всех без исключения областях человеческой мысли и поведения. Эти изменения являлись системными, глобальными, длительными и необратимыми, прогрессивными. Системность отражалась в том, что изменения в одной сфере обязательно вызывали изменения и в остальных сферах; глобальность связывалась с тем, что зародившись в Европе XV–XVI веков, модернизационный процесс с течением времени охватил все страны мира. Длительность полагалась как протяженность во времени модернизационного процесса, причем его темп рассматривался как ускоряющийся; необратимость означала, что направление изменений для всех типов обществ будет одним и тем же (идея единства общественной эволюции). Прогрессивное значение модернизации представители теории видели в том, что она способствует улучшению материального и культурного благосостояния человека и т. д.

Однако уже в 60-х–70-х годах XX века стала нарастать критика «западноцентристской» теории модернизации, постепенно подорвавшая большинство положений, выдвигавшихся в ней. Критика была направлена против дихотомии «традиция – современность». Причиной этому послужили успехи модернизации в Японии и в некоторых странах Восточной Азии, которые, не опираясь на западные образцы, осуществили модернизацию в рамках национальной традиции. В 1970-х годах критика идеи модернизации продолжалась как с эмпирической точки зрения, поскольку многие ее утверждения противоречили очевидным историческим фактам, так и в теоретическом плане. В первую очередь это было связано с тем, что оказались неудачными модернизационные процессы в странах третьего мира, несмотря на возможность заимствований с Запада. Отмечалось, что попытки модернизировать общество чаще всего не приводят к обещанным результатам. Масштабы

нищеты в отсталых странах увеличились, вместе с тем наблюдались и другие многочисленные побочные эффекты. Уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов нередко влекло за собой социальную дезорганизацию, хаос и аномию, рост девиантного поведения и преступности [5, с. 3]. Критики указывали на ошибочность прямого противопоставления традиции и современности и приводили примеры преимуществ в некоторых областях. Не только современные общества включают в себя многие традиционные элементы, но и традиционные общества нередко обладают чертами, обычно считающимися современными. Кроме того, модернизация способна усиливать традицию (С. Хантингтон, З. Бауман). Традиционные символы и формы лидерства могут оказаться жизненно важной частью ценностной системы, на которой основывается модернизация (Дж. Гасфилд). Такой взгляд на модернизацию позволил выявить ее характеры: *сплошной* и *частичный*. Суть частичной модернизации сводится к тому, что «формирование новых институтов и современных организационных принципов не обязательно приводит к целостному обновлению общества, а может даже сопровождаться укреплением традиционных систем через влияние новых форм организации [15, с. 473].

Оппоненты теории модернизации поставили под сомнение и строгую последовательность стадий модернизации: «Те, что пришли позднее, могут быстро модернизироваться благодаря революционным средствам, а также опыту и технологиям, которые они заимствуют у своих предшественников. Таким образом, весь процесс может быть сокращен. Предположение о строгой последовательности фаз (предварительное состояние, начальная фаза, переход к зрелости и т. п.), которые должны пройти все общества, похоже, ошибочно» (С. Хантингтон, Д. Белл).

Еще одним фокусом критики стала неспособность теории объяснить разнообразие переходных обществ, присущей им внутренней динамики, а также возможности самостоятельного развития современных дифференцированных политических и экономических комплексов. Ш.Эйзенштадт отмечает: «Критика привела к утверждению нескольких важных аспектов

вариативности институциональных сторон модернизации. Следует признать системную жизнеспособность переходных обществ» [15, с. 471]. Все это способствовало пересмотру концепции в направлении признания «мультилинейности» модернизации, т. е. такой ее модели, для которой характерно сохранение национальной культуры без жесткого навязывания обществу западных ценностей (А. Турен, Ш. Эйзенштадт и др.). Были выделены такие типы модернизации, как вестернизация без модернизации и модернизация без вестернизации (Египет, Филиппины), где модернизация происходит на основе национальных культурных ценностей (Япония, новые индустриальные страны). Сторонники мультилинейности отмечают, что реальный ход модернизации опроверг либерально-рационалистический универсализм, полагавший, что модернизация продвигается самим разумом, наукой, технологией, развитием системы образования. Но на смену приходит не партикуляризм — «вера в особый путь» для каждой страны, а синтез универсализма и партикуляризма. Поиски такого синтеза стали главной проблемой стратегии развития многих стран, поскольку нарушение равновесия между современностью и традиционностью ведет к неудаче преобразований и острым социальным конфликтам. По мнению Турена, судьба мира зависит от того, будет ли наведен мост между Разумом и культурами, современностью и национально-культурной идентичностью народов, между развитием как универсальной целью и культурой как ценностным выбором, экономическим развитием и социальными преобразованиями [5, с. 4].

С 80-х годов XX века интерес к теории модернизации усиливается в связи с распадом социалистической системы обществ и их переходом на капиталистический путь развития. В это время были выдвинуты «теория неомодернизации» (Э. Тирикьян), «теория постмодернизации» (Дж. Александер) и др. Пересмотренная модернизационная концепция с учетом опыта посткоммунистического мира видоизменила и смягчила свои ключевые понятия. С точки зрения неомодернизации модернизация рассматривается как исторически ограниченный процесс, узаконивающий институты и ценности современности:

демократию, рынок, образование, разумное администрирование, самодисциплину, трудовую этику и т. д. [14, с. 184]. Р. Инглхарт, отмечая в качестве ключевых аспектов модернизации индустриализацию, урбанизацию, рост профессиональной специализации и повышение уровней формального образования в любом обществе, считает, что в последние десятилетия зрелые индустриальные общества вышли в своем развитии на поворотную точку и стали двигаться в новом направлении, которое можно назвать «постмодернизацией». Согласно его мнению, постмодернизация меняет характер базовых норм политической, трудовой, религиозной, семейной, половой жизни. «И тем не менее этот термин имеет важное значение, — пишет он, — поскольку в нем заложен определенный концептуальный смысл, согласно которому процесс, называемый модернизацией, уже не является самым последним событием в современной истории человечества и социальные преобразования развиваются сегодня совершенно в ином направлении» [8, с. 268]. По мнению исследователей, постмодернизация предусматривает отказ от акцента на экономическую эффективность, бюрократические структуры власти и научный рационализм, которые были характерны для модернизации, и знаменует переход к более гуманному обществу, где самостоятельности, многообразию и самовыражению личности предоставляется большой простор.

В настоящее время немаловажное место в совокупности модернизационных теорий занимает теория экологической модернизации, зародившаяся в рамках социально-экологической традиции в 80-х годах XX века. В ней экологический фактор рассматривается как играющий определяющую роль в современном общественном развитии. Представитель данной теории Э. Гидденс полемизирует с теми, кто считает, что современное общество постмодернистское или другое «пост», что современная эпоха — это радикализованный или универсализированный модерн и за ним может последовать постмодерн, который будет нечто отличное от того, как его представляли ученые до Гидденса. Автор выделяет три основные черты, отличающие характер современного общества от досовременного: это во много раз возросшая скорость

изменения социальных процессов, особенно скорость изменения технологии; втягивание социально и информационно различных районов мира во взаимодействие друг с другом, что в конечном счете выразилось в процессе глобализации; изменение внутренней природы современных институтов [8, с. 101–122].

Согласно теориям экологической модернизации, изменение технологии и техники вызывает ускорение уже не только социальных процессов, но и экологических. Природа перестает быть естественной рамкой для социальных систем, т. е. больше не может рассматриваться как «окружающая среда», превращаясь в «сотворенную среду» обитания и жизнедеятельности человека. Современная эпоха приходит к «концу природы» в смысле, что она утрачивает свойство внешности по отношению к человеку и социуму, а все больше превращается в систему, структурированную человеком и подчиненную в своем развитии требованиям социальной организации и социального знания. Таким образом, согласно Гидденсу, в контексте позднего модерна разделение на естественную и социальную среды теряет смысл. Общество со всеми его системами — экономической, политической, семейной культурной — нельзя воспринимать автономным от среды. Экологические проблемы становятся не проблемами окружающей среды, в своем генезисе и последствиях это целиком общественные проблемы. Учитывая этот факт, современный модернизационный процесс должен стать управляемым и содержательно направленным на гармонизацию взаимодействия общества и природы.

Со второй половины 80-х годов XX века в научной литературе осуществляется корректировка концепции модернизации через негативный анализ этого процесса, что нашло отражение в появлении терминов «антимодернизация» и «рефлексивная модернизация». Первый означает открытое противодействие модернизации, второй — ее самоотрицание. Эти изменения связаны с утратой оптимизма в отношении результатов модерна. На его место приходят сдержанность и критические оценки современности. Она характеризуется неустойчивостью общества, возрастанием угроз, связанных с массовой безработицей, усилением

социального неравенства, «новой бедностью». «Складывающаяся социальная реальность является двойственной и противоречивой. Она сочетает в себе рост экономической эффективности и расширение слоя привилегированных, с другой стороны, экономическую стагнацию для непривилегированного большинства и ухудшение социально-экономического положения наименее защищенных [11, с. 4]. Ускоряется процесс отказа от идеалов и ценностей эпохи Просвещения. Становится очевидным, что прогресс разума не определяет прогресс человечества. В современном обществе человек становится ресурсом наравне с другими. Здоровая конкуренция превращается в экономическую войну, которая безжалостна к слабым.

Ряд исследователей (У. Бек, Ж. Бодрийяр, Ж. Женере) полагают, что наметившийся в обществе модерна раскол позволяет увидеть очертания новой эпохи общества – общества риска. Развитие технологий есть основной фактор перехода к нему. В процессе производства и использования технологий высвобождаются такие деструктивные силы, которые недоступны человеческому воображению. Они выступают в форме рисков, объективных и неподвластных человеку. «Они недоступны для непосредственного восприятия органами чувств. Риски скорее коренятся в химико-физических формулах (содержатся в пище в виде ядов, выступают как радиоактивная опасность). Они ведут к долговременным последствиям у растений, животных и человека» [2, с. 24–25]. Риски проявляются в нарастании социально опасных ситуаций. В данном случае под риском понимается производство глобального социального неравенства между лидерами и странами третьего мира. В обществе возникает социально-политический потенциал катастроф. Риски также связаны с логикой развития большого бизнеса. Он производит запросы, которые невозможно удовлетворить. И из этой бездонной бочки потребностей извлекается максимальная экономическая выгода, но для общества и человека это чревато перманентным чувством неудовлетворенности. Увеличение рисков свидетельствует о том, что модернизация изжила себя. Она переходит на логику рефлексии, т. е. становится сама для себя проблемой и аккумулирует в себе потенциал для

самоотрицания (теория рефлексивной модернизации). Модернизационный проект оказался исчерпанным. Главной чертой наступающей эпохи являются утрата определенности развития и плюрализм рисков.

Распространение модернизационных теорий в российской науке и политике относится к концу XX века. Это было во многом обусловлено тем, что значительный интеллектуальный сегмент отечественной общественной мысли был готов к их восприятию. В 1990-х годах был отменен марксизм, в том числе его составная часть – теория общественно-экономических формаций, но сохранились стиль мышления и методология однолинейного прогрессизма, поэтому модернизационная концепция легко вписалась в отечественный интеллектуальный контекст [7, с. 90]. В настоящее время с помощью теории модернизации, с одной стороны, объясняют российскую историю и современность, а с другой – в ней получают отражение различные политические проекты модернизации России.

Совокупность вопросов, связанных с проблемой модернизации, разрабатывается в современной отечественной науке и философии такими исследователями, как А.С. Ахиезер, А. Кара-Мурза, В.А. Красильников, В.И. Пантин, В.Г. Федорова, В. Хорос и др. Авторы используют понятие модернизации в самых разных значениях. В духе классической теории Красильников видит в модернизации всеобщий универсальный процесс обновления по западному образцу. Он отмечает, что модернизация – это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые сложились в обществе Западной Европы и США с XVII по XIX век. В социальной области – это разделение функциональных ролей и развитие формальных отношений, в экономике – применение технологий, научно-рационального знания, развитие рынков и углубление общественного и технического разделения труда и т. д. В политической сфере укрепляются принцип разделения властей, демократия, происходит включение широких масс в общественно-политическую жизнь [6, с. 40]. Модернизацию в странах второго эшелона (к которым относятся Россия, Турция, Греция и др.) автор характеризует как догоняющую. Ахиезер рассматривает

модернизацию как переход от традиционной цивилизации к либеральной. Содержание этого перехода он видит в преодолении системы воспроизводства на основе статичного образца и установлении принципа эффективной деятельности. Через дихотомию «статичность — динамика» и принцип раскола он рассматривает проблемы российской модернизации [10, с. 4]. В.Г. Федорова разрабатывает теорию национальной модели модернизации применительно к России. Она отмечает, что национальный проект модернизации предполагает три составляющие: освоение западных достижений (в первую очередь научно-технологических), решение собственных проблем своими методами и, главное, учет культурных особенностей и традиций в процессе осовременивания [7, с. 55].

Таким образом, анализ модернизационной концепции позволяет увидеть некоторые существенные перемены в развитии ее содержания, выделить этапы генезиса и обозначить возможности и перспективы самих модернизирующихся обществ. Неизменным остается тезис о том, что модернизация представляет собой постоянный поток изменений социальной реальности, охватывающий все сферы жизни общества

и означающий переход общества от состояния «домодерна» к модерну и к постмодерну. Модернизация может происходить как в форме постепенного изменения, так и в форме скачка. Она не ведет автоматически к однородности обществ и не носит характер одновременности, но предполагает вариативность модернизационных моделей. Плюрализм вариантов свидетельствует о невозможности механического воспроизведения опыта развитых обществ. Здесь немаловажную роль играет внутренний потенциал модернизируемого общества. Примером может послужить успешный опыт модернизации Японии и «новых индустриальных стран», которые заставили заговорить о «модернизации без вестернизации» и о «модернизации на почве собственных национальных традиций». Успех модернизации зависит, таким образом, не от интенсивности реформ или заимствований, которые порой пересаживаются на традиционную почву, еще не готовую их воспринять, а от формирования структурированного синтеза смыслов, ценностей, норм и институтов, в котором возможно конструктивное взаимодействие традиционных и современных, эндогенных и заимствованных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Анненков, А.** «Сколково» — закваска для модернизации [Текст] / А. Анненков // *Время*. — 2010. — 14 июля.
2. **Бек, У.** На пути к другому модерну. Общество риска [Текст] / У. Бек. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
3. **Вебер, М.** Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер // *Избр. произв.* — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
4. **Гегель, Г.В.Ф.** Феноменология духа [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. — СПб.: Наука, 1992. — 444 с.
5. **Ермаханова, С.А.** Теория модернизации: история и современность [Электронный ресурс] / С.А. Ермаханова. — Режим доступа: <http://www.econom.nsc.ru>
6. **Красильников, В.Ф.** Модернизация и Россия на пороге XXI века [Текст] / В.Ф. Красильников // *Вопр. филос.* — 1993. — № 7.
7. **Модернизация России и Европа** [Текст]: сб. мат./ под ред. С.В. Картунова. Т. 1. — Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005. — 368 с.
8. **Новая** постиндустриальная волна на Западе [Текст]: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — 640 с.
9. **Парсонс, Т.** Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс. — М.: Аспект Пресс, 1997. — 270 с.
10. **Российская** модернизация: проблемы и перспективы [Текст]: мат. «круглого стола» // *Вопр. филос.* — 1993. — № 7.
11. **Силичев, Д.А.** Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну [Текст] / Д.А. Силичев // *Там же*. — 2005. — № 7.
12. **Спенсер, Г.** Синтетическая философия [Текст] / Г. Спенсер. — Киев: Ника-Центр, 1997. — 512 с.
13. **Хабермас, Ю.** Философский дискурс о модерне [Текст] / Ю. Хабермас. — М.: Весь мир, 2008. — 416 с.
14. **Штомпка, П.** Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 416 с.
15. **Эйзенштадт, Ш.** Новая парадигма модернизации [Текст] / Ш. Эйзенштадт // *Сравнит. изучение цивилизаций: хрестоматия*. — М., 1998.

ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛЬНЫХ СТРАН В БОРЬБЕ ЗА ЭНЕРГОРЕСУРСЫ В XXI ВЕКЕ

Понятие «нейтралитет» претерпело ряд изменений, продиктованных требованиями времени. Нынешний век уже можно назвать веком сетевых войн. Основой сетевого принципа являются обмен информацией, ее обработка, расширение, распределение и усовершенствование форм производства информации. «Сеть» представляет собой новое пространство – информационное, – в котором разворачиваются стратегические операции во всех областях человеческой жизни: в политике, экономике, науке, культуре, СМИ и т. д. Формирование общественного мнения, те или иные дипломатические шаги, экономические процессы и социальные трансформации – это лишь некоторые примеры элементов «сети». Между элементами должен происходить постоянный информационный обмен [1].

Примером широкого использования сетецентрического принципа может служить политика США. Первый раз американцы применили стратегию ведения сетевых войн в Югославии, а потом использовали ее и в Ираке. США оказались сильнее противников не только из-за военного превосходства, но и благодаря эффективному сбору, обмену и использованию информации (например, вычисление и уничтожение главных пунктов управления и объектов инфраструктуры), привлечению армий других государств. Естественно, сетевые войны не могли не затронуть нейтральные государства. Какие же изменения претерпела нейтральная политика в эпоху сетевых войн?

Нейтральным всегда считалось государство, ни под каким предлогом не участвующее в военных действиях, не имеющее права прямым или косвенным путем помогать той или иной воюющей стороне. Важен тот факт, что по мере развития международных отношений понятие «нейтралитет» расширялось. К неучастию в военных действиях добавилось следующее:

- экономическая и политическая беспристрастность как к одной, так и к другой воюющей стороне, а позже – и к участникам разных политических блоков или международных организаций;

- невозможность предпринимать какие-либо шаги, дающие преимущества только одной стороне;

- нахождение под влиянием определенного государства (политическим, экономическим и др.), целенаправленное отстаивание интересов определенного государства или союза.

Всемирная история полна примерами нарушения нейтральными государствами политики нейтралитета. В силу определенных причин нейтральной стране приходится от него отступить (когда возникает угроза для территориальной целостности такой страны, когда нет возможности дать отпор государству, заинтересованному в сотрудничестве или использовании ресурсов нейтрала, и т. д.). Примером может служить нейтральная политика Швеции во время Второй мировой войны. Шведы были вынуждены планомерно отступать от нейтралитета, потому что они находились в тисках между фашистской Германией и союзническими силами.

Надо отметить, что шведы трепетно относятся к своей политике нейтралитета. Их можно понять: благодаря политике укрепления мира, которую последовательно проводил король Карл XIV Юхан в начале XIX века и которая стала основой шведского нейтралитета, Швеция вышла из многочисленных войн, оказывавших на нее губительное воздействие, особенно на экономику страны. Теоретически шведы вот уже около двух столетий соблюдают нейтралитет, и Швеция занимает одно из первых мест в мире по уровню социального, экономического и политического развития. На практике шведы регулярно отступают от нейтральной позиции. Мы не будем углубляться в историю (например, вспоминать советско-финскую войну 1939–1940 годов, когда Швеция

осуществляла секретные поставки оружия и отправляла шведских добровольцев на войну с коммунистами), рассмотрим примеры отступления от политики нейтралитета стран-нейтралов в наше время [2].

К наиболее распространенным причинам нарушения нейтралитета относятся: боязнь инородного вторжения, экономическая составляющая, давление сверхдержавы и, конечно же, политическая, экономическая и социальная выгоды. Очень часто при разговоре об отступлении стран-нейтралов от своей политики можно услышать: «А что же нейтральному государству делать, когда его территориальная целостность находится под угрозой?».

Современный мир считается цивилизованным. Естественно, не все страны на нашей планете можно назвать цивилизованными, а вот Швеция, Австрия, Швейцария относятся именно к таким странам. Швеция пользуется огромным уважением на международной арене. Представить себе, что этому государству будет угрожать военное вторжение, очень сложно, но, несмотря на это, Швеция наряду с другими нейтральными государствами продолжает отступать от нейтралитета, идя на поводу у других государств. Почему? Существуют три возможные причины:

- экономическая выгода,
- политическая игра,
- исторически обоснованное враждебное отношение к тому или иному государству.

Последняя из перечисленных причин маловероятна, поскольку Швеция или Швейцария не имеют злейших врагов, как, например, Палестина или Египет, именно так воспринимающие Израиль. А вот на первые две причины стоит обратить пристальное внимание. Особенно интересно поведение нейтральных стран в рамках российско-американских отношений. Хотя все СМИ сообщают о «перезагрузке» отношений между Россией и США, на практике дела обстоят иначе. Противостояние продолжается. Пусть военная составляющая отошла в данный момент на второй план (планируемое сокращение ядерных боеголовок), но резко обострилась другая проблема — обладание мировыми запасами нефти и газа. Проблему нефти США решают целенаправленно. Вторжение в Ирак — это не что иное, как захват нефтяных

месторождений данной страны. Американские запасы нефти остаются нетронутыми, сами американцы говорят, что начнут использовать свое топливо только тогда, когда кончится нефть на всей планете. Саудовская Аравия также является проамериканским государством. Так что с нефтью у США проблем нет, по крайней мере на данном этапе, и жесткому контролю со стороны США за «черным золотом» никто не может помешать [3].

Совершенно иной представляется ситуация с природным газом. Известно, что 56,4 % мировых запасов газа расположено в России, Иране и Катаре (на первом месте по запасам Россия, на втором — Иран). Данные страны не находятся под влиянием США. Сразу становится понятным, почему американцы с упорством добиваются санкций против Ирана. Возможно, они не против ввести туда войска для контроля газовых месторождений. США вовсе не озабочены проблемой человечества в связи с ядерной программой Тегерана, их волнует проблема газа. На данном этапе США не могут держать под контролем мировые газовые потоки, обладание иранскими запасами газа даст американцам большие возможности для скорейшего достижения цели — доминирования на газовом рынке [4].

В 2006–2007 годах духовный лидер Ирана аятолла Али Хосейни Хаменеи предложил России создать «газовую ОПЕК» (ОПЕК — организация стран — экспортеров нефти). Реакция США и Евросоюза последовала незамедлительно. Они заявили, что создание «газовой ОПЕК» поставит под угрозу энергетическую безопасность всего мира и позволит манипулировать ценами. Несмотря на это, 21 октября 2008 года министр нефти Ирана Голямхосейн Нозари заявил, что Россия, Иран и Катар согласовали условия создания «газовой ОПЕК»: «В ходе встречи мы приняли важные решения. Существует потребность в создании “газовой ОПЕК”, и теперь достигнуто соглашение о ее создании» [Там же].

Понимая, что США проигрывают «газовую войну», американское правительство принимает решение противодействовать:

- 1) созданию «газовой ОПЕК»;
- 2) независимому экспорту газа из России и Ирана;

3) появлению российских и иранских газовых компаний в других «газовых» странах;

4) дружбе между Москвой и Тегераном.

Остановим свое внимание на втором и третьем пунктах, потому что именно в этих политических и экономических вопросах принимают участие нейтральные государства. Известно, что транспортировка газа традиционно происходит по трубопроводам. Россия планирует построить два газопровода — «Южный поток» (South Stream) и «Северный поток» (Nord Stream), который должен заработать в 2011 году. «Северный поток» пройдет по дну Балтийского моря из Выборга в немецкий город Грайсвальд, а «Южный поток» — по дну Черного моря из Новороссийска в болгарский порт Варна, причем у него будут два ответвления, идущие через Балканский полуостров в Австрию и Италию. Надо отметить, что точный путь пролегания газопровода «Южный поток» еще не утвержден, поскольку в реализации проекта возникли определенные трудности, связанные с транзитом газа. Австрия, по территории которой должны были проходить трубы из Сербии и Венгрии, отказалась прокладывать газопровод по причине строительства на ее территории альтернативного газопровода «Набукко» — детища США. Его планируемый маршрут таков: Ахыбоз (неподалеку от Анкары) — турецкий город Эрзурум — австрийский город Бумгартен. Отсюда и проблемы «Газпрома» с несговорчивой Австрией. На два трубопровода газа не хватит. Австрийцы сделали свой выбор, теперь их задача всячески мешать российскому проекту и помогать альтернативному, что они успешно и делают. Отметим, что Австрия с 1955 года придерживается политики постоянного нейтралитета. Однако глава ОАО «Газпром» А. Миллер нашел выход из сложившейся ситуации, официально заручившись поддержкой Словении. Теперь газ может пойти по ее территории [3].

Запад тормозил и процесс строительства газопровода «Северный поток». Вспомним историю данного вопроса. Соглашение о строительстве «Северного потока» подписано в сентябре 2005 года. Общая протяженность трассы 1220 километров, максимальная глубина 210 метров, проектная мощность 55 млрд кубометров газа в год. Начало поставки газа предположительно 2011 год. Объем инвестиций

(на июль 2009-го) составил 7,5 млрд долларов. Акционеры консорциума «Северный поток»: «Газпром» (Россия), «Wintershall Holding AG» (Германия), «E.ON Ruhrgas AG» (Германия), «N.V. Nederlandse Gasunie» (Нидерланды). В состав комитета акционеров входят топ-менеджеры от каждого учредителя. Председателем комитета акционеров является Герхард Шредер, бывший канцлер ФРГ [5].

Финляндия, изучив проект, попросила сдвинуть трубу ближе к эстонскому берегу, ссылаясь на то, что там дно ровнее. Эстония категорически отказала России, заявив, что «ущерб, который исследования могут нанести Эстонии в области добычи полезных ископаемых на шельфе, будет фатальным». В конце концов финны согласились договариваться с Россией, если последняя снизит до минимума риск причинения ущерба экологии. Но тут вмешалась Польша со своим давнишним спором с Данией о морской границе между двумя государствами в районе Борнхольм. В 2005 году президент Польской Республики А. Квасьневский и Польский сейм сделали заявление, что североευропейский газопровод угрожает экологической безопасности и независимости Польши. Тогда начались переговоры о трубопроводе со Швецией, но у шведского правительства сразу же встал тот же вопрос защиты экологии. Шведы утверждали, что газопровод может причинить огромный урон фауне Балтийского моря [6].

Будем откровенны: над Балтийским морем нависла угроза экологической катастрофы. Отголоски Второй мировой войны (погребенные на дне моря разлагающиеся боеприпасы и тонны химического оружия Третьего рейха), промышленные отходы (накопление тяжелых металлов) сделали свое дело. Прокладывать трубопровод под водой тяжело и опасно. Но почему шведское правительство одобрило строительство 500-километрового подводного газопровода между западным побережьем Швеции и Норвегией? Никаких экологических протестов не возникало. Не приходится сомневаться в том, что «Газпром» не пожалел бы денег на безопасность проекта «Северный поток». Безусловно, у государственной российской компании хватит опыта и средств для того, чтобы создать идеальные условия для своего мегапроекта, который будет приносить огромную прибыль, при

удачном стечении обстоятельств. Одобрение шведским правительством проекта строительства трубопровода между Швецией и Норвегией можно объяснить тем фактом, что эти страны исторически имеют много общего и тесно связаны друг с другом как в политическом, так и в экономическом плане. Культурный и психологический факторы иногда влияют на принятие политических решений. Россия является для Швеции интересным и привлекательным партнером, особенно в сфере экономики. Если бы Швеция дала разрешение на строительство газопровода «Северный поток» по дну Балтийского моря, то она получила бы экономические и политические преимущества, несмотря на то что на официальном сайте ОАО «Газпром» заявлял, что у «Северного потока» нет транзитных государств (т. е. Россия не будет платить за использование территорий других государств, по которым пройдет трубопровод). Но Швеция его не дала. Может быть, шведские парламентарии надеялись на сотрудничество с Россией в решении проблем экологии Балтийского моря?

Россия предлагала пути решения этих проблем. Например, А. Ефремов, соучредитель организации «Эко-Балт», выступил с предложением построить на безлюдном острове Мощный (в 30 километрах от западной части Финского залива, в районе Лужской губы) специальный завод по переработке химического оружия, который находился бы под постоянным контролем всех экологов Европы. Но воплощением этой идеи, как и других, никто не занимался и не занимается, потому что это не принесет прибыли. Другое дело газ. Так думали российские компании и большинство политических сил в России. Можно с уверенностью сказать, что шведы не разделяли данной позиции, они были заинтересованы в переработке отходов. Шведы видели бездействие российской стороны по общему решению проблем Балтийского региона и ее чрезвычайный интерес к строительству газопровода. Почему они должны были идти нам на уступки, когда мы сами не хотели этого делать? [6].

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что Швеция не соблюдала нейтралитета в газовом вопросе. Нейтральная страна должна подходить к решению международных вопросов объективно, индивидуально и комплексно

одновременно, чтобы ничто не влияло на принятие окончательного решения. Но к действиям шведского правительства можно относиться по-разному. В нашем случае строительство газопровода по дну Балтийского моря было экономически выгодно Швеции, но, несмотря на это, она дала отрицательный ответ, тем самым затягивая его строительство. Данной ситуацией пользовалось правительство США, играя на противоречиях, возникших между странами, и затягивая реализацию проекта.

На XXIV Мировом газовом конгрессе в Буэнос-Айресе в начале октября 2009 года генеральный директор одного из партнеров проекта «E.ON Ruhrgas» (немецкая компания-дистрибьютор природного газа) Б. Ройтерсберг заявил, что проект газопровода «Северный поток» к концу октября получит первое одобрение, а к концу года — все необходимые разрешения. Ожидают разрешения на строительство газопровода от Финляндии, Швеции, Дании, Германии. Как известно, проблема была решена в указанные сроки, после улаживания спорных вопросов с Финляндией и Швецией [7].

В заключение хочется отметить, что затягивание с подписанием документов в данном случае — это не просто прихоть, а ведение политики в угоду США. Страны, вовлеченные в процесс принятия тех или иных решений по строительству газопровода, включая нейтральную Швецию:

а) ожидали каких-то новых предложений или привилегий от России за возможность прокладки трубопровода;

б) специально затягивали процесс ради собственной выгоды либо под влиянием другого государства (США). Не исключается и закулисная договоренность этих стран с американцами о всяческом торможении проекта;

в) действительно были озабочены экологическими проблемами Балтийского региона.

Только последний пункт соответствует политике нейтралитета. По нашему мнению, все три фактора взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Любая страна заинтересована в получении наибольшей выгоды, особенно когда речь идет о газе или нефти. Нейтральные страны — не исключение. Россия является уникальным поставщиком газа для Европы,

сейчас ее единственный конкурент — это американский проект «Набукко». Российский и американский проекты борются между собой

за «место под солнцем», и нейтральные страны играют не последнюю роль в определении победителя в этой борьбе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дугин, А.Г.** Геополитика постмодерна. Времена новых империй [Текст]: очерки геополитики XXI века / А.Г. Дугин. — СПб.: Амфора, 2007. — 382 с.

2. **Нарочницкая, Н.А.** Россия и русские в современном мире [Текст] / Н.А. Нарочницкая. — М.: Алгоритм, 2009. — 416 с.

3. **Стариков, Н.** Кризис. Как это делается [Текст] / Н. Стариков. — СПб.: Питер, 2009. — 302 с.

4. **Сообщения** российских информационных агентств об основных событиях в стране и за рубежом [Электронный ресурс] // Сайт Совета Безопасности РФ. — 2007. — 28 января. — Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/news/151.html> (дата обращения 17.07.2010).

5. **Начато** строительство газопровода «Северный поток» [Электронный ресурс]: релиз // Официальный сайт ОАО «Газпром». — 2010. — 9 апреля. — Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/press/news/2010/april/article97229/> (дата обращения 17.07.2010).

6. **Донсков, Н.** Балтийское море — море смерти [Электронный ресурс] / Н. Донсков // Официальный сайт газ. «Новая газ.». — 2002. — 18 апреля. — Режим доступа: <http://2002.novayagazeta.ru/number/2002/28n/p28n-s00.shtml> (дата обращения 15.07.2010).

7. **Челпанова, М.** Европа просит «Газпром» сократить поставки газа — ответа пока нет [Электронный ресурс] / М. Челпанова // Сайт холдинга «Финам». — 2009. — 9 октября. — Режим доступа: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts00F2D/> (дата обращения 19.07.2010).

УДК 911.3.33

А.С. Матвеевская

СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА: ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ

Быстро растущая и принимающая все новые формы миграция населения — результат глобализации. Обострение межнациональных конфликтов, распад Советского Союза, разительные перемены в социально-политическом устройстве стран Восточной Европы, стремление граждан слаборазвитых стран найти лучшие условия для жизни также привели к заметной интенсификации миграционных потоков. Процессы, связанные с миграцией, оказывают влияние как на самих мигрантов, так и на население принимающих государств. Это отражается в динамике культурных и демократических устоев, изменениях национальной идентичности, на внутренней и внешней политике стран.

Неоднозначно влияет миграция населения на экономику и, особенно, на социальные изменения. Возрастание иммиграционных потоков за последние пятьдесят лет обусловило появление обществ с большим культурным и этническим разнообразием. В то же время процессы

миграции имеют значение и для государств, утрачивающих часть своего населения. С одной стороны, в них происходит смена социального устройства общества, так как в связи с отъездом молодых, наиболее здоровых, профессионально подготовленных граждан возникают дефицит трудовых ресурсов, деформация половозрастной структуры населения, с другой — доходы, посылаемые эмигрантами на родину, дают средства для развития национальных экономик этих стран.

Некоторые проблемы, связанные с миграцией населения, носят глобальный характер, иные имеют региональные особенности. К первым можно отнести интенсивную глобализацию экономики, различия в режимах демографического воспроизводства населения, усиливающуюся поляризацию жизненного уровня в развитых и развивающихся странах. Миграционные проблемы на региональном уровне характеризуются различиями в социальных,

политических свободах коренного населения и иностранцев, возможными политическими и гражданскими конфликтами, разницей в степени занятости трудоспособного населения и ростом уровня безработицы.

Правительства стран, принимая управленческие решения в области миграции, пытаются прежде всего соблюсти интересы государства и его граждан. Принятие Шенгенского соглашения (отмена внутриевропейских виз), введение единой европейской денежной единицы, создание условий свободного перемещения рабочей силы в рамках европейского пространства лишь этапы регулирования процесса миграции в Евросоюзе. Европейские государства осознали необходимость обсуждения, утверждения и практического применения общей иммиграционной политики в Евросоюзе. Один из ее основных принципов – достижение баланса между интересами государства и правами мигранта как личности и экономического индивида.

Северная Европа как регион Старого Света обладает значительным опытом по отправлению и приему мигрантов. В Скандинавских странах (Швеции, Дании, Норвегии, Исландии), а также в Финляндии в настоящее время проявляются как общеевропейские особенности миграционных процессов, так и особенности, свойственные региону и каждой стране в отдельности.

За последние полтора-два десятилетия Северная Европа вошла в число европейских, а в ряде случаев и мировых лидеров по многим показателям: уровню развития экономики, конкурентоспособности, развитию информационных технологий, науки и образования, уровню развития демократических институтов, социальной и правовой обеспеченности населения, борьбы с коррупцией, отсутствию криминализации общества. Северная Европа – регион с отлаженной системой социальной защиты, привлекающий внимание людей, ищущих новое место проживания в надежде обрести мир, работу и социальный комфорт.

С 50-х годов XX века страны Северной Европы превращаются из государств эмигрирующего населения в государства, принимающие иммигрантов и беженцев, и становятся мультиэтническими сообществами. Из Норвегии и Швеции в поисках лучшей жизни за океан уехало наибольшее число коренных жителей по сравнению с соседними странами: общая численность переселенцев из каждой из этих двух стран за столет (с 1830-х по 1930-е годы) превысила 1 млн граждан. По соотношению доли мигрирующих к общему числу жителей Норвегия и Швеция уступали лишь Британским островам.

Динамика изменения численности населения в странах Северного региона в течение одного года показана в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Изменение численности населения в Северных странах с 2008 по 2009 год, тыс. чел. [5, с. 152, 187]

Показатель	Дания	Фарерские о-ва	Гренландия	Финляндия	Аландские о-ва	Исландия	Норвегия	Швеция
Численность населения на 1 января 2008 года	5 472	48,3	56,6	5 300	27,1	315,4	4 737	9 182
иммигранты	72,7	1,6	2,4	29,1	0,9	10,2	66,9	101,1
эмигранты	43,5	1,5	3,0	13,6	0,7	9,1	23,6	45,3
чистая миграция	29,6	0,1	-0,6	15,5	0,2	1,1	43,3	55,9
Численность населения на 1 января 2009 года	5 511	48,8	56,5	5 326	27,4	319,4	4 799	9 256

В настоящее время общая численность населения Северных стран составляет 25,4 млн человек, или 0,4 % населения мира. По данным Центрального статистического бюро, в Норвегии сегодня проживает около 126 тыс. человек с иностранными корнями, 70 % из них – выходцы из неевропейских стран. В Дании лица иностранного происхождения составляют около 8,4 % населения, в Швеции – 12 % (с учетом детей, рожденных иммигрантами, около 20 %). В Финляндии иммигранты составляют 1,9 % населения, это самый низкий показатель в странах ЕС [5].

В табл. 2 приведены данные о национальности и количестве иммигрантов, въехавших в страны Северного региона в 2009 году.

Такие стремительные перемены в составе населения привели к затруднениям во взаимопонимании коренного населения и иммигрантов. Процесс интеграции переселенцев – актуальная проблема для иммиграционной политики

этих стран. Коренное население Северных государств испытывает естественный страх перед потоком иммигрантов, опасаясь со временем потерять свою национальную идентичность. Значительное количество иммигрантов, которым государства из практических соображений предоставляют недорогое жилье в определенных городских районах и пригородах, живет своими общинами и не стремится к общению с местным населением. Не удивительно, что многим из них так и не удается интегрироваться в общества стран с их устойчивыми традициями.

Изменился и сам характер иммиграции: если более двух десятилетий назад превалировала иммиграция рабочей силы, то в последнее время это в основном беженцы, ищущие защиты от катаклизмов, происходящих на их родине. Перемена привычной жизни, низкий уровень образования, трудности с трудоустройством осложняют процесс интеграции переселенцев

Таблица 2

Национальный состав и количество иммигрантов, прибывших в Северные страны в 2009 году, тыс. чел. [5, с. 112]

Страна происхождения	Дания	Фарерские о-ва	Гренландия	Финляндия, Аландские о-ва	Исландия	Норвегия	Швеция
Дания	–	1 131	2 114	510	1 719	4 519	10 001
Фарерские о-ва.	1 211	–	75	4	85	88	–
Гренландия	2 870	39	–	1	39	46	–
Финляндия	1 034	3	10	–	83	1 407	5 215
Исландия	3 273	107	106	74	–	681	1 018
Норвегия	5 060	64	44	759	285	–	7 372
Швеция	7 312	32	73	4 660	456	13 409	–
Страны Балтийского региона	4 507	12	8	6 784	1 421	8 021	4 130
Польша	17 053	67	70	1 137	7 776	28 593	13 837
Другие страны Европы	44 224	212	251	17 563	3 774	31 224	51 236
Америка	10 364	46	53	2 342	868	6 030	10 527
Африка	3 580	48	2	4 324	193	7 936	18 802
Азия	19 948	37	53	10 211	989	22 017	60 342
Океания	1 844	13	6	406	60	810	1 384
Не известно	521	1	20	396	11	1 001	1 243
ВСЕГО	122 801	1 812	2 885	49 020	17 759	125 782	184 489

в новое сообщество. По мнению некоторых исследователей, растущее число иммигрантов угрожает безработицей. Лица иностранного происхождения представляют серьезную конкуренцию на рынке труда, отбирая у населения рабочие места. Но самым важным фактором интеграции переселенцев является нагрузка на систему социального обеспечения, поскольку общества благосостояния рассматриваемых стран основаны на принципах эгалитаризма. Эти принципы предполагают равные возможности для коренного населения и приезжих в получении социальных благ. В период рабочей миграции 1960-х годов иностранные граждане исправно платили налоги, которые приносили в казну значительные средства. Сегодня ситуация изменилась. Так, например, в 1970 году Швеция получила 6 млн крон от налогов, взимаемых с иммигрантов. В настоящее время сумма выплат пособий иностранным гражданам в связи с безработицей и в виде социальной помощи составляет 20 млн крон ежегодно [4].

Политика любого государства в области миграции должна максимально учитывать количественные ориентиры. Эти данные дают возможность определить цели и направления по регулированию миграционных потоков, оценить результаты предпринимаемых шагов, обосновать материальные затраты государства. В каждой стране Северной Европы существует своя система сбора, анализа и оценки данных по миграции, которая основывается на специфических пространственно-временных критериях и соответствующих законодательных актах. Такие системы обусловлены целым рядом конкретно-исторических причин экономического и политического порядка.

Эффективность функционирования систем сбора данных по миграции населения оценивается по ряду критериев: доступность различных источников, применяемые на практике учетные категории мигрантов, степень отражения проблемы в национальной законодательной базе, объем и структура анализируемой информации и т. д. [1]. Система, применяемая в странах Северной Европы, является одной из эффективных методик сбора данных о миграции. Эта система основана на так называемых централизованных регистрах населения, которые ведут учет миграции в государстве. Регистры в своей

деятельности опираются на разработанную и постоянно обновляемую законодательную базу, сотрудничество между статистическими и административными органами. Центральные регистры населения в Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции были учреждены в период с 1964 по 1969 год, и уже с начала 1970-х годов их данные используются для статистики. История становления регистров, а также исторически сложившиеся тесные связи внутри региона подтолкнули правительства данных государств к организации совместного использования информационных ресурсов регистров Северных стран.

Данные Центральных регистров населения в Швеции (Registret over totalbefolkningen) и Дании (Det Centrale Person Register, Central Population register), Иммиграционного управления Норвегии (Directorate of Immigration), Управления по иммиграции в Финляндии являются источником для статистического изучения населения. Работа регистров ведется в настоящее время на двух уровнях: общем и муниципальном [6].

Центральный регистр с местными офисами гражданской регистрации включает базовый объединяющий показатель — PIN-код. Данные регистра используются во всех административных целях: выборы, налоги, здравоохранение, образование. В регистре учитываются иммиграция и эмиграция, иностранное население по гражданству и месту рождения. Иммигранты оформляются в регистре, прожив в стране более года.

Современная форма регистров населения онлайн в Скандинавских странах и Финляндии предоставляет новые возможности для исследования процесса миграции. Накапливаемые данные позволяют получать информацию о целых поколениях мигрантов. Помимо регистров, непосредственно собирающих информацию о переселенцах, используются и другие источники информации. Повсеместно практикуется такая распространенная форма получения данных, как анкетирование. В последнее время проводятся исследования по отдельным группам мигрантов (например, уточняется число мигрантов-учащихся и т. д.) [4].

В странах Северной Европы еще раньше, чем в Европейском союзе, возникла необходимость

свободного передвижения трудовых ресурсов в регионе. С 1954 года здесь функционирует общескандинавский рынок труда, охватывающий в настоящее время все пять стран региона. Его жители имеют право работать в любой из Скандинавских стран без получения предварительного разрешения от властей. Центром «притяжения» на этом рынке труда и главным импортером рабочей силы, безусловно, является Швеция.

Королевство Швеция предоставило иностранцам право свободного передвижения с 1 мая 2004 года (после расширения ЕС), в то время как другие страны приняли различные правила временного регулирования. Исландия и Финляндия отменили данное регулирование с 1 мая 2006 года. Дания и Норвегия сохраняют свою либеральную направленность, обеспечивая право иностранцев на получение вида на жительство и социальное обеспечение, если они смогли найти здесь работу [2].

Резкое увеличение количества иммигрантов, рост числа беженцев среди них привели к напряженности в области иммиграционной политики. Механизмы, действовавшие в условиях относительно небольших потоков иммиграции, перестали быть эффективными. Начиная с 1970-х годов политика Северных государств по отношению к иммигрантам становится все более ограничительной. В настоящее время страны принимают только беженцев и въезжающих для воссоединения с семьей.

Несмотря на все усилия правительств, проблемы иммигрантов все более волнуют рядовых избирателей, растут националистические настроения. Партии, провозглашающие националистические лозунги, становятся все более популярными. Подобные партии – Партия прогресса (Норвегия), Датская народная партия – не только представлены в парламенте, но и имеют успех у избирателей. Например, Партия прогресса на выборах 2005 года увеличила число мандатов с 26 до 38. В Швеции националистические партии пока не так сильны и не представлены в парламенте. Партия «Шведские демократы» не преодолела 4%-й барьер на парламентских выборах 2006 года, хотя добилась значительных успехов, набрав 3 % голосов, а на муниципальных выборах в некоторых коммунах – до 20 %, что очень настораживает общественность

и политиков [3]. В Швеции националистические настроения выражены гораздо слабее, чем в других Северных государствах, по крайней мере, они не проявляются столь открыто.

Таким образом, хотя страны Северной Европы имеют множество общих проблем в сфере иммиграционной политики, в каждой из них существуют свои собственные. Это связано не только с малочисленностью населения таких стран, как Норвегия, Дания, Финляндия, Исландия, по сравнению со Швецией, но и с различием политических культур, исторических традиций в государствах, расстановкой там политических сил. Стремление к компромиссу, сохранение нейтралитета у шведов, являющиеся отражением длительного периода неучастия в войнах и благосостояния, наложили отпечаток и на иммиграционную политику. Различные программы, широко обсуждаемые и принимаемые властями, доказывают, что шведы хотят найти правильное решение сложной проблемы и избежать открытой конфронтации. Стремление к воспитанию терпимости, уважения по отношению к приезжающим прослеживалось уже в ранних программах по иммиграционной политике. События, связанные с опубликованием карикатур на пророка Мухаммеда, свидетельствуют о различии взглядов простых людей и политиков в Северных государствах. Лишь в Швеции эти карикатуры не были перепечатаны центральными газетами. Только небольшая газета националистической партии «Шведские демократы» осмелилась на это, да и то не на первых страницах своего издания. Это пример гражданской толерантности, поведения людей, не желающих конфликта в стране, где проживает большое число выходцев из мусульманских стран.

Все Северные страны приняли программы, нацеленные на интеграцию иностранцев в свои общества. В отличие от большинства стран Западной Европы иммигранты, прожившие в странах Северной Европы от трех до пяти лет, имеют право голоса на коммунальных выборах, а в Норвегии, Швеции – и на региональных выборах. Эти законы были приняты уже в конце 70-х – начале 80-х годов XX века. Однако отметим, что своими политическими правами иммигранты пользуются недостаточно активно. Их гораздо реже можно увидеть

у избирательных урн, чем коренных жителей, да и число тех, кто приходит на выборы, год от года уменьшается. В Норвегии, например, в выборах участвуют 59,3 % норвежцев и только 41 % иностранных граждан. В Швеции иммигранты получили право на участие в выборах в 1976 году; тогда на выборы пришли 60 %, а через 20 лет лишь 40 % переселенцев. В выборах 2002 года участвовало 79 % местного населения и всего лишь 35 % иностранного [4]. Это, по-видимому, объясняется изменением контингента переселенцев. Они испытывают определенное разочарование в возможностях действенного использования своих политических прав. Ухудшение экономического положения, безработица, зависимость иммигрантов от социальных пособий и степень их политического участия оказывают важнейшее влияние на интеграцию переселенцев в общество принявших их стран.

Швецию можно отнести к европейским странам, лидирующим по показателям эффективности осуществления социальной политики в отношении мигрантов. Если в 1950-х годах страна не имела никакой официальной политики в отношении переселенцев, считалось, что иммигранты из Скандинавских стран с подобной культурой ассимилируются автоматически, то в 1975 году шведский парламент одобрил политику интеграции. Главной причиной стала необходимость решения проблем, связанных с трудовыми мигрантами из стран Южной Европы. Это была радикальная перестройка, определившая переход от политики невмешательства к новой политике, сконцентрированной на трех основных направлениях: равенстве, свободе выбора и сотрудничестве. Иммигранты, постоянно проживающие в стране, должны были пользоваться теми же правами, что и граждане Швеции, включая доступ к системе социального обеспечения. Они получили право решать, что для них важнее — ассимилироваться или сохранить свою самобытную культуру. Подразумевалась целенаправленная поддержка родного языка переселившихся детей. Но все это не должно было противоречить основным шведским ценностям и нормам сотрудничества. Иммигранты получили право на участие в голосовании на местных и окружных выборах.

Концепция разнообразия была введена в 1990-х годах, поскольку интеграция рассматривалась уже не как односторонний процесс включения иммигрантов в жизнь общества, а как процесс взаимного приспособления и адаптации переселенческих меньшинств и господствующих этнических шведов [3].

В настоящее время вопросы иммиграции являются одними из самых актуальных и обсуждаемых в Швеции. Тема иммиграции включает широкий спектр проблем: иммиграционная политика и законодательство, интеграция иммигрантов в общество, положение иммигрантов в современной Швеции, экономические последствия иммиграции.

В Норвегии интеграционная политика строится на принципе развития мультикультурного общества, где деятельность иммигрантов в жизни страны основана на общепринятых условиях и обязательствах для всех граждан государства. Главными направлениями политики интеграции переселенцев являются создание условий для получения иммигрантами образования (изучение норвежского языка, повышение профессиональной квалификации) и предотвращение расовой дискриминации, борьба с расизмом.

Ежегодно Статистическое бюро Норвегии проводит исследование, направленное на выявление отношения местного населения к приезжим и иммиграционной политике. По данным 2008 года, 78 % опрошенных утверждают, что иммигрантам должны быть предоставлены такие же условия для трудоустройства, как и остальным гражданам; 54 % считают, что переселенцы насыщают культурную жизнь страны (процент согласных с данным утверждением в Финляндии и Швеции выше). Шестеро из десяти опрошенных согласились с тем, что многие иммигранты злоупотребляют системой социальных пособий. 38 % участвующих в опросе признают переселенцев источником угрозы в обществе. Около половины опрошенных среди коренного населения считают, что необходимо провести ряд мер по ограничению потоков иммиграции [4].

В Дании стратегию интеграции определяет тенденция сохранения культурной однородности общества, основанной на процессе ассимиляции переселенцев. Такая политика

включения мигрантов в общество определяется их отказом от своих отличительных лингвистических, культурных и социальных характеристик, стремлением стать неотличимыми от большинства населения. Правительство Дании стремится к созданию благоприятных условий для индивидуальной адаптации, преобразования культуры, ценностей через настойчивость в использовании доминирующего языка и обучение в школах детей мигрантов.

Интеграция переселенцев, особенно беженцев и мигрантов по линии воссоединения семей, является одной из основных политических задач в отношении иммигрантов. Ее решение осуществляется путем различных мероприятий и программ, которые направлены на повышение уровня образования и профессиональной квалификации переселенцев, а также на изучение ими датского языка. Программа ассимиляции иммигрантов в Дании до 1999 года была предназначена только для беженцев и рассчитана на срок до 18 месяцев. Позже ее продолжительность увеличилась до трех лет, а число участников пополнили также члены семей беженцев, прибывших в страну. Кроме того, для вновь прибывших по линии воссоединения семей были организованы бесплатные курсы датского языка. Для повышения приоритетности программ интеграции правительство Дании вменило в обязанность муниципалитетам реализацию данных мероприятий на местном уровне. В 2001 году государство выделило на эти цели около 2500 млн датских крон [3].

В марте 2002 года правительством Дании была принята новая программа «По направлению к новой политике интеграции». Основные цели программы [4]:

- экономическая занятость и независимость иммигрантов и беженцев;
- повышение уровня образования и профессиональной квалификации и обучение датскому языку новых граждан Дании;
- увеличение активности иностранцев в демократической и политической жизни государства;
- развитие взаимодействия и взаимопонимания между этническими меньшинствами и датчанами.

Программа ассимиляции также предполагает формирование общей социальной политики

в отношении иммигрантов. Иностранцы, получившие разрешение на постоянное пребывание в стране, приобретают гражданские и социальные права, но в отличие от датчан они ограничены в политических правах. Например, переселенец не имеет права участвовать в национальных выборах и всенародных референдумах.

В Финляндии в соответствии с законодательством политика интеграции основана на праве участия иностранцев, которые пребывают в стране законно и постоянно, в экономической, политической и социальной жизни общества. Правительственная программа 1997 года является трехуровневой моделью формирования политики интеграции, включающей в себя национальную, муниципальную и индивидуальную политику интеграции. Национальная программа интеграции — решение вопросов иммиграционной и интеграционной политики; муниципальная — формулирование целей, мер, изыскание ресурсов, оказание помощи в области интеграции иностранцев; индивидуальная — курсы финского языка, повышение профессиональной квалификации, помощь в трудоустройстве (в ее основе лежит тенденция к экономической независимости иммигрантов).

Закон об интеграции иммигрантов, вступивший в силу в 1999 году, — это главный документ, содержащий основные направления интеграционной политики Финляндии. Следует отметить, что эта политика государства в известной мере противоречива. В Законе об интеграции главенствует принцип мультикультурализма, но на практике основной тенденцией является приобщение иностранцев к финской культуре, т. е. процесс ассимиляции [2].

Создание равноправного мультикультурного общества сегодня едва ли не самая большая проблема в странах Запада. Интеграция иммигрантов — актуальнейшая задача политической жизни. Важные направления миграционной политики стран Северной Европы: предоставление помощи нуждающимся в защите; внедрение в общество идей, связанных с доброжелательным и положительным отношением к иностранцам; устранение всевозможных предрассудков. Все это должно способствовать улучшению не только социально-политической

обстановки (снижению преступности, росту числа трудоспособного населения, повышению уровня образования иммигрантов), но и экономической: поможет привлечь больше иностранных инвестиций, предотвратить утечку из стран капитала и крупных производств,

что часто связано с высокими налогами в этих государствах. Таким образом, приток иммигрантов способствует росту производства и повышению занятости населения, что делает «страх перед иностранцами» необоснованным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Билсборроу, Р.Е.** Статистика международной миграции: рекомендации по совершенствованию системы сбора данных [Текст] / Р.Е. Билсборроу, Г. Хьюго, А.С. Обераи, Х. Злотник. — М., 1999. — 157 с.
2. **Денисенко, М.Б.** Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада [Текст] / М.Б. Денисенко, О.А. Хараева, О.С. Чудиновских. — М., 2003. — 543 с.
3. **Северная Европа.** Регион нового развития [Текст] / под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. — М., 2008. — 325 с.

4. **Ederlund, L.** From immigration policy to integration policy [Text] / L. Ederlund. — Stockholm, 2007. — 53 p.
5. **Nordic Statistical Yearbook** [Text]. — 2009. — 250 p.
6. **Register-based Statistics in the Nordic Countries — Documentation of Best Practices** [Text]. Paper prepared by Harald Utne, Meeting on Population and Housing Censuses Organized in Cooperation with UNFPA. — Geneva, 12–16 December 2005. 45–83 p.

УДК 17.033.+316.344.42+316.422

И.Н. Протасенко

СОВРЕМЕННЫЙ БОНАПАРТИЗМ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ ЭКОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

*Никакая социальная структура
сама себя не меняет и не сохраняет.
И то, и другое делает политика.*

А.М. Пятигорский

Целью статьи является анализ проблем системной экологии общественно-политических трансформаций, связанных с ролью властной элиты. Системная экология общественно-политических изменений — это знание, связанное, как нам представляется, с корректировкой, реабилитацией или даже реанимацией социальной ткани. Как и всякое знание, этот инструмент амбивалентен в отношении Добра и Зла. Важными вопросами являются: кто, почему и во имя чего использует данный ресурс в ходе социальных трансформаций? Ответ на них требует социально-философского анализа сущего и должного в

процессах социально-политических изменений.

Сложность заключается в том, что роль элиты в любых социальных преобразованиях трудно переоценить, особенно когда осуществляются радикальные социально-политические изменения, тем более изменения, инициированные сверху. Как точно подметил С. Lord, «никакие режимы, ни их социальная практика не могут быть поняты без обращения должного внимания на элиты, на то, что в значительной степени их контролирует и определяет» [11, с. 50].

Специалисты, анализируя положение в России, ситуацию во власти, обращают внимание

на нарастание авторитарных тенденций, отмечают устойчивый процесс сосредоточения власти в одних руках [3], сравнивают Россию с Веймарской Германией [7], обнаруживают правовые аналогии с бонапартистской практикой [8], слышат термидорианские мотивы [4], чутки к появлению той или иной персоны из силовых ведомств в коридорах власти. Применение Закона о СМИ в контексте авторитарных тенденций также не остается без исторических реминисценций. Можно ли классифицировать сложившуюся ситуацию как бонапартистскую, какие перспективы для страны в целом открываются в обнаруженных тенденциях?

Бонапартизм, как известно, представляет собой процесс формирования авторитарной власти на основе народного волеизъявления в условиях политической нестабильности и кризиса как результат революционных трансформаций. Кризис носит системный характер (понимаемый нами как единство экономического, социального, политического, психологического кризисов) и является необходимым условием генезиса бонапартизма.

Современные дискуссии о модернизации страны касаются в основном проблем, связанных с постигшей страну в результате либеральных реформ разрухой, с необходимостью внедрения инновационных технологий, развития институтов гражданского общества, расширения малого и среднего бизнеса. Вместе с тем отмечается, что произошедшие изменения в социальной, политической и экономической сферах жизни во многом способствовали разрушению ценностного мира человека, его (человека) дезориентации и дезорганизации. Такого рода трансформации атомизируют социум. Атомизация – это разрыв устойчивых социальных связей, понижение уровня рациональности индивидов в результате кризиса, нагнетания атмосферы неуверенности и страха. Наблюдаются резко возрастающая социальная мобильность, распад связей, крушение традиционных норм и авторитетов, крайности богатства и бедности, избыток рабочих рук, появление массы незанятых людей без определенного социального положения, хроническая экономическая неуверенность и социальная фрустрация. Такая ситуация становится причиной появления множества разобщенных, неустойчивых,

отчужденных, озабоченных, бессильных и подавленных людей. Процесс массивности неразрывно связан с процессом атомизации, является его следствием. Атомизированное общество с необходимостью превращается в массу. Массивность – это смешение и стирание социальных групп. Процессы атомизации и массивности социума, сопутствующие радикальным революционным трансформациям, свидетельствуют о том, что социальная среда деградирует и становится опасной как для человека, так и для целостности социума.

Известно, что никакое модернизационное общество невозможно без существенных трансформаций в сознании людей. Выработка смыслов и ценностей, социальная интеграция и управление осуществляются в любом устойчиво воспроизводящем себя обществе. Это еще более значимо для социума, переживающего кардинальные социально-политические преобразования, находящегося в состоянии неустойчивого равновесия и системного кризиса. Целе-ценностная ориентация социума задается элитой. Именно элитные группы выступают той средой, где в первую очередь происходит генерация новых социальных тканей, создание и рост общественного капитала [2, с. 97].

Что понимать под элитой? Как влияет на общество в целом социальная практика элиты? В настоящее время всякое сколько-нибудь серьезное обсуждение сущности элит попадает в неразрешимое противоречие анализа сущего и должного, поскольку образ должного в плане элиты выглядит утопично, а сущее, несмотря на реальность, – циничной пародией. Например, О. Крыштановская в анализе наличной ситуации использует следующее определение: «Под элитой я понимаю не самых лучших, выдающихся и прекрасных внешне и внутренне людей нашей страны, а просто-напросто правящий класс, властвующую элиту, политическую элиту, то есть людей, которые управляют страной» [6]. М.Н. Афанасьев определяет свой вариант концептуализации субъекта и порядка социального господства в сегодняшней России как постноменклатурный частно-государственный патронат [2, с. 8]. Н. Нарочницкая включает в понятие «элита» ту категорию людей, которая «неизбежно занимает места в финансовых, политических, идеологических кругах, СМИ,

властных структурах», и тех, «кто так или иначе участвует в принятии решений, формулировании неких идеологических и ценностных ориентаций в таких сферах, как предпринимательство, СМИ, образовательные структуры» [5]. Именно от них, по ее мнению, зависит, каким будет следующее поколение нашего общества.

Мы полагаем, что современная российская элита являет собой результат деградации и разложения советской элиты, ярко обнаруживая паразитизм, дисфункцию, неготовность и неспособность осуществлять действия, задаваемые социальной ролью. Кризисная ситуация, в которой оказалась страна, свидетельствует о том, что логика политического выбора нынешней российской элиты направлена на то, чтобы стать частью мировой элиты. Теперь, в эпоху глобализма, быть элитой означает собственно членство в некоем тайном интернационале, никак не связанном с местными национальными интересами. Этот выбор предопределяет дальнейшее развитие страны в формате корпорации-государства. Корпорация-государство — это государственное образование, в котором господствующие группы перенацеливаются на чисто экономические факторы и отбрасывают все, что связано с национальными и социальными факторами, т. е. происходят денационализация и десоциализация государства. Корпорация-государство — это административный аппарат, который стремится свести к минимуму издержки по содержанию территории и ее населения. Соблазн интеграции в западную элиту выявил готовность национальной элиты к собственной денационализации, иначе говоря, стремление поставить себя в независимое положение от интересов страны и чаяний народа. Деятельность этой элиты привела к упадку науки, свертыванию прикладных и фундаментальных исследований, деградации системы образования, работа которой продолжалась по инерции, без социально-экономической цели и смысла, примитивизации народного хозяйства в целом, утрате квалификации миллионами людей.

Отвечает ли ожиданиям и требованиям момента сегодняшняя элита? Думаем, что вопрос остается открытым. Во всяком случае, ее социальная практика негативно влияет на социум. Неудовлетворительность функциональности

элиты, готовящей стране судьбу сырьевого ресурса Запада, очевидна.

Полагаем, что методологически неоправданно совсем отказываться от осмысления элиты в парадигме должного, поскольку необходимые перемены никому, кроме нее, не под силу. Традиция в понимании элиты как образца лучшего, как поведенческого паттерна, задающего пример служения отечеству и народу, имеет большую историю. Как известно, прежде народы возлагали на национальную элиту свои лучшие надежды, элита была квинтэссенцией народного опыта, выразительницей воли нации и стремления к лучшему будущему. Все то, что обещали народам прогресс и просвещение, воплощалось в деятельности национальных элит. Принцип американского бизнеса «что хорошо для Рокфеллера — хорошо для США» в подражательной практике новых российских олигархов потерял свою руководящую силу. Интересы бизнеса и интересы страны и ее народа утратили свою взаимосвязь и взаимообусловленность.

Неоднородность элиты позволяет надеяться, что необходимые силы для конструктивных преобразований в стране есть. Так, М.Н. Афанасьев такого рода силы называет «элитами развития», под которыми он понимает рейтинговые и статусные верхи социальных групп развития, аналитически исключая из них олигархию государственных верховников и тесно связанных с ними глав крупных корпораций — сегодняшнюю элиту господства [2, с. 20]. Нам представляется, что следует различать элиту как наследие 1990-х и элиту в робкой динамике ее эволюции в сторону возникновения и укоренения групп развития.

Социальная среда зависит от господствующих паттернов коллективных представлений, моделей поведения и ментальных стереотипов. Ее развитие несколько запаздывает, как бы идет следом за смыслами, образцами, моделями, вырабатываемыми элитой. Поэтому вполне закономерно, что сегодняшняя социальная среда больна результатами действий элиты 1990-х. Урон, нанесенный социальной среде, измеряется потерей целого поколения. Не прошли даром годы жизни в условиях разрушенной мировоззренческой системы базовых ценностей, в особенности для молодежи. И теперь нужна не абстрактно «большая кропотливая работа»,

а целенаправленная социальная политика, чтобы исправить уродства социальной ткани, оздоровить общество, настроить его на самостоятельность, конструктивность и оптимизм. Социальная ткань имеет реактивную природу. Иначе говоря, социум развивается в заданных политикой рамках закона, допустимых моделях, определенном канале вариантов возможностей. Скажем, возникновение Федерации независимых профсоюзов РФ, независимых СМИ, Общества солдатских матерей, Общества защиты прав потребителей, даже трансформация преступных группировок в России происходила под влиянием как политических, так и экономических процессов. Распад СССР и последующие реформы были связаны с ослаблением роли государства, с утратой им ряда важных функций. В частности, децентрализация и перестройка силовых структур привели к ослаблению социальной защищенности и росту преступности [10, с. 94].

По мнению М.Н. Афанасьева, появление новых общественных объединений, «разнообразных профессиональных ассоциаций, товариществ собственников жилья и других соседских объединений, объединений людей в защиту своих прав и интересов, добровольных групп для занятий с детьми и молодежью» свидетельствует о проявлении позитивной тенденции в росте их числа и численности [2, с. 6]. Действительно, тенденция есть, но пока только тенденция. Народ все еще живет своей жизнью, точнее выживает, как может. Все еще не преодолено наследие 1990-х – маргинализация общества, рост безработицы, высокая смертность, криминализация обстановки в целом, рост количества преступлений против человека, наркоторговля, рост детской беспризорности.

Важно понимать, что темп политических изменений обычно намного превышает темп изменений социальных структур. Общество в целом закономерно отстает от наиболее энергичной и продвинутой части общества, оставаясь в состоянии обнадеживающего выживания. И это, с одной стороны, является предпосылкой к дальнейшему движению по пути становления и развития самостоятельных, самоуправляющихся, демократических сообществ, активно выражающих свое мнение и готовых его отстаивать. С другой стороны, возможна консервация

несамостоятельности, канализация социальной энергии в борьбе за выживание, попытках остаться на плаву, что называется, сосредоточиться на хлебе насущном, оставаясь объектом манипуляций и эксплуатации.

Если мы хотим по-настоящему низовых самоорганизующихся социальных изменений, то необходимы: время, государственное кураторство в виде принятия своевременных законов, оперативного правового регулирования, государственного внимания и морального поощрения, а также регулирование бизнеса в плане смягчения жесткости в отношении возрастного ценза для старшего поколения при приеме на работу, ценза опыта работы для выпускников высших и профессиональных учебных заведений. О каком соблюдении прав в частных компаниях может идти речь, если даже в бюджетных организациях сотрудники отчуждены от управления собственным предприятием. Обществу солдатских матерей приходится быть в перманентном состоянии боевой готовности, ибо им неведомы планы политиков, а Обществу прав потребителей в пору создавать школу опытного потребителя, так как тенденция отмены ГОСТов и сертификаций не обнадеживает простого покупателя. Давно, невзирая на то, «какое нынче время на дворе», выживают, как могут, сообщества родителей детей «с особенностями», как их называют политики, играющие в моду политкорректности. Государство должно задавать «правила игры». Но для этого власть и правящая элита должны определиться с проектом, который они собираются реализовать, в понятиях какой идеологии будут сформулированы базовые цели и ценности и какова стратегия их достижения. Нынешняя элита преследует свои экономические и политические интересы при отсутствии какого бы то ни было понимания своего общественного предназначения. С одной стороны, монополизм извлечения сверхприбыли сегодня настолько высок и узок, социальные издержки олигархии настолько велики и очевидны, что даже в тех самых группах, где концентрируются власть и капитал, большинство понимает патологический характер такого развития. С другой стороны, обнищание народа делает невозможным реализацию модернизационных планов.

Власть и правящая элита в сложившейся ситуации ответственны за решение насущных задач по стабилизации и тонкой настройке разбалансированного социума. Если это не происходит, если интересы элиты расходятся с интересами народа, спасение обретается в бонапартизме как форме авторитарного правления, возникающего по воле народа. Элита ускользает от ответственной работы на благо целостного социума. Напряжение коллективной надежды, естественно, воплощается в лидере.

Анализируя варианты дальнейшего развития, связанные с авторитаризмом и бонапартизмом, мы обратили внимание на вывод М.Н. Афанасьева, что «консолидация отечественной элиты вокруг президента В. Путина — миф» [2, с. 6], т. е. элита настроена критично и не вполне готова поддержать его курс. Если вспомнить приход к власти В.В. Путина, то, полагаем, это была, безусловно, компромиссная фигура. Иначе говоря, для властной элиты этот лидер не являлся надэлитной фигурой. Этим объясняются те трудности, которые пришлось преодолевать власти в выстраивании властной вертикали, попытках укрепления и увеличения радиуса ее действия. Специалисты теряются в догадках, пытаются понять, кого защищает режим: народ от дорвавшей до власти олигархизированной элиты, элиту от народа либо никого, выполняя волю политического субъекта, неведомого российскому социуму.

Логика бонапартистской формы государственности требует задействовать все ресурсы власти для дисциплинирования, унифицирования социума, с одной стороны, с другой — социум, осознавая (медленно, с трудом), будет с необходимостью обращаться к рассматриваемой методологии консолидации, формулирования и отстаивания своих интересов — прежде всего экономических и, возможно, политических. Вероятность политических интересов зависит от мировоззренческой зрелости социума и ее элиты, ориентированной на развитие, ее способности противостоять технологиям манипулирования и деструкции. Принято думать, что предел своему развитию может положить само общество, определенным образом организованное, например тоталитарное, фундаменталистское — одним словом, закрытое общество. Однако в условиях современных глобализационных процессов эта

«добровольность» является, по меньшей мере, вынужденной.

Следует понимать, что в катастрофических ситуациях, будь то кризис, война или стихийное бедствие, решение проблем, связанных с выживанием социума, расстановкой приоритетов, в условиях необходимости принятия быстрых оперативных решений, власть должна быть сконцентрированной, предельно профессионализированной, в то же время не теряющей стратегических ориентиров. «По-видимому, России требуется просвещенная деспотия, которая была бы способна привести страну к подлинной демократии, — полагает профессор А. Хиль-Роблес. — В такой огромной и необъятной державе, где столько культур, столько народностей, столько истории, демократия может либо получить импульс сверху, от государственной бюрократии, либо она просто окажется невозможной, ибо народ не сумеет перейти к ней сам. Поэтому на политических руководителях России лежит огромная ответственность. Любой ваш политик, который сумеет заложить прочные основы великой демократической России, почитаемой в соседних и прочих странах, будет прославлен навсегда» [9]. Р. Арон в свое время писал, что если нужен авторитарный режим, чтобы спасти Францию, пусть он приходит; примиримся с ним, ненавидя его [1, с. 168]. Бонапартизм как один из видов авторитарной власти, возникающий в результате революционного катаклизма, направлен на стабилизацию, урегулирование, социальное руководство и модернизацию разрушенного социума.

Таким образом, мы полагаем, что современная ситуация вполне может быть квалифицирована как объективно соответствующая генезису бонапартизма. В логике бонапартизма недостаточность и некоторая неустойчивость власти вынуждают лидера принимать решения от имени народа, через голову партий, элитных групп и т. п. Происходит новое структурирование социума, формирование новой элиты, способной выражать и защищать интересы нации. Задается новый формат элитного консенсуса.

Спецификой современного бонапартизма, мы полагаем, является поливалентность тенденций его развития. Такая неоднозначность, непредопределенность означает, что в условиях существенных социально-политических

трансформаций возможна реализация, по крайней мере, трех вариантов развития социума. Таковыми, по нашему мнению, являются:

- модернизация жизни общества и страны в целом,
- консервация наличного состояния социума,
- дальнейшая эскалация деструктивных социально-экономических изменений.

По сути эту «трехвалентность» бонапартизма можно редуцировать к амбивалентности его тенденций: либо прорыв к оздоравливающемуся социуму, модернизированному с хорошим прогнозом поступательного развития, либо дальнейшая деградация и распад. Это заставляет общество быть в высшей степени небезразличным к стратегии, идеологии и проекту нового бонапарта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арон, Р.** Мемуары: 50 лет размышлений о политике [Текст] / Р. Арон. — М.: Ладомир, 2002.
2. **Афанасьев, М.Н.** Российские элиты развития: запрос на новый курс [Текст] / М.Н. Афанасьев. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009.
3. **Сироткин, В.** Бонапартизм: пришел ли он в Россию? [Текст] / В. Сироткин // Россия XXI. — 1993. — № 11–12. — С. 82–95.
4. **Вахитов, Р.Р.** От термидора к бонапартизму: логика либеральной контрреволюции [Текст] / Р.Р. Вахитов // Восток. — 2004. — Май (№ 5 (17)).
5. **Какая элита нужна России?** [Электронный ресурс]: «круглый стол» Фонда исторической перспективы. — Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36284>
6. **Крыштановская, О.** Российская элита на переходе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.polit.ru/lectures/2008/07/31/rus_elita.html.
7. **Люкс, Л.** «Веймарская Россия?» — заметки об одном спорном понятии [Текст] / Л. Люкс // Вопр. филос. — 2008. — № 2. — С. 29–41.
8. **Медушевский, А.** Бонапартистская модель власти в России [Текст] / А. Медушевский // Конституционное право: Восточноевроп. обзор. — 2000. — № 4(33) / — 2001. № 1 (34). — С. 161–167.
9. **Просвещенная деспотия как демократический проект** [Электронный ресурс]: интервью с профессором Альваро Хиль-Роблесом // Неприкосновенный запас. — 2009. — № 5 (67). — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/5/pr20.html>.
10. **Крыштановская, О.** Нелегальные структуры в России [Текст] / О. Крыштановская // Социол. исслед. — 1995. — № 8.
11. **Lord, C.** The Modern Prince: what leaders need to know now [Text] / C. Lord. — New Haven; London: Yale University Press, 2003.

УДК 340.1

А.А. Тебряев, Ю.П. Конопченко

ИНТЕРЕС И СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Одним из способов удовлетворения социальных интересов является их правовая охрана. «Порядок социальной организации общества требует того, чтобы общество и государство в доступной для всех форме объективировали свои представления об интересах и способах их реализации, поощряя одни индивидуальные интересы и отвергая другие, признавая одни способы удовлетворения интересов и отрицая другие. Эти представления объективируются в социальных нормах, в праве. Возникают субъективные права и обязанности как результат двойного отражения объективного интереса: сначала в сознании людей, затем в законодательном акте, исходящем от государства» [1].

По мнению Р.Е. Гукасяна, правовое регулирование определяется потребностями развития общества и служит удовлетворению этих потребностей своими специфическими правовыми средствами [2].

Однако, как справедливо указывает Д.М. Чечот, было бы ошибочно полагать, что объективное право тождественно объективному общественному интересу, что право это – объективированный интерес данного общества (или всего народа). Право именно отражает общественные (или общенародные) интересы, делая это относительно полно и относительно верно [3]. Являясь зеркалом социальных интересов, объективное право одновременно определяет: круг правовых средств, обеспечивающих удовлетворение этих интересов; правовое положение каждого субъекта права; содержание прав и обязанностей, которыми субъект может обладать, и т. д. Именно субъективное право (или субъективная обязанность) определяет меру дозволенного поведения управомоченного и меру должного поведения обязанного лица. Однако субъективное право – главное, хотя и

не единственное, правовое средство удовлетворения социальных интересов [Там же].

Л.С. Явич отмечает, что «применительно к субъективному праву проблема социального интереса имеет... сущностный аспект. Во многих случаях для приобретения субъективного права и во всех случаях его реализации играет первостепенную роль интерес субъекта, в том числе отдельной личности» [4].

В юридической литературе издавна ведется спор о возможности включения интереса в содержание субъективного права. Некоторые авторы разделяют позицию, что интерес составляет сущность субъективного права, является необходимым и притом ведущим его элементом, другие отрицают такую возможность.

Следует отметить, что в литературе нет единого подхода и к пониманию термина «субъективные права и обязанности», а также к определению их места в правоотношении, что оказало определенное влияние на воззрения авторов относительно места интереса в субъективном праве. Однако мы не имеем возможности в настоящей статье в полной мере осветить указанную проблему.

Известный немецкий правовед XIX века Р. Иеринг придавал огромное значение интересу в составе субъективного права. Понимание субъективного права как «юридически защищенного интереса» у Иеринга складывалось из двух моментов: субстанционного, т. е. интереса, и формального – юридической защиты, причем последняя служит лишь средством удовлетворения интереса [5, с. 339]. Сам действительный интерес является здесь правом, его юридическое опосредствование в законах, в нормах объективного права рассматривается как нечто формальное, второстепенное» [6, с. 106–107].

Субъективное право, по Р. Иерингу, не отражает жизненные, общественные отношения, материальные интересы, но сами эти интересы, получив юридическую защиту, становятся субъективным правом [6].

Г. Еллинек сделал некоторые шаги в сторону примирения концепции субъективных прав Иеринга с господствовавшим в то время позитивистским пониманием данной проблемы. Он определял субъективное право как «признанную и защищаемую правопорядком волевою властью человека, направленную на определенное благо и интерес», и, подобно Иерингу, включал последний в содержание субъективного права: «...Воля и интерес или благо необходимы и вместе принадлежат к понятию права». Еллинек считал также, что «волевая власть — формальный, а благо и интерес — материальный элемент в субъективном праве» [7, с. 44].

Иеринговское понимание проблемы субъективных прав вызвало широкую оппозицию в юридической науке в Германии, Франции, России. Оно подверглось нападкам с различных философских и теоретико-правовых точек зрения. В России против включения интереса в понятие субъективного права очень определенно высказался Г.Ф. Шершеневич: «Сам по себе интерес не в состоянии определить понятия о субъективном праве. Наличие интереса еще не создает права. <...> Субъективное право, возникая на основе интереса, обладает существованием, отличным от интереса, оно имеет свою судьбу, которая лишь в конечном итоге следует судьбе интереса, вызвавшего к жизни данное право» [8]. Он замечает, что интерес — только цель, а не сущность права.

В советской литературе сторонниками позиции включения интереса в содержание субъективного права являлись А.В. Венедиктов, С.И. Аскназий, О.С. Иоффе, Б.С. Никифоров, С.Ф. Кечекьян, Ю.К. Толстой, А.А. Пушкин, А.А. Мельников и др.

О.С. Иоффе считал, что «исключение интереса из содержания субъективного права привело бы к тому, что последнее оказалось бессодержательным как с точки зрения его носителя, так и с точки зрения его классовой природы» [9].

Ю.К. Толстой, обосновывая свое мнение, писал: «...Заслуживающий охраны индивидуальный интерес управомоченного лица определяет содержание его воли, наполняя ее реальным общественным содержанием, без которого понятие воли — пустая абстракция. Если верно, что классовая природа права обнаруживает себя прежде всего в характере удовлетворяемого правом интереса, что утрата социально значимого интереса приводит к утрате права, то есть все основания для того, чтобы включить интерес в определение субъективного права» [10].

Е.А. Крашенинников подверг резкой критике указанную позицию Толстого и заметил, что «включая интерес в содержание субъективного права как меры возможного поведения, Ю.К. Толстой вместе с тем указывает на то, что право закрепляется за управомоченным в целях удовлетворения его интересов. Но если интерес удовлетворяется через посредство права, то он не может входить в содержание последнего в качестве “необходимого и притом ведущего элемента”». При допущении противного мы должны будем признать, что средством удовлетворения интереса — в той мере, в какой в его опосредствовании задействован “необходимый и ведущий элемент” субъективного права, — служит сам интерес. А это нонсенс» [11].

Мнение о невозможности включения интереса в содержание субъективного права поддерживает большинство советских и современных авторов (С.Н. Братусь, Г.В. Мальцев, В.П. Грибанов, Н.И. Матузов, С.Н. Сабитонов, Д.М. Чечот, Р.Е. Гукасян, В.И. Серебровский).

По мнению Н.И. Матузова, «вряд ли можно согласиться с теми авторами, которые безоговорочно включают интерес в понятие субъективного права и даже считают его “ведущим элементом” последнего... Основанием такого включения служит одно — тесная связь этих явлений. Однако одного этого аргумента еще недостаточно для подобного вывода» [12].

Н.А. Шайкенов считает, если развивать тезис о включении интереса в содержание субъективного права, «логическая последовательность неизбежно должна привести к выводу, что субъективное право по своей сущности является интересом» [13].

С.Н. Братусь подчеркивает, что интерес является предпосылкой и целью субъективного права, но не его сущностью [14].

Представляется, что такая непримиримость позиций в споре относительно вопроса включения или исключения интереса в понятие субъективного права в качестве элемента вызвана прежде всего тем, что сторонники противоположных взглядов по-разному определяют сам интерес и поэтому чаще всего говорят о разных явлениях.

Доказательством приведенного тезиса служит мнение В.И. Серебровского, который, будучи полностью солидарным с позицией С.Н. Братуся, тем не менее, определяет авторское право в субъективном смысле как «обеспеченную государством за автором исключительную возможность использования по его усмотрению созданного им произведения **в целях** (выделено нами. — *Авт.*) удовлетворения своих имущественных и неимущественных интересов дозволенными законом способами и в пределах, установленных законом» [15]. Вряд ли указанное можно трактовать как его непоследовательность. На наш взгляд, в первом и во втором случае в термин «интерес» имеет разные значения.

В.П. Грибанов выделяет две стороны взаимосвязи субъективного права и интереса. С одной стороны, по его мнению, интерес является предпосылкой и приобретения, и осуществления, и защиты гражданских прав, так как для осуществления всех указанных действий лица необходимо наличие его интереса. «Другая сторона, — пишет Грибанов, — состоит в том, что в свою очередь удовлетворение интереса управомоченного лица является целью любого субъективного права, которое выступает как правовое средство удовлетворения интересов» [16]. Указанный тезис Грибанова крайне ценен. Действительно, одно дело типичный, наиболее общий, важный обезличенный интерес, отраженный в норме права, и совсем другое — действительный, «живой» интерес как стремление конкретной личности к конкретному благу.

Обосновывая невозможность включения интереса в содержание субъективного права, большинство авторов опирается именно на тезис об объективности интереса, интереса, отраженного в норме права. Так, Г.В. Мальцев

пишет: «Понимание интереса прежде всего и главным образом как объективного явления, мы думаем, исключает возможность отождествления объективного явления и отображения этого явления в праве... Содержание объективного интереса определяет содержание субъективного права, или, иначе говоря, субъективное право отражает (выражает) интерес» [1]. С ним солидарен и С.Н. Сабикенов. С этой точки зрения дальнейшее обоснование Мальцева заслуживает полной поддержки: «Содержание субъективного права есть отражение жизненного интереса, которое может быть точным или неточным, глубоким или поверхностным, удачным или неудачным и т. п. Оно не абсолютно тождественно соответствующему интересу, так как отражает действительный интерес в той мере, в какой законодателю удалось его правильно понять и найти адекватные средства его выражения... Вследствие ошибок законодателя и вопреки его намерениям субъективное право может с самого начала либо недостаточно эффективно способствовать реализации объективно существующих интересов, либо просто тормозить их реализацию. <...> Между интересом и субъективным правом, которое им вызвано к жизни, возникают отношения факта действительности (бытия) к его образу в человеческом сознании» [6].

Г.В. Мальцев подчеркивает, что даже в том случае, если норма права, а через нее субъективное право или обязанность верно отражает объективный интерес, также нельзя утверждать, что это качество права остается постоянным и что можно, наконец, включить интерес в состав субъективного права, так как общественные и личные интересы чрезвычайно динамичны, правовой регламентации подвергаются лишь **типические интересы**. Как следствие, общий, типический интерес, выраженный в норме права и лежащий в основе субъективного права, становится самостоятельным явлением по отношению к конкретным индивидуальным интересам, последние должны соответствовать общему, типическому интересу, выраженному в норме права, совпадать с ним, чтобы пользоваться юридической защитой в процессе своей реализации [1].

Л.С. Явич приводит следующие предпосылки, без которых нельзя ожидать преобразования

интереса личности в субъективное право: «приобретение интересом личности социальной значимости, его соотносимость с общественным интересом, возможность обеспечения такого интереса юридическими обязанностями иных участников общественных отношений» [4].

Именно имея в виду объективный интерес, указанная группа авторов заключает, «что интерес, являясь понятием совершенно самостоятельным и находящимся за пределами субъективного права в качестве его предпосылки и цели, одновременно может явиться и целью иных правовых средств, помимо субъективного права. Следовательно, являясь предпосылкой возникновения и целью осуществления субъективного права, социальный интерес не должен рассматриваться в качестве сущности субъективного права» [3]. Р.Е. Гукасян добавляет: «Интерес не входит в содержание права, потому что не является правовой категорией» [2].

Некоторые авторы, развивая тезис С.Н. Братуся о том, что интерес является предпосылкой и целью субъективного права, но не его сущностью [14], приходят к выводу: «между субъективным правом и интересами существует соотношение **цели и средства**, где целью выступает интерес, а средством — субъективное право» [12]. «Субъективное право необходимо субъекту общественной жизни для удовлетворения определенного интереса, сосредоточенного в том или ином благе» [16].

Авторы приводят примеры. Так, по мнению Д.М. Чечота, «интерес является целью существования субъективного права так же, как для целей передвижения служат транспортные средства. Именно потребность общества в передвижении является стимулом совершенствования транспортных средств, но из этого отнюдь не следует, что существо самих транспортных средств может быть сведено к передвижению. Социальные интересы стимулируют различные формы, методы, направления правового регулирования, являясь, таким образом, предпосылкой объективного права. Наделяя лицо субъективными правами, объективное право тем самым дает в руки субъекта правовые средства для удовлетворения его интересов» [3].

«Таким образом, субъективное право не является без того, чтобы оно не предназначалось для обеспечения какого-то уже существующего

интереса, в противном случае это право будет бессодержательным и ненужным» [1]. Однако, как справедливо заметил С.Н. Братусь, «субъективное право, опираясь на интерес, само интересом не является, хотя утеря социально значимого интереса и может привести к тому, что субъективное право утратит свое значение и свою ценность» [14]. Таким образом, утрата интереса автоматически не устраняет субъективного права, как это имело бы место в случае, если бы интерес являлся его содержанием. Указанное может случиться через несколько месяцев, год, много лет после утраты реального жизненного интереса. Следовательно, может возникнуть ситуация, когда интерес в известном действии оказался утраченным, а выражавшее данный интерес субъективное право продолжает существовать [6].

Интерес и субъективное право тесно взаимодействуют между собой, но не совпадают. Их связь состоит в том, что нет такого субъективного права, которое не преследовало бы никакого интереса, но не всякий интерес опосредуется правом и охраняется законом. Интересы более разнообразны, чем субъективные права; не все из них находят защиту в праве. Но даже и защищаемый законом интерес не всегда выступает как субъективное право [12].

Со всем вышесказанным нельзя не согласиться, однако остается невыясненным, в чем же тогда состоит спор. Ведь группа отечественных авторов, включая интерес в содержание субъективного права, говорит о «действительном», «живом» интересе управомоченного, который для того и использует предоставленное ему субъективное право, чтобы удовлетворить именно свой, насущный, реально существующий интерес, не противоречащий закону, т. е. соответствующий «типическому интересу», отраженному в норме права. Речь здесь идет о другом явлении. Так, А.И. Экимов, являясь все же сторонником включения интереса в содержание субъективного права, пишет, что «в основе возникновения конкретных субъективных прав лежат интересы государства, но силой, приводящей их в движение, являются интересы личности, отраженные в ее целях» [17]. Очевидно, что речь здесь идет о другом явлении.

Другое дело, что интерес ни в первом, ни во втором значении не может быть «ведущим

элементом» содержания субъективного права, так как интерес в любом его понимании — явление действительности, а субъективное право — правовое средство.

Действительно ли «живой» интерес управомоченного лица соответствует типическому интересу, отраженному в конкретной норме права, определить на практике невозможно, так как действительный интерес субъекта — явление психики. Однако и здесь не стоит забывать о том, что в некоторых случаях закон придает существенное значение наличию действительно, живого интереса у лица, выдающего себя за носителя субъективного права. Примером служит статья 930 Гражданского кодекса Российской Федерации, содержащая норму, согласно которой «имущество может быть застраховано по договору страхования в пользу третьего лица (страхователя или выгодоприобретателя), имеющего основанный на законе, ином правовом акте или договоре интерес в страховании этого имущества». Доказанное отсутствие или утрата интереса в сохранении имущества служит основанием отказа в страховой выплате. Еще одним примером может служить пункт 2 статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации, содержащий норму, согласно которой «требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки может быть предъявлено любым заинтересованным лицом». В такого рода делах перед судами в гражданском судопроизводстве прямо поставлена задача определить, действительно

ли обратившееся в суд лицо является носителем соответствующего интереса.

Следовательно, на наш взгляд, интерес в объективном смысле — действительно предпосылка и цель существования субъективного права, так как именно баланс государственных, общественных, групповых и честных интересов находит (должен находить) свое отражение в нормах позитивного права. Интерес действительный, живой — состояние психики конкретного управомоченного лица, толкающего его на использование конкретного субъективного права, а порой и цель, которая преследуется конкретным управомоченным лицом при реализации субъективного права. Ни тот, ни другой не могут быть включены в содержание субъективного права как правового средства. Однако отсутствие действительного интереса управомоченного приводит к тому, что субъективное право не используется дееспособным лицом (в том числе и в интересах недееспособного), иногда лишает смысла само наличие у управомоченного субъективного права, а в ряде случаев ведет к его потере или констатирует его отсутствие по прямому указанию закона.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что нет препятствий для указания на действительный, насущный интерес управомоченного в дефиниции субъективного права, но не в качестве ведущего элемента в содержании последнего, а в качестве дополнительной характеристики. Сказанное в равной степени относится и к субъективной обязанности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Мальцев, Г.В.** Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов советских граждан [Текст] / Г.В. Мальцев // Сов. гос-во и право. — 1965. — № 10.
2. **Гукасян, Р.Е.** Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве [Текст] / Р.Е. Гукасян. — Саратов.: Приволж. кн. изд-во, 1970. — 185 с.
3. **Чечот, Д.М.** Избранные труды по гражданскому процессу [Текст] / Д.М. Чечот. — СПб.: Изд. дом Санкт-Петербур. гос. ун-та, 2005. — 614 с.
4. **Явич, Л.С.** Общая теория права [Текст] / Л.С. Явич; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. — 287 с.
5. **Ihering, R.** Geist des r mischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. — Т. 3. — Leipzig, 1924.
6. **Мальцев, Г.В.** Социалистическое право и свобода личности [Текст] / Г.В. Мальцев. — М., 1968. — 213 с.
7. **Jellinek, G.** System der subjektiven ffetlichen Rechte [Text] / G. Jellinek. — Tübingen, 1919.
8. **Шершеневич, Г.Ф.** Общая теория права [Текст] / Г.Ф. Шершеневич. — Вып. III. — М.: Изд-во бр. Башмаковых, 1912. — 833 с.
9. **Иоффе, О.С.** Правоотношение по советскому гражданскому праву [Текст] / О.С. Иоффе. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. — 144 с.
10. **Толстой, Ю.К.** К теории правоотношения [Текст] / Ю.К. Толстой. — Там же, 1959. — 87 с.
11. **Крашенинников, Е.А.** Понятие охраняемого законом интереса [Текст] / Е.А. Крашенинников // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. — Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2000. — 107 с.

12. Матузов, Н.И. Личность. Права. Демократия [Текст] / Н.И. Матузов. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1972. — 292 с.

13. Шайкенов, Н.А. Правовое обеспечение интересов личности [Текст] / Н.А. Шайкенов. — Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. — 199 с.

14. Братусь, С.Н. Субъекты гражданского права [Текст] / С.Н. Братусь. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. — 368 с.

15. Серебровский, В.И. Вопросы советского авторского права [Текст] / В.И. Серебровский. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 283 с.

16. Грибанов, В.П. Интерес в гражданском праве [Текст] / В.П. Грибанов // Сов. гос-во и право. — 1967. — № 1.

17. Экимов, А.И. Интересы и право в социалистическом обществе [Текст] / А.И. Экимов. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. — 134 с.

УДК 340.1

Н.Б. Кирсанова

ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ БЕНЕДИКТА СПИНОЗЫ

В теории государства и права понятие «естественное право» означает совокупность принципов, правил и прав, продиктованных самой природой человека и в силу этого не зависящих от конкретных социальных условий, законодательного признания или непризнания их в конкретном государстве. На первый взгляд естественное право противопоставляется позитивному праву, т. е. законам, устанавливаемым государством. Однако этот антагонизм, по нашему мнению, является достаточно поверхностным. Эти концепции делают акценты на различные стороны феномена права. Если естественно-правовая концепция направлена прежде всего на ценностную сторону права, то позитивистский подход концентрируется на структуре права как совокупности законов и иных нормативных актов. Естественное право выступает как оценочная категория относительно действующей в обществе законодательной системы.

Концепция естественного права исходит из чисто религиозных представлений. Естественно-правовые идеи развивали в своих трудах еще философы Древней Греции — софисты Протагор (великий спорщик и блестящий оратор), Горгий (будучи приверженцем писаных законов, саму справедливость он ставил по ценности выше их), Гиппий (первый среди софистов в духе естественно-правового учения резко противопоставил природу и полисный

закон), Антифонт (обосновывал равенство всех людей по природе). Заложено в концепции естественного права утверждение о существовании идеала высшей справедливости, такой справедливости, которая выше позитивного права, довлеющего над властью и над самим законодателем, уходит корнями именно в божественную справедливость. Идущие от философов античности, эти представления получили развитие в трудах христианских мыслителей средневековья, а для них естественное право суть отображение вечного божественного права, управляющего миром.

«Отцом» естественного права принято считать Г. Гроция (1583–1645). «Мать естественного права есть сама природа человека», — постулирует он [2, с. 48]. В соответствии с этой доктриной естественное право происходит уже не от Бога, а от общественной природы человека, а человеческая рассудочность дает возможность утвердиться принципам всеобщего и неизблемого естественного права, именно она создает правила, не зависящие от эпохи и конкретной цивилизации. Позже появилась теория «общественного договора», развитая Дж. Локком и Ж.-Ж. Руссо. В центре этой теории находился уже человек в его естественном состоянии. В дальнейшем концепция естественного права получила свое развитие в трудах таких мыслителей, как Ш. Монтескье, Д. Дидро, П. Гольбах, А.Н. Радищев.

Известный нидерландский философ Бенедикт (Барух) Спиноза (1632–1677) также высказывал естественно-правовые воззрения («Богословско-политический трактат», незаконченный «Политический трактат»), но он незаслуженно редко упоминается как основоположник теории естественного права. Идеи этого философа разделяли величайшие мыслители Дидро, Монтескье и др. Взгляды Спинозы на теорию естественного права, явившуюся классическим воплощением нового мировоззрения, актуальны по сей день.

Политико-правовое учение Спинозы связано с его философией, в особенности с идеей строгой закономерности, причинной обусловленности всех явлений природы, «субстанции», никем не созданной и являющейся «причиной себя».

Под естественным правом Спиноза понимал необходимость, согласно которой существуют и действуют природа и каждая ее часть. «Закон, зависящий от естественной необходимости, есть тот, который необходимо следует из самой природы или определения вещи; закон же, зависящий от людского соизволения и называемый удачнее правом, есть тот, который люди приписывают себе и другим, чтобы безопаснее и удобнее жить или по другим причинам» [3, с. 345]. При этом естественное право отождествлялось в учении Спинозы с «мощью», под которой понималась способность любой части природы к самосохранению.

«Под законом обыкновенно понимается не что иное, как распоряжение, которое люди могут и исполнить и отвергнуть на том именно основании, что сдерживает человеческую мощь в известных пределах, за которые она стремится перейти, и не приказывает чего-нибудь сверх сил; поэтому закон, по-видимому, должен определить более узко, именно: что он есть образ жизни, предписываемый человеком себе или другим ради какой-нибудь цели» [Там же. С. 349].

Спиноза различал два основных вида законов:

1. Законы в зависимости от воли:

- законы природной необходимости: их санкционирование зависит от воли человека;
- право — законы, которые произвольно созданы человеческой волей.

2. Законы в зависимости от сферы волеизъявления:

- человеческий закон — регулирует образ жизни, который служит для охраны жизни государства;
- природный божественный закон — неотчуждаемое право человека.

Цель Спинозы — это высшее благо — познание Бога — разум и его усовершенствование. Разум Спиноза называет природным светом. «Итак, суть божественного закона и его главное правило заключается в том, чтобы любить Бога как высшее благо» [Там же. С. 350].

Под правом и установлением природы Спиноза подразумевает «не что иное, как правила природы каждого индивидуума, соответственно с которыми мы мыслим каждого человека естественно определенным к существованию и деятельности определенного рода. Например, рыбы определены природой к плаванию, большие — к пожиранию меньших, стало быть, рыбы по высшему, естественному праву владеют водой, и притом большие пожирают меньших. Ибо известно, что природа, рассматриваемая абсолютно, имеет верховное право на все, что в ее власти, т. е. право природы простирается так далеко, как далеко простирается ее мощь. Ведь мощь природы есть сама мощь Бога, который имеет верховное право на все» [Там же. С. 351].

Право и установление природы, под которым все рождаются и большая часть живет, запрещает только то, чего никто не желает и чего никто не может.

Проведя анализ воззрения Спинозы на принимаемые в государстве и обществе законы, сущность этих законов можно сформулировать следующим образом:

- что не может быть запрещено, то должно быть допущено;
- чтобы закон был разумным, он должен быть принят большим количеством или собранием людей;
- действия и законы природы исходят от Бога. Природа есть целостность, определенный порядок, установленный Богом. Человек — часть природы, божественного мира, который подчиняется общему порядку. Все, что против природы, — это против Бога. Глупцы требуют противоприродного чуда как доказательства

божественного бытия, на самом же деле проявление Бога – в том, что все совершается так, как он задумал, согласно природе.

Похожих выводов придерживается в своих исследованиях трудов Спинозы и М.С. Беленький [1, с. 320].

Рассматривая естественное, природное состояние человека, Спиноза отмечал, что каждый индивид имеет верховное природное право на существование и деятельность согласно своей природе. Верховное право определяется не здравым смыслом (природным божественным законом), а желанием индивида и его мощью. В этом состоянии все равны – разумные и неразумные, это состояние небезопасности и своеволия, в нем не существует ни религии, ни закона. Естественное состояние – это «состояние борьбы всех против всех» [3, с. 353].

Спиноза – сторонник идеи общественного договора. Он утверждал, что люди пришли к соглашению, что они коллективно владеют своим природным правом (или делегируют его монарху). Коллективное право определяется на основании мощи и воли всех вместе, и тут все руководствуются разумом. Спиноза – сторонник идей, которые можно было бы сформулировать так: «Никому не делать того, чего не желаешь себе», «Защищать право другого как свое» [Там же. С. 339, 340].

Общество имеет высшее природное право на все, каждый должен ему покоряться под страхом большего зла – наказания или добровольно, по решению разума, надеясь на большее благо. Именно боязнь зла или надежда на благо заставляют человека придерживаться договора. Природное право не передается полностью, граница – природный божественный закон – свобода мысли, суждения, слова каждого подданного. А нарушение прав, исходящих из договора, возможно только между частными лицами. Невозможно подданным претерпеть нарушение своих прав от верховной власти. Однако, поскольку каждый человек в силу своего существа стремится к своей выгоде, ни одно общество не может жить без власти и силы, а следовательно, без законов, умиряющих и сдерживающих страсти и необузданные порывы людей. И законы эти должны быть обеспечены поощрением и/или наказанием.

Можно согласиться с мнением М.Я. Яхьяева о том, что в понятие «счастье» Спиноза вкладывал одно из естественных желаний людей – желание спокойной жизни и здоровья и средства для этого зависят от внешних причин. Соответственно целью общества и государства должно являться обеспечение этого «счастья», не превращать разум человека в автомат, а обеспечить, чтобы душа и тело человека функционировали, не страшась опасности, а люди свободно пользовались своим разумом [4, с. 241].

Цель государства достигается исполнением всех законов. Цель государства – это свобода человека. Цель верховной власти – удержать человека в границах разума, так как люди склонны руководствоваться страстями. Государство может существовать только при условии соблюдения принятых в нем законов. Иначе распадется общество и, как следствие, разрушится государство. Сохранение государства зависит главным образом от верности подданных и их добродетели и душевного постоянства в выполнении приказаний власти. Но каким образом нужно руководить подданными, чтобы они постоянно хранили верность и добродетель? Вопрос непростой. Все, как правители, так и управляемые, – люди, и соответственно они склонны вместо труда к наслаждению. Конечная цель государства заключается не в том, чтобы господствовать и держать людей в страхе, подчиняя их власти другого, а, наоборот, в том, чтобы каждого освободить от страха, чтобы он (обыватель) жил в безопасности, насколько это возможно, т. е. чтобы он наилучшим образом удерживал свое естественное право на существование и деятельность без вреда себе и другому. Цель государства не в том, чтобы превращать людей из разумных существ в животных или автоматы, а, напротив, в том, чтобы их душа и тело отправляли свои функции, не подвергаясь опасности, а сами они пользовались свободным разумом и чтобы они не соперничали друг с другом в ненависти, гневе или хитрости и не относились враждебно друг к другу. Таким образом, цель государства в действительности есть свобода.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Невозможно отнять у людей свободу говорить то, что они думают.
2. Эта свобода без вреда праву и авторитету верховных властей может быть дана каждому и

каждый может ее сохранять без вреда тому же праву, если при этом он не берет на себя никакой смелости ввести что-нибудь в государстве как право или сделать что-нибудь против принятых законов.

3. Эту самую свободу каждый может иметь, сохраняя мир в государстве, и от нее не возникает никаких неудобств, которые нельзя было бы легко устранить.

4. Каждый может иметь свободу также без вреда благочестию.

5. Законы, издаваемые относительно спекулятивных предметов, совершенно бесполезны.

6. Эта свобода не только может быть допущена без нарушения в государстве мира, благочестия и права верховных властей, но ее должно допустить, чтобы все это сохранить.

То государство будет наиболее своенравным, которое зиждется на разуме и руководствуется им. И потому та верховная власть является наилучшей, при которой люди проводят жизнь в согласии и права которой блюнутся нерушимо [4, с. 225]. В этой связи Спиноза полагал, что единственно абсолютное государство, опирающееся на согласие подданных, правящее ими при помощи только разумных законов, обеспечивающее свободу, равенство, общее благо, — это демократия, «народная форма верховной власти».

Демократия в наибольшей мере способна повелевать подданными и не имеет надобности их опасаться, так как устройство государства обеспечивает разумность законов, а тем самым свободу как подчинение осознанной необходимости. Таким образом, можно сказать, что концепция Спинозы о «народной форме верховной власти» — первое в идеологии Нового времени теоретическое обоснование демократии. На основании вышесказанного можно сделать вывод, что суждения Спинозы о законе и праве основываются на свойственном рационализму представлении о свободе как подчинении равному для всех разумному закону.

Политико-правовое учение Спинозы о естественном праве явилось немалым шагом к постижению сущности государства и права. Его стремление освободить теорию политики от морализирования предопределило отождествление права, «мощи» и законов природы. Философские воззрения Спинозы были восприняты Руссо и другими мыслителями демократического направления. По нашему мнению, его имя можно смело ставить в один ряд с такими величайшими мыслителями — философами права и теоретиками доктрины «естественного права», как Г. Гроций, Ш. Монтескье, Д. Дидро, П. Гольбах, А.Н. Радищев, Ж-Ж. Руссо, Дж. Локк.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беленький, М.С.** Спиноза [Текст] / М.С. Беленький. — М., 1973. — 554 с.
 2. **Гроций, Г.** О праве войны и мира [Текст] / Г. Гроций. — М., 1994. — 76 с.

3. **Спиноза, Б.** Избранные произведения [Текст]. В 2 т. Т. 1 / Б. Спиноза. — М., 1957. — 578 с.
 4. **Яхъяев, М.Я.** Мыслители Нового времени [Текст] / М.Я. Яхъяев. — М., 2001. — 461 с.

УДК 343.1

В.Н. Снетков, Н.А. Фомина

КЛАССИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ФЕДЕРАЦИЙ

Многообразие подходов к изучению такого сложного феномена, как федеративное устройство государств, вызывает среди исследователей острые дискуссии по вопросам, касающимся выделения видов и методов данного

объекта, а также по вопросу классификации федераций.

По мнению В.Г. Вишнякова, «будучи целостным и единым государственным образованием, федерация не может строиться

«разномодельно» [1, с. 20–28]. Он отвергает наличие типов и моделей федераций и считает, что в их изучении нет ни теоретического, ни практического смысла. Думается, что подобный подход достаточно спорный, так как он ограничивает возможности научного познания и фактически игнорирует многообразие проявлений федеративной формы.

Э.В. Тадевосян придерживается другой точки зрения по данному вопросу. В работе «О моделировании в теории федерализма и проблеме асимметричных федераций» он отмечает, что «любая реальная модель представляет собой неразрывное единство общего и особенного в теории и практике федерализма. Можно по-разному классифицировать и называть различные модели федерализма, но нельзя не признавать реального существования разновидностей федеративных систем, которые при всем том общем, что составляет суть федерализма, серьезно отличаются друг от друга по своей конкретной структуре, организации, функционированию и развитию» [2, с. 58–68].

С критикой подхода, отрицающего возможность применения моделирования в теории федерализма, выступила и И.А. Умнова. По ее мнению, «отказ от исследования федерализма на основе идентификации его особенностей и выделения различных моделей, характеризующих специфику систем разделения государственной власти по вертикали, степень развития демократии и эффективность федеративного устройства, едва ли оправдан. В результате такого научного “аскетизма” не только обедняется теория федерализма, но и снижается практическая значимость научных исследований, посвященных данной проблематике» [3, с. 28].

Л.М. Карапетян считает, что выделять необходимо именно модели федераций, но не федерализма, а изучение моделей федерализма методологически необоснованно и не дает ничего нового для научных исследований. Он отмечает, что «единственной моделью федерализма является федерализм» [4, с. 58] и в этом плане можно говорить лишь об особенностях федераций.

В юридической литературе часто критикуется подобный подход, но это происходит по простой причине: некоторые исследователи не

различают понятия «федерализм» и «федерация», что и приводит к путанице.

В связи с этим следует согласиться с А.В. Киселевой и А.В. Нестеренко, которые, устраняя имеющиеся противоречия, разъясняют, что не может быть «особенного» понимания федерализма. Не может быть особенного принципа в России, в США... Другое дело, что реализация данного принципа различна в разных государствах. Федерализм — это не форма, а принцип организации государственной власти. Именно поэтому не существует моделей, видов федерализма, национальных особенностей содержания федерализма, точно так же, как, например, не существует национальных особенностей принципа разделения властей, хотя каждое государство воплощает собственную конституционную модель данного принципа [5, с. 24].

В.А. Черепанов, придерживающийся такой же точки зрения, утверждает, что «федерализм представляет собой принцип государственного устройства и в этой своей ипостаси одинаково присущ всем федеративным странам, независимо от специфических особенностей федеративной формы их государственного устройства. При таком семантическом различии формы государственного устройства и принципа, который лежит в основе выделения данной формы, действительно “федерализм есть или его нет”. Другое дело, когда речь идет о специфике проявления данного принципа в государственном устройстве различных стран. Здесь вполне уместно, можно и должно говорить о различных моделях федерации (но не федерализма)» [6, с. 27].

Таким образом, выделение моделей федераций необходимо для изучения их особенностей в разных странах. Виды федераций позволяют подразделить все существующие государства с федеративным государственным устройством на определенные группы, выявить их общие черты и уникальность каждого из них.

При исследовании федеративной формы государственного устройства само понятие «федерация» выступает в качестве общей категории, как единство всех ее разновидностей, а особенным являются различные модели федераций. На основе выделяемых моделей как раз и можно сравнивать отдельные неповторимые разновидности федераций, находить их тождественные

признаки в конкретной действительности.

Классифицировать модели федераций можно по разным критериям. Наиболее распространена типология в зависимости от вида нормативного правового акта, учредившего федеративное государство. В соответствии с данным критерием принято выделять договорные и конституционные федерации.

Договорные федерации создаются путем подписания договора, как правило, между ранее независимыми государствами. Так возникли одни из первых федеративных государств — США и Швейцария, аналогичным образом шло образование федераций в Канаде, Австралии и Югославии.

Данный способ учреждения федераций «снизу вверх» нередко считается классическим и наиболее отвечающим федеративной природе государства, основанной на согласии объединяемых субъектов федерации.

Образование конституционных федераций начинается с принятия конституции путем частичной централизации конфедерации или децентрализации унитарного государства. Таким методом «сверху вниз» создавались Германия, Бельгия, Нигерия и Эфиопия.

Несмотря на существующую специфику, в конституционных федерациях также необходимо достижение согласия между составляющими ее субъектами по поводу единства и разделения государственной власти. В противном случае возникает возможность нарушения несогласной стороной формально-юридической модели федерации, закрепленной конституцией. Подобный политический конфликт может привести к серьезным последствиям, так как при этом разрушаются федеративные основы государственного устройства страны.

Таким образом, независимо от способа образования федерации («снизу» или «сверху») доминирующим требованием является добровольное согласие входящих в единое государство субъектов [7, с. 5]. По этой причине созданию конституционных федераций, как правило, предшествует период согласования, который в разных странах имеет свою специфику.

Разделение государственной власти между федеративным государством и составляющими его субъектами, являясь сутью федеративной формы, также выступает объектом научного

моделирования. В зависимости от принципа разделения государственной власти, способа определения самого объема власти для разных ее уровней можно выделить централизованные и нецентрализованные федерации.

В централизованных федерациях государственная власть максимально сосредоточена на федеральном уровне. Как правило, в конституциях подобных государств закрепляется открытый перечень предметов ведения федерации и делается оговорка о возможности принятия к рассмотрению любых вопросов общегосударственного значения.

Основой для вертикального разделения государственной власти в нецентрализованных федерациях является принцип субсидиарности: вопросы, которые можно решить на уровне субъекта, нет необходимости передавать наверх. Компетенция делится таким образом, чтобы проблемы могли быть урегулированы на том уровне, на котором они возникли, а федеральная власть вмешивалась только в том случае, если ситуация выходит за рамки полномочий субъектов федерации.

В современной науке отмечается демократический характер принципа субсидиарности как основы организации федеративного устройства. «В политической философии федерализма именно субсидиарность играет роль “противовеса”, нейтрализующего опасность установления режима личной власти или иной формы бюрократической диктатуры. Руководствуясь принципом субсидиарности, федералисты считают возможным добиться четкого разграничения компетенции и полномочий уровней власти, не позволяя ни одному из них приобрести гипертрофированное значение» [8, с. 143].

По мнению В.А. Черепанова, выделенные централизованные и нецентрализованные модели федераций «представляют собой научные абстракции, идеальные типы. В реальности трудно найти “чистую” централизованную или нецентрализованную федерацию, все многообразие их разновидностей располагается между этими противоположными полюсами...» [6, с. 28]. Сегодня можно говорить лишь о степени централизации или децентрализации власти в конкретном федеративном государстве.

Интересной представляется классификация федеративных государств, основанная на

уровне децентрализации властных полномочий и правовой самостоятельности федеративных субъектов, предложенная В.Г. Введенским и А.Ю. Гороховым. По данному критерию они выделяют три группы федеративных государств [9, с. 66–73].

В первую группу включены страны с высоким уровнем децентрализации. Основные критерии: наличие у субъектов федерации собственных конституций (уставов), законодательных и судебных систем; фактическое невмешательство государства в выполнение региональных полномочий; сохранение за субъектами прав на региональные природные ресурсы; значительный объем региональных полномочий в социальной сфере. В эту группу входят такие страны, как Канада, Германия, Австрия, Бельгия и Австралия. С рядом оговорок авторы относят к ней и Россию, учитывая значительную степень правовой изоляции отдельных субъектов от центра.

Вторую группу составляют страны с умеренным уровнем децентрализации, при котором за государством сохраняются ключевые позиции в решении проблем общенационального значения и в распределении природно-ресурсной собственности. Особая роль отводится фактору «федеральной интервенции» [9, с. 71] и его практическому применению, но в то же время за субъектами сохранены основные институты государственности, характерные для федераций первой категории. В эту группу включены Швейцария, США, а также практически все латиноамериканские федерации, конституции которых в определяющей степени построены по образцу США.

Наконец, третью группу представляют государства с относительно низким уровнем децентрализации. Это большинство так называемых «молодых» федераций, в их числе Индия, Пакистан, Малайзия. В этих странах федеральная власть наделена значительно большими полномочиями, чем в государствах первых двух групп, а входящие в их состав субъекты во многих случаях фактически лишены всех атрибутов государственной власти.

Предложенная классификация представляет несомненный теоретический и эмпирический интерес. Она помогает произвести некоторую систематизацию на основе степени децентрализации, позволяя тем самым выделить общие

черты у различных по другим государственно-правовым параметрам федераций. Однако, как и многие другие типологии, она весьма условна.

В зависимости от типа взаимодействия между центральной и региональной властью выделяют дуалистическую и кооперативную модели федераций.

Сущность теории дуалистической федерации заключается в разделении власти в федеративном государстве таким образом, чтобы оба уровня управления были независимыми друг от друга и обладали самостоятельным статусом, установленным в конституции. Отсюда концепция дуалистического федерализма строится на двойственности суверенитета в федерации: суверенитет федеративного образования и его членов.

Думается, что в действительности суверенитет все же принадлежит исключительно центральной власти, а субъект федерации на правах государственного образования получает государственную самостоятельность в решении внутренних вопросов, но не независимость от центральной власти, и соответственно не может выйти из состава федерации.

В США федерация зародилась именно как дуалистическая, ее основой было строго фиксированное на конституционном уровне разделение функций и полномочий между центральной властью и властями штатов.

Следует отметить, что модель, ориентированная на строгую фиксацию разделения власти между федерацией и ее субъектами, сегодня в «чистом» виде не действует ни в одной стране, так как, по справедливому замечанию И.А. Умновой, не соответствует «политическим реалиям» [3, с. 34].

Двух способов разделения власти, когда права поделены между федерацией и ее субъектами в виде фиксированного перечня либо в виде закрепления определенного круга вопросов за одной из сторон и предоставления другой всех остаточных полномочий, оказалось недостаточно. Обнаружилось, что имеются сферы, в которых требуются кооперация, т. е. сотрудничество, и солидарная ответственность центра и составных частей федерации при осуществлении определенных социально значимых государственных функций. Модель федерации,

основанная на использовании системы таких отношений, получила наименование кооперативной федерации.

В настоящее время практически все государства с федеративной формой государственного устройства являются кооперативными по своей природе.

Несмотря на позитивные тенденции развития государственности, вызванные развитием кооперативной федерации, следует отметить, что как в мировой, так и в отечественной науке до сих пор ведутся споры о том, какой тип федерации (дуалистический или кооперативный) в большей мере отвечает задачам обеспечения стабильности государства.

Противники системы кооперативных отношений отмечают нарушение схемы двучленной структуры федеративного государства и возникновение опасности преобразования федерации в конфедерацию.

Представляется, что подобные опасения напрасны, так как федеративная структура, построенная на кооперативных началах, придает федерации гибкость, помогает удерживать равновесие власти и, следовательно, более эффективно обеспечивает стабильность государства.

Многие ученые считают, что в настоящее время именно теория кооперативной федерации наиболее широко распространена и в зарубежных федерациях, и в России. Модели кооперативных федераций интенсивно развиваются в США, Германии, Австрии, Швейцарии и в каждой стране имеют свои особенности. Высокая степень разработанности такого типа федерации свидетельствует о его актуальности и адекватности политическим и правовым процессам, протекающим в государствах. Кооперативные федерации имеют особое значение в современную эпоху, так как позволяют в цивилизованных формах предупреждать и разрешать политические и национальные конфликты.

Однородность субъектов федерации с точки зрения их государственно-правовой природы и статуса — это еще одно основание типологизации федераций. По данному критерию можно выделить три типа федеративных государств: симметричный, симметричный с элементами асимметрии и асимметричный.

По мнению И.А. Умновой, идеальной федерацией является именно симметричное

государство, в основу устройства которого положено объединение субъектов федерации, однородных по природе и равных по статусу, но в настоящее время абсолютно симметричных федерации с юридической точки зрения фактически не существует [3, с. 36].

В мировой практике наблюдаются тенденции развития асимметрии в федеративных отношениях симметричных государств [5, с. 194–195], так как каждое федеративное государство может столкнуться с объективными случаями асимметрии — необходимостью образования, наряду с равноправными субъектами федерации, федерального округа в рамках столицы государства, федеральных территорий, территорий с особым статусом. К некоторым федерациям примыкают так называемые ассоциированные, т. е. свободно присоединившиеся, государства.

В связи с этим необходимо определить, изменяется ли модель федеративных отношений при возникновении подобной ситуации. И.А. Умнова, отмечает: «Учитывая, что такие территории могут стать атрибутом любого государства независимо от того, унитарное оно или федеративное, представляется, что их появление в симметричном федеративном государстве означает наличие элементов асимметрии, не меняющих в целом общей симметричности федерации. Так, ассоциированные государства имеет и Новая Зеландия, которая не является федерацией по форме государственного устройства (острова Кука и Ниуэ)» [3, с. 40].

А.В. Киселева и А.В. Нестеренко считают, что государства, включающие в себя такие территории, являются в чистом виде асимметричными [5, с. 194–195].

Думается, что при наличии в составе федерации такого элемента, как свободно присоединившееся государство, она фактически теряет статус симметричного объединения и представляет собой образование с элементами асимметрии. Если же изменяется статус субъекта или создаются территории с прямым федеральным управлением, то федерация становится асимметричной.

Большинство федеративных государств сегодня — это симметричные федерации с элементами асимметрии, или, как их еще называют, относительно симметричные [3, с. 40].

В данном случае все субъекты федерации признаются однородными по природе и статусу (Германия, Австрия, Швейцария, Бразилия), но конституция может допускать исключения из общего правила, не касающиеся различий государственно-правовой природы субъектов федерации и затрагивающие лишь отдельные элементы их положения. Это именно исключение, а не правило, порождающее иную систему отношений, меняющую тип федерации как таковой.

Наименее удачной моделью федерации является асимметричная федерация, ведь в конституции изначально закрепляется разнородность субъектов федерации по их природе и статусу. В таких государствах, как правило, неизбежны конфликты, так как различия между субъектами федерации становятся источником недовольства тех, кто ущемлен в правах. Поэтому почти во всех странах с асимметричной моделью федерации либо со значительными элементами асимметрии наблюдается движение за реформирование федерации, связанное с повышением статуса ущемленных территорий до уровня субъектов федерации, за достижение равноправия субъектов федерации.

Именно путем преобразования территорий в субъекты федерации шло образование Австралии, Канады и, особенно, США, где осваиваемые колонистами территории приобретали статус субъектов федерации.

Сложившиеся сегодня в мировой практике варианты асимметрии можно подразделить на два вида: ограниченную и абсолютную асимметрию [3, с. 41].

Ограниченная асимметрия выражается различиями в правосубъектности однородных по природе субъектов федерации. Такой тип федерации характерен для Индии, где существует градация между штатами по их правам и обязанностям.

Абсолютная асимметрия — это наличие разных по природе территориальных образований с разными правами и обязанностями. Так, Танзания характеризуется полной асимметрией в соответствии с Конституцией 1977 года. К странам с абсолютной асимметрией можно отнести и США, ведь в их состав входят не только 50 штатов, которые обладают разным объемом прав, но и федеральный округ Колумбия, отличающийся

еще и статусом по сравнению с другими субъектами США.

В настоящее время в юридической литературе ведутся споры о том, может ли быть признана федерация асимметричной и допустимо ли признание асимметрии федеративного устройства как объективно заданной модели.

По мнению Л.М. Карапетяна, признание асимметрии конституционно-правового статуса субъектов федерации недопустимо для любого федеративного государства [4, с. 59]. Несмотря на такое категоричное заявление, он поясняет, что симметричность федерации не нарушается, если в составе федерации находятся иные образования, такие как ассоциированные субъекты, общенациональные территории, обладающие особым правовым статусом, ибо критерий симметричности относится исключительно к субъектам федерации.

Кроме того, Карапетян считает, что на симметричность федерации не влияют и разные нормы представительства субъектов федерации в общенациональных органах власти (например, в бундесрате — верхней палате парламента ФРГ — различные земли имеют от трех до шести представителей), так как данный фактор зависит от численности населения субъектов федерации.

Наконец, даже разница в предмете ведения и полномочиях субъектов федерации, закрепленная в общенациональной конституции или федеративном договоре, не означает асимметричности федерации, ибо «такая «асимметричность» не доминирует над «симметричностью» конституционного статуса субъектов федерации, то есть их конституционно-правовым равноправием как главным принципом федерализма» [10, с. 32].

Однако при таком подходе неясным становится, что собственно имеется в виду под конституционно-правовым равноправием субъектов федерации.

Следует согласиться с В.Е. Чиркиным, который считает, что наличие асимметричной федерации может быть объективно задано и ее существование свидетельствует о разнообразии моделей федераций [11, с. 16–30].

Считается, что асимметричность федерации может быть объективной и оправданной на конкретном историческом этапе, а может

быть искусственной, создающей почву для постоянной конфликтности субъектов федерации, требующих уравнивать их в правах. Естественно, что в отношении второго варианта асимметричности необходим поиск путей для преодоления отрицательных последствий и перехода к симметричной федерации.

Одной из причин асимметрии могут стать имеющиеся различия в статусе в зависимости от того, какой фактор положен в основу образования субъекта федерации – национальный или территориальный.

До сих пор ведется теоретический спор, допустимы ли федерации, построенные на национальной основе, или федерации, сочетающие территориальный и национальный факторы. Несмотря на то что большинство федеративных государств построено на территориальной основе, в мире имеет место сочетание территориального и национального факторов при построении федерации. Положительным примером государства, сочетающего в себе эти факторы, сегодня выступает Российская Федерация.

В практике также встречаются случаи, когда государство с ярко выраженными этническими особенностями выбирает наднациональный подход при построении федерации. Таким государством является Нигерия, пытавшаяся первоначально создать федерацию по национальному признаку, но в итоге, с целью предотвращения этнических конфликтов, перекроившая всю свою территорию на части по принципу: ни одна этническая группа, ни одно племя не образуют самостоятельного субъекта федерации.

Территориальный принцип, видимо, следует считать более предпочтительным для образования либо реструктурирования федерации, так как при таком варианте федеративного устройства национальный фактор как источник возможных конфликтов между территориями отсутствует. Именно по этой причине национально-этнические различия в составе

населения не получили отражения в государственной структуре США.

Однако это не означает полный отказ от использования национального фактора при построении федеративного государства. Необходимость учета такого фактора может быть вызвана также объективными обстоятельствами.

Наличие удачных примеров государств, построенных по национальному принципу, свидетельствует о том, что само по себе сочетание территориального и национального факторов при структурировании федерации допустимо. Важно, однако, чтобы применение национального принципа не разрушало государственность, не нарушало права и свободы человека, не стимулировало развитие национализма. Одним из условий, защищающих государственность от таких последствий, является формирование федерации на основе принципа равноправия субъектов федерации, их однородности по государственно-правовой природе и равенства по статусу независимо от того, по какому принципу они построены – национальному или территориальному.

Резюмируя, хотелось бы отметить многообразие современных моделей федераций. Их изучение по разным параметрам, характеризующим степень демократичности и эффективности, свидетельствует о важности ориентации на развитие моделей федераций более высокого уровня. В этом смысле предпочтение, видимо, должно отдаваться моделям кооперативной, децентрализованной, симметричной федерации, допускающей лишь объективно заданные элементы асимметрии.

Следует подчеркнуть, что федеративная форма государственного устройства должна быть объективно необходима в данном государстве, помогать в решении национальных конфликтов, предоставлять самостоятельность посредством передачи государственных полномочий. Если же федерация не соответствует политическим и правовым реалиям в государстве, это приведет к его развалу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишняков, В.Г. Конституционное регулирование федеративных отношений [Текст] / В.Г. Вишняков // Государство и право. – 1998. – № 12.

2. Тадевосян, Э.В. О моделировании в теории федерализма и проблеме асимметричных федераций [Текст] / Э.В. Тадевосян // Там же. – 1997. – № 8.

3. Умнова, И.А. Конституционные основы современного российского федерализма [Текст] / И.А. Умнова. — М., 1998.
4. Карапетян, Л.М. К вопросу о «моделях федерализма» [Текст] / Л.М. Карапетян // Государство и право. — 1996. — № 12.
5. Киселева, А.В. Теория федерализма [Текст] / А.В. Киселева, А.В. Нестеренко. — М., 2002.
6. Черепанов, В.А. Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами [Текст] / В.А. Черепанов. — М., 2003.
7. Карапетян, Л.М. Федерализм и право народов [Текст] / Л.М. Карапетян. — М., 1999.
8. Аболин, О.Ю. Всемирный и европейский федерализм: вероятные перспективы [Текст] / О.Ю. Аболин // Полит. исследования. — 1994. — № 5.
9. Введенский, А.Г. Россия: испытание федерализмом. Теория и практика отечественного и зарубежного опыта [Текст] / А.Г. Введенский, А.Ю. Горохов. — М., 2002.
10. Карапетян, Л.М. Федеративное устройство российского государства [Текст] / Л.М. Карапетян. — М., 2001.
11. Чиркин В.Е. Современный федерализм: сравнительный анализ [Текст] / В.Е. Чиркин. — М., 1995.

УДК 342.7

В.В. Пылин

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В любом современном демократическом и правовом государстве наиболее продуктивен такой характер развития гражданского общества и местных сообществ, при котором вся вертикаль государственных и муниципальных органов власти и управления позволяет максимально развиваться инициативе и самостоятельности граждан, непосредственной и представительной демократии, при котором максимально стимулируется самоорганизация экономических и политических сил.

Ключевой вопрос состоит в осознании того, что обновление жизни возможно лишь на основе свободы, самостоятельности и участия самого народа в правотворческой деятельности как непосредственно, так и через законодательные и представительные органы власти, в контроле над властью исполнительной, особенно в сфере местного самоуправления. Только тогда можно пробудить у людей сопричастность к необходимым в обществе преобразованиям, возродить нравственные стандарты, обеспечить разумный баланс между индивидуальными и коллективными интересами, включить граждан в противодействие коррупции, правовому нигилизму, терроризму, экстремизму, организованной преступности. Нужна реальная поддержка

людей. Только вместе власть и общество могут добиться успеха.

Президент РФ Д.А. Медведев, выступая на II Общероссийском гражданском форуме в 2008 году, подчеркнул, что местное самоуправление должно открывать гражданам возможность самостоятельно решать свои локальные проблемы так, как это происходит во всем мире, — без указаний и распоряжений сверху [2].

В Конституции Российской Федерации местное самоуправление закреплено как одна из основ конституционного строя, ориентированная на человека, его права и свободы. Конституция РФ, одна из немногих в мире, закрепила население муниципальных образований (МО) в качестве главного субъекта местного самоуправления, придав ему верховенство, установив, что местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, включая владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью, что население самостоятельно определяет структуру органов местного самоуправления (ОМС) (статьи 130, 131).

В соответствии с указанными конституционными положениями действующее законодательство Российской Федерации предоставляет

широкие возможности населению для участия в нормотворческой деятельности МО. Это участие должно быть направлено на совершенствование правового регулирования жизненно важных целей и ценностей в сфере демократического и комплексного социально-экономического развития МО, прежде всего на обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина в процессе реализации приоритетов внутренней и внешней политики государства.

В этих целях население вправе самостоятельно решать многие вопросы, относящиеся к компетенции своего МО, путем референдума. В поселениях с численностью жителей, обладающих избирательным правом, не более 100 человек население вправе решать вопросы местного значения на сходе граждан.

В соответствии с пунктом 7 статьи 2 и статьей 12 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [10] на местный референдум население вправе выносить как вопрос (вопросы), так и проекты муниципальных нормативных правовых актов.

Согласно статье 43 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9], оформленные в виде муниципальных правовых актов решения, принятые на местном референдуме (сходе граждан), как и устав МО, являются актами высшей юридической силы в системе муниципальных правовых актов, имеют прямое действие и применяются на всей территории МО.

В соответствии со статьей 26 этого Федерального закона граждане МО, обладающие избирательным правом, в порядке, установленном нормативным правовым актом представительного органа МО, могут выступать с правотворческой инициативой путем внесения проекта муниципального правового акта на рассмотрение ОМС или должностного лица местного самоуправления, к компетенции которых относится принятие соответствующего акта.

Согласно статье 46 данного закона, кроме указанных инициативных групп граждан субъектами правотворческой инициативы, обладающими правом вносить проекты муниципальных правовых актов на рассмотрение ОМС,

являются органы территориального общественного самоуправления, представляющие жителей подъезда многоквартирного жилого дома; многоквартирного жилого дома; группы жилых домов; жилого микрорайона; сельского населенного пункта, не являющегося поселением; иных территорий проживания граждан. В связи с тем что уставом МО могут быть предусмотрены иные субъекты правотворческой инициативы, помимо перечисленных в статье 46, правильно поступают те представительные органы МО, которые наделяют правом правотворческой инициативы территориальные отделения политических партий и наиболее крупные и авторитетные общественные объединения, представляющие интересы различных социальных групп жителей МО.

Значительные возможности для участия в обсуждении проектов муниципальных правовых актов гражданам МО предоставляют публичные слушания, которые могут проводиться в соответствии со статьей 28 того же закона по инициативе населения, представительного органа или главы МО. При этом проекты муниципальных правовых актов, выносимые на публичные слушания, должны заблаговременно публиковаться в муниципальных СМИ. Обязательно должны выноситься на публичные слушания: проект устава МО, а также проект муниципального правового акта о внесении изменений и дополнений в данный устав; проект местного бюджета и отчет о его исполнении; проекты планов и программ развития МО; вопросы, касающиеся преобразования МО.

В соответствии со статьей 13 Федерального закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [7] теперь широкие возможности должны будут предоставляться гражданам МО для участия в обсуждении проектов муниципальных правовых актов, внесенных в представительные ОМС, путем размещения их текстов в сети Интернет, что весьма удобно.

Граждане, считающие, что принятым и опубликованным в установленном порядке нормативным правовым актом ОМС или должностного лица нарушаются их права и свободы, гарантированные Конституцией РФ, законами

и другими нормативными правовыми актами, в соответствии со статьями 251 и 254 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ [3] вправе обратиться в суд с заявлением о признании этого акта противоречащим закону полностью или в какой-либо части.

Важными факторами, создающими условия гражданам для участия в нормотворческой деятельности МО, являются нормы законов, предусматривающие осуществление органами МО местного самоуправления гласно, открыто, с обеспечением широкого доступа граждан и общественных объединений к информации об их деятельности.

В этих целях в соответствии со статьей 17 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ [9] ОМС городских и сельских поселений, муниципальных районов и городских округов вправе учреждать печатное СМИ для опубликования муниципальных правовых актов, обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения, доведения до сведения жителей МО официальной информации о социально-экономическом и культурном развитии МО, о развитии его общественной инфраструктуры и иной официальной информации.

Согласно статье 52 этого Федерального закона, подлежат официальному опубликованию: проект местного бюджета, решение об утверждении местного бюджета, годовой отчет о его исполнении, ежеквартальные сведения о ходе исполнения местного бюджета и о численности муниципальных служащих ОМС, работников муниципальных учреждений с указанием фактических затрат на их денежное содержание.

В соответствии со статьей 38 того же закона подлежат опубликованию (обнародованию) результаты проверок, осуществляемых контрольным органом МО.

Но особую роль в этих направлениях призван сыграть широкий комплекс мер, установленный в Федеральном законе от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ [7], включающий размещение такой информации в сети Интернет. Соблюдение и надлежащее исполнение данного закона способно радикально позитивно преобразовать взаимосвязи и взаимодействие между органами власти и гражданами.

Однако Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ [9], установивший выше-названные демократические формы и механизмы, вопреки конституционным нормам, ориентированным на повышение роли населения в осуществлении местного самоуправления, лишил население ряда ранее действующих прав, установленных Федеральным законом от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [8]. Система народовластия на муниципальном уровне понесла существенные потери. Новый закон [9] необоснованно лишил население права принимать устав МО. Это стало теперь исключительной компетенцией только представительного органа МО. Например, в МО с населением до 10 тыс. человек (а таких у нас в стране большинство) устав принимают от имени многих тысяч граждан чаще всего 10 депутатов. Получается, что многонациональному народу страны доверяется принимать Конституцию РФ, а населению даже небольших поселений принимать устав больше не доверяют.

По старому закону [8] в соответствии со статьей 131 Конституции РФ структуру ОМС население определяло самостоятельно, теперь в большинстве МО оно фактически лишено этой возможности.

По Федеральному закону от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ [8] население могло досрочно распускать свои выборные коллегиальные органы, а по новому закону [9] не может. По старому закону [8] у избирателей была реальная правовая возможность на отзыв выборного лица, а по новому закону [9] это право стало практически нереализуемым, по старому закону в отдельных поселениях могла быть предусмотрена возможность осуществления полномочий представительных ОМС собраниями (сходами) граждан, а по новому закону это право закреплено только за поселениями, в которых число жителей не более 100 человек.

Если раньше государственные и муниципальные служащие не могли составлять более одной трети от общего числа членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, то сейчас (видимо, чтобы сделать комиссии еще более «независимыми», но теперь уже от избирателей) в соответствии с Федеральным

законом от 21 июля 2005 года № 93-ФЗ [6] их доля увеличена до 50 %, и это не считая работников муниципальных предприятий и учреждений, подчиненных местным администрациям. В результате в стране становится все больше комиссий, руководителями которых являются государственные и муниципальные служащие. Вследствие этого возрастает число комиссий, похожих не только по форме, но и по зависимости, на филиалы местных администраций.

Несмотря на эти потери, безусловно, снизившие уровень демократизма в сфере местного самоуправления, у населения, у граждан, как это уже было показано, еще достаточно форм, посредством которых они могут реально участвовать в нормотворческой деятельности МО. Однако во многих МО жители не проявляют гражданской активности, редко используют установленные законодательством формы участия в осуществлении местного самоуправления как в различных его сферах, так в нормотворческой деятельности своих МО.

По данным заместителя секретаря Общественной палаты Российской Федерации М. Островского, даже деятельность Общественных палат, созданных более чем в 40 субъектах Федерации, иногда формальна, поскольку люди там очень зависимы от муниципальных и региональных властей. Лишь 7 % граждан участвуют в общественной жизни страны [5, с. 11]. Таким образом, участие граждан в общественной жизни своих МО пока остается на низком уровне. При этом только 1 % россиян считает, что они могут влиять на положение в стране.

Отчасти это связано с некоторыми противоречиями, неопределенностями, пробелами и коллизиями в правовом регулировании институтов и форм нормотворческой деятельности населения. Но главное, что сдерживает активность граждан, — формализм, бюрократизм и правовой нигилизм местных властей, их неумение, а часто незаинтересованность и нежелание работать в механизмах демократии. Все это ярко проявилось в ходе реформы местного самоуправления в 2003–2008 годах, которая по своей сути должна была стать самой народной, однако проводилась в большинстве мест практически без участия населения.

Так, статьей 34 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ [9] было определено,

что местный референдум по вопросу определения структуры ОМС вновь образованного МО, число которых в стране составляло около 12,5 тыс., проводится только в случае, если в течение одного месяца со дня вступления в силу закона субъекта Федерации об установлении границ МО с инициативой о проведении референдума выступила группа жителей МО. Однако информация о принятии и сроках вступления в силу таких законов в большинстве субъектов Федерации своевременно до граждан доведена не была. Также не была проведена и необходимая разъяснительная работа относительно конституционного права населения самому определять структуру собственных ОМС путем проведения референдумов ни избирательными комиссиями страны, ни политическими партиями, ни региональными и муниципальными органами власти, ни депутатами.

Вследствие этого и иных причин в стране было проведено не 12,5 тыс., а только 383 местных референдума по определению структуры ОМС, причем большинство из них состоялось только в двух субъектах Федерации: 269 — в Тюменской области и 104 — в Республике Башкортостан [1, с. 62].

При этом на местном референдуме население было вправе установить лишь перечень и наименования ОМС, порядок избрания и полномочия главы МО. А такие важные вопросы, как число депутатов и членов ревизионной комиссии, срок полномочий органов и должностных лиц местного самоуправления, порядок их избрания, вопросы местного значения, относящиеся к исключительной компетенции населения, формы, порядок и гарантии участия населения в решении вопросов местного значения, которые раньше решались населением на референдуме, теперь необоснованно исключены из его полномочий.

Зато органы государственной власти субъектов Федерации в таких случаях, когда структура ОМС не определена на местном референдуме, вопреки принципам демократии получили широкие права самим устанавливать законом субъекта Федерации численность и сроки полномочий представительных органов первого созыва вновь образованных МО, порядок избрания глав вновь образованных МО, а также определять их правовой статус — быть им одновременно председателями представительных

органов либо главами местных администраций. И это несмотря на то, что федеральным законом участие органов государственной власти в формировании ОМС не допускается.

Подобная позиция местных властей отрицательно отразилась на развитии органов территориального общественного самоуправления, число которых за последние годы сократилось в несколько раз. По данным доклада Общественной палаты Российской Федерации «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» [13] на 1 октября 2006 года число таких организаций по стране не достигает полутора тысяч, что ничтожно мало по сравнению с потенциалом развития этой крайне важной формы общественной самодеятельности.

Дальнейшее расширение участия населения в осуществлении местного самоуправления, в том числе и в нормотворческой деятельности МО, по мнению экспертов, зависит не столько от самих граждан, сколько от внешних условий: стимулирования и активной поддержки со стороны ОМС, демократизации местного самоуправления. Там, где есть демократия, меньше вероятность ошибки.

В Послании Президента Российской Федерации Медведева Д.А. Федеральному собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 года [11] подчеркивается, что «перемены к лучшему происходят лишь там, где есть возможность для открытого обсуждения возникающих проблем, для честного соревнования идей, определяющих методы их решения, где граждане ценят общественную стабильность и уважают закон. И в то же время могут брать на себя ответственность за положение дел в своем поселке или городе, понимают, что только активная позиция приводит в движение тяжелую машину государственной бюрократии».

У многих руководителей государственных и муниципальных органов власти и управления, несмотря на их частые декларации о том, что народ является источником власти, а человек, его права и свободы — высшей ценностью, на самом деле прослеживается устойчивое нежелание, боязнь и неумение осуществлять управление в механизмах подлинного народовластия при активном участии самого народа.

Подобное лицемерие, а по сути неверие в способность простых граждан участвовать в

управлении делами государства и даже МО, как и различное иронизирование над возможностью народовластия, сохраняется у современных властей имущих по подобию того, как это было в период самодержавия в России.

Так, в конце XIX века в ходе введения упрощенного управления в негубернских городах целый ряд губернаторов, чтобы не увеличивать число избирателей, ходатайствовали перед Министерством внутренних дел об установлении в некоторых негубернских городах управления в полном объеме. Например, губернатор Ярославля обосновывал это улучшением состава избирательных собраний, а о том, что число мещан в них в городах Ростове и Рыбинске сократится более чем в 4 раза, не сожалел, объясняя свою позицию так: поскольку в среде мещан, представляющих собой преимущественно мелких торговцев или промышленников, всего менее можно встретить лиц, материально обеспеченных и умственно развитых, умеющих сознательно относиться к общественным интересам, то от сокращения числа избирателей этой категории нельзя не ожидать полезных результатов для городского общественного управления [4, с. 23, 24].

Мир давно изменился, в конституциях и законодательстве получили закрепление современные прогрессивные принципы демократии, но, несмотря на то что огромное число авторитарных чиновников и политиков стараются маскировать свое презрение к «глупому» народу, оно отчетливо проявляется в их деятельности, в том числе и по отношению к местным сообществам. А ведь в них не только «простые люди», но и депутаты, государственные и муниципальные служащие, ученые, учителя, юристы, врачи, инженеры, студенты. Отсюда усиливающийся соблазн решать государственные и муниципальные проблемы авторитарными методами, административно-командными способами. В силу этого многие демократические институты государства и гражданского общества зачастую превращаются в фикцию, а самовластие чиновников процветает.

В.В. Путин справедливо обратил внимание на то, что «порой можно слышать, что поскольку российский народ веками безмолвствовал, то и свобода для него якобы непривычна и не нужна. И будто бы поэтому наши граждане

нуждаются в постоянном начальственном присмотре. Хотел бы вернуть тех, кто так считает, к реальности. К тому, что есть на самом деле... Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром. Убежден, для современной России ценности демократии не менее важны, чем стремление к экономическому успеху или социальному благополучию людей» [12].

Гражданское общество, его местные сообщества и государство должны проявлять больше взыскательности к нарушающим закон, принципы демократии, права граждан невзирая на личности. Ответственность в этом случае должна быть неотвратима. Это аксиома. Но она пока так и не стала правилом. Слова о свободе и демократии — пустая абстракция для тех, кому приходится сталкиваться с коррумпированной бюрократией, чиновничьим своеволием, кто на

себе испытал, что их профессионализм нужен в государственных и муниципальных органах при условии, если они не будут проявлять свою принципиальность, гражданскую позицию. В противном случае они будут преследоваться и шельмоваться за критику, а в итоге заменены послушными. К сожалению, когда в стране процветает «административный ресурс», когда многое покупается и продается, тогда во власть проникают не лучшие, а безликие, не уважаемые, а льстивые, не честные люди, а послушные временщики.

Именно поэтому у нас в обществе все больше и больше становится равнодушных и безразличных граждан. Тем самым бюрократией создается благоприятная питательная среда для самоуправства. Правильно установленная законом ответственность, а также неотвратимые и адекватные меры по ее применению — неперемное условие не только искоренения нарушений, но и воспитания ответственности за свои действия и поступки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вестник** Центральной избирательной комиссии РФ [Текст]. — 2006, — № 5.
2. **Выступление** Д.А. Медведева на II Общероссийском гражданском форуме в 2008 году [Текст] // Рос. газ. — 2008. — 15 февраля.
3. **Гражданский** процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. — 2002. — № 46, — Ст. 4532; 2004. — № 24. — Ст. 2335, № 31. — Ст. 3230; 2005. — № 30. — Ст. 3104; 2006. — № 50. — Ст. 5303; 2007. — № 31. — Ст. 4011, № 41. — Ст. 4845, № 43. — Ст. 5084, № 50. — Ст. 6243; 2008. — № 29. — Ст. 3418, № 30. — Ст. 3600, № 48. — Ст. 5518; 2009. — № 7. — Ст. 771, 775, № 14. — Ст. 1579, № 26. — Ст. 3122, 3126.
4. **Нардова, В.А.** Самодержавие и городские думы в России в конце XIX — начале XX века [Текст] / В.А. Нардова. — СПб.: Наука, 1994.
5. **Нетреба, Т.** Миссия: разбудить общество [Текст] / Т. Нетреба // Аргументы и факты. — 2009. — № 39.
6. **О внесении** изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации [Текст]: федер. закон: [принят Гос. думой 21 июля 2005 г.] № 93-ФЗ // СЗ РФ. — 2005. — № 30. — Ст. 3104.
7. **Об обеспечении** доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления [Текст]: федер. закон: [принят Гос. думой 9 февраля 2009 г.] № 8-ФЗ // СЗ РФ. — 2009. — № 7. — Ст. 776.
8. **Об общих** принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Текст]: федер. закон: [принят Гос. думой 28 августа 1995 г.] № 154-ФЗ // СЗ РФ. — 1995. — № 35. — Ст. 3506; 1996. — № 17. — Ст. 1917; 1997. — № 12. — Ст. 1378; 2000. — № 32. — Ст. 3330; 2002. — № 12. — Ст. 1093; 2003. — № 28. — Ст. 2892, № 50. — Ст. 4855; 2005. — № 30. — Ст. 3108.
9. **Об общих** принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Текст]: федер. закон: [принят Гос. думой 6 октября 2003 г.] № 131-ФЗ // СЗ РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822; 2004. — № 33. — Ст. 3368; 2005. — № 1. — Ст. 9, 12, 17, 25, 37, № 17. — Ст. 1480, № 27. — Ст. 2708, № 30. — Ст. 3104, 3108, № 42. — Ст. 4216; 2006. — № 1. — Ст. 9, 10, 17, № 6. — Ст. 636, № 8. — Ст. 852, № 31. — Ст. 3427, 3452, № 43. — Ст. 4412, № 50. — Ст. 5279; 2007. — № 1. — Ст. 21, № 10. — Ст. 1151, № 18. — Ст. 2117, № 21. — Ст. 2455, № 25. — Ст. 2977, № 26. — Ст. 3074, № 30. — Ст. 3801, № 43. — Ст. 5084, № 45. — Ст. 5430, № 46. — Ст. 5553, 5556; 2008. — № 24. — Ст. 2790, № 30. — Ст. 3616, № 48. — Ст. 5517, № 49. — Ст. 5744, № 52. — Ст. 6229, 6236; 2009. — № 19. — Ст. 2280; Рос. газ. — 2010. — 30 сентября.
10. **Об основных** гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации [Текст]: федер. закон: [принят Гос. думой

12 июня 2002 г.] № 67-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 24. — Ст. 2253, № 39. — Ст. 3642; 2003. — № 26. — Ст. 2572, № 27. — Ст. 2711, 2716; 2004. — № 24. — Ст. 2335, № 33. — Ст. 3368, № 35. — Ст. 3607, № 50. — Ст. 4950; 2005. — № 30. — Ст. 3104; 2006. — № 50. — Ст. 5303; 2007. — № 1. — Ст. 37, № 6. — Ст. 681, № 10. — Ст. 1151, № 17. — Ст. 1938, № 18. — Ст. 2118, № 31. — Ст. 4008, 4011; 2008. — № 30. — Ст. 3605, 3616, № 48. — Ст. 5517, № 52. — Ст. 6229, 6236; 2009. — № 29. — Ст. 3633, 3640; Рос. газ. — 2010. — 26 апреля.

11. **Послание** Президента Российской Федерации Медведева Д.А. Федеральному собранию Российской

Федерации 12 ноября 2009 года [Текст] // Рос. газ. — 2009. — 13 ноября.

12. **Послание** Президента Российской Федерации Путина В.В. Федеральному собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 года [Текст] // Рос. газ. — 2005. — 26 апреля.

13. **Состояние** гражданского общества в Российской Федерации [Электронный ресурс]: докл. Общественной палаты Российской Федерации. — Режим доступа: сайт Общественной палаты РФ (7 февраля 2007 г.).

УДК 342

А.В. Фомичев, Л.С. Фомичева

ЛОББИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И МОДЕЛИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В конце 1980-х годов в России началась политическая и экономическая модернизация. Обустройство демократического правового государства потребовало тщательного изучения всех современных институтов демократии и овладения механизмами их деятельности. Коренному реформированию была подвергнута политическая система страны, сформирован двухпалатный парламент, созданы институты Президента, парламентского Уполномоченного по правам человека, Конституционного суда и т. д. К числу таких политико-правовых институтов относится и лоббизм, который давно укоренился в развитых демократиях и получил там свое правовое оформление. Статья посвящена анализу этого правового явления, играющего заметную роль в системе государственной власти, в механизме выработки и принятия государственных решений.

Слово «лобби» пришло в английский язык из средневековой латыни. В 40-х годах XVII века в Англии так стали называть вестибюль и два коридора в здании палаты общин британского парламента, где происходили встречи депутатов с лицами, заинтересованными в прохождении тех или иных биллей, но не имевшими возможности присутствовать на пленарных заседаниях палаты. В США этот термин впервые появился

в протоколах конгресса в 1808 году, но он имел уже другое значение.

В современной науке под термином «лоббизм» принято понимать совокупность средств и методов воздействия на органы государственной власти, применяемых различными заинтересованными группами... с целью добиться от этих органов благоприятных для себя решений [1, с. 51]. О.Г. Румянцев и В.Н. Додонов трактуют его как «оказание давления на парламентария путем личного или письменного обращения или другим способом (организация массовых петиций, потока писем, публикаций) со стороны какой-либо группы или частных лиц, цель которого — добиться принятия или отклонения какого-либо законопроекта» [2, с. 159]. На наш взгляд, это усеченное определение лоббизма. Как показывает практика, объектом давления являются отнюдь не только, а может быть, и не столько парламентарии, сколько должностные лица, чиновники исполнительной власти, глава государства, его аппарат и т. д.

По мнению А.П. Любимова, как правовой институт лоббизм — это «совокупность норм, регулирующих взаимодействие (участие) граждан, общественных объединений, организаций, предприятий, специализирующихся на лоббистской деятельности, других субъектов

правоотношений с органами государственной власти для оказания влияния на принятие необходимых лоббистам решений и для активного отстаивания своих интересов» [3, с. 28].

На практике термин «лоббизм» используется и для характеристики отношений между государственными органами, прежде всего парламентом и правительством. Правительство оказывает давление на депутатов с целью «проталкивания» нужного законопроекта, депутаты, в свою очередь, также могут оказывать давление на правительство или министров по тому или иному поводу.

Лоббизм — объективное явление политических систем демократических стран. Правовая основа лоббистской деятельности — гарантия предоставления со стороны правового государства своим гражданам равного и свободного права на участие в принятии решений или в системе легитимного выбора и распределения власти. Так как государственные решения, как правило, затрагивают интересы как отдельных граждан, их групп, так и целых слоев населения, объективно возникает заинтересованность субъектов правоотношений (граждан, политических организаций, должностных лиц) в принятии решений вполне определенных, отвечающих их интересам. Логично предположить, что в ходе политического процесса конкретные лица пытаются оказать давление на структуры власти, должностных лиц, общественное мнение для достижения желаемого результата.

Лоббизму как политико-правовому явлению присущи определенные черты. Группы давления, во-первых, осуществляют посредническую функцию между гражданами и государством. Прежде всего эта функция предполагает обмен информацией: доведение до государственных органов общественных интересов. Во-вторых, группа давления выполняет функцию «организации плюрализма общественных интересов». Обществу лоббизм выгоден уже потому, что сопоставление групповых интересов, оформленное в политических решениях и осуществленное в рамках демократических процедур, создает реальную и эффективную систему «сдержек и противовесов». В-третьих, лоббизм своеобразным образом дополняет систему представительства, делая возможным участие в принятии и реализации политических решений групп, не

имеющих возможности делать это другим образом [1, с. 52]. В силу этого в настоящее время лоббизм все больше понимается как необходимый, естественный и правовой инструмент взаимоотношений власти (должностных лиц, чиновников) и общества (граждан) [3, с. 29].

Очевидно, что развитие гражданского общества в России должно идти по пути предоставления гражданам больших прав, свобод и возможностей законным образом влиять на принятие государственных решений, участвовать в управлении делами государства, контролировать власть. В этой связи понятен тот интерес, который российские исследователи проявляют к институту лоббизма, ставшего заметным элементом демократических политических систем стран Запада. Особое внимание отечественная литература уделяет исследованию этих институтов в США и ФРГ, предложивших свои модели правового регулирования лоббистской деятельности.

В США такое регулирование осуществляется с 1946 года, когда конгресс принял соответствующий закон. Основная его идея заключалась в том, чтобы сделать лоббирование гласным и исключить возможность коррупции [4, с. 94]. Согласно закону, организация или физическое лицо, предпринимавшие давление на конгресс, были обязаны регистрировать своих лоббистов у секретаря сената и клерка палаты представителей. При этом они обязаны были сообщать область своих интересов в законодательной сфере. Закон не ограничивал размер финансовых средств, которые можно было использовать на лоббистскую деятельность, однако устанавливал ответственность за нарушение предписаний (5 тыс. долл. либо тюремное заключение на срок до 1 года, либо то и другое) [5, с. 171–175].

Многочисленные скандалы в этой сфере свидетельствовали, что закон не устранил коррупцию. Предпринимавшиеся впоследствии попытки путем внесения в него поправок ограничить лоббистскую деятельность успеха не имели. Поэтому конгресс был вынужден принять новый закон о раскрытии лоббистской деятельности, вступивший в действие в 1996 году. Цель нового закона — «обеспечить эффективную открытость усилий, предпринимаемых платными лоббистами для оказания

влияния на ведение правительственных действий должностными лицами законодательной или исполнительной ветвей федерального Правительства, дав при этом народу США самую полную возможность осуществлять его конституционное право обращаться к Правительству с петициями об исправлении несправедливостей; свободно выражать свое мнение Правительству и предоставлять информацию своему Правительству». В новом законе прописаны и установлены: а) понятийный аппарат, состоящий почти из двух десятков терминов и определений; б) перечень сведений, которые должен отразить лоббист в регистрационном документе; в) сроки отчетов зарегистрированных лоббистов; г) сведения, которые должны содержаться в отчетах; д) обязанности зарегистрированного лоббиста или лоббистской организации; е) обязанности секретаря сената и клерка палаты представителей; ж) размеры штрафа за нарушения норм лоббистской деятельности и т. д. [3, с. 46]. В законе подчеркнуто, что его действие распространяется на лоббистскую деятельность как в конгрессе США, так и в исполнительных органах власти.

Таким образом, законодатели пошли по пути усиления и ужесточения правового регулирования лоббистской деятельности. Необходимость этого объяснялась тем, что официальные списки лоббистов в конгрессе США оказались лишь частью профессионального лобби. За рамками регистрации оказались многие организации и лица, которых условно можно разделить на следующие группы: лоббисты-профессионалы, работавшие без регистрации, но имевшие официальное представительство в конгрессе; лоббисты-профессионалы, выполнявшие свою работу без регистрации; профессиональные лоббисты из числа должностных лиц, обладавших большими связями и влиянием; непрофессиональные лоббисты, обладавшие необходимыми связями и влиянием и привлекавшиеся к этой работе периодически. Конгресс устанавливал, что нормы закона о лоббистской деятельности не применяются к фактам или деятельности, регулируемым федеральным законом о коррупции, и не должны истолковываться как отменяющие какое-либо положение указанного закона [6, с. 68]. Многие исследователи лоббизма полагают, что американская модель регулирования лоббистской

деятельности очень громоздкая и сложная и что ее следовало бы упростить для большего обеспечения конституционных прав граждан.

В ФРГ утвердилась другая модель правового регулирования лоббистской деятельности. В отличие от США в Германии представительство интересов называют не лоббизмом, а деятельностью групп интересов. Здесь также сложилась и успешно функционирует система различных объединений, союзов, ассоциаций, которые представляют те или иные интересы в органах государственной власти. Только в западной части ФРГ их около 5 тысяч. Наиболее влиятельные группы интересов представлены в сфере экономики (профсоюзы, союзы предпринимателей и др.). Без «консультаций» с этими группами власти, как правило, не принимают сколько-нибудь значимых решений по вопросам хозяйствования, предпринимательской деятельности и т. д. [Там же].

Единого законодательного акта о лоббизме в ФРГ нет. Нормы, регулирующие эту деятельность, разпылены по разным нормативно-правовым актам. Правовой основой лоббистской деятельности можно считать пункт 1 статьи 9 Основного закона, закрепившего право всех немцев образовывать союзы и общества, а также статью 17, которая дает право каждому «индивидуально или совместно с другими письменно обращаться с просьбами или жалобами в компетентные учреждения или в органы народного представительства» [7, с. 156, 162]. Данное конституционное положение обычно истолковывается в ФРГ как право союзов требовать участия в законодательном процессе и в управлении делами государства. Впрочем, петиционное право оказалось малоэффективным для групп интересов, так как не предусматривает в отличие от США право этих групп публично выражать свои позиции в ходе рассмотрения прошений. Попытки социал-демократов в конце 1960-х годов изменить ситуацию путем внесения поправок успеха не имели, в результате чего была упущена возможность изменить исторически сложившуюся роль петиционного права [8, с. 113].

Взаимоотношения лоббистов и депутатов достаточно подробно регулирует положение от 21 ноября 1972 года «О регистрации союзов и их представителей при Бундестаге», которое рассматривается как основной акт в этой

сфере. Цель принятия этого положения — сделать более открытым влияние групп интересов. Условием заслушивания представителей групп интересов становилась их регистрация в списках, ведущихся президентом Бундестага. Регистрация не является обязанностью этих групп, но поощряется возможностью заслушивания их представителей в комитетах и комиссиях, а также выдачей пропуска в здание Бундестага. Зарегистрированные группы должны сообщать: название и место нахождения союза; состав правления; область интересов союза; количество членов; имя председателя союза и адрес представительства при Бундестаге и федеральном правительстве. Ежегодно списки союзов публикуются президентом Бундестага в «Федеральном вестнике» [8, с. 113].

Сравнивая американский закон и немецкое положение, можно заметить следующие различия: во-первых, американский закон распространяется как на физические, так и на юридические лица, в то время как немецкий относится только к юридическим лицам; во-вторых, германский закон в отличие от американского не требует от групп интересов указывать те финансовые средства, которые они получают и расходуют на лоббистскую деятельность.

Другим нормативно-правовым актом, регулирующим лоббистскую деятельность в ФРГ, является Кодекс поведения члена Бундестага. Этот акт регулирует поведение так называемого внутреннего лоббиста. Пункт 8 кодекса устанавливает, что депутату, занимающемуся за вознаграждение проблемами, которые находятся на рассмотрении комитета, необходимо перед началом слушания «объявить о своей заинтересованности, если она пока неизвестна» [Там же. С. 114]. Следует оговориться: депутат Бундестага (в отличие, например, от своих коллег в США и Франции) имеет право на законной основе получать дополнительное вознаграждение. Это породило практику установления широких взаимных контактов между лоббистами и депутатами, «сверхвозможности» групп интересов, следствием чего стало уголовно наказуемое поощрение услуг депутатов, утаивание значительных средств от контроля общества. Все попытки ограничить возможности депутата подработать «на стороне» пока по понятным причинам успехом не увенчались, но вне стен

парламента вызвали бурную дискуссию, требование внести соответствующие изменения в законодательство.

Важное место в системе правового регулирования лоббистской деятельности в ФРГ занимают различные ведомственные акты. Так, статья 73 Регламента Бундестага предусматривает возможность проведения парламентскими комитетами общественных слушаний с участием представителей по возможности большего числа групп интересов для получения необходимой информации. При этом преимущества получают группы, внесенные в регистрационный список.

Взаимоотношения представителей групп интересов с министрами и канцлером установлены статьей 10 Регламента деятельности федерального правительства. Регламент предусматривает возможность обращения групп интересов к членам правительства, курирующим их вопрос, с целью выработки общей политики [9, с. 254–268]. Статья 23 Единого положения о федеральных министерствах закрепляет право союзов на участие в разработке законопроектов на министерском уровне. Исключение составляют лишь представители тех союзов, чье влияние не распространяется на всю территорию ФРГ. Как показывает практика, именно на этой стадии, взаимодействуя с конкретными чиновниками министерств, группам интересов удается наиболее подробно изложить свое мнение и добиться лучших результатов [8, с. 114–116].

Сказанное выше позволяет согласиться с мнением, утвердившимся в отечественной литературе, что германская модель правового регулирования лоббистской деятельности характеризуется «применением косвенного инструментария и отсутствием законодательства прямого действия» [10, с. 39]. Такой подход характерен и для других стран — членов ЕЭС.

Таким образом, нельзя не признать, что современное гражданское общество характеризуется широкой практикой лоббистской деятельности, которая является неотъемлемой частью механизма принятия и последующей реализации государственно-властных решений.

В России в условиях обновления гражданского общества, происходящего на фоне глубоких политических и экономических преобразований,

перед законодателями также объективно встала задача формирования института лоббизма. Безусловно, в нашей стране иная ситуация и иные традиции. Так, до 1980-х годов бытовало мнение, что у нас в стране не только нет, но и не может быть такого явления, как лоббизм. Однако столь расхожее мнение не выдерживает серьезной критики. Лоббизм в стране существовал всегда, но он был монополизирован КПСС или ее структурами либо находился в тени и проявлялся в весьма своеобразной форме («есть мнение: принять, отклонить, снять и т. д.»). Лоббировать могли те, кто имел доступ к власти, верховной или местной, при том, что сами термины «лоббист», «лоббировать» считались вульгарными и даже ругательными [3, с. 29].

В период реформ 1990-х годов теневой лоббизм принял угрожающий для существования России характер, проявившийся как в самых вульгарных, примитивных, так и в изощренных формах. В средствах массовой информации стало общим местом называть стоимость прохождения закона в Государственной думе, того или другого решения в структурах исполнительной власти и администрации президента. Сегодня, по общему мнению, лоббизм и профессиональные лоббисты существуют во всех органах федеральной и местной власти. Характерными признаками и чертами теневого лоббизма является то, что на поверхности видны только самопринимемое или принятое решение и тот, кто представляет и принимает решение. За кулисами лоббизма и в тени остаются настоящий заказчик, другие участники цепочки, материальное вознаграждение за конечный результат и т. д. А.П. Любимов считает, что причинами теневого лоббизма могут быть: отсутствие федерального законодательства и подзаконных актов, регулирующих лоббистскую деятельность; отсутствие приемлемых механизмов в экономике и желание получить льготное налогообложение и иные льготы; наличие значительной теневой экономики; передел собственности, сфер политического и экономического влияния; особый интерес монополистов и олигархов; геополитический и экономический интерес других стран [Там же. С. 32].

Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, требует незамедлительного правового урегулирования

лоббистской деятельности. Его главная цель — вывести лоббистскую деятельность из тени, сделать процесс продвижения лоббистских интересов прозрачным и тем самым уменьшить коррумпированность власти. При этом следует придать процессу взаимодействия общества (граждан) и власти организованный, законный, позитивный и конкурентный характер. [Там же. С. 34–35]. При разработке соответствующего законодательства важно использовать приемлемые положения законодательства других стран, тщательно проанализировать накопленный там опыт его применения, учесть отечественную специфику.

Конституционно-правовой базой такого законодательства могли бы стать статьи 3, 32 и 33 Конституции РФ, где закреплены: право народа осуществлять свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления; право граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления; право граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей.

Как известно, работу над законопроектом в сфере регулирования взаимоотношений власти и общества в начале 1990-х годов начал еще Верховный Совет РФ. Государственная дума в свою очередь дважды проводила парламентские слушания по этому вопросу. Наконец, субъектом права законодательной инициативы в российский парламент был внесен законопроект «О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах власти». Предложенный законопроект, однако, вызвал серьезную критику. К числу его недостатков оппонентами были отнесены: отсутствие положений, допускающих осуществление лоббистской деятельности в законодательных и исполнительных органах государственной власти со стороны субъектов РФ; отсутствие норм, устанавливающих порядок деятельности лоббистов, их финансирования, налогообложения и регистрации; отсутствие механизма ответственности за нарушение правил о лоббистской деятельности в органах власти и т. д. [Там же. С. 31–32].

Однако впоследствии интерес к данному законопроекту заметно спал: видимо, для определенной части политической элиты (однако не

для общества) он перестал быть актуальным. Дискуссии переместились в теоретическую плоскость и были связаны с формулированием концепции будущего закона. Ряд специалистов полагают, что концепция проекта закона не должна содержать строгих запретительных норм и положений, поскольку лоббисты их будут избегать. Следовательно, закон должен быть регистрационным и посвящен лишь правам и обязанностям лоббистов. Очевидно, такой подход устроил бы прежде всего тех, кто уже преуспел в лоббистской деятельности. Другая часть специалистов исходит из того, что закон должен быть базовым и регулятивным, по возможности всеобъемлющим, чтобы на подзаконное регулирование оставалась совсем незначительная

и технически-процедурная часть норм. В то же время предпочтительно, чтобы он был рамочным и каждый из субъектов федерации в его развитие мог бы принимать свои нормативно-правовые и подзаконные акты [3, с. 35–36].

Подводя итог, можно сделать вывод: лоббизм — это объективное явление политической жизни любого сколько-нибудь развитого общества. Его бессмысленно (и не следует) запрещать, однако нужно ввести в рамки закона, чтобы, с одной стороны, обеспечить выражение в органах власти как интересов общества в целом, так и групповых интересов, а с другой — попытаться минимизировать коррупцию в эшелонах власти федерального, регионального и местного уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зяблюк, Н.Г.** Лоббизм в США как политический институт [Текст] / Н.Г. Зяблюк // США: экономика, политика, история. — 1995. — № 1.
2. **Румянцев, О.Г.** Энциклопедический юридический словарь [Текст] / О.Г. Румянцев, В.Н. Додонов. — М., 1997.
3. **Любимов, А.П.** Правовые институты демократии России и стран Европы. Выборы, лоббизм и парламентаризм (сравнительный анализ) [Текст] / А.П. Любимов. — М., 1999.
4. **Росс, У.** Лоббисты в Конгрессе [Текст] / У. Росс // США: экономика, политика, история. — 1994. — № 4.
5. **США:** Конституция и законодательные акты [Текст]. — М., 1993.
6. **США.** Закон о реорганизации Конгресса [Текст] // Бизнес и политика. — 1996. — № 9–10.
7. **Конституции** зарубежных стран [Текст] / автор-сост. В.В. Маклаков. — 2-е изд. — М., 2008.
8. **Смирнов, В.В.** Лоббизм в России и за рубежом: политико-правовые проблемы [Текст] / В.В. Смирнов, С.В. Зотов // Государство и право. — 1996. — № 1.
9. **ФРГ.** Конституция и законодательные акты [Текст]. — М., 1991.
10. **Белов, В.** Лоббистская деятельность в ФРГ [Текст] / В. Белов, К. Вяткин // Бизнес и политика. — 1995. — № 4.

УДК 347.23

А.А. Тебряев

ЮРИДИЧЕСКИЙ СОСТАВ – ОСНОВАНИЕ ПРАВОПРЕЕМСТВА

Юридический состав — это сочетание юридических фактов, в силу нормы права необходимых для наступления юридических последствий. И во всех случаях это самостоятельные юридические факты, которые при определенных обстоятельствах могут «единолично» породить юридические последствия.

Гражданское правоотношение не может рассматриваться в качестве юридического факта, так как само по себе гражданское правоотношение не

порождает юридических последствий, и только его связь с юридическим фактом (при условии наличия иных общих предпосылок) влечет его движение либо иные юридические последствия, включая правопреемство.

Правоотношение представляет собой сложившуюся правовую категорию и имеет свое доктринальное определение, не нуждающееся в пересмотре в связи с уяснением такого понятия, как юридический факт.

Мы не можем согласиться с выводом О.А. Красавчикова о том, что результатом совокупности предпосылок, к которым он относит нормы права, правосубъектность участников и юридический факт, является само гражданское правоотношение, а не его движение [1, с. 50–51]. Думается, вернее признавать результатом общих предпосылок (нормы права, правосубъектности, правоотношения) в совокупности с юридическим фактом именно движение гражданского правоотношения (но не само правоотношение, как полагает Красавчиков) либо иные предусмотренные правом юридические последствия.

При таких обстоятельствах в правопреемстве каждая отдельно взятая общая предпосылка не влечет за собой наступление юридических последствий — они наступают только в результате взаимодействия общих предпосылок с юридическими фактами. Причем структура связи общих предпосылок с юридическими фактами может существенно различаться, т. е. далеко не во всех случаях для наступления юридических последствий необходимо наличие всех трех указанных выше предпосылок в совокупности с юридическим фактом.

Возникновение наследственного преемства (юридическое последствие), например, требует наличия нормы права (первая общая предпосылка), правосубъектности (главным образом правоспособности) его участников (вторая общая предпосылка) и смерти наследодателя (юридический факт). А возникновение авторских прав на произведение (юридическое последствие) помимо наличия нормы права (первая общая предпосылка) требует от автора только правоспособности (т. е. вторая общая предпосылка необходима не в полном объеме — дееспособность лица в данном случае не имеет значения) и факта создания произведения (юридический поступок). Изменение условий договорного обязательства (юридическое последствие) нуждается в норме права (первая общая предпосылка), правосубъектности участников правоотношения (вторая общая предпосылка) и факте совершения двусторонней сделки (юридический факт).

Элементы юридического состава — это юридические факты, образующие данную совокупность. Всякое юридическое последствие является результатом взаимодействия прежде всего

нормы права (первая общая предпосылка) и юридического факта; при этом для наступления юридических последствий обычно необходима также правосубъектность участников правоотношения (вторая общая предпосылка), гораздо реже — наличие самого правоотношения (третья общая предпосылка). В любом случае в правопреемстве в отсутствие необходимых общих предпосылок никакой юридический факт не может повлечь за собой юридических последствий.

Присутствие в юридическом составе определенного числа элементов (самостоятельных юридических фактов) не позволяет изучать структуру юридического состава без рассмотрения проблемы соотношения юридического состава в целом с его частью. Основной вопрос, которым в рамках данной проблемы задаются правоведа, звучит так: влечет ли юридические последствия накопление части юридического состава (или наступление одного из составляющих его юридических фактов)?

Некоторые ученые считают, что наступление одного или нескольких элементов юридического состава до момента полного накопления юридических фактов не имеет правового значения (или имеет значение лишь с точки зрения будущих правовых последствий). Это мнение основывается либо на понимании гражданского правоотношения как юридического факта (как было показано выше, гражданское правоотношение не есть юридический факт, а потому правовые конструкции, построенные на трактовке правоотношения как юридического факта, не годятся для целей настоящей работы), либо на отрицании значения иных юридических фактов, кроме завершающего юридический состав, что также представляется нам ошибочным.

Ю.К. Толстой считает, что наступление части юридического состава лишь тогда вызывает действительные правовые последствия, когда одним из элементов состава является правоотношение; в остальных случаях наступившая часть юридического состава создает только возможность движения правоотношения в будущем [2, с. 16].

С.Ф. Кечекьян, отрицая значение иных юридических фактов в юридическом составе, за исключением замыкающего этот состав юридического факта, пишет: «Пока этот состав

неполон, юридические последствия не наступают. Появление факта, делающего этот состав законченным, вызывает осуществление в данном конкретном случае нормы права и влечет возникновение, изменение или прекращение правоотношений». И далее он утверждает, что юридические последствия связываются лишь «с определенной частью этого состава» [3, с. 161–162]. Таким образом, можно признать, что Кечекьян различает в юридическом составе юридически незначимую часть и юридически значимую, под которой он понимает только завершающий юридический факт.

Другая группа правоведов допускает возникновение определенных юридических последствий с наступлением (накоплением) части юридического состава.

О.С. Иоффе указывает, что уже при наступлении некоторых или хотя бы даже одного из фактов, являющихся элементами юридического основания права, могут наступить известные, хотя и незавершенные, правовые последствия. Так, для заключения договора необходимо, как известно, совпадение волеизъявлений, выраженных в оферте и акцепте. Сама по себе оферта не порождает договорных отношений, но как один из элементов предусмотренного законом юридического основания их возникновения оферта обуславливает возможность установления этих отношений. Тот, кому адресована оферта, еще не приобретает конкретных прав и обязанностей, но он может их приобрести, если он акцептирует оферту. Таким образом, в то время как полный фактический состав обуславливает возникновение прав и обязанностей, его наступившая часть создает лишь возможность для их возникновения [4].

Приведенный Иоффе пример наступления состояния «связанности», которое вызывает оферта на стороне оферента, в литературе не признается удачным. Так, Ю.К. Толстой, подчеркивая, что оферта и акцепт представляют собой элементы единого юридического факта (договора), пишет о том, что в рассматриваемом примере юридического состава вообще нет [2, с. 16]. Еще дальше идет О.А. Красавчиков, указывая, что «оферта сама по себе не порождает движения правоотношения, но, являясь самостоятельным юридическим фактом, порождает юридическую связанность»;

при этом, противореча сказанному им ранее, ученый говорит о том, что «в данном случае незавершенная часть юридического состава — оферта — никаких юридических последствий, хотя бы и “незавершенных”, не порождает» [1, с. 60].

Поэтому, используя приведенный пример, можно с наибольшей очевидностью обнаружить эффект поглощения одного элемента другим элементом юридического состава. И в этой плоскости направление и получение оферты и акцепта являются теми элементами юридического состава сделки, которые поглощаются моментом совпадения воли и волеизъявления сторон — моментом заключения сделки (особенно ярко эффект поглощения виден при заключении договора между «отсутствующими»).

Само направление и получение оферты и акцепта можно рассматривать как часть юридического состава, могущую в силу нормы права повлечь возникновение некоторых юридических последствий (статьи 432–443 ГК РФ). К примеру, связанность оферента и акцептанта — это не просто создание возможности для наступления в будущем прав и обязанностей, а юридическое последствие наступившей части юридического состава. Так, если имело место направление оферты оферентом (первый юридический факт) и ее получение адресатом (второй юридический факт), то отказ оферента от заключения договора (третий юридический факт) составляет юридический состав, из которого возникают негативные для оферента юридические последствия [5, с. 160–161].

Вышеуказанные юридические факты — направление и получение оферты и акцепта — входят в юридический состав совершения сделки, но с заключением договора они утрачивают свое юридическое значение — поглощаются совершением сделки. Обобщая, можно говорить о том, что наступление завершающего юридического состава обстоятельства уничтожает предыдущие юридические факты (они поглощаются замыкающим юридический состав обстоятельством). Но ведь заключение договора сводит на нет и надобность в сохранении юридических последствий направления и получения оферты и акцепта, поскольку между сторонами возникает гражданское правоотношение с возникающими новыми субъективными правами и

обязанностями в порядке сингулярного правопреемства.

Нельзя не обратить внимания на подчеркиваемую М.Г. Розенбергом важность четкого различия предварительных переговоров и обмена офертой и акцептом [6, с. 81]. Соглашаясь с необходимостью их четкого разграничения, можно отметить, что предварительные переговоры и переписка сторон в некоторых случаях могут приобрести статус юридического факта (статья 431 ГК РФ), тогда как направление и получение оферты и акцепта изначально являются юридическими фактами, поглощаемыми в результате наступления завершающего юридического состава юридического факта, порождающего правопреемство.

Эффект поглощения одного элемента другим элементом юридического состава действует и в иных ситуациях. Однако это вовсе не означает, что юридический состав всегда предусматривает поглощение ранее наступивших юридических фактов более поздними. Это не так.

Помимо эффекта поглощения одного элемента другим элементом юридического состава существует и общепризнанный эффект накопления юридического состава. Его возникновение связывают с последовательным наступлением юридических фактов, в результате чего образуется предусмотренная нормой права совокупность юридических фактов — юридический состав.

В частности, исключительные права на изобретение возникают не только в результате его создания. Возникновение этих прав требует, во-первых, подачи заявки в Роспатент на выдачу патента, во-вторых, выдачи подтверждающего наличие этих прав патента, который выдается при условии соответствия изобретения требованиям новизны, изобретательского уровня и пригодности для промышленного применения. Таким образом, возникновение исключительных прав является юридическим последствием накопления юридического состава, включающего в себя последовательное наступление фактов: создание изобретения, подача изобретателем заявки в Роспатент, выдача ему патента.

Каждое из входящих в юридический состав обстоятельств само по себе еще не влечет правовых последствий, в том числе в виде правопреемства; эти последствия возникнут только в

результате наступления всех названных юридических фактов (так, создание изобретения и подготовка к подаче заявки, безусловно, не создадут никаких юридических последствий). С учетом этого можно согласиться с выводом о том, что завершение (накопление) юридического состава влечет наступление юридических последствий.

Юридические последствия, включая правопреемство, возникают из-за эффекта юридического состава (эффекта поглощения или эффекта накопления), который появляется по наступлении завершающего юридического состава обстоятельства и представляет собой скачкообразный переход юридического состава из незавершенного состояния в завершенное.

Однако на практике нередки случаи, когда в силу определенных причин юридический состав не может быть завершен. И для такого рода случаев (случаев ненаступления всей требуемой совокупности обстоятельств) нормы права также предусматривают некоторые последствия. Например, создание изобретения и подача изобретателем заявки в Роспатент порождают административное отношение (отношение между изобретателем и Роспатентом). Отказ в выдаче патента в этих условиях служит основанием для обращения изобретателя в суд с требованием к Роспатенту о предоставлении охраны спорному объекту. Совершение указанным лицом этого действия влечет не возникновение исключительных прав, а только проверку судом охраноспособности изобретения (возникает процессуальное правоотношение). Для возникновения же гражданского правоотношения (исключительных прав) необходимо вынесение положительного судебного решения, которое будет способствовать накоплению всего юридического состава.

В описанном нами примере накопленная часть юридического состава является по сути определенной разновидностью юридических составов: рассмотренные элементы юридического состава выполняют как бы промежуточную (или подготовительную) роль, а возникшие юридические последствия не носят решающего (окончательного) значения. Возникновение же исключительных прав у изобретателя — возникновение гражданского правоотношения —

возможно только при наличии полного (завершенного) юридического состава. В институте правопреемства, как правило, требуется наличие такого полного состава.

Таким образом, и незавершенный юридический состав в некоторых случаях рассматривается как юридически значимый, но это те случаи, когда в норме права закреплено

положение о том, что совокупность некоторых обстоятельств влечет предусмотренные последствия. Как и завершенный (полный) юридический состав, незавершенный (промежуточный) юридический состав может породить юридические последствия, если норма права предусматривает для такой ситуации возникновение каких-то иных последствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве [Текст] / О.А. Красавчиков. — М.: Госюриздат, 1958.
2. Толстой, Ю.К. К теории правоотношения [Текст] / Ю.К. Толстой. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.
3. Кечежян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе [Текст] / С.Ф. Кечежян. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
4. Иоффе, О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли.

Гражданское правоотношения. Критика теории "хозяйственного права" [Текст] / О.С. Иоффе. М.: «Статут», 2000. — 777 с.

5. Брагинский, М.И. Договорное право: Общие положения [Текст] / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. — М.: Статут, 1998.

6. Розенберг, М.Г. Международная купля-продажа: Комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров [Текст] / М.Г. Розенберг. — 2004.

УДК 342.7

С.В. Пылин

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ЗАЯВЛЕНИЙ И ЖАЛОБ ГРАЖДАН

В статье 33 Конституции Российской Федерации закреплено, что граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ОМС).

Данное право — одна из важных гарантий охраны, защиты и реализации других конституционных прав и свобод граждан: на личную неприкосновенность, честь и достоинство, свободу мысли и слова, неприкосновенность жилища, свободу предпринимательства и др.

Обращения граждан — важное средство демократии, укрепления связи органов государственной власти и местного самоуправления с населением. В то же время они являются существенным источником информации, необходимой для решения текущих и перспективных вопросов государственного и общественного

строительства, и одной из важнейших форм и гарантий участия граждан в управлении делами общества и государства. Обращения граждан в государственные органы и ОМС способствуют усилению контроля народа за их деятельностью, борьбе с волокитой, бюрократизмом, коррупцией и другими недостатками в их работе.

Ежегодно десятки миллионов граждан страны обращаются в федеральные и региональные государственные органы власти и управления, в их территориальные органы и ОМС с письменными и устными предложениями, заявлениями и жалобами, используя обращения как форму своего участия в управлении делами государства, субъектов Федерации и муниципальных образований, с заявлениями о содействии в реализации как своих конституционных прав и свобод, так и других лиц, о восстановлении или защите нарушенных прав, свобод или законных интересов.

Из-за отсутствия в стране статистики обращений граждан нет возможности судить об их тематике. По данным Уполномоченного по правам человека России, тематика получаемых им жалоб в последние годы оставалась практически неизменной: до двух третей жалоб связаны с нарушениями прав человека, во-первых, в процессе охраны общественного порядка, предварительного следствия, судопроизводства и исполнения наказаний, а во-вторых, в социально-экономической сфере [1].

До 1 ноября 2006 года правоотношения по рассмотрению обращений граждан регулировались Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» (далее – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года) [2]. С принятием 2 мая 2006 года Федерального закона № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан» (далее – Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ) [3] и вступлением его в силу по истечении 180 дней после дня официального опубликования названный Указ Президиума Верховного Совета СССР был признан недействующим на территории Российской Федерации.

Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ вобрал в себя многие положения из ранее действующего Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года, прошедшие проверку практикой. Установленный данным федеральным законом порядок рассмотрения обращений граждан распространяется на все обращения граждан, а также на правоотношения, связанные с рассмотрением обращений иностранных граждан и лиц без гражданства, и предусматривает следующие права и обязанности субъектов данных правоотношений.

Содержание обращений может касаться проблем как общих государственных, так и местного самоуправления, интересов как личных, так и групповых.

Праву граждан на личное обращение, направление индивидуальных и коллективных обращений соответствует обязанность органов и должностных лиц, которым они направлены, внимательно, в установленном порядке и в установленные сроки рассмотреть их и принять по ним законные и обоснованные решения.

Граждане реализуют право на обращение свободно и добровольно. Осуществление гражданами права на обращение не должно нарушать права и свободы других лиц. Рассмотрение обращений граждан осуществляется бесплатно.

При рассмотрении обращения государственным органом, ОМС или должностным лицом гражданин имеет право:

- представлять дополнительные документы и материалы либо обращаться с просьбой об их истребовании;

- знакомиться с документами и материалами, касающимися рассмотрения обращения, если это не затрагивает права, свободы и законные интересы других лиц и если в указанных документах и материалах не содержатся сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну;

- получать письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов, уведомление о переадресации письменного обращения в государственный орган, ОМС или должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов;

- обращаться с жалобой на принятое по обращению решение или на действие (бездействие) в связи с рассмотрением обращения в административном и (или) судебном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ установлены следующие гарантии безопасности гражданина в связи с его обращением:

- запрещается преследование гражданина в связи с его обращением в государственный орган, ОМС или к должностному лицу с критикой деятельности указанных органов или должностного лица либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо других лиц;

- при рассмотрении обращения не допускается разглашение сведений, содержащихся в обращении, а также сведений, касающихся частной жизни гражданина, без его согласия. Не является разглашением сведений, содержащихся в обращении, направление письменного обращения в государственный орган, ОМС или должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов.

Гражданин направляет письменное обращение непосредственно в тот государственный орган, ОМС или тому должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов. Оно подлежит обязательной регистрации в течение 3 дней с момента поступления.

Письменное обращение, содержащее вопросы, решение которых не входит в компетенцию данного органа или должностного лица, направляется в течение 7 дней со дня регистрации в соответствующий орган или соответствующему должностному лицу, в чью компетенцию входит решение поставленных в обращении вопросов, с уведомлением гражданина, направившего обращение, о переадресации обращения.

Государственный орган, ОМС или должностное лицо:

- обеспечивает объективное, всестороннее и своевременное рассмотрение обращения, в случае необходимости – с участием гражданина, направившего обращение;
- запрашивает необходимые для рассмотрения обращения документы и материалы в других государственных органах, ОМС и у иных должностных лиц, за исключением судов, органов дознания и органов предварительного следствия;
- принимает меры, направленные на восстановление или защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов гражданина;
- дает письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов.

Если в указанном обращении содержатся сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном противоправном деянии, а также о лице, его подготавливающем, совершающем или совершившем, обращение подлежит направлению в государственный орган в соответствии с его компетенцией.

Письменное обращение, поступившее в государственный орган, ОМС или должностному лицу в соответствии с их компетенцией, рассматривается в течение 30 дней со дня его регистрации. В исключительных случаях руководитель государственного органа или ОМС, должностное лицо либо уполномоченное на то лицо вправе продлить срок рассмотрения обращения не более чем на 30 дней, уведомив гражданина, направившего обращение, о продлении срока его рассмотрения.

Личный прием граждан в государственных органах, ОМС проводится их руководителями и уполномоченными на то лицами. Информация о месте приема, а также об установленных для приема днях и часах доводится до сведения граждан.

Государственные органы, ОМС и должностные лица должны осуществлять в пределах своей компетенции контроль за соблюдением порядка рассмотрения обращений, анализировать содержание поступающих обращений, принимать меры по своевременному выявлению и устранению причин нарушения прав, свобод и законных интересов граждан.

Лица, виновные в нарушении Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ, несут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации. Гражданин имеет право на возмещение убытков и компенсацию морального вреда, причиненных незаконным действием (бездействием) государственного органа, ОМС или должностного лица при рассмотрении обращения, по решению суда.

Сравнительно-правовой анализ двух названных нормативных правовых актов о порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан свидетельствует как об их некоторых преимуществах, так и о недостатках.

Преимущества Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года:

1. Указом было установлено право на обращения граждан не только в государственные органы, ОМС и к должностным лицам (как это закреплено теперь Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ), но и в государственные и общественные предприятия, учреждения, организации. Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ заметно сузил круг субъектов, к которым могут обращаться граждане, что усложняет процесс решения волнующих людей вопросов на уровне руководителей и должностных лиц государственных и муниципальных учреждений, организаций и предприятий, увеличивает сроки их рассмотрения. Следует распространить право граждан направлять обращения не только в государственные органы, ОМС и к их должностным лицам, но и во все государственные и муниципальные учреждения, организации, предприятия, СМИ.

2. Нормами Указа были установлены несколько меньшие сроки для рассмотрения

предложений, заявлений и жалоб. Так, в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ обращение рассматривается в течение 30 дней со дня его регистрации, в исключительных случаях срок рассмотрения может быть продлен не более чем на 30 дней с уведомлением о его продлении гражданина, направившего обращение. Согласно Указу, обращение должно было разрешаться в срок до одного месяца со дня его поступления, а не требующее дополнительного изучения и проверки – безотлагательно, но не позднее 15 дней. Если для разрешения заявления или жалобы было необходимо проведение специальной проверки, истребование дополнительных материалов либо принятие других мер, сроки их разрешения в порядке исключения могли быть продлены руководителем или заместителем руководителя соответствующего органа, предприятия, учреждения и организации, но не более чем на 15 дней, с сообщением об этом лицу, подавшему заявление или жалобу.

3. Указом было установлено, что предложения, заявления и жалобы граждан, поступающие из редакций газет, журналов, телевидения, радио и других СМИ, а также выступления и опубликованные в печати материалы, связанные с предложениями, заявлениями, жалобами, рассматриваются государственными и общественными органами, предприятиями, учреждениями и организациями в порядке и в сроки, предусмотренные Указом. Кроме того, Указом предусматривалось, что в необходимых случаях предложения граждан, а также результаты рассмотрения заявлений и жалоб, имеющих общественное значение, должны обсуждаться на собраниях трудовых коллективов и по месту жительства граждан. К сожалению, Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ эти вопросы вообще не урегулированы.

Преимущества Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ:

1. В законе, пожалуй, впервые в законодательстве после принятия Конституции Российской Федерации 1993 года термин «критика» получил официальное закрепление. Так в статье 4, посвященной основным терминам, используемым в указанном федеральном законе, заявление определяется: 1) как просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных

прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц; 2) как сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, ОМС и должностных лиц; 3) **критика деятельности указанных органов и должностных лиц.** Термин «критика» закреплен также в статье 6, в которой установлено, что запрещается преследование гражданина в связи с его обращением в государственный орган, ОМС или к должностному лицу **с критикой деятельности** указанных органов или должностного лица либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц.

2. Закон восстановил права и обязанности государственного и муниципального органа, получившего письменное анонимное обращение, в котором не указаны фамилия гражданина, направившего обращение, и его почтовый адрес, но содержатся сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном противоправном деянии, а также о лице, его подготавливающем, совершающем или совершившем, направить обращение в государственный орган в соответствии с его компетенцией.

С принятием Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ работа с обращениями граждан несколько улучшилась, однако в этой деятельности государственных и муниципальных служащих по-прежнему много формализма, бюрократии и равнодушия. Закон, содержащий ряд неопределенностей и противоречий, заметно сузил сферу своего действия, а следовательно, и защиты прав граждан. К тому же об этом законе многие ничего или почти ничего не слышали.

Член высшего творческого совета Союза писателей России В. Осипов отмечает в своей статье: «Поразительное дело: закону... (“О порядке рассмотрения обращений граждан”. – С.П.) уже почти 5 лет, а ни слова о нем как таковом в главных СМИ, от судей, министров и губернаторов, парламентариев, от партийцев (даже оппозиционных) и обычно шумных правозащитников, обесцвечено на эту тему телевидение. Выходит, что тот, кто пишет во власть и недоволен ответом, а то и вовсе отсутствием ответа, не ведает, что защищен государством. Получается, что тот, кто игнорирует закон, присвоил себе

право быть бесконтрольным от общественного мнения» [4].

Несмотря на запрет направлять жалобу на рассмотрение в государственный орган, ОМС или должностному лицу, решение или действие (бездействие) которых обжалуется, еще немало случаев, когда это правило нарушается. Ведь ответственность за такое нарушение не предусмотрена.

Часто нарушаются сроки рассмотрения обращений граждан. Нередко они необоснованно продлеваются под видом необходимости комплексной проверки или направления запроса, которые при проверке зачастую не представляются убедительными. К тому же обязательные в таких случаях уведомления о продлении срока рассмотрения обращений поступают к гражданам далеко не всегда своевременно или не поступают вовсе.

Не предусмотрена ответственность и за такие многочисленные существенные нарушения, когда на обращения граждан вместо мотивированных и объективных ответов даются формально-бюрократические отписки. Вследствие этого массовым явлением продолжают оставаться повторные жалобы от тех, кто остался недоволен ответом. В связи с этим необходимо

дополнить Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях статьями, предусматривающими ответственность должностных лиц за нарушения порядка рассмотрения обращений.

Хотя существует запрет на любые преследования граждан за критические высказывания, содержащиеся в их обращениях, граждане подчас оказываются не защищенными от мести тех, чьи действия они критикуют. Это воплощается порой в стремлении привлечь заявителей к гражданской ответственности, добиваясь от них компенсации за якобы причиненный моральный вред, а иногда даже в попытке привлечения к уголовной ответственности.

По-прежнему сохраняется вялая и индифферентная реакция многих руководителей и должностных лиц государственных и муниципальных органов на конкретные факты нарушения конституционных прав человека обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и ОМС. При этом в большинстве случаев права заявителей нарушаются не в силу каких-либо пробелов в законодательстве, а по причине плохого исполнения конкретными должностными лицами своих обязанностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год [Текст] // Рос. газ. — 2009. — 17 апреля.

2. Ведомости Верховного Совета СССР [Текст]. — 1968. — № 17. — Ст. 144; 1980. — № 11. —

Ст. 192, № 27. Ст. 540; 1988. — № 6. — Ст. 94, № 22. — Ст. 361.

3. СЗ РФ. — 2006. — № 19. — Ст. 2060.

4. Осипов, В. Почему игнорируется закон об обращениях граждан [Текст] / В. Осипов // Рос. газ. — 2010. — 7 апреля.

УДК 378.14

Ю.В. Слесарев, В.Н. Козлов

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Изменения в социально-экономической и культурной жизни российского общества обуславливают необходимость повышения качественного уровня подготовки специалистов. Это несоответствие приводит к усилению зависимости темпов материального и духовного развития общества от уровня и масштабов профессионального образования, особенно высшего, и требует поиска новых форм и методов его развития.

Современным работодателям нужны высококвалифицированные, грамотные специалисты, двигающие вперед культуру, экономику и промышленность страны. Поэтому не случайно в последнее время страны Европы и Америки интенсивно работают над проблемой интеграции, организации совместного образовательного процесса. В Едином европейском акте (1986), Маастрихтском договоре об образовании Европейского союза (1992), Амстердамском (1997) и Ницком (2001) договорах зафиксированы изменения, происшедшие в процессе такой интеграции и сотрудничества.

Между государственными образовательными стандартами ЕС и России существуют важные различия, которые необходимо принять во внимание после присоединения к Болонским соглашениям. Стандарты и рекомендации по их реализации, разработанные в ЕС, направлены на качество обучения, т. е. подготовки высококвалифицированных специалистов, и создают действительную основу для реформирования высшей школы. Образовательные стандарты, разработанные для современной российской системы высшего образования, касаются стандартизации процесса обучения и не затрагивают структурные.

В подготовке зарубежных специалистов применяется компетентностный подход.

Совет Европы уже в 2002 году предложил классификацию ключевых компетенций менеджера, в структуре которых отмечено следующее:

- владение информационными и коммуникационными технологиями;
- способность к вычислительному мышлению и знание математики, науки и технологий;
- навыки предпринимательства;
- межличностные и общегражданские компетенции.

Таким образом, основными компетенциями менеджера специалисты в настоящее время считают:

- деятельностные (руководитель-администратор, менеджер, лидер);
- коммуникативные (работа с клиентами, работа в компаниях);
- адаптивные (продуктивная деятельность в непрерывно изменяющейся среде, саморазвитие);
- профессиональные (умение анализировать, диагностировать существующее состояние экономики и социальной среды, генерировать и обосновывать креативно-инновационные экономические идеи и технологии, ориентированность на продуктивный результат).

В конце 2008 года Министерством науки и образования РФ были разработаны новые государственные образовательные стандарты, в которых большое место занимают направления реализации компетентностного подхода для подготовки бакалавров и магистров в системе

ВПО. Одним из основных предписаний для вузов является следующее: «При разработке бакалаврских программ должны быть определены возможности вуза в формировании общекультурных компетенций выпускников. Вуз обязан сформировать социо-культурную среду, создать условия, необходимые для всестороннего развития личности». Аналогичные требования вводятся и при формировании магистерских программ и реализации соответствующей подготовки в вузе [1].

В Федеральном государственном образовательном стандарте ВПО, соответствующем квалификации бакалавра профессионального обучения, требования к результатам освоения основных образовательных программ включают формирование блока общекультурных компетенций (29) и блока профессиональных компетенций (36). Причем профессиональные компетенции охватывают сферы деятельности: учебно-профессиональной, научно-исследовательской, образовательно-проектировочной, организационно-технологической, обучения по рабочей профессии.

В Федеральном государственном образовательном стандарте ВПО, соответствующем квалификации магистра профессионального обучения, требования к результатам освоения основных образовательных программ включают формирование блока общекультурных компетенций (18) и блока профессиональных компетенций (36). Профессиональные компетенции охватывают те же сферы деятельности.

Эффективное управление компетентностной подготовкой специалистов в данном случае включает в себя:

- изучение проблемы или проблемной ситуации;
- сбор и анализ информации по проблеме;
- прогноз последствий изучаемой проблемы;
- выбор возможных решений;
- определение возможных последствий принимаемых решений;
- реализацию решений и регулирование их выполнения;
- контроль исполнения решений;
- прогнозирование возможных новых проблемных ситуаций.

Это — методология решения системных задач. Будучи примененной к системе компетентностной подготовки специалистов с высшим

образованием, она позволит регулировать воздействие этой системы на социальные процессы в обществе и выбрать оптимальные решения для совершенствования самой подготовки в соответствии с новыми требованиями и условиями социума.

Алгоритм модели образовательной среды, основанный на принципах системного анализа, системной деятельности и компетентностного подхода, разработан В.А. Сластениным, Н.В. Кузьминой, С.А. Рубинштейном, Ф.И. Перегудовым, В.Н. Козловым [2, с. 116–120; 3] для оптимизации системы ВПО. Опираясь на обобщенную схему такого алгоритма, можно предложить схему-матрицу оптимизации системы подготовки специалистов с высшим образованием в современных условиях (см. табл. 1).

Структурные и институциональные изменения в системе ВПО вызваны переходом от адаптационной модели подготовки к модели профессионального развития специалиста. Вместо устойчивой квалификации в современных условиях требуется динамичная компетентность как интегральная способность самостоятельно планировать и организовывать свою деятельность, принимать решения и нести ответственность за них.

Компетентности в современной педагогической научной литературе трактуются как содержательные обобщения теоретических и эмпирических знаний, представленных в форме понятий, принципов, смыслообразующих положений.

Ю. Г. Татур дает обобщенное определение, рассматривая компетенцию/компетентность как характеристику личности (специалиста), определяющую им готовность использовать свой потенциал (знания, умения, опыт и личностные качества) для успешной деятельности в определенной социальной или профессиональной области. Компетентность складывается из компетенций (частных компетентностей).

Современный подход к разработке образовательных программ в русле Болонского процесса должен стать компетентностным. Компетентностный подход — это подход, акцентированный не на содержании, а на результатах образования, выраженных в форме компетенций [4, с. 46–47; 5, с. 65–68].

Т а б л и ц а 1

Проблемы и цели оптимизации системы подготовки специалистов с высшим образованием

Проблемы	Выбор цели	Факторы, влияющие на эффективность вузовской подготовки	Организационные структуры и методы	Наличные ресурсы
Потребности в новых профессиях	Подготовка специалистов нового типа	Технология учебного процесса	Изучение рынка рабочей силы	Материально-техническая база вуза
Изменение потребностей в специалистах в условиях кризиса системы образования	Формирование личности нового специалиста	Уровни и качество подготовки	Система профориентации и профотбора	Финансово-экономическая база
«Утечка умов»	Создание гибкой системы подготовки специалистов, реагирующей на происходящие перемены в экономической и социально-политической жизни общества	Экономическая ситуация и социальная политика в сфере образования	Система контроля качества подготовки специалистов	Кадры педагогов
Несоответствие качества подготовки специалистов с высшим образованием и требований к ним на рынке труда	—	Изменение социальной политики в сферах образования и трудоустройства молодых специалистов. Изменение престижа профессий умственного труда и соответствующих социальных статусов в обществе	Экспертные системы. Система социально-экономического мониторинга	Научные школы. Учебно-методическая база вузов. Информация о ситуации на рынке труда

Очень важно, чтобы описания компетенций в процессе обучения позволяли однозначно воспроизводить измерение и оценку результатов обучения независимо от субъекта оценки, т. е. объективно. В этом случае будем говорить, что планируемые результаты (цели) заданы в диагностической форме.

Для этого предстоит решить две сопряженные задачи:

- описать планируемый результат в совокупности его признаков настолько определенно, чтобы не возникало возможности различных его толкований;

- создать инструментарий, позволяющий выявлять соответствующие признаки и их интенсивность, а также разработать порядок перевода результатов измерения в принятую шкалу оценок.

Основные трудности в разработке необходимого для решения поставленных задач тарификатора и одновременно его отличие от ранее созданных определяются тем, что компетенция имеет сложную компонентную структуру. Как следует из приведенного определения этого понятия, она включает:

- гностический компонент, характеризующий знания обучающегося, которые представляют основу компетенции;

- функциональный компонент, характеризующий умения обучающегося выполнять определенные действия;

- ценностно-этический компонент, опирающийся на личные качества обучающегося и характеризующий его отношение к осуществляемой деятельности.

Первые два компонента составляют потенциал компетенции, а третий во многом определяет степень его реализации в практической деятельности. При этом требования к знаниям и умениям могут рассматриваться как нормативные цели, достижение которых для обучающегося обязательно, а ценностная ориентация личности — как цель направляющая, желательный

результат воспитательной деятельности педагогического коллектива.

Таким образом, вновь созданный тарификатор должен состоять из таксономических таблиц, позволяющих описать уровень развитости одного из компонентов компетенции путем дифференциации соответственно требованиям «должен знать», «должен уметь» и характера отношения личности к осуществляемой деятельности (С — способности, У — умения) (см. табл. 2).

Приведенный в табл. 3 тарификатор позволяет формировать компетенции специалиста на разных стадиях и уровнях обучения, включая послевузовскую подготовку и переподготовку специалиста. Каждый уровень соответствует комплекту компетенций, необходимых для выполнения специалистом профессиональных обязанностей.

Т а б л и ц а 2

Таксономическая таблица

Индекс	Описание уровня
C1	Узнавание изученных объектов, свойств, процессов при повторном восприятии ранее усвоенной информации о них (знания-ориентирование)
C2	Самостоятельное воспроизведение по памяти в устной и письменной форме изученного материала (знания-копия)
C3	Воспроизведение и понимание полученных знаний, способность представить их в виде логически завершенных элементов, составляющих единое целое (аналитические знания)
C4	Способность проанализировать их с системных позиций, оценить полноту и связь со смежными областями знания (системные знания)
У1	Умение выполнять предписанные действия по заданному алгоритму (первичные умения)
У2	Умение самостоятельно выполнять типовые действия, требующие выбора методов из числа известных в предсказуемой ситуации (репродуктивные умения)
У3	Умение выполнять действия, связанные с решением нестандартных задач, предполагающих многообразие способов решения (продуктивные умения).
У4	Умение выполнять действия, связанные с решением исследовательских задач, требующих разработки инновационных подходов и методов решения (исследовательские умения)

Таблица 3

Тарификатор

Уровень	Широта полномочий и ответственность (общая компетенция)	Сложность деятельности (характер умений)	Научоемкость деятельности (характер знаний)
1	Действия под руководством. Индивидуальная ответственность	Выполнение стандартных практических заданий в известной ситуации	Применение простейших фактологических знаний с опорой на обыденный опыт. Получение информации в процессе краткосрочного обучения (инструктажа) на рабочем месте или краткосрочных курсов
2	Деятельность под руководством с проявлением самостоятельности только при решении хорошо известных задач. Индивидуальная ответственность	Решение типовых практических задач. Выбор способа действий из известных по инструкции. Корректировка действий с учетом условий их выполнения	Применение фактологических знаний с опорой на практический опыт. Получение информации в процессе профессиональной подготовки
3	Деятельность под руководством с проявлением самостоятельности только при решении хорошо известных задач или аналогичных им. Планирование собственной деятельности, исходя из поставленной руководителем задачи. Индивидуальная ответственность	Решение типовых практических задач. Выбор способов действий из известных на основе знаний и практического опыта. Корректировка действий с учетом условий их выполнения	Применение практико-ориентированных профессиональных знаний с опорой на опыт. Получение информации в процессе профессиональной подготовки
4	Деятельность под руководством, сочетающаяся с самостоятельностью при выборе путей ее осуществления из известных. Планирование собственной деятельности и / или деятельности других, исходя из поставленных задач. Наставничество. Ответственность за решение поставленных задач	Деятельность, предполагающая решение различных типов практических задач, требующих самостоятельного анализа рабочей ситуации и ее предсказуемых изменений. Выбор путей осуществления деятельности из известных. Текущий и итоговый контроль, оценка и коррекция деятельности	Применение профессиональных знаний и информации, их получение в процессе профессионального образования и практического профессионального опыта
5	Самостоятельная деятельность. Постановка задач в рамках подразделения. Участие в управлении выполнением поставленных задач в рамках подразделения. Ответственность за результат выполнения работ на уровне подразделения	Деятельность, предполагающая решение практических задач на основе выбора способов решения в различных условиях рабочей ситуации. Текущий и итоговый контроль, оценка и коррекция деятельности	Применение профессиональных знаний, полученных в процессе профессионального образования и практического профессионального опыта. Самостоятельный поиск информации, необходимой для решения поставленных профессиональных задач

Окончание табл. 3

Уровень	Широта полномочий и ответственность (общая компетенция)	Сложность деятельности (характер умений)	Научоемкость деятельности (характер знаний)
6	Самостоятельная профессиональная деятельность, предполагающая постановку целей собственной работы и/или подчиненных. Обеспечение взаимодействия сотрудников и смежных подразделений. Ответственность за результат выполнения работ на уровне подразделения или организации	Деятельность, направленная на решение задач технологического или методического характера, предполагающих выбор и многообразие способов решения. Разработка, внедрение, контроль, оценка и коррекция компонентов профессиональной деятельности	Синтез профессиональных знаний и опыта (в том числе, инновационных). Самостоятельный поиск, анализ и оценка профессиональной информации
7	Определение стратегии, управление процессами и деятельностью (в том числе инновационной) с принятием решения на уровне крупных институциональных структур и их подразделений	Деятельность, предполагающая решение задач развития, разработки новых подходов, использования разнообразных методов (в том числе, инновационных)	Синтез профессиональных знаний и опыта. Создание новых знаний прикладного характера в определенной области и/или на стыке областей. Определение источников и поиск информации, необходимой для развития деятельности
8	Определение стратегии, управление процессами и деятельностью (в том числе инновационной) с принятием решения и ответственности на уровне крупных институциональных структур	Деятельность, предполагающая решение проблем исследовательского и проектного характера, связанных с повышением эффективности управляемых процессов	Создание и синтез новых знаний междисциплинарного характера. Оценка и отбор информации, необходимой для развития деятельности
9	Определение стратегии, управление сложными социальными, производственными, научными процессами. Ответственность за результат в масштабе отрасли, страны, на международном уровне	Деятельность, предполагающая решение проблем методологического, исследовательского и проектного характера, связанных с развитием и повышением эффективности сложных социальных, производственных, научных процессов	Создание и синтез новых фундаментальных знаний междисциплинарного и межотраслевого характера. Оценка и отбор информации, необходимой для развития деятельности. Управление содержанием информационных потоков

Квалификация всегда является результатом освоения определенной образовательной программы и/или практического опыта. Для приращения квалификации или изменения ее профиля на каждом уровне возможно обучение по дополнительным образовательным программам системы повышения квалификации и переподготовки кадров в учреждениях, имеющих соответствующие лицензии. Уровень квалификации может нарастать по мере обретения практического опыта работы, самообразования, обучения, формирования компетенций. Учет различных форм образования и обучения будет

происходить внутри отраслевых квалификационных систем. Возможно построение индивидуальной образовательной траектории за счет учета практического опыта работника, курсов повышения квалификации и т. п., что дает возможность продвигаться как по вертикали уровней квалификации, так и по горизонтали.

Основные пути достижения квалификационных уровней, соответствующих компетенциям, отражены в табл. 4.

На наш взгляд, в этом реализуется не столько обозначение результатов, сколько достижение ближних и тактических целей обучения.

Таблица 4

Основные пути достижения квалификационных уровней

Уровень	Пути достижения квалификации соответствующего уровня
1	Практический опыт и / или краткосрочное обучение (инструктаж) на рабочем месте и/или краткосрочные курсы при наличии общего образования не ниже начального общего
2	Практический опыт и / или профессиональная подготовка (краткосрочные курсы на базе образовательного учреждения или корпоративное обучение) при наличии общего образования не ниже основного общего
3	Практический опыт и / или профессиональная подготовка (курсы на базе образовательного учреждения по программам профессиональной подготовки до 1 года или корпоративное обучение) при наличии общего образования не ниже среднего (полного) общего или начального профессионального образования без получения среднего (полного) общего образования на базе основного общего образования
4	Начальное профессиональное образование с получением или на базе среднего полного общего образования и практический опыт или профессиональная подготовка (курсы на базе образовательного учреждения по программам профессиональной подготовки до 1 года и дополнительные образовательные программы), практический опыт
5	Среднее профессиональное образование с получением или на базе среднего (полного) общего образования или начального профессионального образования, практический опыт
6	Как правило, бакалавриат. В отдельных случаях возможно среднее профессиональное образование с получением или на базе среднего (полного) общего образования, практический опыт
7	Магистратура (на основе освоенной программы бакалавриата), практический опыт. Специалитет (на основе освоенной программы среднего (полного) общего образования), практический опыт. Бакалавриат и дополнительное профессиональное образование (программы МВА и др.), практический опыт
8	Послевузовское образование (программы, ведущие к получению степени кандидата наук и/или практический опыт). Освоенная программа подготовки магистра или специалиста, дополнительное профессиональное образование (программы МВА и др.), практический опыт
9	Послевузовское образование (в том числе, степень кандидата наук и практический опыт или степень доктора наук и практический опыт) и/или дополнительное профессиональное образование или практический опыт и общественно-профессиональное признание на отраслевом, межотраслевом, международном уровне

Если одной из основных стратегических целей является формирование общих и профессиональных компетенций, то они складываются именно в процессе освоения необходимых дисциплин и действительно составляют критерии, по которым можно судить, сформирована ли

основа для данных компетенций в результате получения определенных знаний. Именно в результате получения знания могут образоваться основания для компетенций. Дальнейшее их развитие происходит в процессе трудовой деятельности по избранной или родственной специальности.

С другой стороны, необходимый набор «знания — умения — навыки», к которым добавляются качества, вероятно, еще долго удержится в предлагаемых схемах компетентного подхода и самого содержания понятий «компетенция» и «компетентность». Именно этому в течение многих лет отвечали не только образовательные программы, но и требования работодателей к специалистам.

Соглашаясь с точкой зрения И.А. Зимней, считаем переход к компетентно ориентированному обучению адекватной реакцией системы образования на социальный заказ [6, с. 11–13]. При таком подходе не отрицаются привычные знания — умения — навыки, но акценты переносятся на знание — понимание — навыки, в результате интегрирования которых формируются компетенции, трактуемые большинством специалистов как способность и готовность личности к той или иной деятельности. Новая экономика и меняющиеся социальные условия требуют мобильного мышления и адаптации человека к среде обитания. Отсюда следует востребованность таких базовых компетенций, как: умение работать в коллективе, умение ориентироваться на рынке труда, готовность связывать свою карьеру с продолжением образования, менять профиль деятельности в зависимости от изменения стратегии развития предприятия, технологий и т. п., навык работать самостоятельно с информацией, способность принимать решения [7, с. 39–45].

Более углубленными и содержательными оказываются понятия компетенций, определение которых требует разработки структуры компетентностей, модели действий, профессионального взаимодействия и других функциональных компонентов, каждый из которых служит достижению определенных целей профессионального образования.

Наиболее полной и универсальной представляется модель единой социально-профессиональной компетентности, предложенная И.А. Зимней. В соответствии с этой моделью целостность результата высшего образования представлена как многомерная и многоуровневая конструкция, состоящая из четырех разнопорядковых блоков: двух базовых (интеллектуально-обеспечивающего и личностного) и двух собственно компетентных (социального и профессионального).

Данная модель имеет высокую ценность еще и в том смысле, что она позволяет найти подход к оценке результата образования в аспекте отслеживания уровней сформированных компетентностей.

Обращаясь к компетентностной концепции И.А. Зимней как к методологической основе, можно сформировать структуру аналогичных компетентностей и систему их оценки как результатов подготовки по специальности «менеджмент организации». Причем необходимые критерии для создания такой структуры и для оценки показателей результатов сформированных компетенций уже заданы в новейших государственных образовательных стандартах для подготовки бакалавров и магистров по названной специальности в системе ВПО. В такую структуру, по нашему мнению, должны входить следующие блоки:

- *интеллектуальный*, обеспечивающий социально-профессиональную компетентность. Развитие мышления логически последовательных действий необходимо для того, чтобы сформировать интеллектуальную готовность к постоянному повышению уровней знаний, а также к творческому подходу в процессе своей профессиональной деятельности;

- *личностный*, обеспечивающий формирование необходимых профессионально важных компетенций и развитие креативности, т. е. способности к решению нестандартных ситуаций. По нашему мнению, в этом блоке важную роль должно играть формирование основ профессиональной педагогической культуры, которое затем переходит в развитие стабильной и прогрессивной профессиональной и корпоративной культуры;

- *социальный*, обеспечивающий жизнедеятельность и конкурентоспособность каждого специалиста на рынке образовательных услуг, в том числе способность студента к адаптации в профессиональной социальной среде. Ключевые компетенции в отношении педагогической деятельности должны еще включать: накопление и передачу культурных образцов, регулирование процесса социализации личности обучающегося, т. е. то, что обеспечивает выполнение основных социальных функций системы образования как социального института;

- *профессиональный*, связанный с готовностью будущего специалиста к выполнению сво-

их профессиональных функций в любой быстро меняющейся профессиональной и социальной среде, а также с готовностью к постоянному повышению своего уровня знаний и умений, формированию основ для новых профессиональных компетенций.

Следовательно, профессиональное образование должно быть направлено не только на формирование профессиональных и социальных знаний и умений, но и на общее развитие личности обучающегося, компетентного в решении сложных профессиональных и социальных проблем. В связи с основополагающей значимостью этого подхода остановимся на его характеристике более подробно. Основными признаками компетентного подхода к подготовке специалистов являются:

- общесоциальная и личностная значимость формируемых знаний, умений, навыков, качеств и способов продуктивной деятельности;
- четкое определение целей профессионально-личностного совершенствования, выраженных в поведенческих и оценочных категориях;
- выявление приоритетных профессиональных и социальных компетенций, которые соответствуют целям развития личности;
- формирование компетенций как совокупности смысловых ориентаций, базирующихся на постижении национальной и общечеловеческой культуры;
- наличие четкой системы критериев компетенций специалиста, обрабатываемых статистическими методами;
- оказание педагогической и психологической поддержки формирующейся личности и создание для нее «зоны успеха»;
- индивидуализация программы выбора стратегии для достижения поставленных целей;
- создание ситуаций для комплексной проверки умений практического использования знаний будущими специалистами и приобретения ценного жизненного опыта;
- интегративная характеристика компетенций личности, связанная со способностью совершенствоваться имеющиеся профессиональные знания, умения и навыки деятельности по мере социализации и накопления опыта жизнедеятельности.

С развитием научно-технического прогресса все более обостряется основное противоречие в подготовке специалистов, заключающееся

в несоответствии уровня профессиональной подготовленности будущего специалиста его личностного профессионального потенциала и требований, предъявляемых к нему обществом, работодателями.

Плохо сформированная социальная и профессиональная компетенция будущих специалистов в конечном счете влияет на их профессиональную пригодность. Многие молодые специалисты, успешно закончившие учебные заведения, в должной мере не владеют навыками социального взаимодействия с коллективом, партнерами, не знают элементарных правил сотрудничества, не могут и не хотят быть уважительными и толерантными к окружающим. Готовность взаимодействовать с другими людьми, умение находить общеприемлемые решения в сложных ситуациях у большинства выпускников не сформированы. Поэтому не удивительно, что в самом начале трудовой деятельности у молодых специалистов возникает большое количество деструктивных конфликтов с коллегами по работе, у них часто бывает ощущение социальной изолированности. Как показали результаты констатирующих экспериментальных срезов, большинство студентов не мотивированы на приобретение навыков социального взаимодействия с окружающими, на развитие социальной и профессиональной компетенции. Отсюда вытекает одна из актуальных педагогических проблем современного профессионального образования – установление структуры, содержания социальной компетенции, разработка методики формирования компонентов социальной и профессиональной компетенции в процессе подготовки специалистов.

Изучение научной литературы и опыт работы коллективов учреждений высшей школы показали, что, как правило, в вузах формируются только «зачатки» отдельных компонентов социальной и профессиональной компетенций будущего специалиста. К тому же этот процесс носит стихийный, эпизодический характер. Поэтому процессу формирования социальной и профессиональной компетенции будущих специалистов необходимо придать упорядоченный, системный характер.

Для решения данной проблемы необходимо определить научные предпосылки проектирования модели такой педагогической системы, которая позволила бы перестроить компоненты

существующей системы подготовки специалистов в соответствии с требованиями вновь введенного в нее системообразующего элемента — социальной компетенции, провести

опытно-экспериментальную проверку эффективности преобразованной системы и внедрить полученные положительные результаты исследования в педагогическую практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Федеральный** государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования [Текст]. — Введ. 2007-02-22.

2. **Козлов, В.Н.** Системные ресурсы качества высшего образования России и Европы [Текст] / В.Н. Козлов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. политехн. ун-та, 2009.

3. **Козлов, В.Н.** Структурный анализ квалификационных характеристик, ГОС ВПО и вклада социальных дисциплин в формирование базовых и профессиональных компетенций при подготовке специалистов в области техники и технологии [Текст]: отчет по НИР / В.Н. Козлов. — СПб.: Изд-во СПб ГПУ, 2003. — 98 с.

4. **Татур, Ю.Г.** Подготовка преподавателей высшей школы: компетентностный подход [Текст] / Ю.Г. Татур // Высш. образование в России. — 2007. — № 11.

5. **Он же.** Компетентностный подход в описании

результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования [Текст] / Ю.Г. Татур // Пробл. качества образования. Компетентностный подход в проф. образовании и проектировании образоват. стандартов. Кн. 2; Мат. 15 Всерос. науч.-метод. конф. «Актуальные проблемы качества образования и пути их решения в контакте европейских и мировых тенденций». — М.; Уфа: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2005.

6. **Зимняя, И.А.** Социально-профессиональная компетентность как целостный результат профессионального образования (идеализированная модель) [Текст] / И.А. Зимняя // Там же.

7. **Она же.** Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании [Текст] / И.А. Зимняя // Там же.

УДК 811.111:378.147

Н.С. Степанова

РОЛЬ ПРОФОРИЕНТИРОВАННОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ФИЗИКОВ

В настоящее время в связи с развитием новых технологий, а также повышением интереса к исследованиям физических процессов и вопросам использования новых источников энергии возрастает потребность в специалистах в области ядерной физики, обладающих всеми необходимыми навыками для осуществления успешной коммуникации на иностранном языке.

Требования к инженерам-физикам постоянно растут, поскольку деятельность инженера подразумевает проектирование определенной технической единицы, а принципы проектирования изменяются, появляются новые, например принцип минимизации экологического

ущерба, учет психологических возможностей человека для безопасной работы с техническим средством (в нашем случае речь идет о проектировании и эксплуатации реакторов, поэтому учет человеческого фактора крайне важен — вспомним о печальных последствиях Чернобыльской аварии). Будущая работа студентов-физиков в такой опасной сфере вызывает необходимость в развитии навыков ведения успешной коммуникации не только на русском, но и на иностранном языке для согласования и принятия системного решения.

Известно, что документация для большей части современного оборудования создается на английском языке. Следовательно, оперирование

письменной информацией как на русском, так и на английском языке — неотъемлемая часть работы инженера-физика.

Необходимость разработки курса профориентированного иностранного языка продиктована повышением требований к подготовке выпускников неязыковых вузов. Вместе с тем повышаются требования и к качеству обучения, в особенности иностранному языку, поскольку Россия принимает участие в Болонском процессе и активно участвует в международной деятельности в различных сферах. В программе ФГОС ВПО нового поколения [8] для технических вузов дисциплине «иностраный язык» отводится значительная роль в формировании целого ряда компетенций, которые выражаются в способности:

- к письменной и устной коммуникации на государственном языке (умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь) и к использованию одного из иностранных языков;
- публичным выступлениям, аргументации, ведению дискуссии и полемики;
- свободно пользоваться русским и иностранным языками как средством делового общения;
- анализировать, синтезировать и критически резюмировать информацию.

Перед преподавателем ставится задача по разработке технологий и методов обучения, которые помогут решить проблему недостаточного уровня владения английским языком будущих специалистов технического профиля.

Как показал анализ узкоспециализированной учебной литературы по английскому языку, в настоящее время для студентов-физиков нет общедоступных учебников и учебных пособий, отвечающих всем требованиям к конечному результату обучения, заявленным в вузовских программах. Ощущается необходимость в пособиях, в которых учитывались бы технологии и методы обучения, применяемые в рамках курса профориентированного иностранного языка в техническом вузе. В связи с этим проведена работа по созданию соответствующего пособия.

В процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции будущего специалиста необходимо учитывать специфику обучения иностранному языку в неязыковом

вузе и основываться на следующих педагогических условиях:

- определение содержания коммуникативной компетенции путем анализа соответствующей профессиональной деятельности;
- поэтапность формирования иноязычной коммуникативной компетенции;
- интенсификация процесса ее формирования;
- погружение в иноязычную среду посредством проведения конференций, ролевых и деловых игр, чтения оригинальной литературы [1].

Для формирования профессиональной коммуникативной компетенции необходимо:

- 1) свободно владеть жанрами, которые являются определяющими для данной специальности, профессии;
- 2) уметь употреблять термины в деловом контексте;
- 3) знать этикетные речевые формулы в деловом общении, которые являются неотъемлемой частью профессионального общения;
- 4) владеть основами риторических знаний и умений;
- 5) учитывать ряд экстралингвистических факторов (обстоятельства процесса общения, личностные качества специалиста);
- 6) знать статусно-ролевые характеристики партнера.

Экспериментальные исследования показывают, что обучение профориентированному иностранному языку по разработанной методике позволяет решить проблему несформированности у студентов неязыкового вуза «мотивационно-побудительной базы говорения» (термин И.А. Зимней). Более того, активно развивается познавательная и коммуникативная функция мышления и такие мыслительные операции, как сопоставление, анализ, синтез. Знание иностранного языка оказывает благотворное влияние на развитие «фонетического и интонационного слуха, имитативные способности, чувство языка, способность к выделению главного, все виды памяти, произвольное и непроизвольное запоминание», «развиваются воображение и творческие способности» [5, с. 59]. При переводе с иностранного языка студент вынужден искать аналогии в родном языке, что, несомненно, расширяет словарный запас и повышает уровень грамотности.

Обучение иноязычному профориентированному общению способствует развитию логического мышления, поскольку студент сталкивается с необходимостью сначала осмыслить факты, явления, о которых идет речь (например, в тексте), а затем выстроить их в логическую последовательность (при пересказе). Именно с развитием логического мышления и коммуникативных навыков связана тенденция обучения способам пересказа без использования готовых предложений из исходного текста и их заучивания, как это практиковалось ранее, хотя допускается заучивание определенных словосочетаний (лексических единиц) из аутентичного текста.

Курс профориентированного иностранного языка дает возможность творческого подхода к процессу обучения, позволяет проявить гибкость, пластичность мышления и сформировать у студентов открытую познавательную позицию. Кроме того, он помогает вооружить студентов знаниями, практическими умениями и навыками, с помощью которых станет возможным использование иностранного языка как средства информационной деятельности, систематического пополнения своих профессиональных знаний и осуществления профессионального общения.

Разработанная система коммуникативных упражнений позволяет преодолеть некоторые трудности, возникающие у студентов-физиков. В частности, соприкасаясь с точными науками, студенты вырабатывают привычку определенного типа работы и переносят ее на процесс овладения иностранным языком. С одной стороны, внимательное отношение к деталям не позволяет упустить малейшие изменения, например форм слова, и задания на выбор правильного написания обычно выполняются с минимальным количеством ошибок. С другой стороны, такой тип работы с материалом негативно сказывается на усвоении приемов перевода – студенту технического склада ума свойственно выполнять дословный перевод как с иностранного языка на родной, так и с родного на иностранный, игнорируя при этом другие приемы перевода.

Еще одна проблема студентов технических вузов связана со сложностью оформления своих мыслей на родном языке, что

снижает эффективность применения методов приведения аналогий, опоры на родной язык при изучении иностранного. Коммуникативная направленность курса позволяет развивать столь важное для будущих специалистов умение грамотно излагать мысль и на родном языке, избавляя их от косноязычия.

В ряде исследований можно встретить целый перечень коммуникативных недостатков современного инженера:

- затруднения при устной и письменной речи;
- проблемы в письменной коммуникации инженеров, в связи с чем предприятия ежегодно теряют миллиарды долларов;
- отсутствие специальной подготовки или опыта, неумение четко выразить мысли или передать идеи, неточности в письменной коммуникации, неспособность видеть особенности системы ценностей и восприятия информации у конкретной аудитории, а также неумение слушать другого [3, с. 51–52].

В рамках курса профориентированного иностранного языка отражен принцип учета мотивации к обучению: отбор специализированных текстов, создание комплекса коммуникативных упражнений групповой и индивидуальной формы работы для поддержания соревновательной атмосферы между студентами на занятиях и т. д.

Контроль над процессом овладения иностранным языком является еще одним способом повышения мотивации к обучению. Практика показывает, что «пооперационный контроль эффективнее контроля по конечному ответу» [7, с. 113]. В стандартах нового поколения введен текущий, промежуточный контроль для стимуляции студентов к постепенному, поэтапному освоению предмета, что также учитывалось в разработке курса.

Одним из требований к новым программам является «необходимость перестройки учебных программ на самостоятельную работу студентов» [2, п. 8.3). Такая перестройка к дисциплине «иностранному языку» не применима, поскольку для самостоятельного изучения студентам можно предоставить лишь некоторые аспекты иностранного языка (например, часть грамматики, лексика), но обучение коммуникативной составляющей возможно только в аудиторном

режиме. Для курса профориентированного иностранного языка более существенным является требование о широком использовании активных и интерактивных форм проведения занятий – деловых и ролевых игр, компьютерных симуляций, психологических тренингов, дискуссий, семинаров в диалоговом режиме – в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся.

При создании курса профориентированного иностранного языка были учтены и особенности мышления студентов технических специальностей. Специфические особенности различных видов мышления обусловлены у разных людей прежде всего специфичностью задач, которые им приходится решать; они связаны и с индивидуальными особенностями, которые складываются в зависимости от характера деятельности [6]. По мнению психологов, ведущим компонентом в структуре умственных способностей будущих инженеров является высокий уровень развития пространственных представлений, поскольку они обладают действительно-практическим интеллектом, следовательно, для обучения иностранному языку эффективным будет использование наглядности в виде схем, таблиц или опорного алгоритма действий.

Например, после прочтения текстов об атомных станциях России можно совместно со студентами разработать пункты плана для пересказа любого из текстов данного типа:

- история проектирования и строительства;
- пуск первого энергоблока и типы используемых реакторов;
- технические характеристики и особенности (тип используемого топлива, тип теплоносителя, тип замедлителя, тип турбин и т. д.);
- современное состояние (количество вырабатываемой электроэнергии, количество энергоблоков, участие в международных программах и т. д.);
- планы на будущее, перспективы развития.

Не менее важным фактором, обуславливающим повышение мотивации к изучению курса, является творческий подход к процессу обучения, стимулирование творческой деятельности в овладении навыками иноязычного общения. В психологии к факторам,

влияющим на развитие творческих возможностей человека, относят:

- ситуативные факторы – одобрение и поддержка со стороны близких или авторитетных людей, достаточное количество времени и т. д.;

- личностные факторы – уверенность в своих силах, отсутствие конформности, положительный эмоциональный настрой и т. д.

Несмотря на широкое распространение различного рода тренингов по выявлению и развитию скрытых творческих способностей, основное условие проявления творческих личностей – это целенаправленная педагогическая деятельность. Для развития творческого мышления студентов педагоги и психологи дают следующие рекомендации:

- не подавлять интуицию обучаемого, даже если на первых порах не предоставляется логического обоснования;

- формировать уверенность в своих силах, поскольку переоценка своих возможностей менее опасна, чем недооценка;

- в процессе обучения опираться на положительные эмоции;

- стимулировать стремление обучаемого к самостоятельному выбору целей, задач и средств их решения;

- не допускать формирования конформного мышления, бороться с соглашательством и ориентацией на мнение большинства;

- развивать воображение и не подавлять склонности к фантазированию;

- формировать чувствительность к противоречиям, умение обнаружить и сформулировать их, поскольку основная роль противоречий в мыслительной деятельности – способность служить источником новых вопросов и гипотез;

- использовать в обучении задачи так называемого открытого типа, когда отсутствует одно правильное решение, которое остается только найти и угадать;

- применять проблемные методы обучения.

Специфика курса профориентированного иностранного языка позволяет развивать необходимые будущему специалисту навыки самоконтроля, который в общем плане понимается как способность человека регулировать производимое им действие. Это важное средство для создания «иммунитета» против ошибок, и

в этом плане самоконтроль выступает как способ овладения иностранным языком [4, с. 145, 148].

Результаты экспериментальных исследований доказали возможность решения поставленных

задач с помощью курса профориентированного иностранного языка для студентов-физиков при учете перечисленных требований и пожеланий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бушуева, М.А.** О формировании иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза [Электронный ресурс] / М.А. Бушуева. — Режим доступа: http://www.shvarts.pspu.ru/sbornik_konf_list_22.html

2. **Высшее образование в России** [Текст]: аналит. докл. / под рук. В.Л. Глазычева. — М., 2004.

3. **Данилова, Е.** О развитии навыков профессиональной коммуникации в инженерном образовании [Текст] / Е. Данилова, З. Пудловски // Высш. образ. в России. — 2008. — № 10.

4. **Зимняя, И.А.** Самоконтроль как компонент речевой деятельности и уровни его становления [Текст] / И.А. Зимняя, И.И. Китросская, К.А. Мичурина //

Общая методика обучения иностранным языкам: хрестоматия / сост. А.А. Леонтьев. — М.: Рус. яз., 1991.

5. **Кузовлев, В.П.** Иностранный язык как учебный предмет на современном этапе развития общества [Текст] / В.П. Кузовлев, В.С. Коростылев, Е.И. Пасов // Там же.

6. **Рубинштейн, С.Л.** Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. — СПб., 1998.

7. **Талызина, Н.Ф.** Управление процессом усвоения знаний [Текст] / Н.Ф. Талызина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

8. **ФГОС ВПО** по направлению подготовки 140400 «Электроэнергетика и электротехника» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.edu.ru>

УДК 004.738.5 = 111

Л.И. Печинская

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РАМКАХ КУРСА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Глобальные изменения, происходящие в нашем обществе, связаны с влиянием информатизации на все стороны современной жизни. Превращение информации в один из основных стратегических ресурсов явилось причиной активного пересмотра в экономике, производстве, науке, образовании концепций и стратегических направлений развития. Целью образования становится конкурентоспособный специалист, что предполагает не простое получение и накопление определенного объема знаний, а развитие умения поиска информации и превращения ее в знания, необходимые для будущей профессиональной деятельности, и умения учиться, овладение средствами и методами самообразования. Соответственно встает вопрос об информационной компетенции, которой должен обладать современный специалист любого профиля. Информационная

компетенция присутствует в списке ключевых компетенций, являющихся прежде всего заказом общества к подготовке своих граждан, и поэтому данный перечень во многом определяется согласованной позицией социума в определенной стране или регионе [7]. Востребованность информационно-компетентных граждан постоянно возрастает, и, по нашему мнению, эта компетенция еще долго будет находиться в списке ключевых.

В современном обществе все чаще возникает потребность в специалисте, способном конкурировать с зарубежными профессионалами, умеющем работать с иноязычными информационными потоками. Для этого нужна сформированность не просто информационной компетенции, а иноязычной информационной компетенции. Л.К. Раицкая считает, и мы

разделяем ее мнение, что сформированная и развивающаяся иноязычная информационная компетенция — это базовое условие профессионализма и успешной карьеры, так как в связи с глобализацией, информатизацией и интернационализацией в бизнесе, в связи с интеграционными процессами, протекающими в обществе, международное сотрудничество осуществляется в самых разных профессиональных сферах [4]. Следовательно, сегодня невозможно стать конкурентоспособным специалистом, не находясь в курсе последних мировых технических, технологических и научных разработок и исследований, для ознакомления с которыми нужно знание иностранных языков, прежде всего английского, что обусловлено преобладающим объемом научной информации непосредственно на этом языке.

Таким образом, задачей вуза становится не только развитие иноязычной коммуникативной компетенции и не просто формирование информационной компетенции, но и развитие на их основе иноязычной информационной компетенции, поскольку «коммуникация с внешним миром является условием получения информации» [3, с. 390].

Проанализировав научную литературу, мы столкнулись с проблемой недостаточного количества определений этого термина, что указывает на относительную новизну и неразработанность данной проблемы. По мнению Л.К. Раицкой, иноязычная информационная компетенция включает в себя все умения, навыки, действия, связанные с иноязычной информацией как на традиционных носителях, так и в сетях [4]. Е.В. Корсакова считает, что иноязычная информационная компетенция — это определенный набор информационных умений, позволяющих субъекту деятельности качественно взаимодействовать с иноязычными информационными потоками, осуществлять самостоятельный поиск, анализ, отбор, преобразование, сохранение и последующее использование информации, передачу необходимой информации в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией [3].

Нам представляется, что данные определения требуют уточнения. Считаем, что иноязычная информационная компетенция — это умение использовать навыки работы с иноязычной информацией таким образом, чтобы трансформировать

ее в знания путем использования в учебной и профессиональной деятельности.

После изучения компонентов иноязычной информационной компетенции, предложенных Е.В. Корсаковой (креативного, оценочного, социального, технологического, прагматического) у нас сложилось впечатление, что автор чрезмерно широко трактует данный термин. Это хорошо видно на примере социального компонента, включающего в себя развитие умений взаимодействовать с людьми и окружающим миром, с различными культурами и разнообразными источниками и способами предъявления информации, развитие терпимости к культурным особенностям представителей иных культур, желание осуществлять продуктивную жизнедеятельность в информационном обществе. По нашему мнению, речь здесь идет уже об информационной культуре личности, а не об иноязычной информационной компетенции. Проведенный терминологический анализ показал, что термины «культура» и «компетенция» далеко не однозначны. Информационная культура личности как одна из составляющих общей культуры человека, в которой приоритетными являются общечеловеческие духовные ценности, — это качественная характеристика жизнедеятельности человека в области получения, передачи, хранения и использования информации [5], а термин «информационная компетенция» более точно определяет суть сложного индивидуально-психологического состояния, достигаемого в результате интеграции теоретических знаний и практических умений работать с информацией различных видов, используя новые информационные технологии [2, с. 2]. Соответственно основные признаки информационного поведения, характеризующие уровень иноязычной информационной компетенции, — это мотивы обращения к различным источникам информации на иностранном языке, разнообразие привлекаемых материалов, широта их тематики, степень удовлетворения информационных потребностей, способы поиска, хранения, переработки информации, процесс усвоения и применения полученной информации в различных сферах своей деятельности, способы распространения новой информации.

Предлагаем следующую структуру иноязычной информационной компетенции (см. рисунок).

Структура иноязычной информационной компетенции

Мотивационный компонент предложенной структуры включает в себя: осознание потребности в информации (т. е. понимание необходимости найти информацию для решения определенной проблемы) и запрос информации, что предполагает ценностное отношение к ней, интерес к применению информационных ресурсов, знание различных источников информации, готовность обращения к ним, потребность в работе с информацией, мотивацию на поиск профессиональной информации, потребность в использовании компьютера, готовность к работе в информационной среде, ориентацию в современных информационно-коммуникационных технологиях, сформированность субъектной позиции, мотивацию совершенствовать владение иностранным языком, мотивацию и стремление к самообразованию.

Информационно-поисковый компонент состоит: из знаний информационных ресурсов; способности отобрать доступные источники, предположительно содержащие нужную информацию; рационального поиска информации в различных источниках; способности формулировать информационный запрос, т. е. адекватно вербализовать информационную потребность; критической оценки найденной информации; правильного оформления результатов поиска;

сохранения информации и управления ею; умения быстро и продуктивно работать с информацией.

Лингвистический компонент предполагает наличие: способности оценить стиль (научно-технический и публицистический) иноязычного (английского) текста; представления о грамматических и лексических особенностях этих стилей и роли словообразования; умения «гибкого профессионально ориентированного чтения» (методика А.Л. Буран).

Операционно-деятельностный компонент включает в себя: навыки смыслового анализа научно-технического текста (обобщенные умения понимания и структурирования иноязычного научного текста) (методика С.Э. Харзеевой и В.В. Маховой); формализацию научного текста; создание вторичного текста (дайджест, аннотация, презентация, реферат).

Этический компонент состоит: из передачи и использования информации в соответствии с законами об интеллектуальной собственности, правилами легального использования информации и этическими нормами; корректного использования информации; корректного цитирования; оформления библиографического списка.

Таким образом, проведение комплекса мероприятий, способствующих формированию

иноязычной информационной компетенции при работе в сети Интернет студентов неязыковых вузов на занятиях по дисциплине «иностранный язык», актуально.

Для осуществления процесса формирования компонентов иноязычной информационной компетенции мы использовали интернет-ресурсы и комплекс упражнений для развития умений гибкого профессионально ориентированного чтения, разработанный на основе методики А.Л. Буран, метод смыслового анализа научно-технического текста, предложенный С.Э. Харзеевой [6] и В.В. Маховой, и методические рекомендации по написанию реферата на английском языке Е.Б. Володарской и М.М. Степановой.

При формировании компонентов вышеупомянутой компетенции также используются интернет-ресурсы, которые можно разделить на две группы: 1) предоставляющие различного рода информацию (тематические сайты, тематические порталы и порталы, похожие на тематические сайты, дополнительно содержащие средства взаимодействия с пользователями и позволяющие пользователям общаться в рамках портала, например Twitter); 2) предоставляющие различные онлайн сервисы (интернет-технологии) и свою очередь делящиеся на синхронные (т. е. в режиме онлайн с одновременным участием всех членов группы и обеспечением возможности немедленного получения ответных сообщений – Skipe, Whiteboarding, Twitter и т. д.) и асинхронные (т. е. в режиме онлайн участия с отсрочкой ответа в зависимости от возможностей участников – почтовые сервисы, Wallwisher, Voxорор, wiki и т. д.).

Одной из составляющих формирования лингвистического компонента предлагаемой нами структуры является обучение гибкому профессионально ориентированному чтению. С нашей точки зрения, это обучение целесообразно, проводить на основе модели, созданной А.Л. Буран (соответствующей реальной ситуации профессионально ориентированного чтения), с использованием специального комплекса упражнений, способствующего развитию умений гибкого профессионально ориентированного чтения, таких как «поисково-референтное,

оценочно-информативное, присваивающе-информативное» [1] чтение, и осуществлению перехода с одного вида профессионально ориентированного чтения на другой в зависимости от ситуации и цели чтения. Эта модель может быть реализована в том числе с помощью электронного учебного пособия, использование которого способствует оптимизации процесса обучения иностранному языку в неязыковом вузе вообще и профессионально ориентированному чтению в частности.

Еще одной составляющей формирования лингвистического компонента является метод смыслового анализа, предложенный С.Э. Харзеевой, и адаптация этого метода, выполненная В.В. Маховой. Согласно используемому методу и методике обучения, освоение грамматики английского языка происходит не изолированно на отдельных примерах, а в контексте, за счет выявления не только грамматических, но и смысловых связей, что важно для получения ключевой информации высказывания; формируются общие и специальные знания (и осуществляется их систематизация), а также метакогнитивные стратегии, что важно для междисциплинарной интеграции.

Операционно-деятельностный компонент включает в себя метод моделирования научно-технического и публицистического текстов, т. е. структурирование иноязычного научного текста (С.Э. Харзеева, адаптирован В.В. Маховой). Суть этого метода заключается в построении смысловой модели текста в соответствии с выбранной схемой и кратком письменном изложении.

Следующая составляющая формирования операционно-деятельностного компонента – это выработка навыков реферирования, аннотирования, написания дайджеста, презентации и составления письменных обзоров. Для выработки навыков написания реферата на английском языке мы используем методические рекомендации, предложенные Е.Б. Володарской и М.М. Степановой. Данные рекомендации представляют интерес в плане формирования у студентов умения работать с оригинальной англоязычной литературой по специальности, развития у них навыков использования соответствующих лексических единиц и грамматических структур и их применения при написании рефератов и

других научных текстов на английском языке.

Необходимо отметить, что формирование иноязычной информационной компетенции, безусловно, является задачей не только дисциплины «иностранный язык», а требует междисциплинарных связей для подготовки студентов к работе с иноязычными информационными источниками в Сети.

плины «иностранный язык», а требует междисциплинарных связей для подготовки студентов к работе с иноязычными информационными источниками в Сети.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Буран, А.Л.** Обучение студентов неязыкового вуза профессионально ориентированному чтению с использованием средств информационных и коммуникационных технологий [Текст]: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02: защищена 10.04.06 / Буран Анна Леонидовна. — Томск, 2006. — 177 с. — Библиогр.: с. 127–142. — РГБ ОД, 61:06-13/1194.

2. **Зайцева, О.Б.** Информационная компетентность учителя образовательной области «технология» [Текст] / О.Б. Зайцева // Педагогика. — 2004. — № 7.

3. **Корсакова, Е.В.** Иноязычная информационная компетенция как цель обучения взрослых слушателей языковых курсов [Текст] / Е.В. Корсакова // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. — 2008. — № 67.

4. **Раицкая, Л.К.** Сущность и формирование иноязычной информационной компетенции в высшей

школе [Текст] / Л.К. Раицкая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20, Педагогическое образование. — 2010. — № 2. — С. 28–36.

5. **Хангельдиева, И.Г.** О понятии «информационная культура» [Текст] / И.Г. Хангельдиева // Информ. культура личности: прошлое, настоящее, будущее: Междунар. науч. конф., Краснодар — Новороссийск, 23–25 сентября 1993 года: тез. докл. — Краснодар, 1993.

6. **Харзеева, С.Э.** Смысловой анализ и моделирование научного текста: образовательные аспекты [Текст] / С.Э. Харзеева, Г.И. Кутузова, Е.И. Лушников // Мир русского слова. — 2006. — № 1. — С. 37–42.

7. **Хуторской, А.В.** Дидактическая эвристика [Текст]: теория и технология креативного обучения / А.В. Хуторской. — М.: Изд-во МГУ, 2003. — С. 416.

УДК 372.881.111.1

Н.Э. Аносова

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ МАГИСТРОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Составной частью профессиональной компетентности магистра являются адекватное понимание научно-технических текстов и умение их переводить. Деятельность магистра будет осуществляться как в прикладных областях, так и в научно-исследовательской и научно-педагогической сферах. Это предполагает работу с первоисточниками на иностранных языках и живую коммуникацию при международных контактах.

Свободное владение английским языком в наше время часто ассоциируется с умением быстро и квалифицированно переводить с английского языка на русский и с русского на английский. У многих возникло представление, что переводческая деятельность уже не может оставаться монополией профессиональных

переводчиков и должна быть доступна более широкой аудитории, владеющей английским языком. И.С. Алексеева в качестве эпиграфа к своей книге «Профессиональный тренинг переводчика» приводит высказывание П. Трента, мэра города Уэстмаунт в Канаде: «Думать, что вы можете быть переводчиком только потому, что вы знаете два языка, это все равно, что считать, что вы сможете играть на пианино только потому, что у вас две руки» [1]. Явно противоречит существующему положению вещей тот факт, что без системного преподавания перевода (за исключением лингвистических вузов и факультетов) задания по проверке навыков перевода включены в экзамены при поступлении в аспирантуру.

Умение быстро и квалифицированно осуществлять перевод с английского языка на

русский и с русского на английский требует особых профессиональных переводческих знаний, умений и навыков, которые не приобретаются автоматически в процессе изучения иностранного языка. К таким навыкам и качествам относятся:

- высокий уровень владения родным и иностранным языком;
- большой объем операционной памяти;
- умение переключаться на другой язык и разные типы кодирования;
- синтаксическое развертывание;
- обширный лексический запас;
- языковая интуиция, речевая догадка;
- владение речевыми жанрами.

Одним из основных компонентов программы по иностранному языку в магистратуре является совершенствование базовых переводческих компетенций магистрантов, полученных при работе с научно-техническими текстами, материалами газет и журналов в бакалавриате, но теперь уже на другой основе — на материале научных текстов по специальности, имеющих специфику в области лексики, грамматики, стиля, структурирования информации и т. д.

Переводческие компетенции, необходимые магистрантам, в основном сводятся к улучшению следующих способностей:

- правильно воспринимать массивы научной информации (бумажной и электронной) в специализированных текстах на английском и русском языках, переполненных специальной терминологией и академическими штампами, характерными для научных текстов, и насыщенных различными научными идеями и теоретическими конструктами;
- грамотно осуществлять предпереводческий анализ предъявляемого текста (сбор внешних сведений об авторе и его профессиональных взглядах, сбор внешней информации по теме текста, определение жанра текста, стиля, анализ отбора лексических единиц, логической связи и т. д.);
- самостоятельно выделять в тексте стандартные переводческие трудности (особенно лексические) и составлять фактологический, общезыковой и переводческий комментарий к тексту, т. е. то, что В.Н. Комиссаров называл «умением понимать текст по-переводчески» [2];
- правильно выбирать стратегию перевода, соответствующую конкретному контексту, и

использовать весь технический аппарат, имеющийся в распоряжении (все стандартные технические приемы перевода — *tricks of the trade*), но особенно лексические трансформации (транскрибирование, транслитерацию, калькирование, генерализацию, конкретизацию, модуляцию, антонимический перевод, экспликацию, компенсацию);

- выявлять в тексте нестандартные переводческие проблемы и находить способы их решения в каждом конкретном акте перевода;
- осуществлять письменный и устный перевод научных и научно-популярных текстов;
- подходить к переводу творчески, проявлять гибкость, виртуозность и креативность в языковом мышлении, вариантность в выражении мысли (перевод сам по себе есть творчество);
- сохранять при переводе жанровую специфику оригинального текста;
- находить и устранять смысловые, лексические, грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки в своих и чужих переводах, другими словами — производить редактирование текста перевода;
- сопоставлять варианты перевода и идентифицировать наилучшую версию.

Особое внимание следует уделять совершенствованию способностей справляться с переводом лексических трудностей (сложной терминологии, многозначных слов, неологизмов, псевдоинтернациональной лексики, имен собственных, географических названий, названий научных учреждений и организаций, аббревиатур, цитат, латинских заимствований, безэквивалентной лексики и пр.). Помимо задачи совершенствования базовых переводческих компетенций следует стремиться к расширению научного словаря учащихся, в том числе за счет профессиональной терминологии и научных клише, синонимов и квазисинонимов, а также фразеологизмов и латинизмов, широко употребляемых в научном языке. Расширение словаря предполагает и дальнейшее изучение сочетаемости слов, которое в рамках научного стиля носит устойчивый характер.

Для достижения адекватного перевода специальных текстов необходимо пополнение общей эрудиции магистрантов знанием политических и научных реалий, цитат и крылатых слов, популярных в академических кругах (т. е.

увеличение фоновых знаний – социокультурных компетенций). Перед сравнением переводов в аудитории предполагаются обсуждение текстов (Question Session) и вопросно-ответная работа, способствующая повышению культуры речи, культуры речевого этикета, т. е. улучшению коммуникационных/речевых компетенций.

Интеллектуальные компетенции закрепляются на базе классификации, сравнения (переводов одного или двух текстов на одну тему), вычленения новой информации, обобщения (позиции автора текста), выделения главного и второстепенного, общего и единичного в тексте, типичного и нетипичного в языке текста, поиска «золотой середины» и т. п.

Важнейшим видом деятельности при обучении в магистратуре является дальнейшее развитие исследовательских и аналитических компетенций: анализ и синтез информации в текстах, написание аннотаций и рефератов, самостоятельное составление комментариев к тексту, поиск информации, умение делать выводы и т. д.

По утверждению Л.С. Пичковой и Н.А. Багдасаровой, «сегодня обучение в магистратуре в целом и подготовка по иностранному языку в частности должны быть направлены на развитие креативности, так как инновационные процессы всегда носят творческий характер и требуют применения методов креативного менеджмента» [3]. Занятие переводом как нельзя лучше подходит для развития творческих способностей магистрантов как способ углубления креативных компетенций. Создавая собственный информационный продукт (перевод текста, реферат, аннотацию, доклад), магистрант имеет возможность самоактуализации.

Помимо совершенствования навыков перевода, заложенных при учебе в бакалавриате, в магистратуре осуществляется формирование некоторых новых переводческих компетенций, например умения составлять аннотации и рефераты русских и английских текстов на английском языке.

Нельзя не упомянуть что наиболее важны и актуальны в практике научного и технического перевода лексические проблемы. Анализ переводных эквивалентов общенаучных слов, выявленных на больших массивах

англо-русских переводов, позволяет сделать вывод о некоторых закономерностях англо-русского технического перевода, связанных с определенными переводческими преобразованиями и определяющих специфику этого вида перевода. Это следующие закономерности (по классификации Л.И. Борисовой [4]):

- экспликация эмплитности значений английских лексических средств при переводе на русский язык;

- лексическая унификация переводных эквивалентов в англо-русском научно-техническом переводе (ограниченное использование русских переводных эквивалентов для передачи разнообразных лексических средств английских научно-технических текстов);

- терминологизация английской лексики при переводе на русский (замена английского слова русским словом, имеющим более узкое терминологическое значение);

- специализация английской лексики при переводе на русский (замена общенаучного английского слова соответствующим русским словом, имеющим более специальное (общенаучное) значение);

- деинтернационализация интернациональной лексики в научных текстах при переводе на русский язык (замена английского общенаучного интернационализма русским неинтернациональным словом);

- стилистическая нейтрализация стилистически окрашенных лексических средств в англо-русском научно-техническом переводе.

Некоторые из этих закономерностей носят более общий, другие – частный характер, одни охватывают практически все типы и группы лексических средств, другие – только отдельные. Приведем примеры, иллюстрирующие данные закономерности.

Примером терминологизации значений может являться следующее: *waves arriving from the lower half of the tunnel* – волны, генерируемые в нижней половине аэродинамической трубы; *those registers that were flagged dirty* – те регистры, которые были отмечены как занятые; *detecting equipment almost free of background* – детекторная аппаратура, почти нечувствительная к фону. Результат процесса специализации в переводе – общенаучные эквиваленты, принадлежащие к общенаучному слою русской

лексики. Такие эквиваленты отражают содержание соответствующих английских слов в форме, характерной для способа выражения научно-технической мысли в русском языке, например: *the power of the approach* — *достоинство подхода*; *contributor of unreliability* — *источник ненадежности*; *to combat noise* — *уменьшить шум*.

Многие интернациональные слова, например *candidate, critical, original, history, pioneer, revolutionary, (to) signal* и т. д., выступают в роли «ложных друзей переводчика». Нередко использование интернациональных значений при переводе английских интернационализмов на русский язык приводит как к нарушениям стилистических норм языка и стиля русской научно-технической литературы, так и к искажению смысла слов, а также вызывает неадекватный эффект у читателя. В качестве переводных эквивалентов прилагательных часто даются их русские аналоги: *the effect is not as dramatic as* — *эффект не такой драматичный, как* (вместо *сильный*); *intriguing scheme* — *интригующая схема* (вместо *перспективная*) и пр. В отличие от своих русских аналогов многие интернационализмы приобретают в научно-технических текстах определенную качественную специфику. Так, прилагательные *optimistic* и *pessimistic* обычно переводятся в научно-технических текстах как *завышенный* и *заниженный*, соответственно *optimistic length* — *завышенная длина*, *theory is pessimistic* — *расчет дает заниженные результаты*.

Процесс унификации лексики особенно ярко проявляется у глаголов. Такими «общими знаменателями», к которым сводится разнообразие переводных соответствий, для глаголов являются следующие русские переводные эквиваленты: *выполнять, осуществлять, реализовывать, использовать, применять, способствовать, обеспечивать, иметь, приводить к, определять* и др. Эквивалент *использовать* — устойчивый вариант передачи на русский язык таких английских глаголов, как *use, utilize, exploit, employ, apply, adopt, realize, establish, feature, follow, handle, support, capitalize, serve* и мн. др.

При переводе самых различных по семантике английских общенаучных существительных также наблюдается ограниченное использование переводных эквивалентов, их сведение к «общим знаменателям». Например, такие различные по своим семантическим и стили-

стическим характеристикам существительные, как *advantage, benefit, virtue, advance, attraction, attractiveness, beauty, usefulness, strength, bonus, power, achievement, credit, merit, plus*, регулярно переводятся на русский язык как *достоинство, преимущество*.

Основные требования, предъявляемые к техническому тексту на русском языке, — ясность и точность изложения, однозначность, конкретность, логичность, последовательность, обоснованность, убедительность. Именно это необходимо иметь в виду при передаче в англо-русских переводах неопределенных, расплывчатых, имплицитных лексических средств. Как правило, в русском языке они эксплицируются. Например: *From the outset, it was clear that the construction of MOS transistors results in mixed blessings.* — *С самого начала работ было ясно, что производство транзисторов имеет как преимущества, так и недостатки* (эксплицировано словосочетание *mixed blessings*).

В качестве замены стилистически окрашенных средств выбираются стилистически нейтральные эквиваленты. Например: *vigorous attempts* — *значительные усилия*; *mysterious problems* — *труднообнаруживаемые ошибки*. Рассмотрим перевод распространенного образного средства научно-технических текстов — метафоры на примере: *Optical data processing has for many years been the bridesmaid but never the bride.* — *Метод оптической обработки данных многие годы играл второстепенную роль*. Из примера видно, что при переводе индивидуально-авторской метафоры с английского языка на русский используется прием смысловой интерпретации, заключающийся в нахождении у образа такого признака, который можно отнести и к сравниваемому объекту и который характеризует его в данном контексте.

Умение грамотно переводить научно-технические тексты — неотъемлемая часть профессиональной компетентности магистров в техническом вузе. Выявление, описание и анализ способов перевода общенаучной лексики, установление регулярных способов перевода соответствующих общенаучных слов, определение особенностей перевода языковых групп — важные аспекты научно-технического перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеева, И.С.** Профессиональный тренинг переводчика [Текст] / И.С. Алексеева. — СПб.: Союз, 2003.
2. **Комиссаров, В.Н.** Теоретические основы методики обучения переводу [Текст] / В.Н. Комиссаров. — М.: Рема, 1997.
3. **Пичкова, Л.С.** Концепция формирования иноязычной компетентности в магистратуре в контексте Болонского процесса [Текст] / Л.С. Пичкова, Н.А. Багдасарова. — М.: МГИМО-Университет, 2007.
4. **Борисова, Л.И.** Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода. Теория и практика перевода [Текст]: учеб. пособие / Л.И. Борисова. — М.: НВИ-Тезаурус, 2005.

УДК 378.1:330.341.1

А.А. Шакуров

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Тема инновационной политики в высшей школе актуальна уже довольно продолжительное время. Это связано с переходом России на новый уровень развития, в том числе и в образовании. Президент и Правительство Российской Федерации в рамках приоритетного национального проекта продолжают уделять огромное внимание образованию и его совершенствованию. Появились федеральные законы «Об образовании», «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», действуют и разрабатываются многочисленные программы, направленные на ускоренную модернизацию высшей школы, внедрение качественно усовершенствованных образовательных программ, интеграцию образования и науки, использование новых информационных технологий, полную компьютеризацию учебных заведений, формирование новых финансовых и управленческих механизмов в российских вузах. Совершенствованию образования способствует также инновационная деятельность профессорско-преподавательского состава.

Российская система образования наряду с экономикой, промышленностью, здравоохранением и культурой имеет немаловажное значение для сохранения Россией достойного места в ряду ведущих стран мира, для повышения ее

международного престижа.

В системе образования инновации необходимо рассматривать в комплексе социальной обусловленности, в связи с чем важны следующие условия:

- соответствие системы образования жизненным нуждам общества;
- нацеленность образования на прогрессивное развитие общества;
- стремление молодых людей к получению новых знаний.

Попытаемся выявить и проанализировать наиболее перспективные инновационные направления развития вузов, обосновать свое видение этого процесса.

В отечественной педагогической литературе намечилось много подходов к исследованию инновационных направлений в образовании. Авторы анализируют инновационные проблемы, которые включают в себя использование современных достижений в области экономики, науки, техники, а также в сферах управления, права, культуры и др.

Стоит отметить, что на теоретико-методологическом уровне наиболее полно проблема инноваций в образовании освещена в работах А.В. Хуторского [10] и М.М. Поташника [9]. Монографии ученых дают нам возможность

проанализировать как отдельные стадии инновационного процесса, так и весь комплекс нововведений.

На наш взгляд, актуальными являются исследования, в которых отражены следующие проблемы:

- глобализации образования (В.И. Байденко [1], Е.А. Карпухина [6] и др.);
- государственного регулирования образования (С.А. Белякова [8], С.В. Шишкин [11] и др.);
- прогнозирования, планирования, мониторинга высшего образования, вхождения России в Болонский процесс, финансирования вузов, качества высшего образования и кадровой политики высшей школы (В.И. Байденко и др. [2], И.Г. Галямина [5] и др.);
- образования в повышении конкурентоспособности экономики страны (А.А. Аузан, Э. Гидденс, Д. Норт, Р.М. Нуреев).

Перечисленные выше авторы в своих работах рассматривают главным образом цели и задачи инновационных процессов и модернизации высшего образования в России, не уделяя внимания конкретным механизмам их осуществления на практике.

Несмотря на актуальность проблемы инноваций в высшей школе и модернизации высшего образования, по нашему мнению, сегодня нет единого социально-экономического комплекса исследований, не проведен глубокий анализ работы высшей школы, проблем, тенденций ее развития и изменений в функционировании вследствие происходящих инновационных процессов, который позволил бы создать научно обоснованную концепцию государственного регулирования процессов развития системы высшего профессионального образования в России.

Полагаем, что основными задачами, стоящими перед образованием в условиях инновационного развития, являются:

- модернизация институтов образования для обеспечения равных возможностей реализации способностей всех категорий граждан;
- формирование механизмов оценки качества и востребованности образовательных услуг с участием потребителей;
- применение новых, в том числе информационных, образовательных технологий,

внедрение прогрессивных форм организации образовательного процесса и активных методов обучения, а также создание учебно-методических материалов, соответствующих современному мировому уровню;

- формирование у выпускников профессиональных компетенций, обеспечивающих их конкурентоспособность на рынке труда;
- создание современной системы непрерывного профессионального образования, обеспечивающей кадровую поддержку динамичного обновления технологических процессов, идущих в обществе.

Инновации в образовании зависят от общественных потребностей и, следовательно, включают комплексные процессы создания, внедрения, распространения новых методов обучения и т. д., изменения образовательной среды. Надо отметить, что при внедрении инноваций в образовательную деятельность необходимо опираться на непрерывность этого процесса, который предполагает постоянное развитие организационных и технологических средств. Все это направлено на то, чтобы система управления высшей школой, а также использование компьютерных и телекоммуникационных технологий в сфере образования и другие технологические инновации способствовали:

- росту числа потребителей образовательных услуг;
- увеличению количества предложению образовательных услуг в результате развития новых форм обучения;
- развитию здоровой конкуренции между различными учебными заведениями.

Инновационные процессы в образовании в XXI веке стали неотъемлемой частью социального развития. Сами по себе они не возникают, инновации являются результатом научных исследований, передового педагогического опыта отдельных преподавателей и преподавательских коллективов, поэтому данной проблеме посвящено достаточно много монографий и диссертационных исследований. Попытаемся путем сравнительного анализа исследовать основные подходы к проблеме инноваций в высшей школе.

Прежде всего следует четко определиться в понятийном аппарате и разграничить такие понятия, как «инновация», «новация» и «реформа».

Большой академический толковый словарь русского языка приводит следующее значение слова «инновация» — комплекс мероприятий, направленных на внедрение новых технологий, техники и т. п. в какую-либо сферу деятельности [3, с. 287].

По нашему мнению, инновацию в педагогическом процессе следует рассматривать как введение нового в содержание учебного процесса, применение новых методов и форм обучения, воспитания и организацию совместной деятельности преподавателя и студента.

В том же словаре находим значение слова «новация» — новшество, нововведение [4, с. 475]. Применительно к проблеме образования новация — это средство (новая образовательная программа, новый метод и технология), а инновация — это процесс освоения этого средства.

В Словаре русского языка С.И. Ожегова приводится значение слова «реформа» — преобразование, изменение, переустройство чего-нибудь [8, с. 589].

Таким образом, отличие инновации от реформы состоит в следующем: инновация — это нововведение, которое организуется и проводится сотрудниками образовательной системы, а реформа — это преобразование или нововведение, организуемое и проводимое государством. При этом нововведение надо рассматривать как результат инновации, а инновационный процесс — как появление идеи, разработку идеи в прикладном аспекте и реализацию ее на практике.

Итак, развитие современного общества невозможно без инноваций, именно они представляют собой основные инструменты решения возникающих в обществе, в том числе и в образовании, проблем.

Высшее образование всегда являлось и является важнейшей подсистемой социальной сферы государства, так как вовлеченный в процесс получения систематизированных знаний, умений и навыков студент сможет их эффективно использовать в дальнейшей профессиональной деятельности. Поэтому одна из важнейших задач — обеспечение повсеместного равного доступа всех категорий граждан к полноценному и качественному образованию, которое будет отвечать их интересам независимо от материального достатка, национальности, территориального признака и

состояния здоровья. Важнейшим показателем развитости страны является высокий уровень образованности населения, поэтому высшее образование выступает определяющим фактором формирования научно-технического прогресса и повышения общественно-экономической формации. Для этого, с одной стороны, государству необходимо выделять достаточное количество средств на развитие высшей школы, с другой стороны, высшая школа должна обеспечить эффективное использование всех ресурсов от человеческих до материальных и финансовых.

Считаем, для того чтобы образование стало более качественным и доступным, государству необходимо дать следующие гарантии:

- процесс обучения должен осуществляться на современной учебно-материальной базе с использованием самого современного учебно-лабораторного оборудования;
- обучение должно проходить в условиях, которые могли бы гарантировать защиту прав личности, обеспечивать физическую, психологическую безопасность;
- у обучающегося должна быть возможность бесплатно пользоваться фондами учебных библиотек и сетью Интернет.

Следует отметить, что в настоящее время государство не утратило контроль за подготовкой специалистов и ведет активную работу в ряде направлений по подготовке приоритетных специальностей, изменяя содержание учебного процесса и вводя Государственные образовательные стандарты нового поколения, тем самым переходя на более качественный уровень образования.

Повышение значимости, доступности и качества высшего образования позволит не только повысить экономическую составляющую развития государства, но и увеличит социальные гарантии в обществе. Поэтому перед вузами страны ставится задача создания необходимого уровня образования, отражающего общественно необходимую степень профессиональной подготовки и в дальнейшем востребованности специалистов на рынке труда.

Полагаем, что инновации в системе высшего профессионального образования предполагают непрерывный комплексный процесс создания новых знаний, умений и навыков через

соединение фундаментальной науки, учебного процесса и практики. Постоянно развивающаяся информационная среда образовательного процесса должна содействовать непрерывному совершенствованию знаний и приобретению их учащимися самостоятельно. Поэтому сегодня мы можем наблюдать активный переход к использованию современных информационных и телекоммуникационных технологий, к новым активным методам обучения и т. п.

Широкое применение информационных и телекоммуникационных технологий, на наш взгляд, способствует резкому повышению эффективности активных методов обучения во всех формах учебного процесса. Высшее образование должно ориентироваться на развитие творческих способностей человека, вовлекать его в образовательный процесс, тем самым закреплять в сознании студента профессиональные установки.

В связи с развитием компьютерной техники постепенно меняется характер использования информационных технологий в образовании, и это закономерный процесс перехода от старого к новому качественному уровню образования, организации и ведения всей педагогической деятельности. В перспективе появится возможность создавать мультимедийные образовательные центры, а с повсеместным распространением сетевых технологий произойдет внедрение совместного обучения в учебных заведениях разного типа и комплексов дистанционного образования.

Развитие инновационных образовательных технологий позволит создать единое образовательное пространство в России и включить российские вузы в мировую образовательную систему, так как российская система образования сможет конкурировать с

системами образования передовых стран.

Современные рыночные отношения требуют формирования рынка образовательных услуг, которые в ходе конкурентной борьбы улучшат качество высшего образования и сделают его более доступным, будут соответствовать всем требованиям обучающихся и заложат стратегическую программу развития будущего.

Представляется, что сегодня недостаточно внимания уделяется стратегии развития конкурентоспособности вузов, созданию и распространению инновационных технологий и изучению опыта зарубежных стран.

Рынок образовательных услуг активно требует научных исследований, выдвижения идей, разработки и внедрения в процесс обучения инновационных технологий. Решение об их внедрении должно приниматься на основе целого комплекса требований в соответствии с Государственным образовательным стандартом, а также стратегическими и тактическими целями развития вуза. При этом вуз должен обладать всеми необходимыми научными, кадровыми, материально-техническими и финансовыми ресурсами. Использование и развитие инноваций в вузе будут влиять на его рейтинг и экономическую стабильность.

Внедрение инноваций в систему высшего образования требует от вузов наличия соответствующих целей, информационной инфраструктуры и средств. Только при наличии системы высокотехнологизированного, общедоступного и качественного образования российские вузы смогут интегрироваться в мировой рынок образовательных услуг и составить достойную конкуренцию учебным заведениям других государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Байдено, В.И.** Болонский процесс: проблемы, опыт, решения [Текст] / В.И. Байдено. — М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. — 111 с.
2. **Байдено, В.И.** Концепция российского мониторинга Болонского процесса [Текст] / В.И. Байдено, Н.А. Селезнева, Е.Н. Карачрова. — Там же, 2004. — 70 с.

3. **Большой академический толковый словарь русского языка** [Текст]. В 17 т. Т. 7 / под ред. К.С. Горбачевич. — СПб.: Наука, 2007. — 730 с.
4. **Там же.** Т. 12. — 2009. — 652 с.
5. **Галямина, И.Г.** Проектирование государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования нового поколения с использованием компетентностного

подхода [Текст]: мат. к 6-му заседанию методолог. сем. 29 марта 2005 г. — М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. — 106 с.

6. **Карпухина, Е.А.** Управление совместными образовательными программами [Текст] / Е.А. Карпухина // Тенденции развития образования: проблемы управления. — М.: Университетская книга, 2005.

7. **Модели** финансирования вузов: анализ и оценка [Текст] / под ред. С.А. Белякова. — М.: Технопечать, 2005. — 274 с.

8. **Ожегов, С.И.** Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Рус.яз., 1984. — 797 с.

9. **Поташник, М.М.** Качество образования: проблемы и технология управления [Текст] / М.М. Поташник. — М.: Пед. о-во России, 2002. — 350 с.

10. **Хуторской, А.В.** Педагогическая инноватика: методология, теория, практика [Текст] / А.В. Хуторской. — М.: Изд-во УНЦ ДО, 2005. — 222 с.

11. **Шишкин, С.В.** Доступность высшего образования в России [Текст] / С.В. Шишкин. — М.: Независимый ин-т социальной политики, 2004. — 500 с.

УДК 800:37:004

С.В. Кади

ОБУЧАЮЩЕ-КОНТРОЛИРУЮЩАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОГРАММА КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

Основными тенденциями развития в области высшего профессионального образования в настоящее время являются объединение науки и практики, потребность в изучении иностранного языка, техническое оснащение и компьютеризация. «Концепция модернизации российского образования» на период до 2010 года находит свое развитие в Государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования, утвержденном Министерством образования и науки РФ 25 марта 2010 года.

Согласно ГОС, иноязычная профессиональная подготовка в высшей школе предполагает: знание теоретических основ общения, умение устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми, эвристическое мышление, стратегические умения, обладание рефлексивными способностями, а также постоянное стремление к самосовершенствованию в коммуникативной деятельности. Следовательно, иноязычная профессиональная компетентность в значительной

степени призвана обеспечить профессиональную компетентность специалистов, поскольку получаемые в процессе обучения знания и формирующиеся на их основе умения: а) приводят в конечном счете к разностороннему развитию личности, соответствуют ее запросам; б) знакомят с новейшими достижениями науки в той или иной сфере профессиональной деятельности; в) могут быть применены к предметно-практической деятельности; г) интерактивны и глобальны в связи с тем, что студент в жизни сталкивается не с учебными предметами, а с проблемами, для решения которых требуется «надпредметный» комплекс знаний и умений; д) обеспечивают оптимальное сочетание оперативных и фундаментальных знаний, поскольку быстрее стареют знания, относящиеся к узкой специальности, медленнее — теоретические. Таким образом, одной из приоритетных задач, стоящих перед высшим образованием является развитие у студентов системы компетенций как компонентов профессиональной компе-

тентности. Для решения этой сложной педагогической задачи необходимо изменение содержания обучения, которое должно быть направлено не столько на совершенствование конкретных профессиональных знаний и умений, сколько на развитие ключевых компетенций (умение разрешать проблемы, креативность, коммуникабельность, способность и готовность учиться).

Любые образовательные технологии – это системная совместная деятельность педагога и студентов, направленная на получение знания в результате преобразования информации и основанная на рефлексии, стандартизации и оптимизации педагогической системы. При этом оптимизация системы может осуществляться через следующие составляющие [1]:

- четкую последовательную педагогическую, дидактическую разработку целей обучения и воспитания;
- структурирование, упорядочение, уплотнение содержания информации, подлежащей усвоению;
- комплексное применение дидактических, технических (в том числе компьютерных) средств обучения и контроля;
- усиление диагностических функций обучения;
- гарантированность достаточно высокого уровня качества обучения.

Опыт показывает, что на занятиях по иностранному языку в техническом вузе следует использовать наряду с хорошо развитыми классическими технологиями современную компьютерную технологию обучения, позволяющую методически усовершенствовать поток информации, содержащий обучающий, познавательный материал, в дальнейшем могущий стать одной из основ для проявления систематизирующей, объясняющей и контролирующей функций теоретического знания и приобретения профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности.

Обычно компьютерная технология (multi-media) означает одновременное использование различных средств представления информации, в частности текстовую и видеоинформацию, звуковое сопровождение и т. д., которые находятся в тесном взаимодействии, образуя интегрированную среду [3], и становится актуальной в образовательной среде.

Компьютерные технологии (КТ) развивают идеи прочного обучения, предоставляют огромный диапазон возможностей для совершенствования учебного процесса и системы образования в целом [4, с. 27], ориентированы на локальные компьютеры. По организационным формам преобладают индивидуальная работа учащихся или работа в малых группах. При этом используются готовые программы (обучающие, демонстрационные и др.), компьютерные проектные среды, готовые компьютерные лабораторные комплексы для проведения экспериментов по формированию иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности.

Учебная деятельность студентов напрямую зависит от оптимально построенного педагогического общения, которое должно создавать не только положительную мотивацию, но и раскрывать познавательные механизмы, позволяющие каждому овладеть материалом любой степени сложности [2, с. 54]. Преподаватель управляет познавательной деятельностью учащихся, и в этом случае КТ становится его помощником в дополнение к традиционным технологиям обучения. Как показывает опыт преподавания, традиционные формы обучения не обеспечивают решения всех этих задач организации образовательного процесса, однако возможности современных информационных технологий тоже не безграничны. Таким образом, *интеграция КТ и традиционных педагогических технологий* позволяет совершенствовать образовательный процесс с целью формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности студентов.

Для конкретной изучаемой области – иностранного языка КТ имеет определенные преимущества перед традиционными формами обучения:

- реализуется информационная система обучения и контроля;
- учитываются психологические особенности студента в контексте образовательной деятельности с акцентом на эффективность представления знаний для их последующего освоения;
- осуществляется эффективная поддержка традиционных методик обучения.

Доказательством этого служат разработка и внедрение в учебный процесс экспериментального обучения *оригинальной авторской обучающе-контролирующей компьютерной программы (ОККП) по французскому языку*. Достоинство ее программной оболочки – это многофункциональность, т. е. возможность создавать учебные программы не только по французскому языку, но и другим языкам, что отличает эту разработку от уже известных программ.

ОККП интенсифицирует процесс обучения, способствует созданию условий активной устной и письменной иноязычной профессионально ориентированной практики каждого студента учебной группы, формирует умения и навыки в этих видах речевой деятельности и предоставляет возможность:

- приблизить условия формирования коммуникативной компетентности к условиям естественной языковой среды, стимулируя активную работу по приобретению знаний и их практическому применению;
- получать профессионально значимый конечный продукт деятельности, подготовка, оформление и презентация которого требуют использования иностранного языка и расширения словарного запаса;
- моделировать предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности студентов средствами иностранного языка;
- повышать мотивацию обучения и способствовать включению студентов в диалог культур.

Разработанная ОККП по иностранному языку успешно реализована, она прошла апробацию в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете и может применяться: в обучающем режиме, в режиме самообучения, при повторном изучении материала, в контролирующем режиме. Эта ОККП представляет собой процесс обучения, удовлетворяющий требованиям:

- дидактическим (построена с учетом дидактических принципов обучения; доступность выбираемых форм представления учебного материала; применяемость; новизна информации);

- медико-физиологическим (работа с программой не превышает санитарно-гигиенических норм, не содержит избыточной информации, благодаря чему внимание учащихся не будет направлено на второстепенные материалы; четкое структурирование материала в виде тем (блоков), являющихся автономными, самодостаточными частями программы; проведение поэтапного внедрения компьютерной программы в учебный процесс).

Следует отметить, что при использовании ОККП по иностранному языку учитывался опыт *коммуникативно-деятельного* и *лично-ориентированного* подходов в обучении иностранному языку, которые позволяют использовать взаимодополняющие технологии, учитывая личные достижения учащегося. Непосредственная связь обучающе-контролирующей программы со студентом представлена на рис. 1.

Обучение иностранному языку с помощью КТ позволяет создать языковую среду техническими средствами и способствует развитию способностей студентов и их желанию точно и к месту использовать изучаемый иностранный язык.

Представление содержания учебного материала в компьютерной программе – это преобразование его в форму, удобную для восприятия и усвоения студентом. Для этого информация отображается в виде наглядных и легко воспринимаемых символов, сигналов, формируемых с учетом психофизических и психофизиологических возможностей обучаемых.

В предлагаемом исследовании языковой материал организуется вокруг определенной сферы с конкретной тематикой «предприятие» (L'entreprise). Разработанная оригинальная система занятия на основе КТ предполагает включение в процесс изучения предложенной темы следующих этапов: сообщение нового материала; систематизация, закрепление и совершенствование знаний студентов; применение усвоенного учебного материала; формирование умений и навыков; контроль учебных успехов учащихся. При составлении словника внимание уделялось группам слов, семантизация которых вызывает наибольшие затруднения (например, омофоны, «ложные

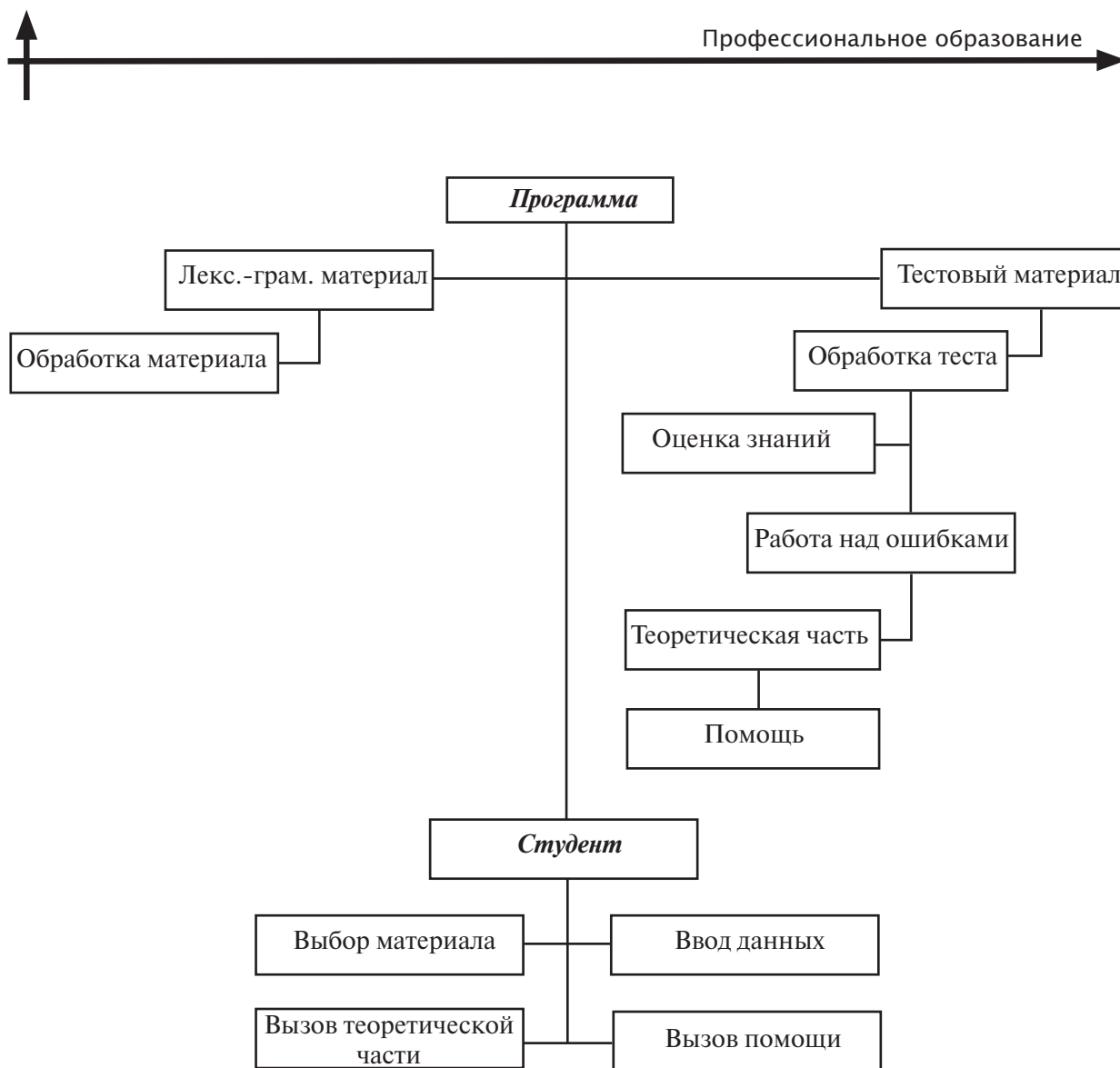

Рис. 1. Связь ОККП со студентом

друзья переводчика» и т. д.). Большое значение придавалось семантизации слова в контексте, сочетаемости и вариативности основного корпуса общеупотребительной и профессиональной лексики, ориентируемой на активизацию грамматического материала, поскольку грамматика – это организующий стержень речевого произведения.

Заранее планируя систему занятий при помощи КТ, преподаватель *разделяет материал темы на части соответственно содержанию* и располагает их в порядке изучения. В этом случае одной из важных и постоянных педагогических задач является приведение содержания и методов обучения в соответствие с изменениями в определенной области знания,

вследствие этого преподавателю необходимо регулярно *обновлять* учебные программы, исключать из них устаревший материал.

Логическое структурирование учебного процесса включает в себя непосредственное обучение и контроль обученности профессионально ориентированному иностранному языку и имеет несколько этапов:

1) подготовительный этап (разработка преподавателем задач по различным формам работы ОККП, проведение ряда мероприятий с учащимися по формированию определенных навыков и умений, необходимых для конкретного вида учебной работы);

2) этап непосредственного выполнения (выполнение поставленных задач, взаимодействие

учащихся с преподавателем для решения рабочих вопросов в ходе выполнения задачи – выполнение упражнений или тестов);

3) проверочный этап (непосредственная проверка и оценка преподавателем результатов деятельности студентов, соответствующая корректировка посредством дальнейшего анализа работы);

4) коррекционный этап (проверочный этап непосредственно на уроке иностранного языка с применением КТ).

Отметим, что на занятии с помощью ОККП происходят:

- формирование лексических и грамматических навыков говорения;
- совершенствование лексических и грамматических навыков говорения, необходимых для иноязычного профессионально ориентированного общения;
- тестовый контроль.

Все целенаправленно предлагаемые задания по обучению профессионально ориентированному иностранному языку обеспечивают достаточный объем информации по усвоению лексики и грамматики на заданную тему. Изучение материала завершается тестовым контролем. Форма тестового задания позволяет эффективно проверить уровень учебных достижений.

Контроль знаний является частью учебного процесса и обеспечивает обратную связь с обучаемым. В ходе контроля с использованием КТ оцениваются степень и уровень обученности, контроль качества знаний значительно облегчается и ускоряется. Сегодня существует множество форм контроля качества обучения и усвоения материала. Наиболее эффективный – создание системы автоматизированного контроля знаний на основе вероятностных (процентных) критериев оценки. Критерии отвечают следующим требованиям: объективности и однозначности; адекватности и валидности; нейтральности к исследуемым явлениям, поскольку необходимо, чтобы совокупность критериев с достаточной полнотой охватывала все существенные характеристики предложенного учебного материала [3].

Внедрение КТ в виде ОККП предоставляет новую, уникальную возможность для проведения занятий по иностранному языку, в определенной степени сокращается время обучения,

с другой стороны, усиливаются возможности индивидуализации и интенсификации обучения, способствующие формированию профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности.

Интенсификации учебного процесса невозможно достигнуть без системного, комплексного подхода к максимальному использованию резервных возможностей обучаемых, активизации внутренних, психических (мотивационных, интеллектуальных, волевых и др.) процессов. Использование КТ в вузе позволяет в определенной мере учитывать психологические особенности ее «пользователей» в контексте образовательной деятельности с целью эффективности представления знаний для их последующего освоения, развивает индивидуализацию обучения, включает в себя сочетание индивидуальных и коллективных форм деятельности обучаемых, подразумевает большую самостоятельность и активность студентов, и, что немаловажно, происходит продуктивная обратная связь между преподавателем, ведущим занятие, и обучаемыми.

Разработка и внедрение методически обоснованной ОККП по иностранному языку придает процессу образования особую динамичность. Об этом свидетельствуют экспериментальные показатели: существенная экономия времени учащихся и сил преподавателя: максимальный показатель использованного времени для стандартного занятия ($45 \times 2 = 90$ мин) составил 30 мин, т. е. 33 % от общего времени занятия (см. рис. 2). Экономия времени 67 % может быть использована для коррекции ошибок, развития творческой деятельности учащихся, для выполнения дополнительных заданий и др., что и говорит об интенсификации учебного процесса.

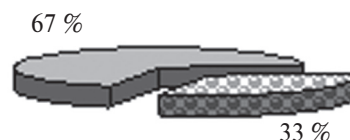

Рис. 2. Распределение времени при выполнении заданий с применением ОККП

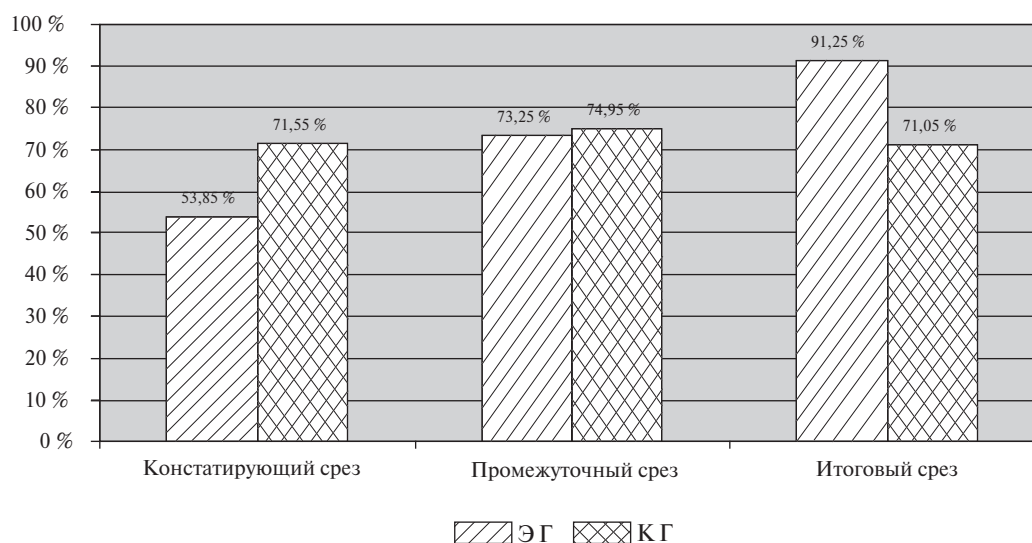

Рис. 3. Динамика формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности

При использовании ОККП происходит повышение самомотивации и самообразующей компетентности, так как учащиеся практически самостоятельно работают с компьютерной программой. Новые формы проведения занятия по иностранному языку с помощью КТ в качестве инструмента деятельности способствуют росту уровня знаний за меньшее время, т. е. позволяют интенсифицировать процесс обучения.

Экспериментальное обучение иностранному языку в СПбГПУ проверялось посредством проведения констатирующей (констатирующий срез), промежуточной (промежуточный срез) и итоговой (итоговый срез) диагностики, в рамках которой учитывались изменения в формировании профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности у студентов *контрольной группы* (КГ) и *экспериментальной группы* (ЭГ).

Результатом экспериментального обучения студентов в условиях применения КТ стал

количественный и качественный рост показателей сформированности профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности, который проверялся в ходе занятий по иностранному (французскому) языку. Значительное повышение результатов *обученности иностранному языку* (см. рис. 3) в ЭГ (в итоговом срезе разница между ЭГ и КГ составила 20,2 %) и относительная устойчивость результатов в КГ (разница между промежуточным и итоговым срезами составила 3,9 %) свидетельствуют об эффективности проведенной работы.

Таким образом, проведенное экспериментальное обучение доказывает, что компьютерная технология в виде ОККП создает реальные возможности повышения качества образования, интенсифицирует учебный процесс, формирует профессиональную иноязычную коммуникативную компетентность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалько, В.П. Слагаемые педагогической технологии [Текст] / В.П. Беспалько. — М., 1989.
2. Леонтьев, А.А. Педагогическое общение [Текст] / А.А. Леонтьев. — М.: Психология, 1989. — 54 с.
3. Пугачев, В.С. Введение в терминологическую базу компьютерной технологии обучения [Текст]:

учеб. пособие / В.С. Пугачев, В.Л. Латышев. — М.: Изд-во МАИ, 1993. — 20 с.

4. Угольников, В.В. Компьютерные технологии как средство обучения иностранным языкам в вузе [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. — М., 2005.

ДИДАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВУЗОВСКОГО УЧЕБНИКА ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С УЧЕТОМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ

Профессионально ориентированный учебник нового поколения создается нами в период происходящих в сфере образования процессов интеграции и компьютеризации, когда в преподавании иностранных языков общеприняты компетентностный и личностно ориентированный подходы. Представляется логичным создание такой модели современного учебника, которая отражала бы все указанные тенденции. Считаем применение метода моделирования для познания сущности такого дидактического объекта, как учебник, наиболее приемлемым, поскольку именно модель как аналог изучаемого объекта будет способствовать наибольшей четкости понимания места междисциплинарного учебника (МУ) в современном мире. Кроме того, необходимость создания модели учебника по иностранному языку нового поколения объясняется его внутренней сложностью, многокомпонентностью, большой степенью вариативности, что трудно воспринять без обращения к экспериментальному моделированию.

Метод моделирования, предполагающий изучение педагогических явлений и процессов на модели, т. е. на «промежуточном звене между субъектом – педагогом-исследователем и предметом исследования» [1, с. 5], хорошо опробованный метод педагогических исследований. Наличие общности отношений между моделью и оригиналом позволит нам путем изучения модели получить новые данные о предмете исследования – междисциплинарном учебнике. Соглашаясь с У.Р. Эшби в том, что моделирование демонстрирует фактически логический процесс упрощения предмета исследования, мы понимаем, что его целенаправленное упрощение должно быть хорошо обоснованным и мотивированным. При соблюдении таких основных принципов моделирования, как наглядность, определенность и объективность [1], мы попытаемся показать основные этапы моделирования современного учебника.

Поскольку учебник является сложным многокомпонентным объектом, отдельные составляющие которого обладают содержательными и процессуальными взаимосвязями и формируют, таким образом, целостную систему, при построении его модели необходимо прежде всего уточнить ее определение для наших конкретных целей. Наиболее полным представляется определение А.И. Умова, считающего, что модель – это «система, исследование которой служит средством для получения информации о другой системе» [2, с. 11], при этом свойство модели быть аналогом оригинала сохраняется как объединяющее для всех моделей независимо от сферы их использования. Для того чтобы наша модель учебника нового поколения стала изоморфной, т. е. идентичной оригиналу, мы будем стремиться к наиболее полному соответствию ее элементов и элементов оригинала, а также к сохранению между ними точных соотношений и взаимосвязей [Там же].

Ввиду того что «совершенствование учебников и учебных пособий в решающей степени определяет проблему повышения качества подготовки студентов» [3, с. 3], моделирование учебника нового поколения – весьма актуальная задача. Учитывая достаточную степень разработанности моделей электронного вузовского учебника по иностранному языку [3, 4, 5 и др.] на таких современных носителях, как CD-ROM диски, необходимо обратиться к созданию модели профессионально ориентированного учебника с учетом междисциплинарных связей, который представляется нам не менее важным, но недостаточно исследованным средством повышения качества обучения иностранным языкам.

Признавая то, что электронный учебник является одним из наиболее перспективных направлений развития информационных технологий, мы, однако, не можем не отметить, что создание такого электронного продукта доступно только

профессиональным пользователям компьютера, которыми едва ли являются преподаватели иностранных языков. Предлагаемый же нами учебник (мы будем называть междисциплинарным, исходя из состава его дидактических компонентов [6, 7]) является гораздо более гибким и доступным инструментом совершенствования учебного процесса. Как будет показано далее на модели учебника, включаемые в него задания, предназначенные для выполнения на компьютере в процессе самостоятельной работы, активизируют познавательную деятельность студентов и способствуют формированию их лингвокомпьютерной компетенции.

Хотя при моделировании нужно избегать чрезмерной формализации исследуемых на модели сущностных параметров оригинала, поскольку это может привести к утрате некоторых частей качественного содержания [8], введение определенных формальных ограничений и допущений нам представляется необходимым. Достижимое в результате моделирования облегчение процесса познания «на основе упрощения и выделения существенных свойств и связей в исследуемой системе» [Там же. С. 11] — это цель, ради которой некоторая формализация исследуемого оригинала в его модели может быть оправданна. Интерпретация результатов моделирования будет проводиться на уровне формального фиксирования проявляющихся в модели взаимосвязей входящих в нее компо-

нентов, научного анализа проецирующихся в модели современных тенденций с целью их последующего истолкования для использования в реальной педагогической практике.

Переходя к описанию процесса моделирования современного МУ, необходимо отметить следующие этапы:

- определение места МУ с учетом существующих парадигм в сфере высшего образования;
- проектирование лингводидактического процесса с учетом наличия и вариативности компьютерной обучающей среды (КОС);
- создание обобщенной модели учебника с учетом КОС и междисциплинарного расширения текстотеки учебника за счет корреляции с дисциплинами рабочего учебного плана (РУП) по специальности.

Исходя из существующих современных парадигм в сфере высшего образования, необходимо отметить, что предлагаемая нами концепция МУ не только не противоречит им, но органично вбирает в себя их сущностные параметры, воплощающиеся в его учебно-методическом аппарате. Наше представление о сосуществовании актуальных тенденций в виртуальном образовательном пространстве отражается на следующей позиционной модели образовательного пространства, в центре которой может быть условно размещен наш МУ как результат их взаимодействия (рис. 1).

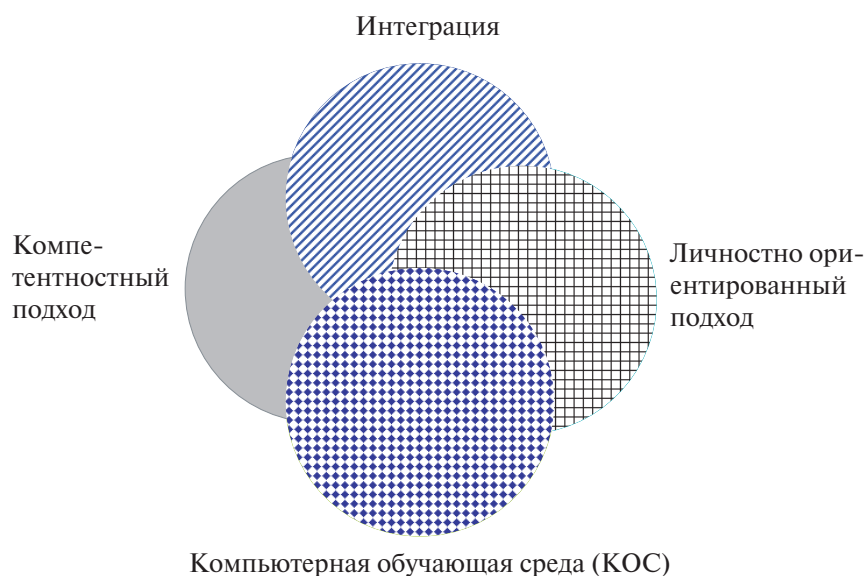

Рис 1. Модель современного образовательного пространства

Отметим, что показанное нами взаимодействие актуальных парадигм современного образовательного пространства является, на наш взгляд, минимально возможным их отражением для актуализации позиции МУ. Если мы не отрицали присутствие весьма распространенного в современной сфере образования деятельностного подхода, это отнюдь не означает нашего негативного к нему отношения. Деятельностный подход к обучению иностранному языку органично присутствует как в реализации компетентностного подхода [9], предполагающего большую долю учебной деятельности, чем при реализации знаниевой парадигмы, так и при осуществлении личностно ориентированного подхода в КОС [10]. Деятельностный подход, таким образом, не требует отдельного позиционирования, поскольку он в свернутом виде уже присутствует в представленных на диаграмме сферах.

Находясь как бы на «пересечении» современных теоретически значимых парадигм в сфере высшего профессионального образования, МУ обогащается от этого как в содержательном, так и в процессуальном плане, и превращается в подлинно современный продукт образовательного процесса. Результатом подобного обогащающего влияния становится весь лингводидактический аппарат учебника, нацеленный на формирование необходимых личностных компетенций и актуализирующийся в компьютерной обучающей среде. Интеграция КОС в формат учебника по иностранному языку вполне оправданна, поскольку современные студенты, изучавшие информатику и другие аналогичные дисциплины компьютерной грамотности, имеют достаточный уровень информационной компетенции.

Если положенные в основу учебника нового поколения связи между дисциплинами рабочего учебного плана представляют собой проявление прикладного аспекта интеграции, то ориентация на компетентностный подход в обучении иностранному языку предполагает включение в учебник личностно ориентированных деятельностных заданий, реализующихся в КОС. Присутствие компьютерной обучающей среды в лингводидактическом аппарате современного учебника – важное средство обеспечения необходимого уровня вариативности учебных заданий. Все задействованные в модели

образовательного пространства компоненты являются, таким образом, одинаково важными для создания общего представления о современном образовательном процессе, взаимодополняющими для получения потенциального синергетического обучающего воздействия.

Для гармоничной интеграции компьютерных и информационных технологий в процесс преподавания иностранных языков преподавателю необходимо тщательно продумать их место в структуре аудиторной и/или самостоятельной работы студентов. Наиболее вероятным алгоритмом применения предлагаемых в МУ заданий является их демонстрация преподавателем в аудитории с помощью ноутбука [11], выполнение их студентами в качестве самостоятельной работы, а затем проверка и сравнение результатов на следующем занятии. Нужно отметить, что во всех студенческих группах обучающиеся с интересом сравнивали результаты выполнения предлагавшихся заданий, причем некоторые студенты предпочитали не опосредованное сравнение в бумажном формате, а демонстрировали их на своем ноутбуке в режиме онлайн. Создававшаяся таким «спонтанным» образом компьютерная обучающая среда способствовала повышению общего интереса к занятию.

Исследователи считают, что интеграция в процесс преподавания иностранных языков информационных технологий способствует выработке навыков работы в группе или в парах [12], и с этим нельзя не согласиться. Продолжая эту мысль, можно сказать, что, предлагая лингвокомпьютерные задания в составе современного учебника по иностранному языку, мы и рассчитываем главным образом на парную или групповую работу при их выполнении, поскольку практически все подобранные нами задания для самостоятельной работы предполагают общение обучающихся при их подготовке. На начальном этапе адаптации лингвокомпьютерных заданий в учебном процессе преподавателю важно также осознавать их факультативность, т. е. нестрогую обязательность их еженедельного индивидуального выполнения обучающимися. Однако выполнение подобных заданий хотя бы один или два раза в месяц можно считать обязательным, так же как и участие студентов в групповом выполнении заданий в течение семестра.

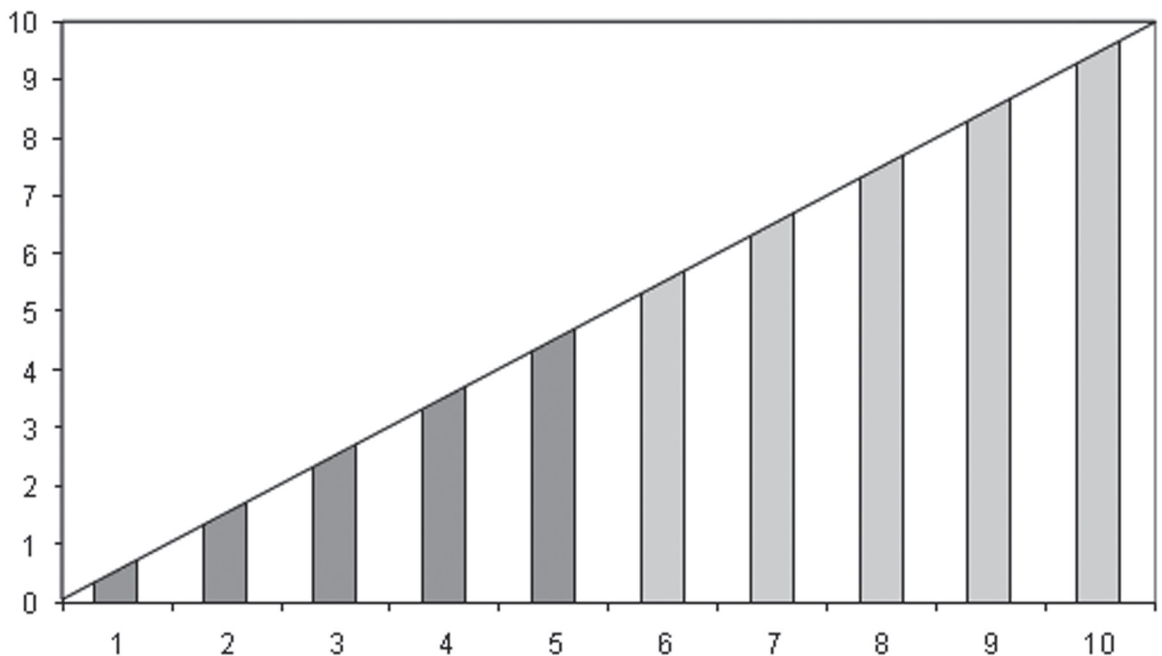

Рассмотрим разработанную нами и примененную в четырех МУ по английскому языку [13–16] типологию лингвокомпьютерных заданий [7] и их расположение на условной шкале степени сложности выполнения студентами (рис. 2) (степень сложности оценивается по вертикали исходя из 10 баллов как максимального показателя). По горизонтали номера столбиков соответствуют

номерам перечисленных ниже электронных ресурсов, используемых для лингвокомпьютерных заданий учебников, и их аббревиатурам.

Если первые пять видов лингвокомпьютерных заданий, как правило, хорошо известны студентам и не вызывают особых сложностей при выполнении, то вторая группа заданий, обозначенная на диаграмме светлыми столбиками,

№	Название электронного ресурса	Аббревиатура
1	Электронная почта (или <i>В контакте</i> , <i>Скайп</i> и т. п.)	ЭП
2	Электронные словари	ЭС
3	Интернет-ресурсы (вэб-квесты)	ВК
4	Программы машинного перевода	МП
5	Программа <i>Power Point</i> (презентации)	ПР
6	Британский национальный корпус http://info.ox.ac.uk/bnc	БНК
7	Коллажи или постеры для презентаций	К/П
8	Подкасты для аудирования (http://academic.earth.org) и т. п.	ПК
9	Интернет-конференции	ИК
10	Программы-конкордансы	КОН

ЭП	ЭС	ВК	МП	ПР	БНК	К/П	ПК	ИК	КОН
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Рис. 2. Условная шкала степени сложности выполнения студентами лингвокомпьютерных заданий

практически никому не знакома и требует обязательного введения преподавателем на ноутбуке во время аудиторной работы.

Хотя ознакомление с сайтом Британского национального корпуса по данной гиперссылке возможно и в процессе самостоятельной работы, во время аудиторного занятия следует ознакомить студентов с алгоритмом отбора релевантного материала по заданному слову. Необходимо продемонстрировать копирование предъявленного программой конкорданса из 30–50 предложений в файл и сокращение этих предложений до коллокаций, которые можно далее использовать для составления искусственного конкорданса по специальности. Предлагаемый формат задания, используемый нами в учебниках для студентов-медиков и магистрантов гуманитарного профиля, сопровождается примерами подготовки конкордансов для целей перевода и составления глоссариев по специальности в табличном формате. Работа с данным или аналогичными колоссальными текстовыми корпусами по подготовке конкордансов готовит студентов к выполнению курсовой работы по составлению глоссария по их профессиональной тематике.

Изготовление электронных *коллажей* или *постеров* для иллюстрации небольших выступлений является фактически творческой интерпретацией работы с программой Power Point с той лишь разницей, что все материалы для презентации копируются на один слайд. Подбор материалов осуществляется в сети Интернет через поисковую систему Google, открывающую сайт по любой теме и предлагает *картинки по теме*. Подходящие для студента картинки уменьшаются до нужного размера, копируются на один слайд и редактируются. В результате получается цветной коллаж, состоящий из 6–8 изображений, который воспроизводится в аудитории на экране ноутбука с выводением на большой экран (или даже на светлую стену) с помощью проектора. Выступление студента с использованием электронного коллажа обеспечивает необходимую на занятии наглядность, помогает студенту в следовании своему плану презентации, стимулирует общение по излагаемой теме. Задание на изготовление коллажей является для нас самым новым и поэтому предлагается нами только в последнем

учебнике для лингвистов первого курса при выполнении заданий «междисциплинарный фокус». Преимуществом коллажа (см. пример в учебнике по чтению *Focus on reading*) перед полноформатной презентацией в системе Power Point может быть сокращение времени на подготовку презентации.

Использование подкастов [17], представляющих собой особый интернет-ресурс для сохранения аудиоинформации, может индивидуализировать работу обучающихся и способствовать развитию их коммуникативных навыков. Хорошая «коллекция» подкастов для изучающих английский язык собрана на сайте www.englishcaster.com. Кроме того, мы предлагаем использовать сайт <http://www.academicearth.org/>, который поддерживается Йельским университетом (США) и содержит курсы лекций в видеоформате по разным предметам. При апробации учебника для магистрантов гуманитарного профиля, в котором используется данный ресурс, он получил высокую оценку обучающихся в отношении качества представленного материала. Самостоятельная работа магистрантов с подкастами в сети Интернет сочетается с аудированием скачанных с них на диск аудиоматериалов, по которым предлагаются специально разработанные задания на понимание их содержания, а также более сложные задания, включающие дискурсивный анализ.

Что касается интернет-конференции, то ее проведение предполагает большую организационную работу преподавателя по распределению обязанностей всех ее участников. Если нет возможности проводить конференцию в компьютерном классе, то нужно тщательно продумать возможности интернет-доступа в обычной аудитории и назначить «технического директора» и его ассистентов, а также позаботиться об обязательном наличии проектора и большого демонстрационного экрана. Следует также согласовать тематику всех выступлений для того, чтобы не было повторов, продумать очередность следования выступлений, назначить ведущего, имеющего хорошее произношение и некоторые артистические данные. Немаловажно также, чтобы студенты имели представление о необходимости соблюдения пауз, нужной интонации и жестикюляции, чтобы произвести должное впечатление.

Задание по проведению подобной конференции заложено в содержание трех учебников, кроме учебника для студентов-медиков. При невозможности организовать интернет-конференцию предлагается проводить ее в режиме Power Point. Наибольший интерес представляет проведение конференции в группах студентов по специальности «связи с общественностью», для которых презентационная компетенция является профессионально значимой и, безусловно, востребованной в будущей профессиональной деятельности. Проведение конференции – это, по сути дела, групповой проект, приводящий к формированию профессиональной проектной компетенции.

Что касается работы с программами-конкордансами, позволяющими отбирать терминологическую лексику по принципу частотности из больших текстовых корпусов, то это задание требует самой тщательной проработки в аудитории. Оно рекомендуется для выполнения студентами второго или третьего курса тех специальностей или направлений, в научных текстах которых много терминологической лексики. Если сравнить терминологическое наполнение медицинских текстов и текстов по гуманитарной тематике, то становится очевидным, что в первых оно значительно богаче. Именно поэтому задание на составление глоссария по специальности с помощью программ-конкордансов предлагается нами именно для студентов-медиков, для которых оно более целесообразно. В процессе выполнения курсовой работы по составлению глоссария

формируются проектная и исследовательская компетенции обучающихся.

Хотя все указанные электронные ресурсы были в той или иной мере задействованы в созданных нами МУ, степень их присутствия в каждом из них различна (см. таблицу).

Из данных таблицы видно, что наиболее популярными и опробованными нами лингвокомпьютерными заданиями являются веб-квест и презентации, на втором месте располагаются электронные словари и интернет-конференции. Что касается машинного перевода, программ-конкордансов, коллажей (постеров) и подкастов, то использование этих ресурсов еще исследуется и в перспективе будет шире использоваться нами при создании учебников нового поколения. Среднее количество используемых лингвокомпьютерных заданий в составе учебника равно пяти.

Исходя из того что в междисциплинарных учебниках наблюдается тесная интеграция традиционных и лингвокомпьютерных заданий, которые стали неотъемлемой частью их учебно-методического аппарата, необходимо представить структурную модель МУ с учетом такого универсального компонента, как компьютерная обучающая среда. Приведенная на рис. 3 модель является фактически усовершенствованным вариантом упрощенных моделей учебника нового поколения, представленных нами ранее [6, 7].

Вданной модели учитывается не только присутствие в учебнике интегрированной в него компьютерной обучающей среды, но и такое дополнительное средство междисциплинарного

Распределение лингвокомпьютерных заданий по междисциплинарным учебникам

№	Название учебника	Электронные ресурсы									
		ЭП	ЭС	ВК	МП	ПР	БНК	К/П	ПК	ИК	КОН
1	Медицина катастроф	◆	◆	◆	◆	◆	◆				◆
2	Выражение мнения (PR)			◆		◆				◆	
3	Английский язык для магистрантов		◆	◆		◆	◆		◆	◆	
4	Учебник по чтению для лингвистов		◆	◆		◆		◆		◆	

Рис. 3. Обобщенная модель междисциплинарного профессионально ориентированного учебника по иностранному языку

расширения текстотеки учебника, как подбор текстов, коррелирующих с профилирующими дисциплинами РУП соответствующей специальности [6]. Если лингвокомпьютерные задания обеспечивают универсальный, соответствующий духу времени процессуальный или деятельностный компонент учебника, то его междисциплинарно расширенная текстотека становится важным фактором содержательного обновления учебника. Если при создании учебника профильные профессионально значимые дисциплины, а также коррелирующие с ними тексты будут выбираться по рекомендациям

преподавателей соответствующих вузовских кафедр, то можно с большой долей вероятности прогнозировать в итоге углубление профессионализации обучения средствами иностранного языка и развитие профессионального мышления.

Рассматривая МУ в рамках компетентностного подхода, нужно также особо подчеркнуть формирование его средствами профессиональной лингвокомпьютерной компетенции обучающихся. Это обусловлено и подготовлено соблюдением всех необходимых условий ее развития как в аудиторной, так и в самостоятельной работе. Под лингвокомпьютерной компетенцией мы будем понимать *умение и готовность обучающихся использовать электронные ресурсы для дальнейшего совершенствования своих знаний иностранного языка и для постижения своей профессиональной и научной сферы за счет работы с материалами на иностранном языке*. Выделяемая нами лингвокомпьютерная компетенция имеет интегративный характер и формируется в новых формах учебной деятельности в учебно-методическом аппарате МУ.

Таким образом, с помощью метода дидактического моделирования нам удалось определить место профессионально ориентированного МУ на «перекрестке» современных парадигм в сфере высшего образования, оценить сложность интегрированных в состав учебника лингвокомпьютерных заданий и создать обобщенную модель учебника нового поколения. Благодаря свойственной иностранному языку полипредметности, он стал благодатной почвой для осуществления стратегии интегративного подхода к обучению за счет актуализации междисциплинарных связей в учебном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Михеев, В.И.** Моделирование и методы теории измерений в педагогике [Текст] / В.И. Михеев. — 3-е изд. — М.: КомКнига, 2006. — 200 с.
2. **Воронин, Ю.А.** Моделирование в технологическом образовании [Текст]: монография / Ю.А. Воронин, Р.М. Чудинский. — Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2001. — 226 с.
3. **Феоктистова, Е.А.** Особенности моделирования разноуровневого электронного учебника по английскому языку в системе высшего профессионального образования [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е.А. Феоктистова. — Барнаул, 2001. — 17 с.
4. **Романченко, Т.Н.** Электронный учебник как средство формирования информационной культуры студентов [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Т.Н. Романченко. — Саратов, 2005. — 22 с.
5. **Низовая, И.Ю.** Теория и практика создания электронного учебника по русскому языку как иностранному [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / И.Ю. Низовая. — М., 2001. — 22 с.
6. **Попова, Н.В.** Междисциплинарные и интегрированные вузовские учебные пособия на базе английского языка [Текст] / Н.В. Попова, Е.К. Вдовина. // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Сер. Наука и образование. — 2008. — № 6 (70). — С. 163–168.

7. **Попова, Н.В.** Современный статус междисциплинарного учебника по иностранному языку для студентов неязыкового вуза [Текст] / Н.В. Попова // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Сер. Гуманитарные и общественные науки. – 2010. – № 1 (105). – С. 132–138.
8. **Лебедева, И.П.** Математическое моделирование в педагогическом исследовании [Текст]: монография / И.П. Лебедева; акад. акмеол. наук, Перм. гос. пед. ун-т. – СПб.; Пермь, 2003. – 122 с.
9. **Хуторской, А.В.** Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования [Текст] / А.В. Хуторской // Народн. образов. – 2003. – № 2. С. 58–64.
10. **Акопова, М.А.** Личностно ориентированный подход в условиях выбора образовательных программ в ВШ [Текст] / М.А. Акопова. – СПб.: Наука, 2003. – 180 с.
11. **Ятунина, А.И.** Преимущества использования ноутбука для создания компьютерной обучающей среды в вузовской аудитории [Текст] / А.И. Ятунина // Вопр. методики преподавания в вузе: сб. статей / под ред. М.А. Акоповой. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2010. – Вып. 13. – С. 136–138.
12. **Титова, С.В.** Ресурсы и службы Интернета в преподавании иностранных языков [Текст] / С.В. Титова. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 267 с.
13. **Выражение** мнения: Expressing opinion [Текст]: учеб. пособие / Н.В. Попова [и др.]; под ред. М.А. Акоповой, Н.И. Алмазовой. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 234 с.
14. **Ятунина, А.И.** Медицина катастроф. Emergency medicine [Текст] / А.И. Ятунина, Н.В. Попова – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. – 165 с.
15. **Алмазова, Н.И.** Английский язык [Текст]: учеб. пособие для магистрантов гуманитарного профиля / Н.И. Алмазова [и др.]; под ред. М.А. Акоповой. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. – 219 с.
16. **Английский язык** [Текст]: учеб. пособие по чтению. Focus on reading / Н.В. Попова [и др.]; под ред. М.А. Акоповой. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. – 221 с.
17. **Коган, М.С.** Использование подкастов для развития коммуникативных навыков на занятиях по бизнес-английскому [Текст] / М.С. Коган // Мат. XXXIX междунар. филол. конф. Секция делового иностран. яз. – СПб.: Культ-информ-пресс, 2010. – Вып. 4. – С. 35–38.

УДК 811.11:37

М.М. Степанова

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В МАГИСТРАТУРЕ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

В связи с активными процессами интеграции России в единое европейское образовательное пространство особую значимость приобретает иноязычная подготовка кадров высшей квалификации в системе магистратуры. Основной целью ее становится формирование у обучаемых способности функционировать в качестве субъектов международного образовательного пространства, осуществляя активную межкультурную коммуникацию в рамках своей профессиональной и научной деятельности.

Изменения, происходящие сегодня в сфере образования, свидетельствуют о смене образовательной парадигмы на личностно ориентированную, ведущим компонентом которой являются ключевые компетенции, необходимые для

личного совершенствования и развития, активной гражданской позиции, социальной адаптации и применения в течение всей жизни.

Интенсификация процессов интеграции России в европейское и мировое пространство обуславливает изменения в процессе обучения иностранным языкам, связанные с расширением содержания обучения, усилением личностно формирующего потенциала иностранного языка как учебного предмета. Совет Европы считает, что существует необходимость в разработке параметров общего характера для определения уровня владения иностранным языком, что может быть сделано в рамках компетентностного подхода. Эти параметры должны быть четко определены, адаптированы к национальным

ситуациям и охватывать новые области, особенно в сфере культуры и в профессиональных сферах. Кроме того, существенную роль могут играть модули, составленные в соответствии со специальными потребностями, особенностями и возможностями изучающих язык.

Общевропейские компетенции предлагают основу для разработки в рамках общеевропейского пространства учебных программ, экзаменационных материалов, учебников и др. Компетенции определяют в доступной и понятной форме, чем необходимо овладеть изучающему язык, чтобы использовать его в целях общения, а также какие знания и умения он должен освоить, чтобы коммуникация была успешной. Компетенции определяют культурный контекст функционирования языка, а также уровни владения языком, что позволяет фиксировать достижения изучающего язык в течение всей жизни. Компетенции преследуют цель преодолеть препятствия, возникающие при общении профессионалов в области современных языков, вызванные различиями в образовательных системах Европы.

Знание иностранного языка признается в настоящее время частью общей компетенции выпускника магистратуры по различным направлениям подготовки, что отражено в Федеральных государственных образовательных стандартах третьего поколения. Так, в частности, компонентом общей компетенции является владение иностранным языком как средством делового общения: ОК-4 – способность свободно пользоваться русским и иностранным языками как средством делового общения [1], ОК-5 – свободное владение иностранным языком как средством делового общения [2].

Реализуемая в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете программа обучения иностранным языкам в магистратуре неязыковых направлений – это программа, направленная на реализацию системы разноуровневой профессионально ориентированной подготовки по иностранному языку высококвалифицированных специалистов в области гуманитарных, естественных наук и передовых областях техники и предусматривающая развитие ключевых компетенций, совершенствование знаний и умений в области иностранного языка по завершении вузовского курса.

Основной целью дисциплины «иностран- ный язык» для неязыковых специальностей,

обучающихся по магистерской программе, является достижение магистрантами естественно- научных и инженерно-технических факультетов СПбГПУ практического владения иностранным языком, позволяющего использовать его в их будущей профессиональной деятельности и научной работе, а также для активного применения как в повседневном, так и в профессиональном общении.

Цель данной дисциплины включает в себя также создание базы для правильного понимания, перевода и обработки иноязычных текстов. Программа предусматривает развитие коммуникативной академической компетентности, позволяющей магистрантам представлять научную продукцию (статьи, рефераты, доклады, презентации и т. п.) в международной академической среде.

Кроме того, обучение иностранному языку на уровне магистратуры подразумевает подготовку магистрантов к вступительному экзамену в аспирантуру по иностранному языку, что предполагает расширение профессионально ориентированного вокабуляра, дальнейшее развитие и совершенствование грамматической компетенции, ориентированной на научный формат общения, развитие переводческих навыков в профессионально ориентированной и академической (научной) среде при устном и письменном общении.

Фоновой целью обучения английскому языку магистрантов гуманитарных, естественно- научных и инженерно-технических факультетов СПбГПУ являются развитие у них учебно-познавательной компетентности, формирование устойчивой положительной мотивации к изучению английского языка в условиях неязыкового вуза.

Достижение образовательных и воспитательных целей при обучении иностранному языку в магистратуре осуществляется в аспекте гуманизации и гуманитаризации технического образования и означает расширение кругозора студентов, повышение уровня их общей культуры и образования, а также культуры мышления, общения и речи. Реализация воспитательного потенциала иностранного языка проявляется в готовности специалистов содействовать формированию межкультурных связей, представлять свою страну на международных конференциях и симпозиумах.

Основные задачи обучения иностранному языку магистрантов гуманитарных, естественнонаучных и инженерно-технических факультетов СПбГПУ:

1. Развитие и совершенствование лингвистической иноязычной компетенции. Данная задача включает решение следующих проблем:

- выравнивание уровня лингвистической компетенции обучаемых до уровня *upper-intermediate/advanced* (средний/высокий);
- овладение общезыковой лексикой, лексикой нейтрального научного стиля, а также терминологией по основной специальности;
- совершенствование лексико-грамматических навыков, необходимых как для письменного, так и для устного использования в процессе профессионально ориентированной коммуникации.

При обучении устной и письменной формам общения эталоном является современный литературно-разговорный язык, т. е. язык, которым пользуются образованные носители языка в официальных и неофициальных ситуациях общения.

2. Развитие и совершенствование коммуникативной компетенции, что включает в себя решение таких проблем, как:

- овладение основами публичной речи и навыками презентации научной продукции, что, согласно требованиям государственных образовательных стандартов, является также частью общекультурной компетенции магистранта: ОК-6 – способность представить результат научно-исследовательской работы в виде отчета, реферата, научной статьи... [3];
- формирование основ коммуникативных стратегий и тактик, ориентированных на профессиональный формат общения и социокультурные параметры: ОК-4 – способность приобретать и использовать в практической деятельности новые знания и умения, в том числе не связанные со сферой деятельности [Там же].

Сопутствующие задачи обучения иностранному языку магистрантов неязыковых специальностей:

- формирование учебных умений, лежащих в основе учебно-познавательной деятель-

ности в рамках специальности на материале иноязычных источников;

- формирование навыков самостоятельной работы в рамках данной специальности;
- развитие креативного потенциала обучаемых на базе проблемно-проектных и инновационных технологий.

Кроме того, обучение иностранному языку магистрантов неязыковых специальностей способствует как расширению возможностей в изучении основной специальности, так и развитию памяти магистранта, поскольку в процессе работы с текстами магистрант запоминает не только новые лексические единицы, но и их место в контексте. Построение речевого высказывания на иностранном языке вызывает необходимость поиска соответствующих конструкций в родном языке, что в значительной степени стимулирует развитие грамотности речи магистранта и на родном языке, снимая тем самым барьер перед различными публичными выступлениями.

Освоение и развитие знаний и навыков фонетики, грамматики, синтаксиса, словообразования, сочетаемости слов, а также активное усвоение наиболее употребительной лексики и фразеологии изучаемого языка происходит не в виде свода правил, а в процессе работы над связными, законченными в смысловом отношении произведениями речи, ориентированными на профессиональный и академический формат.

Текущий контроль осуществляется в течение всего курса обучения в виде устных опросов (оценивается участие студента во всех видах речевой деятельности) и контрольных работ (тестов). Курс завершается экзаменом или зачетом. Экзамен проводится по программе вступительного экзамена в аспирантуру СПбГПУ.

Критерием практического владения иностранным языком является умение уверенно пользоваться языковыми средствами в профессиональном и научном общении в основных видах речевой деятельности: говорении, восприятии на слух (аудировании), чтении и письме.

Организация обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей предполагает учет потребностей, интересов и личностных особенностей обучаемого, при этом происходит развитие самостоятельности магистранта, его

творческой активности и личной ответственности за результативность обучения. В этом заключается реализация идеи гуманизации системы образования.

Один из ведущих принципов, на которых базируется программа по иностранному языку для магистрантов, — это активное использование в учебном процессе современных информационных технологий. Необходимость применения новых информационных технологий в учебном процессе обусловлена как требованиями современности к уровню подготовки магистров, так и непрерывным увеличением объема информации, которую надо изучить и переработать в ходе обучения. Использование современных информационных технологий представляется сегодня одним из наиболее эффективных средств повышения производительности педагогического труда в вузе и качества обучения иностранным языкам.

Небольшое количество аудиторных часов, отводимых на изучение иностранного языка в «непрофильной» (неязыковой) магистратуре, повышает значимость самостоятельной работы в учебном процессе и делает чрезвычайно актуальным создание пакета заданий, выполнение которых требует использования персонального компьютера. В отличие от других авторов [4] мы допускаем отсутствие компьютерных средств при проведении аудиторной работы. Основным аспектом актуализации лингвокомпьютерного обучения студентов становится, таким образом, их внеаудиторная самостоятельная работа в домашних условиях [5, с. 308]. Аудиторная же работа становится при этом подготовительным этапом к самостоятельному выполнению заданий, которые могут включаться непосредственно в профессионально ориентированный учебник по иностранному языку нового поколения.

Такой учебник, предназначенный для магистрантов гуманитарного профиля, был разработан коллективом авторов факультета иностранных языков СПбГПУ. В учебник включены оригинальные материалы интернет-ресурсов, а также задания по аудированию, веб-квестам и презентациям, выполняемым с помощью компьютера. Пособие дополнено методическими рекомендациями для преподавателей, в которых даны справочные материалы и описание

самостоятельной работы магистрантов в компьютерной обучающей среде [6].

Основным содержанием самостоятельной работы с использованием информационных технологий при обучении иностранному языку в непрофильной магистратуре является выполнение разнообразных заданий, связанных с поиском информации в сети Интернет. Например, магистрантам для подготовки докладов и их последующего обсуждения на занятиях предлагаются такие темы, как «Исследования, открытия и инновации в России и в странах изучаемого языка (Великобритании, США, Канаде, Австралии)», «Актуальные научные события за последний год», «Глобальные проблемы человечества и пути их решения. Роль науки в этом процессе», наиболее актуальную информацию по которым можно найти именно во «всемирной паутине».

Для самостоятельной подготовки докладов и презентаций на иностранном языке магистранты должны уметь использовать материалы специализированных веб-сайтов, где публикуются тематические статьи и ведутся обсуждения актуальных вопросов современной науки. Они также должны уметь пользоваться современными поисковыми системами (Google, Yandex, Aport и др.), правильно подбирать ключевые слова для обеспечения оптимальных результатов поиска.

Использование электронных источников для самостоятельной подготовки домашних заданий по иностранному языку — обязательное требование, так как в современном мире специалист в любой области знаний не может обойтись без обращения к интернет-ресурсам. Обработка полученной иноязычной информации также производится с использованием возможностей персонального компьютера. Результаты оформляются в программе MS Word либо в виде презентации в Power Point.

Одним из традиционных видов заданий, выполняемых магистрантами, является индивидуальное чтение статей по основной специальности. Первоочередная задача этого вида учебной деятельности — научить будущих магистров чтению текстов по специальности, пониманию их и грамотному извлечению профессионально значимой информации. Индивидуальное чтение представляет собой чтение экстенсивное,

которое предполагает умение самостоятельно читать большой объем текста с высокой скоростью, сосредоточиваясь при этом на содержательной стороне прочитанного. Для выполнения заданий по индивидуальному чтению магистрантам необходимо подобрать требуемый объем текстов (250 000 знаков) непосредственно по своей специальности. Это должны быть научные статьи, написанные носителями изучаемого языка и изданные в течение последнего десятилетия. Найти такие статьи в «бумажном» виде довольно сложно, однако сегодня имеется прекрасный источник информации – Интернет, где можно отыскать самые современные научные публикации практически по любой специальности.

Все ведущие научные журналы имеют онлайн-версии, где можно ознакомиться с публикуемыми в них статьями и обзорами. Однако для этого магистрантам необходимо хорошо владеть навыками поиска информации в глобальной сети, правильно подбирать ключевые слова и тщательно оценивать результаты, предложенные поисковиком. Помимо указанных выше широко известных поисковых систем, магистрантов необходимо ознакомить с поисковым ресурсом Google Scholar (<http://scholar.google.com/>), который ориентирован на поиск научных статей, патентов, заключений по судебным делам и т. п.

При выполнении заданий на составление глоссария по тематике прочитанных статей по специальности магистранты могут быть ознакомлены с возможностями компьютерных программ-конкордансов и лексических корпусов типа The British National Corpus (<http://info.ox.ac.uk/bnc>) и др. Кроме того, необходимо уделить внимание формированию навыков правильного пользования системами машинного перевода и редактированию полученных с их помощью переводных текстов.

Магистрантам также можно предложить ознакомиться с таким инструментом, как «Социальная сеть закладок» (<http://delicious.com/>) –ресурсом, который позволяет хранить и удобным образом систематизировать «закладки» (bookmarks), т. е. ссылки на сайты с интересующей пользователя информацией. Овладение возможностями данного ресурса

будет полезно магистрантам не только на занятиях по иностранному языку, но и при систематизации ссылок на материалы, необходимые для написания магистерской диссертации, а также в течение всей дальнейшей жизни.

Предлагаемые задания существенно отличаются от традиционных языковых упражнений, поскольку для их выполнения обучаемый должен применить полученные ранее знания не только по иностранному языку, но и по использованию компьютерных программных ресурсов, проделать заданный объем работы и представить результаты в определенном формате, т. е. создать «продукт» своей учебной деятельности [5, с. 307].

Еще одним направлением применения современных информационных технологий может стать сайт кафедры (или факультета). Он будет использоваться каждым преподавателем иностранного языка в качестве рабочего инструмента. Этот сайт, постоянно обновляемый в зависимости от учебных нужд, должен активно выполнять функцию информирования студентов о программе обучения, о предлагаемых заданиях, текстах для чтения, рекомендуемой литературе и интернет-ресурсах. Кроме того, он должен содержать дополнительный материал, который магистранты могут изучить при самостоятельной подготовке.

Важной частью такого сайта должен стать форум, где студенты могут задавать вопросы и обсуждать волнующие их темы. Обсуждения должны вестись на иностранном языке, что позволит обеспечить эффективную практику в таком современном виде речевой деятельности, как онлайн-коммуникация.

Таким образом, организация обучения иностранному языку в магистратуре неязыкового вуза должна в обязательном порядке предусматривать использование современных информационных технологий. Только в этом случае будет возможно с наибольшей эффективностью обеспечить формирование у будущих магистров общих и профессиональных компетенций, необходимых для письменного и устного общения в процессе научной, профессионально ориентированной, а также бытовой коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **ФГОС ВПО** по направлению подготовки 140400 «Электроэнергетика и электротехника» (квалификация (степень) магистр). – [Электронный ресурс].
2. **ФГОС ВПО** по направлению подготовки 080200 «Менеджмент» (квалификация (степень) магистр). – [Электронный ресурс].
3. **ФГОС ВПО** по направлению подготовки 222000 «Инноватика» (квалификация (степень) магистр). [Электронный ресурс].
4. **Абросимов, А.Г.** Информационно-образовательная среда учебного процесса в вузе [Текст] / А.Г. Абросимов. – М.: Образование и информатика, 2004. – 256 с.
5. **Попова, Н.В.** Самостоятельная работа с использованием информационных технологий при обучении иностранному языку в непрофильной магистратуре [Текст] / Н.В. Попова, М.М. Степанова // Иностр. яз. в образоват. пространстве технического вуза: мат. IV Междунар. науч.-метод. конф. (Новочеркасск, апрель 2010). – Новочеркасск: Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). – 2010.
6. **Алмазова, Н.И.** Английский язык [Текст]: учеб. пособие для магистрантов гуманитар. профиля / Н.И. Алмазова, О.А. Никитенко, Н.В. Попова, М.М. Степанова; под ред. М.А. Акоповой. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. – 219 с.

УДК 347.78.034

О.И. Красавина, О.Г. Ветрова

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Профессиональная коммуникация предполагает компетентный и свободный обмен информацией при условии поддержания максимального уровня точности и соблюдения норм профессиональной этики, что непосредственно связано с корректным использованием терминов. Переводческая компетенция в поликодовом профессиональном пространстве характеризует не только переводчика-лингвиста, но все в большей мере специалиста в других областях знаний, что особенно актуально в научно-технической среде.

Мастерство технического перевода включает в себя соответствующее владение родным языком, в том числе так называемое «чувство родного языка», достаточно глубокие знания иноязычного кода, т. е. иностранного языка (грамматики, лексики, идиоматики) и культуры, знакомство с теорией перевода и умение пользоваться переводческими приемами, а также владение фоновыми техническими знаниями. Кроме того, переводчик должен иметь

представление о языковых особенностях жанра, к которому принадлежит переводимый им текст, и справляться с переводческими задачами нелингвистического (неязыкового) характера.

В отличие от моноязыковой научной коммуникации (в ее рамках адресант является активным членом коммуникации) в межъязыковой научной коммуникации автор оригинала и переводчик меняются своими ролями: переводчик становится активным членом научной коммуникации. В этом плане от переводчика зависит, будет ли его перевод востребован в научном сообществе. Отсюда вытекает проблема качества научного перевода, поскольку научный перевод всегда должен быть осмысленной интерпретацией.

Известно, что большой трудностью в научном переводе является создание адекватного текста перевода. Эта трудность имеет прежде всего объективные предпосылки как следствие увеличения и усложнения человеческих знаний об окружающем мире. Именно поэтому

переводчик должен постоянно обогащать и оживлять свою концептуальную систему, усваивать новый научный опыт. С другой стороны, переводчику научного текста нужны навыки распознавания и идентификации исследуемого автором объекта или явления. Ошибки в этом плане полностью зависят от «человеческого фактора», т. е. от мыслительных способностей переводчика [1, с. 103].

Важное место в научно-техническом переводе занимает перевод специальной лексики, под которой понимаются термины и терминологические сочетания, составляющие отдельные терминосистемы в определенных науках и отраслях знания, а также специфические штампы и клише, характеризующие прежде всего сферу речевого общения в профессиональной области, в ее устной и письменной разновидности [2, с. 220].

Поиски терминологических соответствий в техническом переводе являются предметом многочисленных исследований в отечественном и зарубежном переводоведении. В данном исследовании анализируются некоторые приемы интерпретации терминов при переводе.

Терминами называются слова и словосочетания, обозначающие специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты определенной области науки или техники. В качестве терминов могут использоваться как слова, употребляемые почти исключительно в рамках данного стиля, так и специальные значения общенародных слов. Каждая отрасль науки вырабатывает свою терминологию в соответствии с предметом и методом своей работы. Свою специальную терминологию имеют и разные области культуры, искусства, экономической жизни, спорта и т. д. [3, с. 120].

Сложная взаимосвязь между словами общедоступного языка и терминами затрудняет выявление терминологии отдельных отраслей научной и технической литературы.

При переводе терминов необходимо учитывать контекст, так как многие термины многозначны, один и тот же термин может иметь различное значение в разных областях науки и техники или даже в пределах одной отрасли.

Приведем некоторые примеры. Так, термин *'offset'* в текстах по машиностроению переводится как *отверстие*, в металлургии —

ответвление, смещение, в строительстве — *отклонение, обходное звено*, в компьютерной технике — *разрегулировка, рассогласование*. Даже в пределах одной области знаний наблюдаются серьезные смысловые различия терминов. Термин *'offset'* в текстах по нефтехимии трактуется далеко не однозначно — *дистанция, непродуктивная скважина, спускной желоб, вынос, коррекция, отвод, сейсмический снос*.

Центральное значение термина *'power'* — *сила, мощь*. В экономике, социологии, юриспруденции *'power'* означает *власть, право, полномочие, возможность, способность, держава*, в математике — *степень, порядок*, в металлургии — *склонность*, в нефтехимии — *электроэнергия, электроэнергетика*.

Существительное *'gear'* в текстах по машиностроению переводится как *приспособление, трубка, большое зубчатое колесо*, в авиационной технике — *шасси, опора*. В научно-технических текстах других инженерных областей производства этот термин означает *механизм, аппарат, скорость, упряжь, движимое имущество, утварь, снасти, передача, убор, шестерня, такелаж, оснастка, инвентарь*. В финансовой же области *'gear'* означает *внешнее (или дополнительное) финансирование* и входит в состав таких терминологических образований, как *«geared company»* (компания, частично финансируемая за счет заемных средств), *«highly geared transaction»* (операция с высокой долей заемных средств), что свидетельствует о существенных отличиях от базового семантического компонента.

Важнейшей логической операцией, благодаря которой значение термина становится ясным, является определение (дефиниция); под ней следует понимать вербальное или невербальное объяснение или описание, устраняющее все другие значения, кроме искомого [4, с. 40].

Однако словари не успевают за развитием науки и техники, поэтому в них нередко отсутствуют необходимые переводчику термины. Перед переводчиком встает задача нахождения точного перевода безэквивалентного термина.

Теория перевода разработала основные методы перевода безэквивалентной лексики, которые успешно применяются профессиональными переводчиками и специалистами, владеющими английским языком.

Во-первых, это **транслитерация** и **транскрибирование**, т. е. заимствование слова путем сохранения его формы — написания или звучания (*browser* — браузер, *V-block* — виблок, *frame* — фрейм).

Многие из «авторских» вариантов, встречающиеся в различного рода публикациях, не войдут в словарный состав в качестве общепризнанных терминов. Пополнить терминологический словарь в качестве заимствований могут варианты, созданные с помощью других методов. К примеру, английское слово может быть вытеснено уже существующим русским эквивалентом, который на данном этапе употребляется реже, чем английское слово. Вот некоторые примеры параллельного существования английских и русских терминов: *emitter* — эмиттер, источник, генератор; *feeder* — фидер, подающий механизм, питающий механизм; *restart* — рестарт, повторный запуск, перезапуск.

Другой распространенный метод перевода английской терминологии — **калькирование**, т. е. передача смысла слова или словосочетания методом буквального перевода: *absorbing ability* — поглощающее действие; *absolute scale* — абсолютная шкала; *eccentric disc* — эксцентриковый диск; *peripheral* — периферийное устройство.

В переводческой практике часто используется **метод описательного перевода**: *code auditor* — автоматическое средство контроля качества программы; *gar block* — вкладыш, перекрывающий выемку в станине. Описательный перевод, как и метод транслитерации (транскрибирования), обладает существенным недостатком: он лишает перевод точности и сжатости, ведет к многословности и приблизительности [5].

Термин может быть однословным и состоять из одного базового слова или представлять собой терминологическую группу, в состав которой входит базовое слово и одно или несколько определений, уточняющих или модифицирующих смысл термина. При переводе **многокомпонентных терминов** (терминов-словосочетаний) необходимо:

1) начинать перевод с последнего слова (существительного), которое является основным компонентом;

2) учитывать при окончательном варианте перевода всего словосочетания смысловые отношения между его компонентами. Например:

data handling equipment (*equipment* — оборудование, *handling* — управление, манипулирование, *data* — данные) — оборудование по управлению данными; *abrasion resistance* — износостойкость при истирании; *back clearance* — зазор с задней стороны; *factory hot bend* — горячий заводской изгиб [6].

За последние годы проводились многочисленные исследования в области научно-технического перевода.

Г.Г. Петрова [7], С.О. Надточий [8], М.А. Аكوпова [9], О.П. Корниенко [10] и многие другие исследователи указывают на то, что важнейшей проблемой достижения эквивалентности перевода научно-технических текстов является передача исходного содержания текста с помощью терминосистемы переводного языка. Различие терминосистем — причина наибольших трудностей при переводе научно-технических текстов. Многие английские термины не могут быть переведены на русский язык без расхождений в морфо-синтаксической структуре, обусловленных различиями в грамматическом строе языков. Например, *bearing stability* — устойчивость работы подшипника; *caustic test* — опыт со щелочной обработкой воды [11, с. 61].

Перевод терминов, отличающихся по лексическому составу, представляет собой практическую сложность. Перевод требует понимания значения термина и не допускает калькирования.

Вот почему в большинстве работ авторы (Г.К. Пендюхова [12], Д.А. Алферова [13] и др.) большое внимание уделяют изучению семантического содержания научно-технической лексики. Проводится тщательный отбор вокабуляра. Создается лексический стандарт, отобранный по принципу частотности и семантической значимости методами сплошной выборки и экспертной оценки. Далее слова группируются по различным семантическим областям, охватывающим профессиональную, производственную и социальную сторону.

Предлагается проводить структурно-семантический анализ исследуемых терминов. Это позволяет определить наиболее эффективные способы образования терминов, прогнозировать дальнейшее развитие самой технической специальности, указывает на современное состояние системы терминов и ведет к упорядочению полученных знаний. Такая работа является исключительно

эффективной при подготовке к переводу (как последовательному, так и синхронному).

Некоторые исследователи (например, И.Н. Рехме) рекомендуют при работе с научно-техническими текстами использовать соответствующие стратегии: прототипическую и адаптивную [14, с. 22–24].

Прототипическая стратегия переводчика состоит в вычленении из текста и мысленной передаче на язык перевода того, что наиболее узнаваемо, а именно:

- типичное логико-семантическое построение предложения;
- известные переводчику термины и сопутствующие слова общеязыковой и специальной лексики, знание которых ситуативно обусловлено и составляет часть структуры ментального лексикона технического переводчика;
- наиболее типичные грамматические конструкции, перевод которых производится на основе знаний о специфике английского и русского языков.

Адаптивная стратегия используется в случае возникающих сложностей, если применение прототипической стратегии оказывается недостаточным.

Адаптивные действия переводчика определяются спецификой переводимых материалов. Технические статьи и доклады относятся к речевым источникам обмена наиболее современной научно-технической информацией о новейших разработках и нововведениях. Кроме того, данные материалы предоставляются авторами из различных стран и не подвергаются тщательному редактированию, что проявляется в наличии в текстах лексико-грамматических и стилистических ошибок. Обе указанные характеристики создают определенные трудности при переводе, к которым, в частности, можно отнести:

- перевод сложных терминологических групп;
- экспликацию логических связей, скрытых за витиеватостью синтаксической структуры предложения;
- устранение в переводе многословия или тавтологии, присутствующих в тексте оригинала;

- мысленное редактирование грамматических ошибок, могущих затруднить понимание текста оригинала.

С учетом выделенных случаев применения адаптивной стратегии складывается определенное понимание понятия адаптации при переводе технических статей и докладов:

1. Адаптация в смысле «упрощения» текста с нарушенными или недостаточно определенными логико-синтаксическими связями. В данном случае происходит мысленное «восстановление» логико-семантических отношений высказывания путем мысленного переконструирования текста в соответствии с нормами научно-технического изложения. В результате подобной адаптации объектом перевода становится уже мысленно «восстановленный» текст.

2. Адаптация в смысле «приспособления». Это касается в основном сложных терминов, перевод которых не должен идти вразрез с реальной ситуацией в описываемой технической области. Для этого необходимы не только более тщательный разбор логических отношений между компонентами термина и глубокий анализ контекста, но и привлечение когнитивных знаний переводчика, активация ассоциативных связей наряду с мысленным представлением ситуации, связанной с описываемым явлением научно-технической действительности.

При переводе научно-технических текстов особенно важно уметь вычленять типичные моменты, составляющие суть прототипической стратегии (известные переводчику термины и слова специальной лексики), следует соблюдать принцип унификации терминологии, не допускать вольностей и как можно реже прибегать к описательному переводу.

Поскольку различие терминосистем является причиной наибольших трудностей в переводе научно-технических текстов, употребление стандартной, общепринятой терминологии, выбор официально зафиксированных обозначений представляет собой наиболее надежную переводческую стратегию. Вместе с тем большая подготовительная работа, связанная с уточнением терминологии той области деятельности, в которой будет производиться перевод, предполагает семантический анализ и творческий поиск.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеева, Л.М.** Антропологизм как предмет научного перевода [Текст] / Л.М. Алексеева // Стеореотипность и творчество в тексте. – Вып. 7. – Пермь, 2004.
2. **Шевченко, С.В.** Лингвистические основы изучения специальной лексики в неязыковом вузе [Текст] / С.В. Шевченко // Лемпертовские чтения – VI: мат. междунар. науч.-метод. симп. – Пятигорск, 2004.
3. **Комиссаров, В.Н.** Теория перевода (Лингвистические аспекты) [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М., 1990.
4. **Ветрова, О.Г.** Принципы и практика обнаружения и устранения терминологических несоответствий в научных текстах [Текст] / О.Г. Ветрова, К.К. Гомоюнов // Вопр. методики преподавания в вузе. – Вып. III. – СПб., 2001.
5. Электронный ресурс. Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/w/wagarow_a_s/no-equiv.shtml
6. **Орлова, Г.Д.** Пособие по переводу английской научно-технической литературы [Текст] / Г.Д. Орлова. – Тула, 2006.
7. **Петрова, Г.Г.** Лексико-стилистические трансформации в англо-русском научно-техническом переводе [Текст] автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Г. Петрова. – М., 2004. – 35 с.
8. **Надточий, С.О.** Педагогические условия формирования лингвопрофессиональной компетенции менеджеров в области туризма [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / С.О. Надточий. – Воронеж, 2009. – 24 с.
9. **Акопова, М.А.** Теория и методология реализации лично ориентированного подхода в условиях выбора дополнительных образовательных программ [Текст]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / М.А. Акопова. – СПб., 2004. – 39 с.
10. **Корниенко, О.П.** Формирование иноязычной проектно-технической компетенции у специалистов [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.П. Корниенко. – Пятигорск, 2009. – 30 с.
11. **Климзо, Б.Н.** Ремесло технического переводчика. Об английском языке и переводчиках научно-технической литературы [Текст] / Б.Н. Климзо. – 2-е изд. – М.: Р. Валент, 2006.
12. **Пендюхова, Г.К.** Методологические основы формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции в неязыковом вузе [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Г.К. Пендюхова. – М., 2006. – 17 с.
13. **Алферова, Д.А.** Модульное обучение переводу научно-технических текстов с использованием информационных технологий [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.А. Алферова. – Пятигорск, 2009. – 34 с.
14. **Рехме, И.Н.** Когнитивные особенности перевода научно-технического текста (на материале текстов металлургической промышленности) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Н. Рехме. – Челябинск, 2007.

УДК 378

Е.Г. Поршнева

ДИСТАНЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА НА ВОЕННЫХ КАФЕДРАХ В ГРАЖДАНСКИХ ВУЗАХ: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД

Военная реформа определяется особенностями современного периода исторического развития России. За последние 10 лет произошли существенные изменения в структуре Вооруженных сил Российской Федерации, а также в образовании и воспитании военнослужащих. В рамках перехода к новому облику ВС РФ значительные преобразования ждут и систему военного образования.

Реформирование ВС РФ направлено на достижение необходимого уровня профессиональной компетентности военных специалистов и обеспечение высокого уровня их подготовки в системе профессионального образования. В настоящее время одним из источников восполнения кадрового ресурса ВС, в первую очередь по должностям младшего офицерского состава, являются военные кафедры. Из этого следует

актуальность профессиональной подготовки офицеров запаса на факультетах военного обучения в гражданских вузах.

Система военной подготовки на военных кафедрах в гражданских вузах направлена на твердое усвоение студентами теоретических положений, предусмотренных программами обучения, и выработку у них практических навыков в применении и эксплуатации вооружения и военной техники, руководстве подразделениями, выполнении своих должностных обязанностей в соответствии с полученной военно-учетной специальностью, на формирование у студентов моральной и психологической готовности к защите Отечества, верности конституционному и воинскому долгу, воспитание дисциплинированности и чувства ответственности за принадлежность к ВС РФ [1].

Растущие требования по повышению качества подготовки офицеров запаса определяют постоянный поиск новых методов повышения эффективности учебного процесса. Современный этап научно-технического прогресса характеризуется стремительным внедрением в систему военного образования при подготовке военных специалистов средств информационных технологий.

В качестве одного из перспективных направлений совершенствования процесса подготовки военных специалистов используют дистанционные образовательные технологии (ДОТ) как способ организации процесса обучения, основанного на использовании современных информационных и телекоммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) и не полностью опосредованном оптимальном взаимодействии обучающегося и преподавателя с целью достижения запланированных результатов обучения.

До сих пор очная форма с непосредственным взаимодействием преподавателя и группы студентов являлась самой эффективной формой обучения, а использование только ДОТ не рассматривалось как приемлемая форма подготовки военных специалистов. При этом упускается из виду, что речь не идет о дистанционном обучении как об основной форме обучения, речь идет о применении ДОТ для эффективной поддержки традиционного обучения [2]. Дистанционное обучение должно не заменять

традиционные занятия, а органично и эффективно дополнять их.

В практику педагогической деятельности все шире входят различные электронные учебные материалы. В настоящее время создана экспериментальная модель дистанционной поддержки учебного курса, с которой активно работают студенты. Используется пакет Moodle – Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment (Модульная объектно-ориентированная динамическая обучающая оболочка) – система дистанционного обучения для создания качественных курсов преподавателями, обеспечивающая размещение в сети электронных учебных материалов, тестов, заданий, опросов, уроков с обратной связью, анкет и т. д.

ДОТ эффективны при реализации модульного принципа построения учебного курса. Модульная организация системы Moodle предоставляет студенту возможность формировать индивидуальную образовательную траекторию при поэтапном представлении материала курса для его эффективного усвоения с учетом индивидуальных возможностей обучающихся; обеспечивает более ритмичную самостоятельную работу студентов; позволяет добиваться конкретных целей учебно-познавательной деятельности, а также открывает возможности оперативной корректировки программ учебных дисциплин.

Целесообразно рассматривать ДОТ как эффективный инструмент реализации компетентностного подхода на военных кафедрах. Компетентностный подход дидактическая методология проектирования целей педагогического процесса, основанная на представлении цели и задач обучения в виде перечня компетентностей, обобщенно представляющих знания, умения, навыки, опыт деятельности, личностные качества, которыми должен обладать обучающийся по завершении образовательной программы, и направленная на деятельностный компонент (обучение деятельности) [3, 4].

Основными характеристиками компетентностного подхода как частнонаучной методологии целеобразования в педагогических системах являются [5]:

- широкая практическая направленность (выраженный акцент на обучение профессиональной деятельности);

- системность, интегративность (системная разработка планируемых результатов обучения по образовательной программе, по учебным дисциплинам);
- комплексность (разработка планируемых результатов обучения в комплексе с критериями их достижения и методиками контроля);
- систематичность (систематический мониторинг и корректировка результатов обучения, процессов и средств их достижения с целью улучшения программы обучения);
- всесторонний учет интересов и потребностей (сочетание в системе целей образовательной программы и планируемых результатов с учетом интересов обучающихся и работодателей);
- открытость (ясность целей образовательной программы, возможность участия заинтересованных сторон в их формировании).

С позиций компетентностного подхода выпускник военной кафедры не только приобретает профессиональную квалификацию в соответствии с полученной военно-учетной специальностью, но и способен принимать решения в различных служебных и жизненных ситуациях [6].

Система подготовки офицеров запаса на военных кафедрах должна формировать у обучаемых военно-профессиональные компетентности, т. е. умения осуществлять определенную деятельность в соответствии с заданными требованиями [5]. Решить задачу качественной подготовки военных специалистов возможно при реализации компетентностного подхода.

Оценка результата и качества образования через сформированные компетентности учащегося составляет суть компетентностного подхода, ориентированного на системный подход к формированию целей образовательных программ и планируемых результатов обучения с разработкой критериев их достижения и методик оценивания с выраженной деятельностной направленностью для достижения главной цели — подготовки компетентного военного специалиста [5].

Компетентный военный специалист — выпускник военной кафедры должен обладать соответствующими знаниями и способностями

(умениями), позволяющими ему эффективно осуществлять профессиональную деятельность и успешно выполнять обязанности военной службы в различных условиях. Таким образом, формирование и развитие военно-профессиональной компетентности у учащихся военных кафедр выступают приоритетной задачей, от решения которой зависит качество не только обучения, но и последующей профессиональной деятельности.

Введение ДОТ в учебный процесс позволит расширить возможности системы военного образования в области подготовки офицеров запаса и будет способствовать формированию компетентностей, необходимых для будущего офицера запаса. Совершенствование образовательных технологий и педагогических методик с позиций компетентностного подхода в подготовке офицеров запаса — условие повышения эффективности учебного процесса.

Педагогический эксперимент был проведен с целью определения и анализа влияния модели дистанционной поддержки учебного курса на эффективность учебного процесса на военных кафедрах и качество подготовки военных специалистов. По результатам проведенных эмпирических подтверждений гипотезы исследования и справедливости теоретических результатов можно сделать вывод, что применение экспериментальной методики обучения приводит к статистически значимым (на уровне 95 % по критерию χ^2) отличиям результатов групп, обучавшихся по традиционной методике с использованием ДОТ в качестве поддержки традиционного обучения.

Оценить эффективность внедрения ДОТ в совокупности с традиционными методами преподавания можно с помощью анонимного анкетирования студентов — активных участников учебного процесса. Выявление показателей, которые, по мнению студентов, определяют качество подготовки военных специалистов, позволяет обнаружить пробелы в учебном процессе с целью последующей его корректировки и совершенствования. Анкетирование помогает оценить степень удовлетворенности студентов процессом обучения и выявить положительные и негативные моменты в его организации.

По результатам анкетирования студентов, проведенного в конце учебного семестра,

можно сделать следующие выводы:

1. Большинство студентов удовлетворены использованием традиционного обучения в совокупности с ДОТ (90,7 %). При этом обучающиеся готовы получать новые знания и закреплять пройденный материал посредством самостоятельного изучения материала в среде Moodle с последующими аудиторными беседами и дискуссиями с преподавателями, а после них осуществлять практическую тренировку (80,7 %).

2. Дисциплины, по которым разработана дистанционная поддержка, вызывают дополнительный интерес к обучению (71,3 %).

3. Студенты считают, что с помощью применения ДОТ повышается уровень усвоения материала (65,7 %), а подготовка к занятиям дает дополнительные знания (78,6 %).

4. Теоретическую часть экзаменационного задания студенты предпочитают сдавать с использованием инструментов контроля в Moodle, а практическую часть – с использованием военной техники (91,8 %).

5. Обучающиеся стали тратить меньше времени на подготовку к занятиям (69,77 %) и считают, что материалы, представленные в системе Moodle, полезны (88,37 %).

Результаты, полученные с помощью экзаменов и проверенные методом статистической проверки гипотез, а также проведенное анкетирование студентов свидетельствуют о целесообразности внедрения дистанционной поддержки учебного курса и об эффективности формирования военно-профессиональных компетентностей у выпускников военных кафедр. Таким образом, главным результатом исследований является создание и практическое подтверждение эффективности использования среды дистанционной поддержки обучения Moodle на военной кафедре в гражданском вузе.

Резюмируя изложенное в статье, можно отметить, что исследование теоретических и практических вопросов реализации ДОТ на военной кафедре гражданского вуза является актуальной проблемой для системы высшего профессионального образования и требует своего продолжения.

Комплекс проведенных исследований и их результатов представляет собой основу для создания дистанционной поддержки учебного курса как на военных кафедрах в гражданских вузах, так и в высших военных учебных заведениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Добрицкий, В.Я.** Подготовка военных специалистов в многоуровневой системе высшего профессионального образования [Текст] / В.Я. Добрицкий. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 160 с.

2. **Мордвинов, Е.Ф.** Технологии дистанционного обучения в системе военного образования: возможности и перспективы [Текст] / Е.Ф. Мордвинов // Открытое образование. – 2006. – № 41. – С. 77–82.

3. **Гомоюнов, К.К.** Теория и практика высшего профессионального образования. Термины, понятия, определения [Текст]: учеб.-метод. пособие / К.К. Гомоюнов, В.Н. Козлов, В.И. Никифоров, А.И. Сурыгин. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 140 с.

4. **Никифоров, В.И.** Теория и практика высшего профессионального образования. Термины, понятия, определения [Текст]: учеб.-метод. пособие / В.И. Никифоров, А.И. Сурыгин. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. – 141 с.

5. **Арсеньев, Д.Г.** Современные подходы к проектированию и реализации образовательных программ в вузе [Текст] / Д.Г. Арсеньев, А.И. Сурыгин, Е.В. Шевченко. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. – 82 с.

6. **Добрицкий, В.Я.** Подготовка военных специалистов на военных кафедрах в многоуровневой системе высшего профессионального образования на основе компетентностного подхода [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / В.Я. Добрицкий. – СПб., 2007. – 28 с.

УДК 159.9.072.59

В.И. Доминак

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ЛОЯЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА

В связи с неоднозначной трактовкой понятия «лояльность персонала» и смежных с ним понятий (организационная лояльность, организационная приверженность, преданность, верность и т. п.), а также в связи с различными подходами к рассмотрению самого конструкта (поведенческий подход, установочный подход и т. д.) вопрос о психологической диагностике лояльности остается актуальным и однозначно неразрешенным. Не углубляясь в терминологические дискуссии и не затрагивая экспертную оценку и психосемантические методики, рассмотрим некоторые самооценочные методики диагностики лояльности персонала в рамках подхода к лояльности как к социально-психологической установке.

Одной из наиболее распространенных самооценочных методик является Опросник организационной лояльности (Organizational Commitment Questionnaire – OCQ) Л. Портера и его коллег [15]. В русскоязычном варианте существует несколько версий этой методики.

Известен перевод М.И. Магуры [4], один из вариантов перевода приведен в книге К.В. Харского [7]. В связи с недостаточностью данных о валидности и надежности этих вариантов в 2003 году мы предложили собственный перевод опросника. За прошедшие семь лет по нашему варианту методики были накоплены данные. В таблице приведены средние, стандартные отклонения и коэффициенты надежности по внутренней согласованности (альфа Кронбаха), полученные Mowday, Steers и Porter (MSP) на американской выборке (1979) и нами (ВД) на российской выборке в период с 2003 по 2010 год.

Л. Портер и его коллеги приводят следующие данные по внутренней согласованности методики OCQ: коэффициент альфа от 0,82 до 0,93; среднее 0,90; корреляции пунктов опросника с итоговым показателем от 0,36 до 0,72 и средней корреляцией 0,64; факторный анализ с помощью варимакс-вращения свидетельствует в пользу однофакторной структуры [14]. Для

Данные OCQ, полученные на американской и российской выборках

Показатель	N		Среднее		Стандартное отклонение		Альфа Кронбаха	
	MSP	ВД	MSP	ВД	MSP	ВД	MSP	ВД
Сводные данные	–	730	–	4,5	–	0,9	0,90*	0,88
Медицинские работники	382	349	5,1	4,6	1,18	0,86	0,88	0,89
Студенты факультетов менеджмента	59	66	6,1	4,4	0,64	0,78	–	0,82
Ученые и инженеры	119	40	4,4	4,0	0,98	0,94	0,84	0,70
Сервис (фотоуслуги)	-	80	–	4,7	–	0,81	–	0,87

* По данным J.P. Meyer и др., 2002 (N = 3438) [14].

переведенного варианта коэффициент альфа от 0,70 до 0,89; среднее 0,88; корреляции пунктов опросника с итоговым показателем от 0,45 до 0,73 и средней корреляцией 0,61; факторный анализ с помощью варимакс-вращения также свидетельствует в пользу однофакторной структуры. Таким образом, переведенный вариант опросника обладает в целом высокой внутренней согласованностью.

Для оценки дискриминантной валидности устанавливались связи с общей удовлетворенностью работой как наиболее тесно связанным с лояльностью конструктом [15]. Так, коэффициенты корреляции ОСQ с оценкой общей удовлетворенности работой оказались довольно высокими ($r = 0,60$, $p < 0,01$, $n = 23$; $r = 0,62$, $p < 0,001$, $n = 236$) и соответствующими данным, приводимым исследователями, использовавшими англоязычный вариант методики. Так, например, корреляции с общей удовлетворенностью работой составляют 0,63 [10]; 0,52–0,60 [11]; 0,52 [16]. Полученные результаты свидетельствуют в пользу приемлемого уровня дискриминантной валидности.

Еще одна распространенная методика – Шкала организационной лояльности (Organizational Commitment Scale – OCS-93) принадлежит Дж. Мейеру и Н. Аллен [13]. Она основана на трехкомпонентной модели организационной лояльности [12]. В соответствии с моделью авторы выделяют три подхода к лояльности, позволяющие объяснить природу связи между работником и организацией, снижающей вероятность добровольного ухода сотрудника из организации: эмоциональную привязанность к организации; осознание затрат, связанных с уходом из организации, и ощущение обязательств перед организацией. Для обозначения компонентов модели авторы использовали термины «аффективная лояльность», «продолженная лояльность» и «нормативная лояльность». Таким образом, субшкала аффективной (эмоциональной) лояльности (Affective Commitment Scale – ACS) измеряет степень идентификации, вовлеченности и эмоциональной привязанности работника к организации; субшкала продолженной лояльности (Continuous Commitment Scale – CCS) – степень осознания работником того, как затраты, ассоциирующиеся с уходом из организации, связывают его с организацией;

субшкала нормативной лояльности (Normative Commitment Scale – NCS) – степень ощущения работником обязательств перед организацией. При этом утверждается, что аффективная, продолженная и нормативная лояльность – это именно компоненты организационной лояльности, а не отдельные ее типы, и они могут рассматриваться в терминах профиля лояльности. Соответственно измерения каждого компонента являются независимыми и относительно не связаны друг с другом [9, 14].

Как уже упоминалось, в 2003 году нами был предложен собственный перевод методики на русский язык. Опросник был опробован на выборке, состоящей из 277 работников промышленности Санкт-Петербурга. Несмотря на недостаточную репрезентативность выборки, мы считаем полученные данные важными. Анализ надежности по внутренней согласованности показал, что согласованной можно считать только шкалу нормативной лояльности (альфа Кронбаха = 0,80 {0,73}). Удовлетворительный показатель получен для шкалы аффективной лояльности (альфа Кронбаха = 0,72 {0,85}) и неудовлетворительный – по шкале продолженной лояльности (альфа Кронбаха = 0,55 {0,79}). В фигурных скобках даны значения коэффициента Кронбаха, приведенные авторами методики [8]. Коэффициент Кронбаха для продолженной шкалы оказался существенно ниже приводимого авторами, однако даже несколько выше полученного Е.В. Доценко, использовавшим собственный перевод опросника [3]. Это позволяет нам предполагать, что несогласованность шкалы связана не с неточным переводом, а с особенностями восприятия вопросов шкалы российскими респондентами. Таким образом, шкала продолженной лояльности требует доработки и, возможно, разделения на субшкалы, связанные с возможными потерями и оценкой альтернатив; в существующем виде использовать ее не рекомендуется.

Несмотря на то что, по мнению авторов концепции, компоненты модели нельзя смешивать (например, N.J. Allen, J.P. Meyer, 2000 [9]; J.P. Meyer и др., 2002 [14]), мы проверили согласованность опросника в целом. Выяснилось, что значение коэффициента Кронбаха для всей шкалы превышает значения коэффициентов для шкал по отдельности и равно

0,84. Коэффициент корреляции между частями теста был равен 0,86. Причем части теста составлялись случайным образом и включали в себя одинаковое количество вопросов из разных шкал. Факторный анализ в целом позволил выделить три фактора, относящиеся к модели, однако максимально нагруженным остается нормативный фактор, в то время как аффективный и продолженный выделяются не столь явно (три и два утверждения соответственно) и их собственные значения существенно ниже. Все шкалы опросника статистически значимо связаны между собой. Авторы методики приводят следующие значения коэффициентов корреляции: аффективная шкала связана с нормативной (0,63) и практически не связана с продолженной (0,05). Нормативная шкала имеет слабую связь с продолженной (0,18) [14]. Оказалось, что значение коэффициента корреляции между аффективной и нормативной шкалами (0,65; $p < 0,001$) сопоставимо со значением, приводимым авторами. Корреляции продолженной шкалы с аффективной (0,45; $p < 0,001$) и нормативной (0,55; $p < 0,001$) противоречат авторской концепции. Сохраняется только тенденция — продолженная шкала связана с нормативной сильнее, чем с аффективной. Также были обнаружены взаимосвязи аффективной ($r = 0,70$; $p < 0,001$), продолженной ($r = 0,44$; $p < 0,01$) и нормативной лояльности ($r = 0,56$; $p < 0,001$) с ОСQ, что частично противоречит данным, приводимым авторами (для аффективной шкалы коэффициенты корреляции от 0,71 до 0,89; для продолженной — от $-0,11$ до 0,23; для нормативной — от 0,34 до 0,54) [8, 14]. Таким образом, в предложенном варианте возникают определенные сложности с выделением трехкомпонентной структуры, особенно с определением продолженной лояльности.

Для измерения лояльности используется также методика, разработанная Л.Г. Почебут и О.В. Королевой [5, 6] с применением шкалы Л. Терстоуна. Ранее такой опыт приводил к весьма противоречивым результатам. Оценка внутренней согласованности методики, проведенная нами, также показала неудовлетворительные результаты [2]. Мы решили повторить исследование методики в 2010 году. В нем приняли участие 54 человека (случайная выборка) из различных организаций и сфер деятельности.

Коэффициент внутренней согласованности Кронбаха оказался равен 0,38, что явно недостаточно для принятия решения о согласованности опросника. Надежность методом частей теста 0,49, корреляции вопросов с итоговым значением распределились от 0,05 до 0,50, средняя корреляция 0,30; средняя корреляция между пунктами опросника 0,03. Обнаруженные взаимосвязи итогового показателя лояльности с ОСQ ($r = -0,46$; $p < 0,001$) и аффективной лояльностью ($r = -0,51$; $p < 0,01$) позволяют утверждать, что методика измеряет не лояльность, а скорее нелояльность. Учитывая, что статистически значимые связи с продолженной и нормативной лояльностью по ОCS-93 не обнаружены, а обнаруженные связи сильные, можно предположить, что методика измеряет другой конструкт. Мы предположили, что этим конструктом может быть отношение работников к различным организационным процессам вообще (а не к конкретной организации). Факторный анализ позволил выделить четыре фактора: собственные интересы в организации, отношение организации к работникам, процесс руководства, условия труда и политика организации. Обнаружены взаимосвязи ОСQ с фактором «собственные интересы» ($r = -0,28$; $p < 0,05$), фактором «отношение к работникам» ($r = -0,43$; $p < 0,01$) и фактором «условия труда и политика» ($r = -0,36$; $p < 0,01$). Статистически значимых взаимосвязей с фактором «процесс руководства» не обнаружено. Взаимосвязи факторов с показателями трехкомпонентной модели лояльности были обнаружены только для аффективной лояльности с факторами «отношение к работникам» ($r = -0,38$; $p < 0,05$) и «условия труда и политика» ($r = -0,38$; $p < 0,05$). Таким образом, можно утверждать, что методика, разработанная Л.Г. Почебут и О.В. Королевой, измеряет не лояльность, а отношение работника к различным организационным процессам. Это отношение в ряде случаев является коррелятом лояльности.

Рассмотрим методику, используемую для измерения лояльности, разработанную Е.С. Выговской [1] на основании интерпретации смысла пословиц. В нашем исследовании методики «Пословицы» приняли участие 70 респондентов (случайная выборка). Надежность по внутренней согласованности (альфа Кронбаха) составила

0,76, надежность методом частей теста – 0,59, корреляции пунктов опросника с итоговым показателем – от 0,02 до 0,74, средняя корреляция – 0,41. Результаты позволяют, с одной стороны, констатировать приемлемый уровень внутренней согласованности, с другой – предположить возможность исключения ряда утверждений в связи с существенным разбросом значений корреляций утверждений с итоговым значением. Была обнаружена взаимосвязь показателя лояльности по методике «Пословицы» с ОСQ ($r = 0,60$; $p < 0,001$), аффективной лояльностью ($r = 0,55$; $p < 0,001$) и нормативной лояльностью ($r = 0,42$; $p < 0,001$). В то же время статистически значимых связей показателя лояльности по данной методике с продолженной лояльностью и с показателем лояльности по методике Л.Г. Почебут и О.В. Королевой, а также с выделенными факторами отношения к организационным процессам не обнаружено. Факторный анализ позволил выделить два устойчивых фактора: фактор лояльности (позитивного или оптимистичного отношения) и фактор нелояльности (негативного или пессимистичного отношения).

Путем исключения утверждений с низкими и плохо дифференцирующими факторными нагрузками мы получили сокращенный вариант методики, включающий 28 пословиц и содержащий соответственно субшкалы лояльности (7 пословиц – 9, 10, 13, 16, 25, 26, 37) и нелояльности (21 пословица – 5, 6, 8, 11, 12, 14, 15, 17–19, 20, 22, 29, 31, 36, 38, 40–44). Для шкалы лояльности коэффициент альфа Кронбаха составил 0,71, надежность методом частей теста – 0,68, средняя корреляция между пунктами – 0,27; для шкалы нелояльности – соответственно 0,92; 0,90 и 0,36. Согласованность шкалы в целом 0,86, надежность методом частей теста 0,85. Показатель ОСQ оказался связанным со шкалой лояльности ($r = 0,40$; $p < 0,001$), шкалой нелояльности ($r = -0,54$; $p < 0,001$) и итоговым показателем лояльности, определяемым как разница между субшкалами ($r = 0,59$; $p < 0,001$). Показатель аффективной лояльности по Дж. Мейеру и Н. Аллен оказался связан со

шкалой лояльности ($r = 0,62$; $p < 0,001$), шкалой нелояльности ($r = 0,43$; $p < 0,01$) и итоговым показателем ($r = 0,63$; $p < 0,001$), так же как показатель нормативной лояльности – соответственно $r = 0,47$, $p < 0,001$; $r = -0,32$, $p < 0,05$; $r = 0,48$, $p < 0,001$. Продолженная лояльность оказалась связанной с субшкалой лояльности ($r = 0,49$; $p < 0,01$) и итоговым показателем ($r = 0,41$; $p < 0,01$). Статистически значимой связи между продолженной лояльностью и субшкалой нелояльности не установлено. Статистически значимых взаимосвязей выделенных субшкал и итогового показателя с показателем лояльности по методике Л.Г. Почебут и О.В. Королевой и с выделенными факторами также не обнаружено. Таким образом, нам удалось сократить методику «Пословицы» без существенной потери надежности до 28 утверждений, что значительно облегчает процедуру заполнения. Учитывая больший вес и объем фактора нелояльности, можно утверждать, что методика Е.С. Выговской «Пословицы» измеряет скорее нелояльность, чем лояльность. При этом нелояльность представляет собой нижнюю часть континуума организационной лояльности [2].

Таким образом, из четырех рассмотренных методик наибольший интерес вызывают методики ОСQ и «Пословицы», которые обладают высокими показателями внутренней согласованности. Перевод методики ОCS-93 Дж. Мейера и Н. Аллен требует доработки и дополнительных исследований. Вызывает вопросы и интерпретация продолженной лояльности, а также разделение аффективной и нормативной лояльности. Методика Л.Г. Почебут и О.В. Королевой может оказаться полезной для изучения отношения работников к различным аспектам организационной политики. Вопрос о том, что же методики измеряют, будет оставаться открытым до тех пор, пока исследователи не придут к единому пониманию конструкта лояльности вообще и лояльности персонала в частности, выводя из рабочих определений все предпосылки и последствия и оставляя только аспекты, связанные с самим конструктом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Выговская, Е.С.** Взаимосвязь личностных черт сотрудника и уровня лояльности к организации [Текст]: дипломная работа / Е.С. Выговская. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. — 84 с.
2. **Доминяк, В.И.** Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации [Текст]: дис. ... канд. психол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. — 281 с.
3. **Доценко, Е.В.** Измерение приверженности персонала компании с помощью опросной методики [Текст] / Е.В. Доценко; Ин-т практической психологии ИМАТОН. — Мат. IV Всерос. науч.-практ. конф. «Психология бизнеса: управление персоналом в государственных организациях и коммерческих структурах». Ч. 2. — СПб.: ГП «ИМАТОН», 2001.
4. **Магура, М.И.** Современные персонал-технологии [Текст] / М.И. Магура, М.Б. Курбатова // Управление персоналом. — 2001. — № 6. — С. 45–50.
5. **Почебут, Л.Г.** Организационная социальная психология [Текст]: учеб. пособие / Л.Г. Почебут, В.А. Чикер. — СПб.: Речь, 2000. — 298 с.
6. **Почебут, Л.Г.** Оценка лояльности сотрудника к организации [Текст]: практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Л.Г. Почебут; под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. — СПб.: Речь, 2001. — С. 283–287.
7. **Харский, К.В.** Благонадежность и лояльность персонала [Текст] / К.В. Харский. — СПб.: Питер, 2003. — 496 с.
8. **Allen, N.J.** Affective, Continuance and Normative Commitment to the Organization: an Examination of Construct Validity [Text] / N.J. Allen, J.P. Meyer // J. of Vocational Behavior. — 1996. — Vol. 49. — С. 252–276.
9. **Allen N.J.** Construct Validation in Organizational Behavior Research: The Case of Organizational Commitment [Text] / N.J. Allen, J.P. Meyer // Problems and Solutions in human assessment. — Norwell, MA: Kluwer Academic Publishers, 2000 (материалы предоставлены автором).
10. **Bateman, T.S.** A longitudinal analysis of the antecedents of organizational commitment [Text] / T.S. Bateman, S. Strasser // Academy of Management J. — 1984. — Vol. 27. — С. 95–112.
11. **Chan, D.** Method Effects of Positive Affectivity, Negative Affectivity, and Impression Management in Self-Reports of Work Attitudes [Text] / D. Chan // Human Performance. — 2001. — Vol. 14. — С. 77–96.
12. **Meyer, J.P.** A three-component conceptualization of organizational commitment [Text] / J.P. Meyer, N.J. Allen // Human Resource Management Review. — 1991. — Vol. 1. — С. 61–89.
13. **Meyer, J.P.** Commitment to Organizations and Occupations: Extension and Test of a Three-Component Conceptualization [Text] / J.P. Meyer, N.J. Allen, C.A. Smith // J. of Applied Psychology. — 1993. — Vol. 78. — С. 538–551.
14. **Meyer, J.P.** Affective, Continuance, and Normative Commitment to the Organization: A Meta-analysis of Antecedents, Correlates and Consequences [Text] / J.P. Meyer, D.J. Stanley, L. Herscovitch, L. Topolnysky // J. of Vocational Behavior. — 2002. — Vol. 61. — С. 20–52.
15. **Mowday, R.T.** Employee-organization linkages [Text] / R.T. Mowday, L.W. Porter, R.M. Steers. — N. Y.: Academic Press, 1982. — С. 219–229.
16. **Walumbwa, F.O.** The role of collective efficacy in the relations between transformational leadership and work outcomes [Text] / F.O. Walumbwa, P. Wang, J.J. Lawler, K. Shi // J. of Occupational and Organizational Psychology. — 2004. — Vol. 77. — P. 515–530.

УДК 159.9

В.В. Казанков, О.В. Гуменюк

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ КАК СИСТЕМНОЕ ОСНОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

В данной статье предпринята попытка рассмотреть процесс принятия решения субъектом деятельности как системное коммуникативно-интеллектуальное основание психологической устойчивости.

Под *психологической устойчивостью* мы понимаем способность субъекта деятельности сохранять свою работоспособность в границах нормы устойчивости независимо от воздействующих факторов среды. Норма устойчивости — это

границы допустимых отклонений субъекта деятельности от своих нормальных характеристик под воздействием среды, при которых не нарушаются внутренние и внешние структурно-функциональные связи.

Принятие решения – это выбор одного или нескольких вариантов решения задачи из некоторого исходного множества вариантов (альтернатив) [1]. Принятие решения – система коммуникативных и интеллектуальных действий субъекта деятельности.

Последствием принятия решения является событие (исход), влияющее на психологическую устойчивость субъекта деятельности. Исход формируется системой предпочтений субъекта деятельности – совокупность правил, устанавливающих приоритеты при выборе из множества альтернатив. Система предпочтений зависит от информации, имеющейся у субъекта деятельности по решаемой задаче, приоритетов, стиля мышления, стратегии поведения и, главное, целеполагания. Решение – подмножество множества альтернатив, образованное на основе системы предпочтений. Входным элементом системы принятия решения является информация о поставленной задаче (исходная информация), выходным – множество допустимых (оптимальных) решений и их реализация.

В общем случае задача принятия решения, влияющая на психологическую устойчивость субъекта деятельности, представима короткем следующего вида:

$$\Sigma = \{M, U, P, K\},$$

где M – множество альтернатив, зависящих от задачи, типа ситуации; U – уровень и объем информации; P – метод поиска (вывода) решения, зависящий от имеющейся информации о задаче и включающий способ выбора альтернатив, определяемый структурой предпочтений ЛПР, и метод (модель) оптимизации, обуславливающий способ агрегирования (ассоциации, погружения) критериев. В частности, способ выбора альтернатив может предусматривать поиск наилучшего решения, удовлетворительного решения, наиболее предпочтительной альтернативы и т. п.; K – множество критериев оценки альтернатив, которые определяются степенью детализации задачи и требуемым качеством ее решения.

Субъект деятельности стремится получить наилучший исход (оптимальный и как минимум удовлетворительный) с его точки зрения, что позволит ему остаться в границах нормы устойчивости. Следовательно, каждый вариант решения оценивается им некоторой неотрицательной действительно значимой функцией полезности.

Под *функцией полезности* мы понимаем отражение в субъекте деятельности предпочтений альтернатив в некоторой данной ситуации. Функция полезности отражает, как субъект деятельности относится к альтернативам («выигрышам») вообще и в данной ситуации. Оптимальный вариант выбирается по максимуму функции. Этот подход хорошо работает в детерминированной среде и условиях риска. Надо отметить, что в условиях неопределенности и нечеткости есть не только функция полезности, но и субъективные вероятности, отражающие представления субъекта деятельности о том, насколько вероятно то или иное событие [2].

Результирующее действие коммуникативных, интеллектуальных и личностных усилий субъекта деятельности оформляется в процессе осознанного принятия решения как произвольного выбора и процессы, обеспечивающие формирование и реализацию фактически всех компонентов системы психологической устойчивости. Если субъект деятельности не будет учитывать особенности решаемой задачи, то принятое решение может сильно расходиться с действительностью и привести к отрицательному событию с вытекающими из него соответствующими последствиями, а именно к потере психологической устойчивости, что сразу отразится на здоровье субъекта деятельности (см. таблицу).

Из данных таблицы следует, что то или иное субъективное восприятие психического состояния и здоровья субъекта деятельности находится в прямой зависимости от результатов принятого решения ($r = 0,55, p \leq 0,05$), что эмоциональная составляющая (положительная и отрицательная), а также верное принятие решения одинаково эффективно влияют на субъективное восприятие здоровья ($r = 0,7, p \leq 0,05$). При верном принятии решения положительно влияют на субъективное восприятие здоровья повышенный тонус и активность.

Сопряженность субъективной зависимости психологической устойчивости от принятия решения и влияние на оценку здоровья, % (n = 35, на примере специалистов экстремального профиля)

Критерий психологической устойчивости		Принятие решения		Состояние здоровья	
Психическое состояние	Характеристика	Верное	Ошибочное	Норм.	Ухуд.
Тоническое (тонус)	<i>Пониженный</i>	7	16	15	20
	<i>Повышенный</i>	28	19	28	7
Эмоциональное (положительных эмоций)	<i>Спад</i>	2	21	0	35
	<i>Подъем</i>	33	14	34	1
Активационное (активность)	<i>Пониженная</i>	5	17	17	18
	<i>Повышенная</i>	30	18	35	0
		29	21	Норм.	Сост. здоровья
		6	14	Ухуд.	

Принятие решения задействует все компоненты биологической (нервная система), психической (процессы, свойства и состояния) и социальной составляющих психологической устойчивости, определяющие реализацию индивидуального стиля субъекта деятельности в достижении положительных результатов.

В зависимости от соотношения процессов выдвижения субъектом деятельности гипотез и их контроля принятие решения может быть: импульсивным (выдвижение гипотез без контроля); с риском (с частичным контролем); осторожным (с чрезмерным контролем); инертным (контроль подавляет выдвижение гипотез) [3]. Принятие решения в определенной ситуации индивидуально обусловлено и зависит от модели принятия решения.

Под *моделью принятия решения* понимается процедура оценивания субъектом деятельности. Оценка – это психический механизм, процесс и результат выявления степени оценивания чего-либо во внешней среде внутренней определенности существа (индивида). Следовательно, оценивание – это нахождение меры и характера значимости объекта, явления, процесса для того, кто их оценивает. Оценка может иметь функциональные (правильная или ошибочная, объективная или необъективная, предвзятая и непредвзятая и т. п.) и содержательные (нужно или ненужно, полезно или вредно, хорошо или плохо, допустимо или недопустимо, актуально или неактуально и т. п.) характеристики [4].

Оценка – базисное явление психической деятельности, обладает побудительной силой и

в зависимости от ее характера ложится в основу проявления психологической устойчивости в виде оценочной цепочки:

Увидеть вовремя → Рассмотреть детально →

Понять правильно →

Принять верное решение →

Остаться в границах нормы устойчивости

Побудительная сила оценки возможна в случае дополнения ее гедонического компонента энергией потребностного возбуждения функцией полезности с учетом субъективных вероятностей.

Сущность оценки – значимость. Любая оценка базируется на сравнении оцениваемого объекта с неким ощущением, эмоцией, понятием, образом, которые выступают в роли основы для выработки (новой) оценки, иными словами, новая оценка всегда содержит в себе компонент прежних оценок и поэтому обладает свойством преемственности. Отсюда основная трудность процедуры оценивания для субъекта деятельности возникает из-за наличия большого числа возможных противоречивых критериев, а также их несоизмеримости, что может приводить к выходу за границы нормы устойчивости.

Толчком к началу принятия решения служат соответствующие внешние сигналы, возникающие или после завершения предшествующего действия, или по каким-либо иным причинам, которые Н.А. Бернштейн [5] и П.К. Анохин [6] определили как санкционирующую афферентацию, указывающую, когда нужно начинать данное действие. Этапы афферентного синтеза следующие:

1) афферентный синтез (синтез всей информации о состоянии человека и об условиях среды);

2) принятое решение;

3) эфферентная программа действия;

4) акцептор действия, предсказывающий параметры будущего результата;

5) получение результата;

6) обратная афферентация о параметрах результата;

7) процесс сличения параметров реально полученного результата с параметрами, предсказанными или прогнозированными в акцепторе действия.

Рассмотрим два подхода, позволяющие субъекту деятельности остаться в границах нормы устойчивости при принятии решения. Подход, основанный на принципе наилучшей реакции окружающей среды (метод гарантированного результата), применяется субъектом деятельности, когда окружающая среда ведет себя непредсказуемо или враждебно. В этом случае определить наилучшее решение не представляется возможным, так как поведение среды неизвестно, но можно определить так называемое гарантированное решение, которое справедливо при любом состоянии (воздействии) среды. Принцип наилучшей реакции среды распространяет схему выбора по наилучшему критерию на случай влияния окружающей среды, но результат может быть улучшен, если исходная информация позволяет сделать предположение о значении неконтролируемого параметра, характеризующего состояние среды. Однако это связано с определенным риском, так как предположение может не оправдаться и тогда субъект деятельности выйдет за границы нормы устойчивости.

Подход, основанный на принципе Нэша или, как его еще называют, принципе устойчивости или равновесия, распространяется не только на выбор решения субъектом деятельности, но и позволяет сузить множество альтернатив, когда речь идет о коллективном решении, принимаемом всеми взаимодействующими членами коллектива по договоренности, при этом каждый поступает частью своих интересов.

На основании материала статьи можно сделать следующие выводы.

1. Существенную роль в сохранении субъектом деятельности своей работоспособности в границах нормы устойчивости играют процессы принятия решения, обеспечивающие формирование и реализацию фактически всех компонентов психологической устойчивости человека.

2. Процесс принятия решения связан с осознанием и оцениванием ситуаций, а также с системой предпочтений для желательного исхода, обуславливающих высокую значимость принятия решения в обеспечении психологической устойчивости субъекта деятельности на фоне характера и силы переживаний.

3. Многие виды профессий характеризуются существенной ролью процессов принятия решений в связи со значительным удельным весом в их структуре весьма значимых ответственных ситуаций на всех уровнях психического отражения, что влияет на работоспособность субъекта деятельности в границах нормы устойчивости за счет психологической устойчивости.

4. Принятие решения – внутренний процесс психологической устойчивости субъекта деятельности, результаты которого проявляются во внешнем акте действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беллман, Р. Принятие решений в расплывчатых условиях [Текст] / Р. Беллман, Л. Заде // Вопр. анализа и процедуры принятия решений: сб. пер. / под ред. И.Ф. Шахнова. – М.: Мир, 1976. – С. 172–215.

2. Малинецкий, Г.Г. Риск, прогноз, нелинейная динамика [Текст] / Г.Г. Малинецкий, С.П. Курдюмов // Оперативное управление мероприятиями РСЧС: сб. лекций для руководящего состава МЧС России / под общ. ред. В.Ф. Мищенко. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ООО «ИПП «КУНА», 2004. – Кн. 1. – Разд. 3.7. – С. 366–384.

3. Бодров, В.А. Психология профессиональной пригодности [Текст]: учеб. пособие / В.А. Бодров. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 511 с.

4. Бондырева, С.К. Толерантность (введение в проблему) [Текст] / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. – 240 с.

5. Бренштейн, Н.А. Некоторые назревшие проблемы регуляции двигательных актов [Текст] / Н.А. Бренштейн // Вопр. психологии. – 1957. – № 6. – С. 70–90.

6. Анохин, П.К. Физиология и кибернетика [Текст] / П.К. Анохин // Вопр. философии. – 1957. – № 4. – С. 149–151.

УДК 159.9

В.В. Казанков, О.В. Гуменюк

АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА МЧС РОССИИ, ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА

Любая деятельность человека осуществляется в определенном пространстве и времени. Современный специалист живет в очень динамичном мире с активно развивающимися технологиями во всех отраслях жизнедеятельности, приводящими к значительному техническому прогрессу, который сопровождается возрастанием роли человека в достижении высокой эффективности и качества труда и профессионально-личностной значимости. Он сталкивается с необходимостью принимать решения и берет на себя ответственность за результаты и последствия их реализации.

Современный специалист сталкивается с огромным потоком информации разной полноты и живет в обществе, характеризующемся уплотнением информационного поля, увеличением количества катастроф, аварий и чрезвычайных ситуаций техногенного или природного характера, падением нравственных и общечеловеческих устоев общества из-за его оматериализованности и, как следствие, прогрессирующей террористической деятельностью и вооруженными конфликтами, сопровождающимися человеческими жертвами и материальными убытками.

Специалист в наше время стремится добиться успеха в жизнедеятельности и максимально улучшить личные социально-бытовые условия. Это своего рода социальная гонка, когда каждому предъявляются требования по показателям труда: успешность, эффективность, результативность, надежность и т. д. И в этой гонке профессиональная деятельность составляет одну из самых продолжительных дистанций человека и оказывает сильное и далеко не всегда благоприятное воздействие на его здоровье.

При анализе данных, полученных в рамках проведенных в 2007 году социологических

исследований и ежегодного мониторинга¹ при оценке социальных факторов, влияющих на состояние профессиональной активности среди различных категорий специалистов, были установлены негативные тенденции, снижающие профессиональную активность. Значительная часть опрошенных методом анкетирования и путем проведения экспертных опросов, определяя основные негативные факторы, снижающие профессиональную активность специалистов, выделила следующие:

- несоответствие должностных обязанностей большому объему задач и поручений и персональной ответственности за их выполнение (31,1 %);
- несвоевременное и не всегда достаточное финансовое обеспечение выполнения служебно-должностных задач и реализации планируемых мероприятий (48,1 %);
- увеличение документооборота и, как следствие, высокая загруженность должностных лиц, что мешает выполнению ими прямых должностных обязанностей (52,3 %).

В нашем исследовании респонденты выделили проблемы, способствующие снижению профессиональной активности:

- усталость специалистов (отсутствие нормального отдыха) (41,6 %);
- низкий профессиональный уровень коллег (30 %);
- психологическая несовместимость (24 %);
- слабая исполнительская дисциплина (12 %);
- жесткость стиля руководства управления (15 %);

¹Постановление военного совета войск гражданской обороны «Об итогах социологических исследований по оценке социально-экономического и морально-психологического состояния сотрудников МЧС России в 2007 году» от 19 марта 2008 года № 1/2.

- низкий общий моральный и культурный уровень специалистов (10 %);
- завышенные требования коллектива и руководителя друг к другу (24 %);
- несоответствие оплаты труда напряженности службы (54 %);
- несоразмерность имеющихся прав и обязанностей с задачами и функциями МЧС России (32 %).

Важную роль в жизни современного специалиста играют: чистота воздуха, которым он дышит; состав и качество продуктов питания и воды; мегаполисное хаотичное движение с высокой интенсивностью шума, воспринимаемое им органами слуха и зрения на сознательном и бессознательном уровне; темп восприятия и передачи информации на вербальном и невербальном уровне; наличие разного рода излучений и даже вид из окна его жилища, а также приобретенные по разным причинам вредные привычки — алкоголь (из опрошенных 245 специалистов употребляют алкоголь один раз в неделю 87 %), курение (курят 94,6 % опрошенных). Кроме того, все респонденты указали, что используют в своей речи нецензурную лексику. Среди вредных привычек специалистов игромания и интернетомания и др.

На фоне такой действительности организм специалиста не выдерживает и дает сбой на биологическом, психическом и, как следствие, социальном уровне. С точки зрения психологической устойчивости биологический уровень отражает силу, уравновешенность и подвижность нервной системы специалиста и ее способность сохранять работоспособность в границах биологической нормы устойчивости и за ее пределами при воздействии факторов среды; психический уровень — способность организма специалиста сохранять работоспособность познавательных, эмоциональных и волевых процессов в границах психической нормы устойчивости и за ее пределами, формируя правильное психическое состояние по отношению к воздействующим факторам среды; социальный — способность специалиста сохранять общественно полезную работоспособность в границах нормы устойчивости и за ее пределами в социуме.

Сбой на любом из приведенных уровней условно можно классифицировать как сбой на линии процессов, состояний и свойств.

Под сбоем процессов понимаются:

- отсутствие у специалиста поиска информационно-энергетического основания цели (нарушение процесса формирования цели), выступающей в качестве осознаваемой детерминанты и определяющей селекцию информации, что является необходимым условием целенаправленного регулирования деятельности;
- нарушение выдвижения и выбора одного или нескольких вариантов решения задачи из исходного множества вариантов «что и как делать» (нарушение процесса принятия решения), результаты которого проявляются во внешнем акте, и прежде всего в действии по результатам принятого решения;
- отсутствие способности адаптироваться к разнообразным условиям профессиональной среды и активному противостоянию «возмущающим» воздействиям различных видов нагрузки.

К сбою процессов условно можно также отнести недостатки в сфере внимания (снижение или нарушение концентрации, распределения, переключения внимания), различные изъяны органов чувств (частичная потеря зрения, глухота), нарушения связи между сенсорными и двигательными центрами высших отделов нервной системы, дефекты в согласованности и координации движений, недостатки наблюдательности и осмотрительности, недостаточную способность к прогнозированию развития событий, затруднения при оценке ситуации и выборе способов поведения в ней.

Под сбоем состояний понимаются:

- постоянное реагирование на происходящие вокруг события, т. е. постоянное вступление в активное взаимодействие с воздействующими факторами окружающей среды (отсутствие состояния покоя);
- отсутствие индивидуальной физио- и психологической энергоинформационной наполненности, необходимой специалисту для успешного выполнения различных задач в условиях профессиональной деятельности (низкая готовность);
- низкое состояние активности, результатом чего является отсутствие разнообразных конструктивных и энергоинформационных

связей, т. е. деятельного участия всех систем психологической устойчивости специалиста;

- неудовлетворенность, отражающая отрицательное отношение человека к труду, где не достигнуто сочетание внешних требований выбранной деятельности с внутренними.

Все перечисленные факторы способствуют проявлению у специалиста агрессивности и враждебности, депрессии и низкой выносливости, переутомляемости и тревожности (беспокойства, страхов, нарушения гармоничного состояния), импульсивности и неудовлетворенности повседневной службой и жизнью в целом.

Сбой свойств характеризуется отсутствием:

- аккумулированности, т. е. способности накапливать всю поступающую информацию из окружающей среды и осуществлять ее хранение с целью последующего использования в зависимости от воздействующего фактора окружающей среды;
- избирательности (селективности), отражающей биопсихическую способность специалиста избирательно относиться, с одной стороны, к зарезервированной внутри организма информации, с другой – к воздействиям окружающей среды;
- пластичности, осуществляющей приспособление специалиста к изменившимся внешним условиям и воздействиям среды;
- изменчивости, способствующей замещению одних качеств и характеристик другими.

Все это способствует развитию эгоцентризма (специалист не считается с мнением, интересами, настроениями коллег; невнимателен и нечувствителен к заботам и чувствам других; не уважает окружающих), склонности к необоснованному риску, чрезмерно высокому и неадекватному наличной ситуации, беспечности, халатности, небрежности, фатализму, некомпетентности, конфликтности, низкой мотивации к работе и пренебрежению правилами и требованиям безопасности.

Вышеизложенные факторы в той или иной степени оказывают прямое или косвенное влияние на психологическую устойчивость специалиста и безопасность его труда, т. е.

безопасность труда напрямую зависит от степени психологической устойчивости. Ключевым здесь является понятие «устойчивость», которым в психологии оперируют при рассмотрении как самого человека, так и его деятельности. Но в то же время общепринятое понятие устойчивости не сформулировано, и это не случайно, так как «устойчивость имеет большую смысловую перегрузку» (Р. Беллман).

О разработанности феномена устойчивости в гуманитарных науках в целом можно судить по численным показателям (см. таблицу). В ней приведены данные по частоте применения слова «устойчивость» в названии авторефератов кандидатских и докторских работ в период с 2000 по 2009 год на базе Российской национальной библиотеки. Численные показатели отражают процентное отношение к общему количеству авторефератов.

Процентное соотношение работ по устойчивости в гуманитарных науках

Наука	Авторефераты работ	
	кандидатских	докторских
Психология	4 %	1 %
Педагогика	3 %	1 %
Философия	1 %	2 %
Социология	1 %	0 %

Как видно из таблицы, несмотря на то, что на общем фоне работ по психологии выполнено больше, чем по другим гуманитарным наукам, проблематика устойчивости в ней не разработана.

По феномену устойчивости к наиболее разработанным относятся исследования: *психической устойчивости* (В.А. Ганзен, Н.Д. Левитов, А.В. Мохнач, М.А. Матова, Ю.Б. Некрасова, Б.В. Овчинников, С.Т. Посохова); *эмоциональной устойчивости* (Л.М. Аболин, Л.П. Гримак, В.Ф. Жданович, П.Б. Зильберман, В.Л. Маришук, Е.А. Милерян, А.Е. Ольшанникова, Е.Г. Шукина, Г.Н. Хилова, А.Я. Чебыкин); *стрессоустойчивости* (В.А. Бодров, Ф.Д. Горбов, Л.А. Китаев-Смык, Р.С. Лазарус, В.И. Медведев, В.Ю. Рыбников); *нервно-психической устойчивости* (Ф.Д. Горбов, Ю.А. Баранов, В.Д. Кустов, Л.Г. Дикая, В.И. Курпатов, Ф.И. Черногор, В.Ю. Рыбников, М. Кобельницкий);

информационной устойчивости (М.И. Дьяченко, В.А. Пономаренко); *нравственной устойчивости* (Л.И. Божович, А.И. Лавриенко, А.В. Петровский, В.Э. Чудновский); *профессиональной устойчивости* (А.Д. Кузнецова, В.Я. Кикоть, К.К. Платонов, В.А. Бодров, В.П. Сальников, М.И. Марьин, В.Ю. Рыбников, В.А. Губин).

Из анализа теоретических основ приведенных исследований следует, что все формулировки (связанные с феноменом устойчивости) с некоторыми несущественными для нас вариациями построены на одном и том же лейтмотиве — способности сопротивляться воздействующим факторам (противостоять, восстанавливаться, возвращаться, выдерживать, не отклоняться, не поддаваться и т. п. — обобщены нами в слове «сохранять»).

Таким образом, под *психологической устойчивостью* мы понимаем способность специалиста сохранять свою работоспособность на биологическом, психическом и социальном уровнях в границах нормы устойчивости и за ее пределами независимо от воздействующих факторов среды. Норма устойчивости — это границы допустимых отклонений специалиста от своих нормальных характеристик под воздействием среды, при которых не нарушаются внутренние и внешние структурно-функциональные связи.

Уровни психологической устойчивости специалиста, отражающие ее трехфакторную модель, функционально связаны между собой процессом, состоянием и свойством (функциональная модель), образующими обратные связи, за счет которых психологическая устойчивость специалиста сама себя поддерживает, исправляет и совершенствует.

Психологическая устойчивость характеризуется: пределом устойчивости (отражает крайние границы нормы устойчивости, по достижении которых специалист начинает переход в состояние аттрактора, а достигнув такого состояния, он уже не может вернуться в прежнее устойчивое состояние); резервом устойчивости (характеризуется имеющимися ресурсами и потенциалами специалиста достаточными для его работоспособности в границах нормы устойчивости под воздействием факторов среды); изменчивостью устойчивости (характеризуются изменением резерва устойчивости в границах

нормы устойчивости). Именно резерв и изменчивость определяют норму психологической устойчивости специалиста и повышают уровень безопасности в его профессиональной деятельности [1].

Безопасность — это состояние сложной системы, при котором действие внешних и внутренних факторов не приводит к ухудшению системы или к невозможности ее функционирования и развития. Безопасность человека — это такое его состояние, при котором действие внешних и внутренних факторов не приводит к смерти, ухудшению функционирования и развития организма, сознания, психики и человека в целом и не препятствует достижению определенных желательных для человека целей [2].

Безопасность специалиста определяется тем, насколько жизнеспособна его система психологической устойчивости на биологическом, психическом и социальном уровнях при выполнении поставленной задачи, в процессе решения которой могут возникать противоречия между требованиями деятельности и уровнем развития как отдельных личностных образований, так и профессионально ориентированных структур психики, а также того, что требует конкретная ситуация, и того, что может сделать в данной ситуации специалист, имеющий определенный уровень способностей, умений и навыков.

Повышение безопасности деятельности специалиста является следствием прохождения им сложного пути своего развития: от подготовки к вхождению в профессию до освоения профессиональной деятельности и совершенствования профессионального мастерства. На этом пути постоянно возникают все новые и новые требования к специалисту и степени соответствия его этим профессиональным требованиям, сопровождающиеся воздействием стрессоров разной природы, влияющих с психологической точки зрения на безопасность его труда.

К наиболее типичным стрессорам в деятельности специалиста, входящим в обобщенную систематизированную совокупность [3], относятся:

1. Организация и содержание профессиональной деятельности: условия труда (организация рабочего места); чрезмерная перегрузка, напряженная психическая деятельность; однообразие

выполняемой работы; рутинная работа, не предусмотренная данной должностью; изменение продолжительности или условий труда; работа по выходным и в праздничные дни; неблагоприятное воздействие факторов физической среды (температура, шум, вибрация, влажность, мороз и т. д.); опасность для жизни и здоровья; нарушение биологических ритмов; повышенная ответственность; обеспокоенность последствиями возможных ошибочных действий; трудность выполняемой деятельности, в том числе неполнота необходимой информации, дефицит времени, повышенные требования к безошибочности и скорости действий.

2. Профессиональная карьера: проблема статуса; неясно очерченный круг обязанностей и прав, присущих занимаемой должности; изменение служебных обязанностей; чувство «заложника» выполняемой работы (профессиональный «капкан»); недостаток необходимых профессиональных знаний и умений; несбывшиеся надежды; чрезмерные притязания, неадекватные собственным возможностям.

3. Оплата труда: отсутствие ясности в оплате труда; переживания, связанные с несоответствием между оплатой труда и напряженностью службы; неравная оплата труда.

4. Взаимоотношения на работе: низкий профессиональный уровень коллег; психологическая несовместимость; слабая исполнительская дисциплина; жесткость стиля руководства управления; низкий общий моральный и культурный уровень специалистов; завышенные требования коллектива и руководителя друг к другу.

5. Внеорганизационные источники стресса: сложная ситуация в семье; жизненные кризисы; проблемы со здоровьем; конфликты личностных ценностей.

Приведенные стрессоры отражаются на уровне реакций (поведенческих, физиологических и эмоциональных), процессов (познавательных и биохимических) и психомоторики, формируя предрасположенность специалиста к возникновению несчастного случая на производстве как фактора, отражающего безопасность труда.

К поведенческим реакциям относятся: непредсказуемость поведения; перенос ответственности и перекладывание вины на других; сужение восприимчивости новой информации;

быстрая утомляемость; утрата интереса к профессиональной деятельности; злоупотребление лекарствами, кофеином, алкоголем; изменение цвета кожи на лице; чрезмерная подвижность; произвольные движения глаз; изменения в артикуляции; нарушения четкости выражения мыслей, неадекватные ответы на вопросы; резкая смена настроения.

Физиологические реакции – это изменение частоты и ритма сердечных сокращений, артериального давления, ритма дыхания (с оценкой его частоты и соотношения фаз вдоха и выдоха), температуры тела; потеря аппетита или, наоборот, постоянное присутствие чувства недоедания; появление обильного потоотделения и выделение слюны; боли в области головы, спины, желудка; сужение или расширение зрачков глаз.

Эмоциональные реакции способствуют появлению тревожности, мнительности, страха; возможности релаксации ограничены; проявляются признаки депрессии (угнетенное состояние, утрата веры в себя и свои возможности, отсутствие желания что-либо делать, неудовлетворенность работой, чувство безысходности). Более выраженными становятся негативные эмоции (агрессивность, враждебность, гневливость).

Познавательные процессы и психомоторика – это снижение остроты зрения; увеличение времени и ошибки сенсомоторных реакций; отсутствие точности внимания, концентрации и переключаемости; нарушение координации и точности движений, увеличение показателей треметрии.

Биохимические показатели – изменение содержания сахара в крови, выделения гормонов.

В этой связи можно говорить о том, что на уровень безопасности профессиональной деятельности будет влиять ряд факторов психологической устойчивости:

- качество информационной наполненности резерва устойчивости и адекватность отображения в нем деятельности, т. е. того, что специалист пытается познать и преобразовать в конкретных трудовых ситуациях с учетом трудовых функций безопасности;
- аккумулированность, избирательность, пластичность и изменчивость, формирую-

щие и отражающие стиль безопасного поведения с учетом опыта, знаний и умений специалиста:

- развитие психологической устойчивости как процесса формирования цели, принятия решения, адаптации и приобретения

опыта, формирующих стиль безопасной трудовой деятельности;

- взаимодополняемость и заменяемость доминантности биологического, психического и социального уровней в процессе труда в зависимости от поставленных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Казанков, В.В.** Духовно-нравственное воспитание сотрудников оперативных подразделений Государственной противопожарной службы МВД России [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Казанков Вячеслав Владимирович. — СПб., 2001. — 20 с.

2. **Заплатинский, В.М.** Терминология науки о безопасности [Электронный ресурс] / В.М. Заплатинский //

Zbornik prispevkov z medzinarodnej vedeckej konferencie «Bezpečnostná veda a bezpečnostné vzdelanie». — Liptovský Mikuláš: AOS v Liptovskom Mikuláši, 2006 (CD nosič).

3. **Психология** профессионального здоровья [Текст]: учеб. пособие / под ред. Г.С. Никифорова. — СПб.: Речь, 2006. — С. 27–32.

УДК 947.18:34(47)

Р.В. Дегтярева

ОТ МАНИФЕСТА 1861 ГОДА К ДЕКРЕТУ 1917 ГОДА

5 марта 2011 года исполняется 150 лет со дня опубликования Манифеста императора России Александра II от 19 февраля 1861 года «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей». Манифест сопровождался целой серией законодательных актов из 22 документов. Среди них было и Высочайше утвержденное «Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», которое являлось основным законодательным актом, определяющим пути и способы освобождения крестьян в России. В статье 1 этого документа сказано, что «крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда». Им предоставлялись «права, состояния свободных сельских обывателей, как личные, так и по имуществу» [6, ст. 1–2].

Вышедшим из крепостной зависимости крестьянам предоставлялось право выкупать в собственность их усадьбную оседлость посредством взноса определенной выкупной суммы в соответствии с местными положениями. На них теперь распространялись общие законы о гражданских правах и семейных обязанностях. Крестьяне имели право:

- производить свободную торговлю без взятия торговых свидетельств и без платежа пошлин;
- открывать и содержать на законном основании фабрики и разные промышленные, торговые и ремесленные заведения;
- записываться в цехи, а также производить ремесла в своих селениях и продавать свои изделия как в селениях, так и в городах и др.

Для вступления в брак и распоряжения в семейных делах крестьянам уже не требовалось дозволение помещиков. Их не имели права подвергать никакому наказанию иначе, как по судебному приговору или по законному распоряжению поставленных над ними правительственных или общественных властей, и др. [Там же. Ст. 23].

Однако крестьяне получили гражданские права в урезанной форме, потому что земельный вопрос решен не был. Помещики сохраняли «право собственности **на все** (выделено нами. — Р. Д.) принадлежащие им земли» [Там же. Ст. 3]. Крестьяне за отведенный надел обязаны отбывать в пользу помещиков повинности «работая или деньгами». Поземельные отношения между помещиками и крестьянами определялись преимущественно добровольным соглашением — правилом, которое называлось «уставной грамотой», но «составление уставных грамот предоставлялось самим помещикам» [Там же. Ст. 7]. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, приобретшие в собственность поземельные угодья, именовались «крестьянами-собственниками», а крестьяне, состоящие в обязательных поземельных отношениях к помещикам, — «временно-обязанными крестьянами» [Там же. Ст. 15, 16]. Положение сохраняло общинное землепользование. В статье 17 этого документа сказано: «Вышедшие из крепостной зависимости крестьяне составляют, по делам хозяйственным, сельские общества, а для ближайшего управления и суда соединяются в волости. В каждом сельском обществе и в каждой волости заведывание общественными делами предоставляется миру и его избранным». Статья 36 предоставляла относительную возможность

выделения участка земли в частную собственность, т. е. возможность выхода из общины, но увольнение крестьянина из сельского общества могло осуществиться только при соблюдении следующих условий:

- желающий выйти из общества должен навсегда отказаться от участия в мирском наделе;
- увольняемый не состоял под судом или следствием;
- родители его должны дать согласие;
- все остающиеся в обществе члены семьи увольняемого должны быть обеспечены в своем содержании;
- на увольняемом, если он пользовался наделом помещичьей земли, не должно быть недоимок в повинностях;
- желающий выйти из общины должен представить приговор того общества, куда он переходит, и др. [6, ст. 130].

Выполнение подобных условий практически было невозможно, и поэтому можно с уверенностью говорить, что реформа Александра II об отмене крепостного права была направлена на сохранение общинного землепользования. Но самое главное, крестьяне по итогам этой реформы землю не получили. Нерешение земельного вопроса в XIX веке породило революции XX века. Аграрный вопрос занял центральное место в революциях 1905–1907 и 1917 годов в России. В период реформы 1861 года помещики отняли у своих бывших крепостных лучшие земли. Кроме того, за 50 пореформенных лет население европейской части России почти удвоилось, а значит, усилилось малоземелье. Крестьяне вынуждены были арендовать землю у помещиков, а цена аренды увеличивалась каждый год.

Спустя 45 лет после реформы 1861 года, уже в начале XX века, Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911), политический и государственный деятель, пытался по-новому решить крестьянский вопрос — путем разрушения общинного землепользования и введения частной собственности на землю. Первые столыпинские хутора появились еще в 1901–1902 годах. П.А. Столыпин продал свое родовое имение в Вольском уезде Саратовской губернии семерым местным крестьянам за 112,5 тыс. рублей. За каждым покупателем был закреплен отдельный участок земли [3, с. 13].

С лета 1902 года в течение 10 месяцев Столыпин, будучи гродненским губернатором, изложил свои взгляды по крестьянскому вопросу. Первостепенными факторами для подъема сельского хозяйства он считал уничтожение чересполосности крестьянских земель и расселение крестьян на хутора. По мнению Столыпина, «ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент наступления ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития народонаселения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешаться сами собою, — это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немислима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью» [Там же. С. 19]. Следовательно, Столыпин считал необходимым проводить реформы, не спрашивая мнения крестьян, т. е. *насильственным путем*. Он был убежден в этом до конца своих дней.

Вся жизнь Столыпина до назначения его в 1903 году губернатором Саратовской губернии была связана с Западным краем и с Петербургом. Исследователь П.Н. Зырянов пишет: «В коренной России бывал он едва ли чаще, чем в Германии. Российскую деревню он знал недостаточно» (Там же. С. 20.). Чтобы освоиться, требовалось время, а его не было. В 1904 году началась война с Японией. Заняться аграрным вопросом *практически* царское правительство заставила революция 1905–1907 годов, начавшаяся с «кровавого воскресенья» 9 января 1905 года. Летом того же года Саратовская губерния стала одним из главных очагов крестьянского движения. Необходимо было успокоить крестьян, уберечь помещичьи земли от разорения. Против восставших Столыпин действовал жестко. В момент наивысшего подъема революции в Саратовской губернии были использованы войска. Именно Столыпин 16 декабря 1905 года дал приказ разогнать митинг. В результате было убито 8 человек, а через два дня арестованы члены саратовского Совета рабочих депутатов. Революционные события, выступления крестьян заставили Столыпина вновь задуматься о коренном неустройстве крестьянской жизни [Там же. С. 25].

После роспуска первой Думы 8 июля 1906 года Столыпин стал председателем совета министров России, сохранив за собой и

пост министра внутренних дел. Не дожидаясь созыва второй Думы, правительство начало проводить мероприятия. 27 августа 1906 года был принят указ (по статье 87) о передаче Крестьянскому банку права продажи крестьянам части казенных земель. 5 октября 1906 года последовал указ об отмене некоторых ограничений в правах крестьян:

- окончательно отменены подушная подать и круговая порука;
- сняты некоторые ограничения свободы передвижения крестьян, избрания ими места жительства;
- отменен закон против семейных разделов;
- расширены права участия крестьян на земских выборах и др.

9 ноября 1906 года был издан указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», в статье 1 которого сказано, что «каждый домохозяин, владеющий надельною землею на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собою в личную собственность причитающейся ему части означенной земли» [3, с. 40, 49–50]. Этот документ означал начало столыпинской реформы. Суть аграрной реформы заключалась, по мнению Столыпина, в ломке общинного землевладения, создании хуторов и отрубов, что в конечном счете должно привести к появлению крепких индивидуальных крестьянских хозяйств на государственных и банковских землях.

Многообразное законное и незаконное давление центральных и местных властей на общину с целью выталкивания из нее крестьян началось сразу после выхода указа. Крестьяне весьма неохотно выходили из общины и укрепляли свои наделы. Темпы реализации указа резко возросли после поражения революции. В 1908 году по сравнению с 1907 годом число укрепившихся домохозяев увеличилось в 10 раз и превысило полмиллиона, а в 1909 году, оно составило 579,4 тыс. человек. Это самый большой показатель. С 1911 года число укрепившихся стало снижаться [Там же. С. 54]. За эти годы общинное землевладение почти полностью было ликвидировано в Полтавской и Бессарабской губерниях, в Курской губернии оно утратило лидирующее положение. Но в северных,

северо-восточных, юго-восточных, отчасти в центрально-промышленных губерниях реформа лишь слегка затронула толщу общинного крестьянства.

Чересполосно укрепляемая личная крестьянская земельная собственность очень мало походила на классическую частную собственность. Крестьяне, выходя из общины, первостепенное значение придавали закреплению за собою не отдельных полос, а общей площади. Только по закону от 29 мая 1911 года правительство разрешило передвигать укрепленные полосы при выделении хуторов и отрубов. При реализации аграрной реформы П.А. Столыпин делал ставку на крепкого работающего собственника. Он должен был формироваться на основе широких слоев зажиточного и среднего крестьянства. Считалось, что освобожденный от стеснений общины дух предприимчивости в короткое время преобразит даже отсталое хозяйство. В реальной жизни из общины выходили в основном бедные крестьяне, а также городские жители, вспомнившие, что в покинутой ими деревне есть надел, который можно теперь продать. Продавали землю и переселенцы, уезжавшие в Сибирь. Огромное количество земель чересполосного укрепления шло в продажу (например, в 1914 году было продано 60 % площади, перешедшей в частную собственность в этом же году). Столыпин понимал, что чересполосное укрепление не создаст «крепкого собственника», поэтому 15 октября 1908 года были изданы «Временные правила о выделе надельной земли к одним местам», где подчеркивалось, что «наиболее совершенным типом земельного устройства является хутор, а при невозможности образования такового — сплошной для всех полевых угодий отруб, отведенный особо от коренной усадьбы» [Там же. С. 57, 58]. Помещики осознали, что только полное расселение крестьян на хутора окончательно ликвидирует общину и им трудно будет поднимать мятежи.

Из всего количества хуторов и отрубов, созданных за время реформ, только около 30 % образовались путем выдела отдельных хозяев, причем это были крепкие хозяева, 64 % возникло в результате разверстания целых селений. Чтобы добиться от крестьян согласия на разбивку всего надела, чиновники из землеустройства

прибегали к бесцеремонным мерам давления. П.Н. Зырянов в своем исследовании приводит интересные примеры подобного давления. Вот один из них. В одну из деревень Вологодской губернии приехал чиновник землеустроительной комиссии. Был созван сход, и чиновник объяснил «мужичкам», что им надо выходить на хутора: общество небольшое, земли достаточно и вода с трех сторон. Крестьяне не согласились. Ни угрозы арестовать «бунтовщиков», ни обещания предоставить ссуду не возымели действия. Крестьяне твердили: «Как старики жили, так и мы жить будем, а на хутора не согласны». Тогда чиновник отправился пить чай, а крестьянам запретил расходиться. Вернулся член землеустроительной комиссии только поздно вечером. «Ну как, согласны?» — «Все согласны! — дружно отвечал сход. — На хутора так на хутора, на осину так на осину, чтобы только всем, значит, вместе». Бывали и кровавые исходы [3, с. 59–60]. Крестьяне сопротивлялись переходу на хутора не по невежеству, а по житейским соображениям. Земледелие очень зависит от капризов природы. Имея полосы в разных местах, они всегда могли рассчитывать на средний урожай. При засухе выручали полосы в низинах, при дождливой погоде — на взгорках. Получив отруб в одном месте, крестьянин оказывался во власти стихии. *Вообще, отруба и хутора сами по себе не являлись гарантом подъема агрикультуры, и необходимость их повсеместного введения никем не доказана.*

В проведении аграрной реформы важное место отводилось переселенческой политике. С 1907 по 1910 год в Сибирь переселилось более 1,5 млн человек. В 1910 году в переселенческом движении обозначился кризис. Поток переселенцев уменьшился почти вдвое, а неурожай вызвал обратное переселение — возвращение назад. Это заставило Столыпина вместе с главой землеустроительного ведомства А.И. Кривошеиным отправиться в продолжительную поездку в Сибирь. По итогам поездки ими была составлена записка, которая по существу являлась программой сельскохозяйственного развития Сибири. До начала Первой мировой войны правительство не успело коренным образом изменить переселенческую политику, и число возвратившихся крестьян росло. В 1905–1907 годах возвратилось где-то около 10 %, в 1910–1916 годах доля «обратных» составила в

среднем 30,9 %. В неурожайном 1911 году число вернувшихся достигло 61 % [Там же. С. 93].

Итоги столыпинской аграрной реформы выражаются в следующих цифрах. К 1 января 1916 года из общины в чересполосное укрепление вышло 2 млн домохозяев. По приблизительным подсчетам, всего из общины вышло около 3 млн домохозяев, что составляет меньше одной трети от общей численности в тех губерниях, где проводилась реформа. Из общинного земельного оборота было изъято 22 % земель. В результате проведенных мероприятий властям не удалось ни разрушить общину, ни создать устойчивый слой крестьян-собственников, так как показатели выхода крестьян из общины очень быстро пошли на убыль, и общий итог оказался незначительным.

В учебниках по истории России часто приводят цифры, характеризующие заметное улучшение положения в деревне накануне Первой мировой войны и связывают эти успехи с проведением аграрной реформы. Не отрицая положительного воздействия отдельных мероприятий реформы, следует обратить внимание на следующие факторы:

- в 1907 году отменены выкупные платежи, которые крестьяне выплачивали в течение 40 лет после отмены крепостного права;
- наметился рост цен вследствие окончания мирового экономического кризиса;
- за весь период проведения реформы был только один неурожайный год (1911-й), а в последующие два года были отличные урожаи.

Далеко не все поддерживали проводимую аграрную реформу Столыпина, особенно после окончания революции. Ему приходилось лавировать между интересами помещиков и царской власти, с одной стороны, и задачами капиталистического развития страны — с другой. Обострились отношения с черносотенными организациями, которые остро критиковали Столыпина, мало стесняясь в выражениях. Партия кадетов требовала от правительства выполнения законов и т. д. После поражения революции яростным противником проводимых реформ выступило «объединенное дворянство».

Не поддерживал П.А. Столыпина и Лев Николаевич Толстой, так как считал, что «причины тех революционных ужасов, которые происходят теперь в России, имеют глубокие основы,

но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли». Главную несправедливость общества в начале XX века Толстой усматривал в частной собственности на землю. В письме Столыпину он утверждал: «Как не может существовать права одного человека владеть другим (рабство), так и не может существовать права одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею как собственностью» [8, с. 164–168]. Столыпин так ответил Толстому: «Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие “собственности” на землю у крестьян создает все наше неустройство. Природа вложила в человека врожденные инстинкты, как-то: чувство голода, половое чувство и т. п. и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею... Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным. А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, т. е. при наличии права собственности на землю [3, с. 65, 69].

Среди оппонентов столыпинской аграрной реформы были видные ученые и общественные деятели М.И. Туган-Барановский, А.С. Посников (оба профессора Петербургского политехнического института) и др. Туган-Барановский являлся одним из лидеров созданной в России на рубеже XIX–XX веков Высшей экономической школы, его труды получили широкую известность и признание как в России, так и за рубежом. Ученый считал, что аграрные отношения каждой страны своеобразны. Если развитие капиталистической промышленности в разных странах может идти примерно по одному плану, то в сельском хозяйстве общего типа развития нет. Своеобразие сельского хозяйства диктуется прежде всего природными условиями, сложившимися традициями и т. д. Отличительной чертой развития сельского хозяйства в России Михаил Иванович считал широкое распространение общинного землевладения. Эта особенность важна, так как три четверти

численности русского крестьянства к началу XX века жили общинно и община представляла по сути внутреннюю организацию земледелия страны.

Исследованию происхождения общины и ее развития Туган-Барановский посвятил целую главу в своем труде «Основы политической экономии», где сделал вывод, что при невмешательстве извне община способна к дальнейшему развитию. Это не отсталая форма земледелия, и у нее есть будущее. От уравнительности в распределении земель она может перейти к уравнительности в распределении урожая, что предполагает совместную обработку земли, трудовую кооперацию крестьян. Туган-Барановский считал, что в России наблюдаются различные стадии развития общины и при всех отрицательных сторонах община является приемлемой и выгодной для большинства крестьян. *Ломку общины, которая составляла основу столыпинской аграрной реформы* (курсив наш. — Р. Д.) он расценивал как нарушение естественного процесса развития и предлагал свою концепцию реформы: «общенародное владение» землей и получение крестьянами земли на правах вечно наследственного арендного пользования [5, с. 54–55].

Выразителем интересов общинного землевладения был А.С. Посников — ученый, экономист, директор Петербургского политехнического института, человек, масштабы деятельности которого в конце XIX — начале XX века формировали общественное мнение в нашей стране. Он хорошо знал состояние земельного вопроса в России, подробно изучал решение этой проблемы в Западной Европе. Посников пришел к выводу, что частная собственность не является гарантией эффективного хозяйствования, не способствует проведению совместных мероприятий по улучшению инфраструктуры, не препятствует дальнейшему дроблению земли, а может быть базой для пролетаризации крестьян с трагическими последствиями. Принцип «справедливого» периодического передела земли в рамках общинного землевладения обеспечивал социально-экономическую стабильность жизни в деревне. В 1912 году А.С. Посников был избран депутатом IV Государственной думы, где он активно отстаивал свою точку зрения. Февральская революция позволила Посникову

занять пост председателя Главного земельного комитета при Временном правительстве, а уже 2 июля 1917 года постановлением Временного правительства действие закона по аграрной реформе были приостановлено. Наверное, это была и победа Посникова. В какой-то мере сбылось его пророчество, что разрушение сельской общины обязательно потребует создания аналогичных «союзов» [1, с. 35–36]. В этом отношении он выступил в роли «буревестника» коллективизации.

После прихода к власти большевиков в октябре 1917 года и принятия Вторым Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября (8 ноября) Декрета о земле, в одном из пунктов которого помещен наказ земельным комитетам, составленный на основе 242 местных крестьянских наказов и удовлетворявший их требования об отмене частной собственности на землю, общинное землепользование было возвращено. Наказы были собраны партией эсеров и опубликованы в газете «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», 19 августа 1917 года. «Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа», — так начинался Декрет о земле. Далее подчеркивалось: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема» [2].

Термин «сельское общество» как форма крестьянской жизни является ведущим как в «Общем Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 года, так и в Декрете о земле от 26 октября 1917 года. Право пользования землей получали все граждане Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи или в товариществе. Формы пользования землей устанавливались в соответствии с традициями селений и поселков: подворная, хуторская, общинная, артельная. «При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение 2 лет, — подчеркивалось в статье 6 Декрета, — сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности, на этот срок прийти к нему на помощь путем общественной обработки земли». Вся земля по ее отчуждению поступала в

общенародный земельный фонд, а затем распределялась, начиная с сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями.

Заканчивался Декрет о земле таким утверждением: «Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется **временным законом** (выделено нами. — *Р. Д.*) который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно...». Ничто в России не является более долговечным, чем временно принятое решение. Так получилось и с Декретом о земле, который оказался законодательным актом на весь советский период. Сельскохозяйственные общины (коммуны) начали возникать сразу после Октябрьской революции и в период Гражданской войны. Они, как правило, организовывались на территории бывшей помещичьей усадьбы. Члены коммуны были лишены права на частную собственность, за исключением самых необходимых личных вещей. В дальнейшем такие сельскохозяйственные общины распускались, а чаще преобразовывались в государственные хозяйства — совхозы.

Сплошная коллективизация в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х годов диктовалась прежде всего необходимостью превращения страны в индустриальную державу. Аграрная страна не может быть великим и могущественным государством и не имеет шансов выстоять в случае военного противоборства с индустриально развитыми государствами. Поначалу образование колхозов шло успешно, крестьяне воспринимали колхоз как артель, известный вид производственной кооперации, не разрушающий крестьянский двор — основную ячейку всего уклада русской деревни. Коллективизация виделась как возрождение и усиление общины.

В 1929 году середняк действительно пошел в колхозы, что дало право И.В. Сталину заявить о переломном моменте в создании коллективных хозяйств. Но середняк пошел туда от безысходности, так как не был уведен в своей безопасности в случае отказа. Практика была таковой: середняка, не желавшего вступать в колхоз, объявляли кулаком или подкулачником, и, чтобы спасти себя и семью, он вынужден был подчиниться. Создание колхо-

зов сопровождалось раскулачиванием. Осенью 1929 года мероприятия по коллективизации дополнились насильственными хлебозаготовками. Началась *принудительная* коллективизация всех крестьян с пополнением колхозного имущества за счет раскулаченных.

К концу Второй пятилетки (1933–1937) в деревне возник и стал господствующим новый тип хозяйствования – кооперативно-колхозный, основой которого являлась колхозно-кооперативная форма собственности на основные средства производства (за исключением земли, которая была государственной, но переданной и закрепленной за колхозами в бесплатное и бессрочное пользование). На колхозный строй распространялись государственные принципы хозяйствования (жесткая централизация, директивность, плановость, уравнительный принцип распределение материальных благ и др.). Создание колхозов явилось продолжением **общинного землевладения в наиболее консервативной форме со стороны правового обеспечения.**

В учебнике «История России. XX – до начала XXI века» под редакцией академика РАН Л.В. Милова утверждается: «Если сравнить коллективизацию, проведенную в конце 20-х–30-е годы XX века, с осуществлявшейся двумя десятилетиями ранее столыпинской аграрной реформой, можно обнаружить, что второе по времени преобразование деревни в известном смысле явилось завершением первого, несмотря на внешне принципиальные различия в их проведении. Как известно Столыпин стремился создать на селе средний класс “крепких и сильных” единоличных собственников – фермеров – хуторян и отрубников. Во втором случае речь шла тоже о создании на земле крупных сельскохозяйственных предприятий, только осуществлялось оно уже после национализации помещичьей земли путем ликвидации кулацких и обобществления бедняцких и середняцких хозяйств. В конечном итоге и в первом и во втором случае дело

сводилось к созданию на земле крупного сельскохозяйственного производства. Однако в первом случае оно базировалось на разрушении общины и ее традиций, а во втором – на сохранении и использовании общинных (коллективистских) традиций. Большевикам в отличие от Столыпина, несмотря на жестокое варварство раскулачивания и другие формы принуждения и насилия над крестьянами, задачу создания крупных земледельческих хозяйств в целом решить удалось» [4, с. 446].

Нынешнее положение дел на селе свидетельствует о необходимости создания крупных коллективных хозяйств. Как только ограничили возможности механизации труда, ситуация там резко ухудшилась. По всей стране можем наблюдать заброшенные поля. За двадцать последних лет с карты России исчезло 20 тысяч деревень. Глава агропромышленного комплекса во Владимирской области С. Кострюков считает, что существует один выход – объединение в крупные многоотраслевые хозяйства. В газете «Аргументы и факты» от 1–7 октября 2010 года он пишет: «Сейчас нужны: мощная техника, импортное оборудование, передовые технологии, элитные семена. Без этого нельзя быть конкурентоспособным. Хороший импортный трактор (350 лошадиных сил) стоит 8 миллионов рублей. Он нужен и для того, чтобы поле быстрее вспахать, пока земля не высохла, и чтобы тракторист не оглох, став инвалидом по слуху за два года» [7, с. 3]. Фермеру-одиночке подобные проблемы не поднять, поэтому фермерское хозяйство в России не получает должного развития.

Изучение таких эпохальных исторических документов, как «Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», принятое 150 лет назад, и Декрет о земле, опубликованный почти 95 лет назад, а также положение фермерского хозяйства в России в первом десятилетии XXI века свидетельствуют о предпочтении коллективного труда в сфере сельского хозяйства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Сергеевич Посников (1845–1922) [Текст] // межвузовский науч. сем. 9 апреля 1996 г. – СПб., 1977.

2. Декрет Второго Всероссийского съезда Советов о земле [Текст] // Декреты Советской власти. Т. 1. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957.

3. **Зырянов, П.Н.** Петр Столыпин: политический портрет [Текст] / П.Н. Зырянов. — М.: Высш. шк., 1992.

4. **История России.** XX — до начала XXI века [Текст] / под ред. акад. РАН Л.В. Милова. — М.: Эксмо, 2006.

5. **Михаил** Иванович Туган-Барановский (1865–1919) [Текст] // сб. «Научная конференция». — СПб., 1996.

6. **Общее** Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, 19 февраля 1861 г. [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. — Собр. 2, т. XXVI. Отд. 1. 1861. — СПб., 1863. — С. 141–169.

7. **Кострюков, С.** Хлеба хватит [Текст] / С. Кострюков // Аргументы и факты. — 2010. — 1–7 октября.

8. **Толстой, Л.Н.** Полное собрание сочинений [Текст]. В 90 т. Т. 77 / Л.Н. Толстой. — М., 1956.

УДК 001.8:338.2(470)

О.Д. Маслобоева

РОЛЬ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Прогнозирование негативных процессов в экономике по мере их глобализации становится все более актуальным. Однако особенность современной социальной практики такова, что социальный субъект во многом сам конструирует складывающиеся конкретно-исторические ситуации. Эта увлеченность эпохи постмодерна конструктивистской деятельностью приводит к тому, что не виртуалистика является производной от реальности, а, наоборот, реальность детерминирована виртуалистикой. Человек по природе своей не может просто адаптироваться к окружающей среде своего существования, он неизбежно преобразует ее, в определенном смысле адаптирует в соответствии со своими интересами. При этом включается в действие закон возвышения уровня потребностей как самый фундаментальный закон человеческой истории, также вытекающий из природы и сущности человека. Творя вторую искусственную природу посредством все более изощренных технологий, социальный субъект оказывается на грани противоестественной техногенной цивилизации. Такой способ разрешения противоречия между естественным и искусственным в структуре деятельности современного социального субъекта ставит под угрозу само существование человечества — то, что нетривиальные умы начали осознавать как результат промышленного

переворота уже на рубеже XIX–XX веков. Вот как, например, это выражал А. Белый, к рассуждениям которого следует прислушаться с учетом прогностической силы искусства: «Только в тот момент, когда мы выдвинем вопрос о жизни и смерти человечества... мы приблизимся к тому, что движет новым искусством... Людям срединных переживаний такое отношение к действительности кажется нереальным; они не ощущают, что вопрос о том, быть или не быть человечеству, реален» [1, с. 242–243]. Наиболее вероятный путь самоуничтожения человечества — это не экологическая катастрофа, ядерная война или международный терроризм, а процесс биороботизации посредством противоестественных технологий, когда социально-экономический конструктивизм делает ставку на чисто технологическую рациональность и финансовую прибыль вне контекста смысла и целей подлинно человеческого существования.

Яркое подтверждение тому современный финансово-экономический кризис, причины которого коренятся в том, насколько субъект экономической деятельности сознает, что он творит. Пусковым механизмом современного мирового экономического кризиса выступил структурный сдвиг мировой банковской системы. Естественно присущие данному сектору

риски кредитные институты начали списывать со своих балансов путем создания искусственно скроенных деривативных продуктов. Кредитные риски стали переходить из банковского сектора к другим участникам инвестиционного сообщества. Из самой сути процесса кредитования стала «испаряться» оценка кредитного риска. Надувание «инвестиционного пузыря» было в сиюминутной действительности выгодно всем участникам, начиная от правительств стран, получавших значительное ускорение экономического роста, топ-менеджеров финансовых корпораций, вознаграждаемых огромными зарплатами и бонусами, и заканчивая рядовыми участниками консьюмеристской гонки, получившими возможность поднять свой уровень жизни намного выше реального уровня дохода. Начиная с тюльпанной лихорадки XVII века, наблюдаются спекулятивные бумы, во время которых их участники предпочитали отбрасывать все рациональные ограничения и доводы в погоне за манящей быстрой прибылью. Однако особенность современной ситуации в том, что произошло существенное усложнение мировой экономической системы, и в результате глобализации изменения, происходящие в любой точке этой системы, имеют многосторонние последствия в масштабах всей системы. При этом степень осознания экономическими субъектами ответственности за результаты собственной деятельности и их масштабы не адекватна современной глобализации. Процесс создания спекулятивного капитала связан с доминантами постмодерна, когда внимание хозяйствующего субъекта переключается с промышленной прибыли на прибыль, получаемую от спекулятивных игр. Постмодернистский образ «дезорганизованной чувственности» как общая культурная установка проявляется в экономике как переход от «скучного» классического предпринимательства к азартному строительству финансовых пирамид и другим видам аферы. Такая хозяйственная стратегия устраняет естественные ориентиры «долга и дела» как основу здорового бизнеса. Проект постмодернистской «деконструкции» всех социальных институтов и норм оказался адекватным культурным контекстом для бунта спекулятивного «предпринимательства» и привел к современному финансовому кризису.

Постановка современных задач модернизации и перехода к инновационному развитию как стратегия выхода из кризиса при условии сохранения культурного контекста постмодерна, пребывающего в конструктивистском самоуспоении и элиминирующего смыслы человеческого существования, навряд ли приведет к результатам, оздоравливающим социальную жизнь. Инновация в переводе с французского «нововведение». В философском смысле это качественное изменение, осуществленное социальным субъектом на основе целесообразности, включающей как теоретически обоснованные технологии, так и смылообразующие ориентиры в единстве их рационального и иррационального содержания. В экономике, как правило к сожалению, под инновациями понимают нововведения, приводящие к чисто экономическому эффекту. Однако эволюция современной экономической теории в философию хозяйства дает надежду наполнить понимание инновации более фундаментальными смыслами человеческого существования: «Мы имеем безусловный *общий кризис экономической цивилизации*, далеко выходящий за пределы собственно экономики, собственно финансизма, собственно США... и это уже не простой циклический кризис, это, как утверждает философия хозяйства, *апокалиптический кризис*, из которого ни автоматических, ни менеджериальных выходов нет, выйти из такого кризиса можно лишь посредством полного и глубокого преобразования, но уже... за пределами накликавшей его экономической цивилизации» [12, с. 302].

Современному профессиональному сообществу экономистов, как теоретиков, так и практиков, крайне важно глубокое осознание сущностного различия между экономикой и хозяйством. Экономика — «хозяйство, основанное на социальном разделении хозяйства и товарообмене» [10, с. 197]. Экономика всегда хозяйство. Но хозяйство не всегда экономика: на заре человеческой цивилизации оно выступало в форме натурального хозяйства, на современном этапе цивилизационного разлома созидательна историческая тенденция перехода экономики в трансцендентальное хозяйство, в чем заключается позитивный потенциал глобализации. Абсолютизация роли экономики в жизни общества, развернувшаяся с начала

индустриализации, была обозначена С.Н. Булгаковым, основоположником «философии хозяйства», понятием «экономизм»: «“Экономизм” XIX–XX веков был обусловлен тем, что между “экономическим человеком” и человеком вообще был поставлен знак равенства, при этом “безжалостно” истреблялось “все индивидуальное и конкретное”» [5, с. 346]. В центре экономики – «человек экономический», выступающий в роли «логарифмической линейки», подсчитывающей свою прибыль и не несущий ответственности за многообразные экологические и социальные последствия своей деятельности. В центре хозяйства – хозяин как личность, обладающая ответственностью и самодисциплиной, «которые неосуществимы во имя одних только личных интересов, но предполагают высокую этическую культуру» [Там же. С. 366].

Экономика выступает внешне как система разветвленных социально-экономических отношений между различными субъектами, но внутренне она замкнута на своекорыстный интерес, что приводит к усилению общественной вражды. Хозяйство, внешне воспринимаемая как изолированная система, внутренне раскрывается как космос производящей личности, способствующий духовному единению участвующих в нем субъектов. Хозяйство невозможно понять «вне предположения о том, что существует... трансцендентальный носитель хозяйственной функции, вносящий единство и связность в разрозненные акты хозяйства, их организующий» и тем самым интегрирующий «раздробленность, дискурсивность хозяйства... в некоторое живое единство» [3, с. 94, 99]. Философия хозяйства как раз и нацелена на исследование «экономики в виде живого целого», что подразумевает «первый круг проблем, принадлежащих предмету философии хозяйства, – отношение экономики к человеку вообще и к неэкономическим определениям человека» [8, с. 40–41].

В контексте поставленной задачи продуктивно с теоретической и практической точки зрения сопоставить экономическое и хозяйственное поведение. Экономическое поведение – это «способ и сам ход ведения человеком или же сообществом людей хозяйственных дел в соответствии с экономическими критериями, на

основе и в рамках экономических отношений, а также посредством экономических институций, механизмов и ресурсов, факторов и средств» [10, с. 197]. Хозяйственное поведение – это «способ и сам ход ведения человеком или же сообществом людей хозяйственных дел, как с соблюдением устоявшихся норм, стандартов и трафаретов, так и с применением оригинальных, отклоняющихся от априорно принятых, часто совершенно новых решений и действий» [11, с. 202]. Экономическое поведение «мотивировано товарообменом... опосредовано деньгами, пронизано финансами», ведомо экономической выгодой и рациональностью [10, с. 198–199]. Хозяйственное поведение определяется характером субъекта, его единой субъективной волей, поэтому большую роль играют творческая хозяйственная интуиция, единство рационального и иррационального и трансцендентальные цели этой деятельности. Для философии хозяйства хозяйственное поведение есть феномен, прежде всего не технологический, а социальный, культурный, этнический, моральный, психологический, подлинно человеческий и, стало быть, творческий. Философия хозяйства – это парадигма преодоления виртуального конструктивизма социальной жизни: «Чем ближе к реальному производству, тем больше чисто хозяйственного начала, чем дальше от реального производства, тем больше экономического» [Там же].

Итак, глобализация вызывает к жизни философию хозяйства и требует цивилизационных перемен. В чем же будет состоять эта новая цивилизация, каков будет характер ее хозяйства, науки, искусства, гражданского и общественного строя? Н.Я. Данилевский, задавшись подобным вопросом в конце XIX века, так определил методологию решения этой проблемы: «Прежде всего предстоит нам, следовательно, прибегнуть к установлению тех общих категорий, под которые подводились бы естественным образом все стороны народной деятельности, которые обнимали бы собою все разнообразные обнаружения исторической жизни, обозначаемые словами “культура” и “цивилизация”» [6, с. 400]. Такими общими категориями, с нашей точки зрения, выступают субъективный и объективный факторы, поскольку они позволяют системно охватить

все стороны жизнедеятельности социального субъекта во всем богатстве ее элементного состава, вскрывая при этом основное внутреннее противоречие жизнедеятельности общества как ее энергетический источник и осуществляя сие по принципу: что зависит и что не зависит от социального субъекта в его историческом развитии. В свое время Н.А. Бердяев подчеркивал, что «на построениях философии истории формировалось наше национальное самосознание» [2, с. 3]. Если в контексте традиционной культуры господствовало христианско-теологическое понимание истории или провиденциалистская концепция, а также так называемая история королей (затем, в связи с марксистским открытием материалистического понимания общества и его истории, основная проблематика в данной области сосредоточилась вокруг соотношения роли личности в истории и исторической необходимости), то теперь продуктивным методологическим основанием философии истории выступает диалектика субъективного и объективного факторов.

Обсуждая проблему модернизации экономики в процессе перехода к инновационному развитию, специалисты естественным образом выходят на проблему субъективного фактора: «Таким образом, цели и задачи модернизации как нового этапа реформ связаны не только с преодолением концептуальных ошибок прошлого, но и с включением в действие субъективного фактора — целевых ориентиров, мотивов и установок, способных на деле обеспечить устойчивое поступательное развитие российского общества, изменить ситуацию в экономике» [9, с. 27].

Ставя задачу запускать в действие субъективный фактор, очевидно, необходимо определиться с сущностью, структурой и закономерностями взаимодействия субъективного и объективного факторов. Каждая категория должна работать. Категория «субъективный фактор» работает в диалектическом единстве с категорией «объективный фактор».

Субъективный фактор — это основанная на функционировании сознания свободная целенаправленная деятельность социального субъекта, соединяющая теоретическую и практическую стороны общественного раз-

вития. Субъективный фактор неправомерно отождествлять с категорией «человеческий фактор», которая адекватно используется в эргономике в диалектическом единстве с категорией «технологический фактор». Объективный фактор — это законы природы и общества, а также условия, не зависящие от воли и сознания социального субъекта, определяющие границы и направленность его деятельности. Категория «фактор» имеет два основных смысла, соответствующие сущности субъективного и объективного факторов: «движущая сила» процесса и «условия» его протекания. Задача включения субъективного фактора в инновационное развитие означает, таким образом, использование движущей силы как мощного потенциала модернизации.

Структура объективного фактора включает в себя два ряда элементов: законы и объективные условия, которые логично выделить в соответствии с критерием «степень предельности ограничения свободы воли социального субъекта», начиная с наиболее предельных ограничителей:

1. Природные закономерности и экологическая ниша существования общества.
2. Закономерности развития психики социального субъекта и психологическая атмосфера, сложившаяся в обществе в конкретно-исторических условиях.
3. Закономерности развития экономики и уровень ее развития в конкретно-исторических условиях.
4. Закономерности политико-правовой сферы и уровень ее развития в конкретно-исторических условиях.
5. Закономерности развития науки и конкретно-исторические условия научной деятельности.
6. Закономерности функционирования морали и нравственная атмосфера в обществе в конкретно-исторических условиях.
7. Закономерности функционирования религии и религиозная атмосфера в обществе в конкретно-исторических условиях.
8. Закономерности функционирования искусства и конкретно-исторические условия художественно-эстетической деятельности.
9. Закономерности функционирования философии и мировоззренческая атмосфера

в обществе в конкретно-исторических условиях.

Структура субъективного фактора многомерна. В соответствии с критерием «психологическая структура жизнедеятельности социального субъекта» в качестве основных элементов субъективного фактора выделяются зрелость интеллекта, зрелость волеизъявления и зрелость организаторских способностей, в соответствии с критерием «уровень массовости свободной целенаправленной деятельности социального субъекта» — деятельность на уровне личности, малых, средних и больших социальных групп, включая деятельность человечества. При условии социального неравенства, чем более массовой является деятельность социального субъекта, тем в меньшей степени в ней проявляется субъективный фактор, т. е. свобода и целенаправленность; другими словами, при условии социального неравенства субъективный фактор сосредоточен на личностном уровне. В эпоху глобализации критерий массовости деятельности социального субъекта приобретает особенно злободневное звучание.

Еще один значимый критерий выделения элементов в структуре субъективного фактора — это «качественно особые сферы свободной целенаправленной деятельности социального субъекта»: экономическая, политико-правовая, научная, нравственная, религиозная, художественно-эстетическая и философско-мировоззренческая. Первые три из указанных сфер обуславливают интенсивность проявления субъективного фактора, а остальные — качество его проявления: разрушительное или созидательное. Таким образом, категория «субъективный фактор» выступает теоретическим инструментом исследования взаимосвязи экономики с неэкономическими определениями человека, в хозяйственной деятельности которого «имманентно присутствуют мораль, политика, религия и т. д.» [8, с. 40–41].

Осознавая взаимосвязь субъективного и объективного факторов, необходимо установить систему закономерностей их проявления. Во-первых, это закон определяющей роли объективного фактора, который заключается в том, что именно сложившиеся объективные условия жизнедеятельности социального субъекта наряду с законами единой природно-социальной

системы обуславливают границы и направленность свободной целенаправленной деятельности социального субъекта в соответствии с его актуальными потребностями.

Во-вторых, в рассматриваемой взаимосвязи действует закон решающей роли субъективного фактора, который заключается в том, что при одних и тех же объективных условиях могут быть реализованы различные стратегии развития, что зависит от уровня развития социального субъекта и реализованной им свободы выбора в процессе его жизнедеятельности; т. е. при одних и тех же объективных условиях направленность и темпы развития, степень созидательности или разрушительности для общества предпринимаемых социальным субъектом усилий зависят от субъективного фактора, и в этом проявляется обратное влияние субъективного фактора на объективный: наличные условия могут ухудшаться или улучшаться, и, таким образом, социальный субъект сам сужает или расширяет границы своей свободы.

В-третьих, в систему основных законов взаимосвязи субъективного и объективного факторов входит очевидная историческая тенденция возрастания роли субъективного фактора, поскольку в процессе эволюции социального субъекта от эпохи к эпохе возрастала роль личностного начала в обществе и материально-технологическая сила социального субъекта, которая в настоящий момент выросла в конструктивизм постмодернистского толка.

Таким образом, граница между субъективным и объективным факторами подвижна и релятивна: те условия во всех сферах жизни общества, которые входят в элементный состав субъективного фактора, будучи результатом свободной целенаправленной деятельности социального субъекта, для новых поколений людей, входящих в активный дееспособный возраст, выступают уже как элементы субъективного фактора, и, если эти поколения не являются «мертвыми», как писал о своем поколении Ю.М. Лермонтов, они, совершенствуя наличные условия своей жизнедеятельности, расширяют границы собственной свободы.

Поставив задачу «запускать» субъективный фактор как мощный резерв инновационного развития, надо в полной мере осознавать, что собственно мы собираемся «запускать», и не

исходить из того, что этот резерв исключительно с положительным потенциалом. Предложенное выше понимание сущности и структуры субъективного фактора в диалектическом единстве с объективным подразумевает, что запускать надо свободную целенаправленную деятельность социального субъекта, а там, где маячит свобода, всегда подстерегают «Сцилла и Харибда» произвола и насилия, тем самым субъективный фактор сплошь и рядом оборачивается негативными, деструктивными своими проявлениями. Так, аналитики текущего кризиса констатируют, что финансовый кризис изначально пытались и пытаются до сих пор преодолевать самым примитивным с интеллектуальной точки зрения способом: кредитуются не будущие прибыли, а прошлые долги; неограниченная поддержка банковской системы США со стороны государства заключается в печатании ненастоящих денег. В результате мировой финансовый рынок принимает последовательно иррационально противоестественный характер.

Жизненный нерв диалектики субъективного и объективного факторов — это свобода. Для экономической теории с ее односторонней абсолютизацией «человека экономического» проблема свободы периферийна. Для философии хозяйства с ее центрированием внимания на органической целостности хозяйствующего субъекта в единстве его многообразных связей с окружающим миром и полнокровной многоаспектности его жизнедеятельности проблема социально-экономической свободы становится центральной. Деятельность «человека экономического» стандартизирована, поскольку он заложник стремления к максимальной прибыли: «экономическое поведение — не столько свободное поведение, сколько самостоятельное» [10, с. 200]. Оно предполагает либерализм как условие внешней экономической свободы. Хозяйственная деятельность способна к самопричинности — этой основе подлинной

реализации индивидуальности субъекта и хозяйственного процветания, т. е. востребует внутреннюю свободу. Сущность хозяйства — это «творческая деятельность разумных существ, необходимо осуществляющих в ней свои индивидуальные начала, индивидуальности же при-суща свобода... если свобода есть творчество, то индивидуальность есть подлинно творческое в нас начало, которое неугасимо и неустранимо в хозяйстве» [4, с. 304]. Культ частных материальных интересов индивида лишает экономику творческих сил, превращая ее в механизм по производству потребительных стоимостей. Сохранение жизненного единства материальных и духовных ценностей в хозяйственной деятельности наполняет ее созидательной энергией в наращивании производительных сил общества. Инновационное развитие должно быть сознательно творческим процессом, а не технологически зашоренным.

По мере развития экономической свободы социального субъекта происходит постепенное осознание космических масштабов хозяйственной деятельности человека. Внешняя экономическая свобода приобретает свою целостность и относительную завершенность посредством вызревания трансцендентального субъекта в форме ноосферы, перерастая во внутреннюю экономическую свободу, и в этом проявляется возрастание роли субъективного фактора.

Наиболее фундаментальное основание проявления субъективного фактора заключается в особенностях национального менталитета. И никакая технология инновационного развития, практически оправдавшая свою эффективность в одной стране, не может быть «пересажена» на иную этнически культурную почву с тем же результатом. Относительно особенностей отечественного менталитета глубокое исследование было осуществлено российскими органицистами и космитстами [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Белый, А.** Арабески [Текст] / А. Белый. — М., 1911.
2. **Бердяев, Н.А.** Смыслистории [Текст] / Н.А. Бердяев. — М., 1990.
3. **Булгаков, С.Н.** Философия хозяйства [Текст] / С.Н. Булгаков. — М., 1990.
4. **Он же.** Философия хозяйства [Текст]: речь на докторском диспуте / С.Н. Булгаков. — М., 1993. (Сочинения: в 2 т. Т. 1).
5. **Он же.** Народное хозяйство и религиозная личность [Текст] / С.Н. Булгаков. — М., 1993. (Там же. Т. 2).

6. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа [Текст] / Н.Я. Данилевский. – СПб., 1995.
7. Маслобоева, О.Д. Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность [Текст] / О.Д. Маслобоева. – М.: Академия, 2007.
8. Миропольский, Д.Ю. Экономическая теория и философия хозяйства: отождествление, различие, противоположение [Текст] / Д.Ю. Миропольский, А.И. Попов // Известия СПбУЭФ. – 2005. – № 3.
9. Молчанов, К.В. Современные философско-экономические основы осмысления модернизации и ее аспектов в современной России [Текст] / К.В. Молчанов // Философия хозяйства – 2008. – № 3.
10. Осипов, Ю.М. Экономическое поведение [Текст] / Ю.М. Осипов // Там же. – № 2.
11. Он же. Хозяйственное поведение [Текст] / Ю.М. Осипов // Там же.
12. Он же. Кризис экономической цивилизации [Текст] / Ю.М. Осипов // Там же. – № 5.

УДК 9(С)15

О.А. Смирнова

«ДУХ КАПИТАЛИЗМА» В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

На современном историографическом этапе в социально-экономической проблематике обособилась и интенсивно развивается история российского предпринимательства. Отечественные исследователи, базируясь на советском опыте изучения истории буржуазии, а также аккумулируя достижения западноевропейской социально-исторической мысли, открывают в этой области познания новые предметы научного анализа. К числу наиболее сложных и вместе с тем актуальных относится вопрос о социальной атмосфере, в которой развивалось российское предпринимательство.

Своеобразной посылкой разворачивающемуся исследовательскому поиску послужил тезис о том, что в России предприниматель-делец всегда был фигурой, не вызывавшей симпатий и не имевшей общественной поддержки не только за пределами своей среды, но и внутри нее. По мнению А.Н. Боханова, высказанному им в начале 1990-х годов, необходимость разработки проблемы общественных настроений по отношению к предпринимательству обусловлена следующим: в ней сфокусировано многое из того, что определило судьбу не только отечественного делового мира, но и России в целом [5, с. 260]. Обобщив опыт осмысления проблемы за последнее двадцатилетие, можно

заключить, что значительная часть исследователей (Ю.Б. Соловьев, Б.П. Балуев, В.А. Твардовская, Б.С. Итенберг, Б.Н. Михайловский и др.) признают факт преобладания в России негативного отношения к предпринимателям и предпринимательству.

В полной мере разделяя эту точку зрения, мы считаем, что важно также обратить внимание и на общественные настроения противоположного характера, которые были проявлением лояльного отношения к «духу капитализма». Их анализ необходим не менее, чем осмысление феномена антибуржуазности, поскольку во многом благодаря функционированию и реализации такого рода идей XIX век стал для России временем вхождения в капиталистическую систему общественных отношений. Познательная значимость изучения этого феномена, на наш взгляд, обусловлена и тем, что уже ставший историей период 90-х годов XX века, как и начало XIX века, проходил в России под знаком очарования экономическим прогрессом и предпринимательской культурой.

Предваряя анализ общественных суждений, высказываемых в России в пользу индустриальных форм производства и роста частной предпринимчивости, следует отметить, что вплоть до 1860-х годов основным импульсом для них

служило восприятие не столько российской действительности, где продолжал доминировать ручной труд, сколько западноевропейских социально-экономических реалий.

Косвенным свидетельством тому, что в России уже с конца XVIII века началась последовательная наработка лояльного отношения к идеалам экономической свободы и предпринимчивости, служит публикация в 1784 году перевода книги Б. Франклина «Учение добродушного Рихарда». Эта работа, впервые вышедшая в Америке в 1757 году, представляла собой собрание выдержек из «Альманаха “Бедного Рихарда”», который Франклин издавал начиная с 1732 года в целях популяризации добродетелей, необходимых человеку, намеревающемуся добиться материального благополучия и счастья. Пословицы, поговорки и афоризмы, собранные в этом издании, наглядно отражали взгляды и моральные нормы, которых придерживалась набирающая силу буржуазия: *«Праздность подобна жвачине, она изнуряет больше, чем труд»*, *«Лень движется так медленно, что бедность догоняет ее»*, *«Кто хочет приобрести здоровье, богатство и благоразумие, должен ложиться рано и вставать с зарей»*, *«Господь не отказывает тем, кто трудится»*, *«У работающей пряжи всегда есть рубашка»* и др. [11, с. 85]. Неоднократное переиздание этой книги на рубеже XVIII – XIX веков подтверждает, что наставления подобного рода в России в тот период были востребованы и активно распространялись.

Важным свидетельством стремления приобщить российское общество к социально-экономическим устоям европейской цивилизации стали опыты распространения научно-экономического знания, в первую очередь ассоциирующегося с именем А. Смита. Популяризация его идей в России началась в 1770-е годы, когда профессор Московского университета И.А. Третьяков, находившийся под впечатлением от лекций шотландского мыслителя, прослушанных им во время учебы в Глазговском университете, написал работу «Рассуждения о причинах изобилия и медленного обогащения государства как у древних, так и нынешних народов», в которой изложил ранние воззрения основоположника классической политэкономии. Однако непосредственное знакомство русского образованного общества

с учением Смита состоялось только в начале XIX века. В 1802–1806 годах его прославленный труд «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) был переведен на русский язык по распоряжению министра финансов, а затем и издан на средства правительства.

В эти годы знание политической экономии превратилось в одно из обязательных требований, предъявляемых к образованному человеку, что, в частности, выразилось в придании ей статуса учебной дисциплины и включении в образовательные программы российских университетов. Первое время ее преподавание осуществлялось профессорами-иностранцами: в Московском университете лекции читал немец Х. Шлецер, в Петербургском – украинец из Австро-Венгрии М. Блугьянский, в Харьковском – немец Л. Якоба.

Исследование А. Смита изучали как при императорском дворе (императрица Анна Федоровна, прослушав курс лекций по политэкономии, выразила желание, чтобы эту дисциплину изучали не только ее сыновья, но и дочери), так и в глубокой провинции. Одним из свидетельств тому служит список лиц, подписавшихся на книгу немецкого экономиста Г. Сарториуса «Начальные основы народного богатства и государственного хозяйства», в которой излагались основы учения Смита. В этом списке, напечатанном в виде приложения к казанскому изданию 1812 года, наряду с губернаторами (саратовским, тамбовским, пензенским, нижегородским) и губернскими предводителями дворянства значились архиереи, священники, полицмейстеры, штаб-лекари, письмоводители, городские головы, старосты, бурмистры, гимназисты, купцы и мещане [15]. Повышенный интерес русского общества к экономическому знанию подтверждал и А.С. Пушкин, когда в 1823 году, характеризуя Евгения Онегина, подчеркивал его интерес к политэкономическим сочинениям: «Бранил Гомера, Феокрита; // Зато читал Адама Смита // И был глубокий эконом...».

В деле популяризации классической политэкономии значительное место отводилось изданию трудов ближайших интерпретаторов воззрений А. Смита – Ж.-Б. Сэя, И. Бентама, Ф. Бастиа, а также публикациям выдержек

из работ этих ученых на страницах «толстых журналов», таких как: «Атеней», «Журнал мануфактур и торговли», «Московский наблюдатель». Первое оригинальное издание на русском языке вышло в свет в 1805–1806 годах. Им стал учебник по политической экономии, подготовленный профессором Х. Шлецером на основе курса лекций, который он читал на протяжении ряда лет в Московском университете [16].

Своеобразным свидетельством успеха усвоения русским обществом азов теории утилитаризма служит стихотворение И.А. Крылова «Послание о пользе страстей», написанное им в 1808 году, где автор отмечал:

Почто, мой друг, кричишь ты так на страсти
И ставишь их виной всех наших зол?

<...>

...Тогда лишь люди стали жить,
Когда стал ум страстям людей служить.

<...>

Тогда корысть пустилась за моря
И в ней весь мир избрал себе царя.

<...>

Различных стран изделия везутся,
Меняются, дарятся, продаются...

<...>

Все движется, и все живет меной,
В которой нам указчик первый страсти.

<...>

Чтоб заключить в коротких мне словах,
Вот что, мой друг, скажу я о страстях...

<...>

Хорош сей мир, хорош; но без страстей
Он кораблю б был равен без снастей.

В ходе пропаганды идей свободной предприимчивости особое внимание уделялось дворянству как классу-собственнику. Так, например, один из авторов «Журнала мануфактур и торговли» в начале 1820-х годов писал, обращаясь к представителям первенствующего сословия: «Премудрые монархи требуют от вас не одного только, чтобы вы защищали Отечество с оружием в руках... но в другое время занимались хозяйством, заводили фабрики, будьте купцами и сами отправляйте ваши произведения, ваши изделия за море и докажите, каким образом должно сделать и самих себя и Отечество свое богатыми. Правительство сего от вас требует» [4, с. 66]. При этом феодальному обогащению, основанному на грубом насилии, противопоставлялось обогащение

буржуазное как базирующееся на труде самого предпринимателя, а потому более справедливое и честное.

Развитие эта тема получила в статье, опубликованной в 1827 году в «Северном архиве». Автор статьи подчеркивал, что, в то время как для стяжания благ земных у древних и средневековых народов меч ежечасно обливался кровью, поскольку обогатившийся должен был погибнуть, чтобы обогатить другого, в условиях новейшего времени (при буржуазном обогащении) «народы черпают свои сокровища... достойным себя образом, не оскорбляя ни справедливости, ни добродетели», а именно опираясь на «дух трудолюбия» [12, с. 244–248].

У большинства наблюдателей не возникало сомнений по поводу того, что трудолюбие, предприимчивость и бережливость — это те добродетели, которые позволили странам Запада занять по уровню экономического развития лидирующие позиции и опередить «народы, одаренные, может быть, еще блистательнейшими способностями, но не обладающие столь неутомимую твердостью и силой желаний» в достижении поставленной цели [9, с. 86; 3, с. 2]. При этом из всех европейских государств особо выделялась Англия как страна, отличающаяся выдающимися достижениями «на поприще житейской деятельности» и являющая собой своеобразную модель западноевропейского общества. Не случайно в журнале «Телескоп» (1831 г., № 1) подчеркивалось, что «этот чудесный остров есть контора всемирной торговли, рассадник всеобщей промышленности, лаборатория всех хозяйственных систем и открытий», а в журнале «Московский телеграф» (1828 г., № 2) подмечалось, что англичан ничто не останавливает в их деятельности, а встречающиеся трудности только увеличивают их упорство.

Настроения не изменились и десятилетие спустя. В 1847 году один из корреспондентов «Современника» отмечал, что «изо всех европейских государств Англия представляет в себе более всего средств изучить Европу», поскольку она «обильно наделена теми сторонами европейского гения, которые могут пленять воображение жителей Востока: она обладает промышленностью во всем могуществе ее, богатством — во всем баснословном его величии» [8, с. 715].

Одним из основных рычагов экономического прогресса западноевропейских стран провозглашалась механизация производственной деятельности, что доводилось до сведения российской читающей публики со страниц ряда журналов. Наибольшей активностью отличались следующие издания: орган Департамента торговли Министерства финансов «Журнал мануфактур и торговли», «Московский телеграф» Н.А. Полевого, «Отечественные записки» П.П. Свиньина, «Телескоп» Н.И. Надеждина, «Библиотека для чтения» О.И. Сеньковского, «Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития». Их корреспонденты с восторгом сообщали, что в Западной Европе при помощи машин удивительным образом экономятся время и силы производителей («ныне один фабричный рабочий с двумя мальчиками за четыре дня выпрямляет нить, которой можно обвести весь земной шар»), позволяя им «подкапываться под реки, расстилать везде чугунные скатерти и, как будто похитив тайну тучегонителя Зевса, кататься по ним при эфирном сиянии газов, без коней в колесницах».

Важность развития промышленного производства аргументировалась тем, что земледельческим государствам сложно обеспечить своему населению безбедное существование. Н.А. Полевой в 1829 году в одной из своих статей в «Московском телеграфе» по этому поводу писал следующее: «Было время, когда Англия и самая Франция — ближайший предмет нашей подражательности — терпели десятками лет голод, потери в жителях. И отчего? За недостатком хлеба. Что же впоследствии отвратило сокрушительные бичи и каким пособием сии страны приведены теперь в цветущее состояние? Конечно, промышленностью».

Впоследствии суждения подобного рода неоднократно встречались на страницах отечественной печати. В 1834 году «Журнал общепользных сведений» со ссылкой на французский источник сообщал, что еще недавно Англия не могла прокормить даже 3 млн своих жителей. Ныне же в результате развития промышленности и машинного производства она оказалась способной прокормить более 10 млн человек, которые по сравнению с прежними временами живут гораздо лучше [14, с. 183; 13, с. 296]. Десятилетие спустя публицист П.И. Иванов в

«Журнале Министерства внутренних дел» подчеркивал, что «исключительно земледельческий народ среди благословенного изобилия может быть в нищете и среди богатства природы терпеть нужду», в то время как государства, подобные Англии, всегда находятся в цветущем состоянии. Источник их богатства — мануфактурная промышленность, произведения которой сбываются на многих рынках [10, с. 398]. В итоге путь промышленно развитых стран провозглашался в качестве примера для подражания.

Показательна в этом отношении рецензия на издание «Коммерческого словаря МакКуллоха», опубликованная в «Московском наблюдателе» в 1836 году (Ч. 5). Ее автор, подчеркивая необходимость перевода этого труда на русский язык, отмечал, что словарь «имеет все права на общую известность», так как позволяет увидеть, что «негоцианты в Англии... деятельно исследуют все, что может руководствовать в их делопроизводстве», поскольку понимают, что торговлю нельзя вести наобум, а необходимо «найти все лучшие способы составить свое состояние и избежать всех опасных случаев для невежества незаметных...».

В именно в 10–40-х годах XIX века одним из последовательных приверженцев идеи промышленного развития России был яркий русский мыслитель-экономист, первый председатель Департамента государственной экономики Н.С. Мордвинов. В поиске ответа на вопрос о способах скорейшего преодоления экономической отсталости России он обратился к учению А. Смита, чьи лекции ему довелось слушать в 1774 году во время пребывания в Англии. Свои воззрения он высказывал в многочисленных «мнениях» и записках: «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России» (1815), «Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждений частных по губерниям банков» (1816), «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» (1833) и др. В этих документах он доказывал необходимость осуществления российской экономикой «перехода из земледельческого хозяйства в рукодельное и промышленное» на основах экономической свободы.

Наиболее последовательно эти идеи Мордвинов изложил в записке «О мерах улучшения государственных доходов» (1825), адресованной

императору Александру I. В этом документе, восхваляя принцип экономической свободы. Он писал, что «по уставу самой природы никакой торг, никакое ремесло не могут процветать без свободы в действиях своих, и свобода единое достоверное и надежное руководство к успехам действительности народной» [1, с. 187]. При этом экономическую свободу Мордвинов понимал как свободу пользования частной собственностью и выбора для приложения капитала. Он подчеркивал: «Собственность первый есть камень всех законоположений. Без оной и без твердости прав, ее ограждающих, нет никому надобности ни в законах, ни в Отечестве, ни в государстве», так как только она создает сильный стимул к борьбе за свои частные интересы, к увеличению своего индивидуального богатства [Там же. С. 198]. В частно-хозяйственном эгоизме Мордвинов усматривал единственную пружину развития производительных сил, что, по его мнению, наглядно доказали экономические успехи Англии.

А.И. Бутовский в 40-х годах XIX века заявил о себе как о безусловном стороннике развития капитализма, сочинив трехтомный труд «Опыт о народном богатстве, или о началах политической экономии». Его сочинение стало первым политэкономическим изданием на русском языке и возбудило широкую общественную полемику на страницах демократической печати. Негативный общественный отклик на эту работу в значительной мере был обусловлен апологетическим отношением автора к капитализму, который рассматривался им как экономически эффективная система отношений, основанная на росте промышленности и образованности. Несмотря на признание негативных сторон этого общества, наиболее ярко выразившихся в нищете (пауперизме) значительной части рабочего населения, Бутовский был убежден, что разного рода печальные явления (низкая заработная плата, пауперизм и культурная отсталость) не могут считаться следствием капитализма, а являются лишь временными отклонениями от главного направления его развития [6, с. 397].

По мнению Бутовского, капитализм имеет тенденцию «смягчать слишком резкие оттенки» и создавать практически достаточную степень материального равенства. При этом он не сомневался, что все несовершенство

капиталистической системы отношений — это несовершенство временное, так как по мере изучения законов капиталистического роста появится возможность не только объяснять все его «анормальности», но и открывать средства «к их отвращению», особенно когда они сопряжены с народными бедствиями [7, с. 38–39]. В то же время Бутовский считал, что, пока общество отягощено наследием прошлого и не готово в полной мере обеспечить осуществление капиталистического порядка, вполне целесообразно обратиться к теории Мальгуса и призвать рабочих к воздержанию, поздним бракам и добровольному вдовству.

В 1850-х — 1860-х годах активными поборниками западноевропейского пути промышленного развития выступали представители буржуазно-либерального направления общественной мысли, прежде всего представители университетской профессуры — А.Я. Антонович, И.К. Бабст, Н.Х. Бунге, И.В. Вернадский, И.Я. Горлов, Д.И. Пихно, Б.Н. Чичерин. Так, профессор И.К. Бабст в речи, произнесенной 6 июня 1856 года на торжественном собрании в Императорском Казанском университете, подчеркивал: «Если бы мановением волшебного жезла можно было представить себе Англию 1685 года, мы не узнали бы из сотни местностей и одной, из тысячи строений — одного... Мы увидели бы хижины, покрытые соломой, на том месте, где теперь возвышаются фабричные и приморские города, слава которых гремит по всему свету. <...> Ежели мы теперь спросим, где кроются причины этого развития народного богатства Англии... то придем прямо к заключению, что все это зависело от умножения капиталов как результатов предшествовавшего труда». Основываясь на этих наблюдениях, он заявлял: «Нет, промышленное направление нашего века — это великий шаг вперед. Горе тому народу, который теряет всякое желание к улучшению своего экономического быта, всякую заботу о нем...» [2, с. 106–109].

Однако апологетика капиталистического типа социально-экономических отношений в российском обществе никогда не доминировала. Уже в первой четверти XIX века в подавляющей части суждений стало звучать их отрицание. При этом фронт антикапиталистических настроений был чрезвычайно широк. Славянофилы, носители

охранительных воззрений, сторонники «официальной народности», почвенники, народники, социалисты, представители русского анархизма и религиозно-философского ренессанса, базируясь на разных методологических основаниях, критически отзывались об общем направлении социально-экономического развития западного общества. Однако если до середины 1860-х годов их обращения к этим проблемам были связаны, как правило, с посещением европейских государств или откликами на публикации в западной прессе, то впоследствии — в основном с процессом становления и развития западноевропейских

форм жизнедеятельности на российской почве взамен крепостнических устоев.

Думается, научное осмысление установившегося соотношения анти- и прокапиталистических настроений в среде российской общественности в XIX века позволит выйти на уровень более артикулированного понимания процессов социально-экономического и политического развития России в условиях ее движения по пути от традиционной к современной стадии развития или пути, который по сложившейся в последнее двадцатилетие историографической традиции стало принято обозначать термином «модернизация».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Архив** г. Мордвиновых: в 10 т. Т. 3. — СПб., 1901–1903.
2. **Бабст, И.К.** О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала [Текст] / И.К. Бабст // Избранные труды. — М., 1999.
3. **Библиотека** коммерческих и хозяйственных знаний [Текст]. В 12 ч. Ч. 2. — СПб., 1841–1844.
4. **Блюмин, И.Г.** Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века [Текст] / И.Г. Блюмин. — М.; Л., 1940.
5. **Боханов, А.Н.** Крупная буржуазия России. Конец XIX в. — 1914 г. [Текст] / А.Н. Боханов. — М., 1992.
6. **Бутовский, А.И.** Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии [Текст]. В 3 т. Т. 3 / А.И. Бутовский. — СПб., 1847.
7. **Там же.** Т.1.
8. **Восточные** туристы [Текст] // Современник. — 1847. — № 8.
9. **Замечания** об умножающемся богатстве Англии [Текст] // Журн. мануфактур и торговли. — 1826. — № 7.
10. **Иванов, П.И.** История управления мануфактурной промышленностью в России [Текст] / П.И. Иванов // Журн. Министерства внутренних дел. — 1844. — № 3.
11. **Иванов, Р.Ф.** Франклин [Текст] / Р.Ф. Иванов. — М., 1972 (ЖЗЛ. Сер. биографий. — Вып. 11 (518)).
12. **Никитенков, А.** О политической экономии вообще и в особенности о производительности, как главном предмете оной [Текст] / А. Никитенков // Сев. арх. — 1827. — № 23.
13. **О важности** открытий в промышленности [Текст] // Журн. общепользных сведений. — 1834. — № 10.
14. **О влиянии** машин на народное богатство вообще и на богатство народное Отечества нашего в особенности [Текст] // Сев. арх. — 1828. — № 6.
15. **Сарториус, Г.** Начальные основы народного богатства и государственного хозяйства, следуя теории А. Смита [Текст] / Г. Сарториус; пер. с нем. П.С. Кондырева. — Казань, 1812.
16. **Шлецер Х.** Начальные основания государственного хозяйства, или Науки о народном богатстве [Текст] / Х. Шлецер. — М., 1805–1806.

УДК 94(47). 084.3/084.5

Н.В. Официрова

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЗАВОДСКОГО СООБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В 1920-Х ГОДАХ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЯ

Понятие «заводское сообщество» (*Werkgemeinschaft*), введенное в историческую науку немецким ученым А. Людке в 1970-х годах [20, с. 160–161], находится в тесной связи с понятием «промышленное сообщество», которое понимается как совокупность различных групп людей – рабочих, мастеров, технической интеллигенции, администрации предприятий, занятых в промышленности [21, с. 83–91]. Заводское сообщество представляло собой определенный микрокосм, обладавший своими традициями и обычаями, культурой, нравами и моралью, имевший определенную структуру [23, с. 111].

В 1920-х годах на территории РСФСР/СССР существовало три крупных промышленных центра: Урал, Центральный район, Северо-Запад. В каждом из них заводское сообщество имело свою специфику. К таким особенностям мы относим степень общности деятельности и проживания, зависимость социальной жизни от фабрики/завода, социально-профессиональный состав работников и т. д.

Будучи частью общества, заводское сообщество, естественно, становилось объектом и субъектом властных отношений. Структуры промышленной повседневности были пронизаны невидимой сетью множества информационных каналов, обеспечивавших прямую и обратную связь с государством.

Власть в заводском пространстве была представлена на двух уровнях – местном и центральном. Местная власть на предприятии реализовывалась в деятельности так называемого «треугольника» (администрация, партийная и профсоюзная организации). Центральная власть для большинства членов заводского сообщества чаще всего носила персонифицированный характер, воплощенный в конкретных государственных деятелях – В.И. Ленине, И.В. Сталине, Л.Б. Каменеве, Г.К. Орджоникидзе и др. Обращение к ним (а большинство «писем во власть» имеют конкретного адресата)

было последней надеждой в решении болезненных и волнующих вопросов.

В масштабе страны, области, губернии или уезда необходимые для руководства государства сведения транслировались через подразделения Информационно-статистического (впоследствии Информационного) отдела ЦК РКП(б)/ВКП(б). Основные виды документов, содержащих важные данные о бытовой и промышленной повседневности, – информационные сводки (центральные и местные, «материалы по дефектам» [21, с. 83–91]); информационные документы местных руководителей («закрытые письма» секретарей губкомов и пр.); материалы по обследованию предприятий, губерний и учреждений; эго-документы.

Информационные сводки в силу своего обобщающего характера содержали относительно мало информации о заводском сообществе, его повседневных проблемах, особенностях взаимоотношений работников на предприятиях. В большинстве государственных информационных сводок и обзоров политико-экономического состояния страны рассматривались общие проблемы промышленности и рабочих и почти не упоминались проблемы инженеров, мастеров, администрации и технического аппарата предприятий. И все же в них можно найти определенные сведения о заводском сообществе.

Партийные комитеты и органы ВЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов активно собирали сведения о настроениях рабочих на государственных и частных предприятиях. Их интересовали следующие вопросы: недовольство рабочих и его причины; эпидемии и болезни; саботаж, участие в кампаниях; причины падения промышленности; забастовки всех видов; контрреволюционная и/или антисоветская агитация; отношение к мероприятиям советской власти и т. д. [8, л. 2–12; 9, л. 2–15; 17, л. 16–27, 33–45]. Сводки этого периода дают представление об общей ситуации в стране, кратко характеризуя предприятия, на

которых существовали те или иные «ненормальности», носившие политический характер. Вся эта информация поступала «снизу»: от штатных и внештатных агентов ВЧК/ОГПУ, через перлюстрированную переписку, а чаще всего — через протоколы многочисленных профсоюзных, партийных, комсомольских собраний и заседаний на производстве.

С середины 1920-х годов, с появлением в рядах компартии серьезной оппозиции, обобщающие сводки по стране стали содержать более подробную информацию. Они сообщали уже не только о причинах недовольства рабочих и об их отношении к власти, но и уделяли внимание более узким вопросам. Так, например, в информационной сводке от 1 июня 1927 года перечислены предприятия, на которых произошли забастовки, сообщается об усилении антисемитизма в промышленном сообществе, охарактеризовано настроение населения в связи с разговорами о войне. По-прежнему в ней сделан упор на антисоветские высказывания среди рабочих: «Пусть начнется война, мы кое-кому покажем, в особенности коммунистам»; «Все равно скоро будет война, потому что эта власть большинству надоела...» [9, л. 11]. Приметой времени становится обязательное указание на партийную принадлежность недовольных. Именно во второй половине 1920-х годов властные структуры особенно внимательно отслеживали любые признаки недовольства, что отражалось и на информационной документации. Об этом свидетельствует расширение круга местных информационных сводок и справок, поступавших в ЦК ВКП(б) в конце исследуемого периода как от региональных парторганизаций, так и от центрального аппарата ОГПУ.

Обычным информационным каналом в первой половине 1920-х годов являлись многочисленные «закрытые письма» секретарей губкомов, содержавшие конкретные и откровенные сведения о политических настроениях рабочих в различных районах губернии, результатах различных кампаний и, конечно же, об «антисоветской» деятельности [6, л. 20; 7, л. 8–12]. Например, вот что сообщал в своем письме за апрель–май 1926 года секретарь Череповецкого губкома Альф: «I. Настроение рабочих в общем удовлетворительное. Связанное с вопросами заработной платы и жилищных условий недовольство стоит весьма остро. Стекольный завод — 31 мая прекратили работу на 25 минут

200 человек, после разъяснения о тяжелом финансовом положении согласились подождать до 5 июня. Участвовали коммунисты и комсомольцы по 20 человек. Концессия “Мологолес” — по-прежнему антисемитизм, надписи на стенах “бей жидов, спасай Россию”, из-за большого количества евреев среди служащих, иногда позволяющих себе иронически относиться к рабочим. Недоброжелательность рабочих к немцам. Некоторое влияние на рабочих оказывают 40 бывших городских (10 из них пролезли в члены союза), попытка бывших людей сорвать демонстрацию, недоброжелательное отношение рабочих к немцам и евреям» [16, л. 4–5, 14].

Наряду с «закрытыми письмами» существовали многочисленные справки, материалы проверок и докладные записки по обследованию губерний (с преобладающим интересом к промышленной повседневности интересующих нас регионов) и отдельных предприятий местного или центрального происхождения. Подобные документы могли иметь как регулярный характер, так и связанный с различными конфликтами в промышленной среде.

Наиболее интересны «Справка о конфликте на Большой Дмитровской мануфактуре» (27 декабря 1927 года, автор — помощник заведующего информационным отделом ЦК ВКП(б) Б. Двинский) и «Материалы проверки фактов беспорядков, имевших место на Вышневолоцкой мануфактуре Тверской губернии» (1927 год, подписано секретарем Тверского губкома ВКП(б) Носовым). Рубеж 1927–1928 годов стал временем сворачивания новой экономической политики и апробации новых методов управления заводским сообществом в СССР.

Конфликт на Большой Дмитровской мануфактуре 8–9 декабря 1927 года был вызван «недоработками (до 5 рублей в месяц) из-за плохого качества сырья», грубостью директора мануфактуры Макарова, несвоевременностью реагирования партийных и профсоюзных органов на недовольство рабочих, задержкой в созыве комиссии с участием представителей профсоюза текстильщиков для решения создавшейся ситуации [10, л. 112]. Несмотря на признание различных «ненормальностей» на производстве, отмеченных как комиссией по ликвидации конфликта (8 декабря), так и совещанием «треугольников» (11 декабря), — грубость директора Макарова, «нечуткость со

стороны ячейки и фабзавкома к назревающему недовольству среди рабочих» — и привлечение виновных в фактическом удлинении рабочего дня к партийной и Советской ответственности, реального улучшения ситуации для рабочих не произошло [10, л. 112–113]. Власть продолжала поддерживать заводскую администрацию: «Осудить факт бросания работы без особого на то предварительного заявления рабочих в соответствующие организации...». Предложение рабочих «обязать хозяйственные и профсоюзные организации следить за фактическим заработком рабочих, не допуская понижения его, если оно происходит систематически не по вине рабочих» было отвергнуто [Там же]. Рабочие по-прежнему должны были действовать через бессильный или равнодушный профсоюзный комитет.

Беспорядки на Вышневолоцкой мануфактуре в том же Центральном районе имели большую продолжительность и более серьезный накал. Расследованием произошедшего занимался лично секретарь Тверского губкома ВКП(б) Носов. Первые сведения о конфликте появились уже в конце 1926 года в его докладной записке о положении дел в Вышневолоцкой парторганизации. «Непорядки» на мануфактуре — увольнение несогласных, ужасающие условия труда, плохое качество материалов, грубость администрации и мастеров по отношению к рабочим — не вызвали сочувствия в уездном партийном комитете. Рабочие начали самостоятельную борьбу с помощью обращений в Москву: «1. Ряд рабкоровских заметок в “Рабочей газете” и заявление нескольких работниц-ткачих. 2. Поездка рабочих в центр с жалобой на беспорядки на фабрике... 5. Поездка работницы Бабкиной в ЦКК с 300 подписями» [3, л. 14].

Инструктор ЦК ВКП(б) Аронштам и секретарь губкома Носов называют причиной беспорядков поведение членов Вышневолоцкого парткома: не критичное восприятие как указаний губкома, так и рабочих масс («тенденциозный подход к Вышневолоцкой парторганизации»), увольнение и/или «травля» несогласных (беспартийный рабочий Вяземский стал чуть ли не «мучеником»; работницу Бабкину, ставшую «своеобразным фабкомом, куда жалуются, и ведущую за собой работниц», обвинили в контрреволюционности, мещанстве, перевели на малооплачиваемую работу с санкции фабкома, РКК и отдела труда) [Там же. Л. 16–20]. Недовольство

рабочих сосредоточивается на администрации предприятия и партийно-профсоюзных органах: рабочий Ткачев говорил о том, что на собраниях невозможно обсудить «наши дела и порядки»; работница Ткачева — о кумовстве, процветающем на фабрике [Там же. Л. 21–22]. В конце концов было принято решение восстановить на работе Бабкину и Вяземского, предупредить «грубого, но знающего свое дело» мастера Уткина, «более широко внедрять рабочую демократию и упорно работать по профсоюзной линии» [Там же. Л. 23–25].

Недовольство рабочих было смягчено, но ненадолго. Уже 29 декабря 1926 года начинаются остановки работы в прядильном, красильном и других отделах фабрики. Причины были все те же: плохое качество хлопка, технические недочеты, фактически непрерывный 7-часовой рабочий день работниц-прядильщиц, понижение зарплаты, невнимательное отношение к рабочим (отопление в рабочих казармах не началось в срок, отсутствовала вентиляция, в жилых и рабочих помещениях не было ремонта, царила антисанитария) [Там же. Л. 1–2]. При решении данного конфликта рабочие вновь попытались задействовать центральную власть и отправить телеграмму в ЦК профсоюза текстильщиков. Председатель фабкома сначала поставил печать «без разбора, а когда узнал... позвонил на телеграф и отменил эту телеграмму». В забастовке участвовали как беспартийные рабочие, так и коммунисты с комсомольцами. Секретарь Тверского губкома ВКП(б) отметил «нормальную политическую окраску забастовки... но у рабочих появляется какое-то недоверие не к рабочим» [Там же. Л. 6–7].

Результатом забастовки стало обычное для того времени «половинчатое» решение конфликта: а) Созвать специальную комиссию треста для изучения условий труда в связи с уплотнением рабочего дня и быта рабочих. б) Провести судебное следствие для разбора дел на местах о должностных преступлениях по заявлениям рабочих... д) Ударная работа по производственным совещаниям, систематическая работа с техническим персоналом. е) Укому предложить пересмотреть руководящий состав парткома и профкома на мануфактуре, провести воспитательную работу в рабочих массах о недопустимости забастовок — проблемы решать организационным порядком через профсоюз» [Там же. Л. 12–13]. В протоколе закрытого

собрания членов и кандидатов ВКП(б) было отражено решение: «за простой не платить, есть масса возможностей решать такие вопросы другим путем» [3, л. 12–16].

Таким образом, свои проблемы заводскому сообществу, в особенности рабочим, предлагалось решать без забастовок и желательнее без обращения к центральной власти. Это стало обычной практикой власти, стремившейся обеспечить бесперебойность производства и политическую лояльность работников заводов. Профсоюзы, нередко равнодушные и безразличные к нуждам своих членов, оставались единственным органом, к которому следовало обращаться рабочим для решения возникающих проблем. И все же часть членов заводского сообщества пыталась обращаться «наверх», к руководству ЦК ВКП(б), ЦКК, СНК и др.

Рабочие активно высказывали недовольство своим положением в «нерабочее время», используя такие средства политической коммуникации, как заявления, жалобы и другие «письма во власть». Наибольшее количество негативных неформальных отзывов получали техническая интеллигенция, административный аппарат фабрик, заводов и трестов, а также коммунистическое и профсоюзное руководство предприятий и иногда страны.

При анализе дискурса подобных писем получается буквально следующее: рабочие — привилегированный класс, боровшийся против царизма, проливавший кровь за победу «мирового пролетариата», — во времена нэпа оказываются почти там же, где и были. Они не получили ничего и вынуждены наблюдать не только «жирующих нэпманов», но и спецов, управленцев, среди которых очень много «бывших». В их требованиях проявляется «какая-то обида на то, что их якобы не хотят понять... никто их не поддерживает» [3, л. 9]. Они вынуждены подстраиваться под навязанные правила игры и доносить — «стучать». Давняя традиция доносов широко распространилась в 1920-х — 1930-х годах. Мотивы «информаторов» были самыми разными. Иногда заметно желание изменить свое положение, возвыситься, оказаться в руководящем кресле не путем учебы, планомерной работы, повышения производственных показателей, а путем доноса. Это указывает на моральное разложение как рабочих, так и инженерно-технической интеллигенции, потерю значения

общечеловеческих ценностей. Но практика «писем во власть», жалобы имеют вековые традиции. Другое дело, что новая власть все-таки стала поощрять такую практику, и это стимулировало обращения. Не всякая жалоба — донос.

С другой стороны, как показала Ш. Фицпатрик, уже в 1920-х годах донос воспринимался как героический поступок, совершенный вопреки мнению окружающих во имя абстрактного общего блага [24, с. 90–91].

Некоторые жалобы рабочих удовлетворялись, хотя и не так быстро, как им хотелось бы. Так, например, 23 октября 1926 года на имя председателя ВЦИК М.И. Калинина было отправлено коллективное письмо рабочих Мелекесского уезда, работавших на частного хозяина (завод братьев Одинцовых) и уволенных без выплаты 3-месячной задолженности. Несмотря на принятое Народным судом решение о выплате заработной платы, была подана апелляция в губернский суд, что повлекло за собой 3-месячное ожидание [14, л. 115]. Естественно, просьба о помещении этого письма в газету «Труд» выполнена не была, однако совместные усилия ВЦИК (зав. секретариатом Тихонов), ЦКК (Ярославский Е.Я.) и СНК (Рыков А.И.) привели к положительному для рабочих результату. 12 мая 1927 года прокурор по трудовым делам при Верховном Суде РСФСР Обухов направил письмо в секретариат ВЦИК: «Дело Одинцовых рассмотрено Нарсудом 6 участка Мелекесского уезда 2.01.1927 г. ... Приговорены к штрафу в сумме 1000 рублей с удовлетворением гражданского иска рабочих лесозавода по заявлению гр. Минина» [Там же. Л. 114, 117]. Однако такое решение было скорее исключением из правила, так как отношение к руководству частных предприятий было иным, нежели к администрации государственных фабрик и заводов.

Проблемы, затронутые в «письмах во власть», нередко решались в пользу инженерно-технических работников. Властные санкции к рабочим, связанные с доносами, применялись не с целью остановить поток жалоб. Главной задачей власти в промышленности оставалось ее восстановление и последующая реконструкция, для чего были крайне необходимы квалифицированные специалисты.

Недовольство рабочих использовалось для создания информационной сети на производстве. Члены заводского сообщества, чаще всего рабочие, становились добровольными помощ-

никами органов госбезопасности не только по идейным основаниям, но и в личных интересах. Например, на заседании бюро коллектива Гатчинского литейно-механического завода от 4 ноября 1925 года разбирались заявление рабочего Ефимова о грубом обращении к нему администратора Прохорова. Прохоров подтвердил, что грубость возникла на почве распускания Ефимовым слухов о его «якобы пьянстве». Решение парткома гласило: «Указать тов. Прохорову о том, что личные конфликты надо разбирать как частному лицу» [19, л. 39].

Таким образом, доносительство, безусловно, поощрялось властью. И если в 1930-х годах одной из главных целей доносов и жалоб было желание выжить, то в 1920-х годах донос представлял собой скорее средство борьбы за улучшение своего положения. Трансформация целей доходила до крайностей — патологической ненависти к «бывшим». От требований дать «амнистию только для крестьян и рабочих, а не для нэпманов и бывших» [22, с. 194] часть рабочих и крестьянской бедноты переходят к требованиям пожизненного заключения или даже физического уничтожения бывших помещиков и должностных лиц царской России.

Порой ненависть к «бывшим» сочетается с ненавистью к государственной власти. Так, в некоторых анонимных письмах рабочие ругают власть: «Прошло 9 лет и чего же мы добились? Каждый год новый кризис и новые лозунги, которые даже не запомнишь» [Там же. С. 283–287]. Аномальные условия жизни 1914–1921 годов стимулировали у рабочих потребность в мире, спокойствии, достойной оплате своего труда. Отсутствие этого и усиление вмешательства государства в частную жизнь, в «приватное пространство» человека озлобляли часть рабочих, побуждали их к поиску виноватых.

К концу исследуемого периода все больше обвинений раздавалось в адрес советского руководства во главе со Сталиным или его главных оппонентов — Троцкого, затем Зиновьева и Каменева. Так, рабкор В.М. Стрельцов в конце 1926 года писал И.В. Сталину о результатах обследования северо-западных предприятий: «Горе Победителю! Против вас не только попы, профессора, торговцы, но и половина рабочих. Все говорят, что Россия не советская, а соловецкая» [12, л. 53]. Нередкими на партсобраниях стали такие высказывания, как: «О каких

антипартийных документах говорят коммунисты и почему их не публикуют в печати?» [18, л. 34]. Такие же вопросы задавали и в письмах, особенно в письмах к Сталину, получивших широкое распространение после 1925 года. Так, например, в коллективном анонимном письме беспартийных рабочих Свердловска ему были заданы такие вопросы: «1. Почему растет оппозиционная группа внутри компартии, партии Ленина, что она предлагает и чем конкретно занимается? 2. Почему все кричат о войне? Когда произойдет социалистическое перерождение?» [14, л. 266]. Часто спрашивали о том, почему снимают рядовых коммунистов, как правило, обвиняя их в принадлежности к оппозиции. Встречались обвинения власти в неправильной национальной политике и «потворстве евреям» [14, л. 270; 15, л. 44–45, 84]. Очевидно, рабочие действительно хотели знать суть разногласий между сталинским большинством и оппозицией, были недовольны сокрытием от них важной информации. Справедливости ради надо сказать и о том, что во второй половине 1920-х годов в промышленном сообществе распространяются вождистские настроения, формируется тяга к «сильной руке». Особенно это заметно при изучении откликов с мест на выступления оппозиции, на «шахтинское дело».

Например, подробная сводка материалов «Отклики с мест на шахтинское дело» от 5 апреля 1928 года, подготовленная информационным отделом ЦК ВКП(б), указывает на преобладание таких высказываний: «всех надо расстрелять, а то покоя не будет» (московские и уральские заводы), «хороших спецов нужно ценить, а таких, как шахтинские, — стереть с лица земли» (Сибирь), «с этими предателями Советской власти не надо церемониться, самые решительные меры в борьбе с ними» (ленинградские заводы, Судостроительный трест). Красной нитью в большинстве высказываний и писем по «шахтинскому делу» проходят требования: «строгое расследование, наказание по всей строгости закона» или даже «расстрелять!», а также «запоздали», «ни черта ГПУ не стоит, ЧК гораздо лучше работало» [4, л. 129–151].

Сбалансирование советской социально-политической системы предполагало создание соответствующего информационного поля. В этом контексте значимость для власти информации, поступавшей с письмами или доносами, не подвергалась сомнению. По замечанию

Ш. Фицпатрик, чрезвычайная чуткость власти к любым высказываниям населения позволяла отдельным рабочим манипулировать ею в своих интересах, открыто выражая свое мнение [24, с. 210]. «Письма во власть» показывают весь спектр оценок рабочими и официальной газетной пропаганды, и лозунгов при проведении кампаний, и различных событий внутренней и международной жизни, отношение к газетным публикациям, массовым кампаниям 1920-х годов, различным событиям внутренней и международной жизни. Они выполняют функцию обратной связи между промышленным сообществом и партийно-государственным аппаратом, являются материалом для изменения политического контроля.

Несмотря на частые негативные высказывания рабочих о руководителях государства, в целом им были свойственны идеализированное отношение к центральной власти и стремление к патерналистским отношениям в повседневной жизни. В письмах к руководителям государства часто используются такие определения, как «товарищ Сталин, говорят, ты мужик умный», «дорогой товарищ Сталин», «дорогой Серго», «уважаемый товарищ Рыков» [1, л. 2–3,

9–15; 2, л. 89; 5, л. 12–16; 11, л. 15; 13, л. 1–6; 14, л. 266] и т. д.

Таким образом, в рассматриваемый период власть пронизывала заводское сообщество множеством информационных каналов, предполагавших трансляцию как непосредственной личной информации, так и опосредованных сведений через собрания и заседания, сводки материалов по различным проблемам, информаторов в заводском пространстве и др. Эти каналы позволяли членам заводского сообщества высказывать свое личное мнение, манипулировать властью и время от времени добиваться своих целей. Правда, власть обладала еще бóльшими возможностями для манипуляции сознанием и в результате всегда оказывалась в выигрыше, не в последнюю очередь из-за пассивности заводского сообщества, страха перед властью и друг другом, боязни войны и нового порабощения и невозможности объединения его членов в силу противоречий, искусно властью же и созданных.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Заводское сообщество и власть в Советской России 1920-х гг.»), проект № 10-01-00407а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 2. Д. 4.
2. Там же. Д. 8.
3. Там же. Оп. 27. Д. 1084.
4. Там же. Д. 1535.
5. Там же. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 888.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43.
7. Там же. Д. 50.
8. Там же. Оп. 85. Д. 193.
9. Там же. Д. 217.
10. Там же. Д. 236.
11. Там же. Д. 489.
12. Там же. Д. 497.
13. Там же. Д. 505.
14. Там же. Д. 508.
15. Там же. Д. 529.
16. ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 289.
17. Там же. 460.
18. Там же. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 29.
19. Там же. Ф. О-1605. Оп. 1. Д. 315.
20. Людтке, А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти [Текст] / Альф Людтке ; пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона и др.; Герм. ист. ин-т в Москве. — М.: РОССПЭН, 2010. — 268 с.
21. Офицера, Н.В. ГПУ/ОГПУ в системе политического контроля в промышленном сообществе Петрограда/Ленинграда в 1920-е гг. [Текст] / Н.В. Офицера // Вестн. СПбГУ. Сер. 2, История. — 2008. — Вып. 4, ч. II.
22. Письма во власть, 1917–1927 : заявления, жалобы, доносы, письма в гос. структуры и большевист. вождям / Ин-т гос. упр. и соц. исслед. МГУ им. М.В. Ломоносова и др.; редкол.: А.В. Квашонкин, А. Берелович, Э. Чинелла [и др.]. Сер. Документы советской истории. — М.: РОССПЭН, 1998. — 663 с.
23. Ульянова, С.Б. История промышленной повседневности: опыт изучения [Текст] / С.Б. Ульянова // НТВ СПбГПУ. Сер. Наука и образование — 2008. — № 5.
24. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город [Текст]: [пер. с англ.] / Шейла Фицпатрик. — М.: РОССПЭН, 2001. — 332 с.

УДК 346

К.А. Семенова

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРАВ РОССИИ В АРКТИКЕ

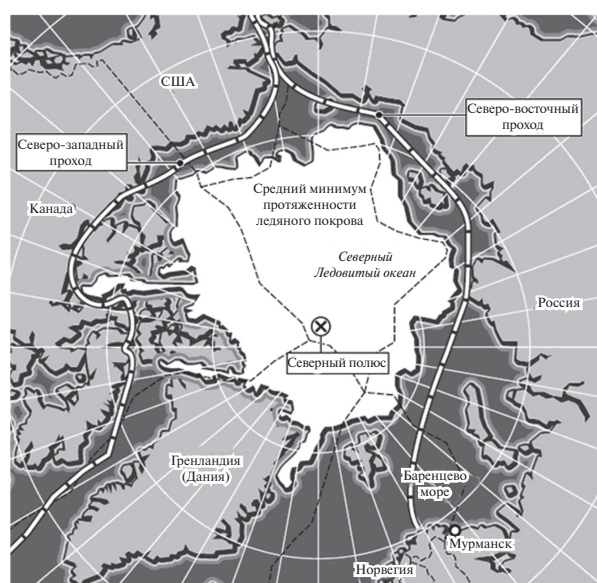
Вопросы освоения арктических пространств российскими исследователями и промышленниками достаточно давно привлекают внимание правоведов, и все же в историко-правовом аспекте эта деятельность изучена еще недостаточно. В то же время изучение процесса освоения Севера именно в правовом аспекте представляется весьма важным, поскольку российское развитие в северных районах сыграло немалую роль в становлении и совершенствовании российской государственности в целом.

Русский полярник Г.Я. Седов в 1912 году в переписке с начальником Главного гидрографического управления отмечал, что «промысловые и научные интересы» Северного Ледовитого океана начали привлекать к себе внимание чуть ли не с X столетия, пионерами здесь были промышленники, а главным «руководящим» стимулом, безусловно, являлись «народная гордость и честь страны», однако в состязании за Арктику «участвовали почти все страны света, и только не было русских, а между тем горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявились еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор» [10] (см. рисунок).

Мнение Г.Я. Седова, что русские были недостаточно активны в состязании за Арктику, представляется ошибочным. На протяжении многих веков Российское государство дальновидно, шаг за шагом, прямо или косвенно закрепляло свои позиции на арктическом пространстве. Не вполне справедливо также замечание полярного исследователя, что интерес к Северному полюсу у русских людей появился

только «во времена Ломоносова», т. е. лишь в XVIII столетии.

И.С. Грамберг считает, что еще в «ломоносовские» времена русские активно использовали ресурсы Севера и уже «в XIII веке границы Русского государства продвинулись до Белого моря, до верховьев рек Вятки, Камы, Печоры» [2]. Однако активное использование ресурсов Севера русскими людьми вряд ли может свидетельствовать о появлении у России юридических прав на арктическую территорию. Само по себе промышленное и хозяйственное освоение Арктики способно лишь косвенно свидетельствовать о наличии суверенных прав России в этом регионе. Для

Карта Северного Ледовитого океана [9]

убедительного обоснования российского суверенитета в Арктике необходимы более весомые исторические обстоятельства, прямо свидетельствующие о намерениях России закрепить свои права на северную территорию и ее ресурсы.

А.В. Овлащенко и И.Ф. Покровский считают, что Россия давно официально заявила о своих правах на северные земли и моря и уже в XVI–XVII веках «московское правительство исключительно в зависимости от своих политических соображений устанавливало режим мореплавания по Карскому морю для всех направлявшихся туда торговых судов» [7]. Представляется, что такие действия московского правительства свидетельствуют о том, что уже в XVI–XVII веках Россия видела себя полноправным хозяином данной арктической зоны. Географическое расположение Карского моря делает его доступным для многих государств, и установление Россией режима мореплавания по нему означает, что эти правила распространялись не только на русских мореплавателей, но и на иностранные корабли, находящиеся в акватории Карского моря.

В Указе российской императрицы Анны Иоанновны от 17 апреля 1732 года о снаряжении и отправке Второй Камчатской экспедиции говорится, что экспедиция проводится «к государственной пользе и умножению Нашего интереса». В качестве одной из задач экспедиции значилось следующее: «...Для приведения тамошней народ в христианскую веру священников и прочее, что до духовенства принадлежит, учинить надлежащее определение, снесшись с Синодом» [1].

Этот документ позволяет сделать вывод о том, что Камчатская экспедиция проводилась не только в исследовательских целях, но прежде всего в целях обеспечения интересов Российской империи на Севере, в том числе и территориальных. Снаряжая экспедицию на Север, наше государство намеревалось не только исследовать неведомые пространства, но и распространить свой суверенитет на них. Необходимость приобщения северян к христианству, вероятно, обусловлена намерениями России закрепить за северными пространствами статус территорий Российской империи.

По мнению Н.Я. Дьяковой, история возникновения полярных владений России начинается лишь с 1916 года, когда Новая Земля, Новосибирские острова и остров Врангеля официально были объявлены частью территории нашего государства; именно тогда правительство России осуществило первую попытку заявить о своих правах на арктическую территорию [4]. Однако приведенные примеры дают основание полагать, что Россия заявила о своих правах на Арктику намного раньше. Следует согласиться с Н.Я. Дьяковой лишь в том, что, несмотря на многовековую историю закрепления Россией своих прав на Арктику, основная роль в распространении и закреплении российского суверенитета на арктическом Севере принадлежит послереволюционной России и Советскому Союзу.

Деньги на развитие отдаленных северных территорий России выделялись даже в трудные годы Гражданской войны. 2 июля 1918 года В.И. Лениным было подписано постановление об ассигновании 1 млн рублей на экспедицию по исследованию Северного Ледовитого океана. Декретом Совета народных комиссаров от 10 марта 1921 года [3] был учрежден Плавающий Морской научный институт «для изучения Северного Ледовитого океана с его морями, устьями рек, островами и прилегающими к нему побережьями Европы и Азии». В декрете подчеркивалось, что «всестороннее и планомерное исследование северных морей, островов и побережий имеет.. в настоящее время государственное важное значение».

Определенный интерес этот декрет представляет для разрешения спора о том, распространяется ли суверенитет России на морские пространства Севера или только на его сухопутные территории. Ответ на этот вопрос частично заключен уже в названии декрета. Россия всегда стремилась и фактически закрепляла свой суверенитет не только на сухопутные пространства Севера, но и на его морские территории.

С точки зрения правового анализа особенно интересно положение декрета о том, что тщательное исследование сухопутных и морских пространств Северного Ледовитого океана имеет «в настоящее время государственное важное значение». Указание на «государственную»

важность позволяет прямо связать его с суверенитетом. Кроме того, как уже отмечалось выше, этот документ появился в годы Гражданской войны. Выделение денежных средств на исследование Северного Ледовитого океана в столь нелегкое время хоть и косвенно, но подтверждает тот факт, что руководство страны стремилось к закреплению суверенитета России во всех исследуемых пространствах Арктики не только в научных интересах, оно преследовало совершенно конкретные государственные задачи.

Одним из наиболее известных, ключевых и в то же время спорных документов, определяющих права Советского Союза на полярные пространства, является Постановление Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 года «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» [8], которое объявило территорией Советского Союза «все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, не составляющие к моменту опубликования Постановления признанной правительством Союза ССР территории каких-либо иностранных государств, расположенные в Северном Ледовитом океане, к северу от побережья Союза ССР до Северного полюса в пределах между меридианом тридцать два градуса четыре минуты тридцать пять секунд восточной долготы от Гринвича, проходящим по восточной стороне Вайда-губы через триангуляционный знак на мысу Кекурском, и меридианом сто шестьдесят восемь градусов сорок девять минут тридцать секунд западной долготы от Гринвича, проходящим посередине пролива, разделяющего острова Ратманова и Крузенштерна группы островов Диомида в Беринговом проливе». В отношении архипелага Шпицбергена в нем было указано, что, хотя Советский Союз и не является участником договора 1920 года «О Шпицбергене», в соответствии с которым за Норвегией признается суверенитет над Шпицбергеном, Советское правительство признает указанное право за Норвегией, несмотря на то что архипелаг находится в советском секторе. Текст данного постановления был передан всем заинтересованным государствам в виде особой ноты.

Этот документ прямо закрепляет права Советского Союза лишь на земли и острова, находящиеся в границах советского сектора, о советском суверенитете на морские пространства Арктики в нем ничего не говорится. Представляется, что отсутствие в постановлении положения о том, что морские пространства Арктики в рамках сектора также объявляются советской территорией, вовсе не означает, что Советский Союз не закреплял свои права на них. Указанное постановление, безусловно, имеет большое значение для истории российского суверенитета в Арктике, но, тем не менее, это не единственный документ, который призван определить и закрепить статус России на Севере. Например, в Постановлении СНК СССР от 17 апреля 1925 года говорится, что «проливы Карские Ворота, Югорский Шар, Маточкин Шар, Вилькицкого, Шокальского, Красной Армии были объявлены территориальными водами, а воды проливов Лаптева и Санникова – исторически принадлежащими СССР» [6].

Необходимо отметить, что Постановление ЦИК СССР от 15 апреля 1926 года [8] далеко не первый документ, который прямо устанавливает суверенные права нашего государства на сухопутную территорию Арктики. Намного раньше, 20 сентября 1916 года, официальные притязания России на арктический сектор были отражены в ноте-депеше Российского правительства, где сообщалось о том, что «острова Генриетты, Жаннетты, Беннетты, Геральд, Уединения, Новосибирские, Врангеля, Новая Земля, Колгуев, Вайгач и другие являются территорией России ввиду того, что их принадлежность к территориям Империи является общепризнанной в течение столетий» (см. таблицу) [5]. Причисляя острова к своим территориям, Советский Союз ссылается на тот факт, что «принадлежность островов к территориям Империи является общепризнанной в течение столетий». Если в начале XX века Россия ссылалась в подтверждение своих территориальных прав на арктические пространства на общепризнанный характер фактического использования северных территорий, то, безусловно, такая же правовая позиция может быть положена и в основу современной российской концепции закрепления прав на Арктику.

Закрепление Советским Союзом прав на арктические земли и острова в первой половине XX века

Название документа	Дата выхода документа	Земли и острова, документально закрепленные за Россией	Форма правового признания и реализации права
Нота-депеша «Правительствам союзных и дружественных держав»	20 сентября 1916 года	Острова Генриетты, Жанетты, Беннетты, Уединения, Новосибирские, Врангеля, Новая Земля, Колгуев, Вайгач и др.	Объявлены территорией СССР
Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке въезда на острова Северного Ледовитого океана»	30 марта 1925 года	Острова Вайгач, Колгуев и Новая Земля	Введено ограничение на въезд на территорию островов
Постановление Президиума ЦИК «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане»	15 апреля 1926 года	Все открытые и могущие быть открытыми земли и острова, расположенные в советском секторе	Объявлены территорией СССР
Постановление СНК РСФСР «Об управлении островами Северного Ледовитого океана Врангель и Герольд»	10 июня 1926 года	Острова Врангель и Герольд	Определен порядок управления островами
Постановление СНК РСФСР «Об управлении островами Северного Ледовитого океана»	10 ноября 1929 года	Острова Новая Земля, Колгуев, Вайгач, Франца-Иосифа, Матвеев	То же
Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О дополнении статьи I Постановления ВЦИК и СНК от 10 ноября 1929 года “Об управлении островами Северного Ледовитого океана”»	2 марта 1933 года	Остров Виктория	Определен порядок управления островом

Одним из признаков и, видимо, принципов историко-правового института освоения Арктики Российским государством является принцип последовательности и непрерывности этого процесса. Действительно, на протяжении многовековой истории Россия последовательно закрепляла свои позиции в Арктике, постоянно так или иначе осуществляла там правовое регулирование: ограничивала деятельность других государств в этом регионе, устанавливала ограничения на вторжение иноземцев, контролировала промысловую и иную хозяйственную деятельность.

Выделенные в настоящей работе признаки и в целом многовековой исторический опыт России по закреплению своих государственных позиций в Арктике дают Российской Федерации определенные правовые преимущества в отношении ее территориальных прав на северные пространства. Представляется необходимым, чтобы Россия и в непростых экономических и геополитических условиях современного мира продолжала последовательно закреплять свои позиции и в Арктике и подтверждать свои права на арктическую территорию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вторая** Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733 [Текст] / сост. Н. Охотина-Линдт. Ч. 1. Морские отряды. – М.: Памятники истор. мысли, 2001. – 640 с.
2. **Грамберг, И.С.** Арктика на пороге третьего тысячелетия (ресурсный потенциал и проблемы экологии) [Текст] / И.С. Грамберг. – СПб.: Наука, 2000. – 247 с.
3. **Дьякова, Н.А.** Россия, США, Норвегия в Арктике: спорные проблемы (к истории вопроса) [Текст] / Н.А. Дьякова // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – № 11.
4. **Ковалев, А.А.** Современное международное морское право и практика его применения [Текст]: монография / А.А. Ковалев. – М.: Научная книга, 2003. – 416 с.
5. **Корзун, В.А.** Конфликтное использование морских и прибрежных зон России в XXI веке [Текст] / В.А. Корзун. – М.: Экономика, 2004. – 558 с.
6. **Овлащенко, А.В.** Проблемы правового режима Северного морского пути (к проведению международного полярного года 2007–2008 гг.) [Текст] / А.В. Овлащенко, И.Ф. Покровский // Транспортное право. – 2007. – № 2.
7. **Об объявлении** территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане [Текст]: постановл. Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 года // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1926. – 16 апреля.
8. **Об учреждении** Плавучего Морского научного института для изучения Северного Ледовитого океана с его морями, устьями рек, островами и прилегающими к нему побережьями Европы и Азии [Текст]: декрет СНК от 10 марта 1921 года № 664 // Известия. – 1921. – 16 марта.
9. **Сорокина, Н.** Битва за Арктику [Текст] / Н. Сорокина // Рос. газ. – 2007. – 2 августа.
10. **Черняховский, Р.И.** Георгий Яковлевич Седов [Текст] / Р.И. Черняховский. – Архангельск, 1956. – 39 с.

УДК 300-399; 32

А.В. Рудинский

ПРОБЛЕМА НЕЙТРАЛИТЕТА
И ШВЕДСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Партийная жизнь той или иной страны играет большую роль в определении целей и задач, стоящих перед государством. Если рассмотреть политические программы основных шведских партий, то можно найти предпосылки и причины принятия того или иного политического решения. Не является исключением и внешнеполитический курс Швеции. Партийные идеи в этой стране совпадают с мнением народа, поэтому по результатам парламентских выборов всегда можно определить, какие настроения преобладают у ее населения. В Конституции Швеции сказано, что вся государственная власть в Швеции исходит от народа, правление шведского народа основывается на свободном формировании мнений, всеобщем и равном

избирательном праве и осуществляется посредством государственного строя, основанного на представительной и парламентской системе, и посредством коммунального самоуправления.

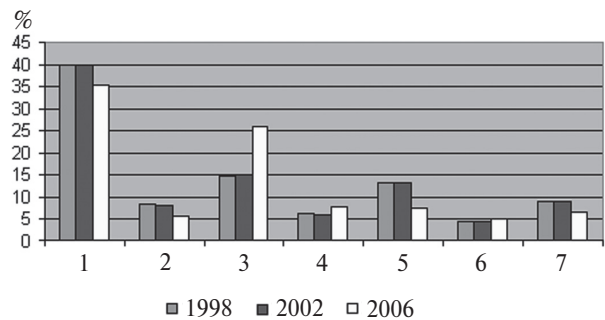
Как же шведские политические партии относятся к политике шведского нейтралитета и потенциальному вступлению Швеции в НАТО?

В настоящее время в Швеции существует несколько партий, оказывающих значительное влияние на общеполитический курс страны. Чтобы получить места в риксдаге, партия должна набрать 4 % от общего числа голосов избирателей по стране или 12 % в одном избирательном округе. Политические партии хорошо организованы [1].

- Социал-демократическая рабочая партия Швеции, основанная в 1889 году, является правящей, крупнейшей в стране. Она тесно связана с движением рабочих профсоюзов, представляет идеи шведской модели демократического социализма.
- Умеренная коалиционная партия, основанная в 1904 году (до 1969 года – Правая партия), консервативная, выражает интересы крупных компаний и высших чиновников [2].
- Партия центра, основанная в 1910 году (до 1957 года – Крестьянский союз), выражает интересы средних и мелких землевладельцев, а также части средней и мелкой городской буржуазии.
- Народная партия – либералы, основанная в 1895 году (до 1990 года – Народная партия), представляет интересы крупной, средней и части мелкой буржуазии, чиновников.
- Левая партия, основанная в 1917 году на базелевого крыла Социал-демократической партии (до 1921 года – Левая социал-демократическая партия, в 1921 году переименована в Коммунистическую партию, в 1967 году – в Левую партию – коммунисты, с 1990 году носит нынешнее название), имеет социалистическую и феминистскую ориентацию.
- Партия охраны окружающей среды – «зеленые», основанная в 1981 году, выражает идеи охраны окружающей среды.
- Клерикальная буржуазная партия Христианские демократы основана в 1964 году (до 1987 года – Христианско-демократический союз).

На рисунке показано, как менялось отношение избирателей к политическим партиям Швеции с 1998 по 2006 год.

На диаграмме хорошо видно, что со временем позиции Социал-демократической правящей партии ослабевают. Умеренная коалиционная партия, наоборот, привлекает в свои ряды все больше сторонников. Поскольку внешнеполитические проблемы волнуют избирателей не меньше, чем вопросы внутренней политики (пример: референдум по принятию евро), можно предположить, что данная тенденция перехода голосов избирателей к Умеренной партии в определенной степени связана с их позицией в отношении международных вопросов и места Швеции на мировой арене [3].

Соотношение голосов избирателей, набранных политическими партиями Швеции в 1998, 2002 и 2006 годах: 1 – Социал-демократическая; 2 – Левая; 3 – Умеренная коалиционная; 4 – Партия центра; 5 – Народная – либералы; 6 – Партия «зеленых»; 7 – Христианская демократическая

Окончание холодной войны, распад Советского Союза и вступление Швеции в ЕС породили непрекращающиеся дебаты, связанные с будущей внешней политикой и политикой безопасности Швеции. Действительно ли политика нейтралитета остается единственным целесообразным средством по защите независимости страны? Или Швеции необходимо заключить рамочное соглашение по коллективной безопасности с другими европейскими странами?

Горячий спор на эту тему разгорелся между Умеренной коалиционной и Социал-демократической партиями. «Умеренные» обвинили социал-демократов в том, что те слишком строго придерживаются устаревшей политики нейтралитета и проводят чрезмерно пассивную внешнюю политику в зоне шведских политических интересов, в особенности на Балтике. Социал-демократы заявили, что нейтралитет, без сомнения, и по сей день является самым правильным внешнеполитическим курсом для Швеции в случае возникновения каких-либо военных действий вблизи государственных границ. Но в то же самое время это не означает, что страна останется безразличной по отношению к развитию военных событий [4].

Основываясь на принципах демократии, которые широко распространены в Швеции, необходимо выяснить, как шведский народ относится к нынешней проводимой политике безопасности и нейтральной внешней политике? Если Швеция остается нейтральной

страной, означает ли это, что она не позиционирует себя как государство, которое должно оказывать влияние на мировые политические процессы? Действительно ли вступление Швеции в блок НАТО наиболее выгодно скандинавам на данном этапе? На эти вопросы мы постараемся ответить в данной работе.

Швеция не участвует в открытых военных действиях уже на протяжении 195 лет. Окончание наполеоновских войн и отделение Норвегии от Швеции в 1814 году стали отправной точкой для шведской нейтральной политики. В 1830-х годах король Карл XIV Юхан публично заявляет о том, что Швеция будет отныне придерживаться нейтральной политики. Можно утверждать, что этому поспособствовала сложившаяся международная и геополитическая обстановка. Во время двух мировых войн Швеция старалась не отступать от политики неприсоединения к воюющим блокам, что помогло ей остаться в стороне от военных действий. Послевоенный период можно охарактеризовать как мирное время неприсоединения к союзам и блокам. Нейтралитет становится частью шведской национальной идентичности [1].

Окончание холодной войны изменило как внешнюю политику, так и политику безопасности Швеции. Она перестала быть нейтральной буферной страной между двумя великими державами – СССР и США. Швеция становится государством, у которого расширилась свобода действий на международной политической арене и появилась возможность вступления в ЕС. В связи с этим в стране разгорелась дискуссия, породившая три основных политических мнения о том, как именно она должна вести себя в случае войны или военных действий в ее геополитическом регионе. Левая партия, Партия «зеленых» и Партия центра высказали свою точку зрения: в случае войны шведы должны придерживаться политики нейтралитета. Если даже Россия оккупирует регион Балтийского моря, шведский нейтралитет должен быть сохранен [2].

Другого мнения придерживались представители Умеренной и Народной партий: оставаться стране нейтральной или нет, полностью зависит от политической обстановки, характера

военных действий, угрозы национальной безопасности страны. Если случится какой-либо конфликт в Балтийском регионе или какая-то страна – участница ЕС будет вовлечена в военные действия, Швеция не должна оставаться нейтральной.

Между этими двумя противоположными позициями находится третья позиция, выраженная социал-демократами: нейтралитет является наиболее благоприятной и возможной политикой в случае военной ситуации. Это вовсе не означает, что сохранение политики нейтралитета обязательно будет зависеть от геополитических обстоятельств. Если страна – член ЕС окажется на пороге войны или возникнет военная ситуация на Балтике, у Швеции должна быть возможность свободно формировать свою внешнюю политику без какого-либо принятии на себя обязательств по возможному вступлению в военные действия.

Одна из вышеуказанных позиций должна была стать основным внешнеполитическим направлением для Швеции.

В связи со спорами о политике Швеции в случае войны остро встал вопрос о ее членстве в НАТО. Дискуссии на данную тему ведутся еще с 50-х годов XX века. Журналист и политик Г. Тингстен проводил широкую кампанию за вступление Швеции в НАТО, этому вопросу он посвятил ряд публикаций в газете «Дагенс Нюхетер» («Сегодняшние новости»). Кампания не нашла поддержки ни среди народных масс, ни среди политической элиты. Сегодня Умеренная и Народная партии заявляют, что при рассмотрении проблем политики национальной безопасности не должны приниматься во внимание условия и последствия возможного интегрирования страны в военный блок НАТО. Обе партии фактически поддерживают вступление Швеции в НАТО [5].

Возникают вопросы: Как шведский народ относится к политике нейтралитета и вступлению своей страны в НАТО? Пользуется ли политика нейтралитета поддержкой народа и имеет ли всеобщее одобрение? Каково мнение народа о подаче Швецией заявки на членство в НАТО? В табл. 1 приведены результаты опроса населения, проведенного в 2000 году.

Таблица 1

Отношение шведов к политике неприсоединения к военным блокам и политике нейтралитета страны (по результатам опроса, проведенного в 2000 году, %)

Предложение	Одобрели предложение	Не одобрили предложение	Затруднились с ответом
Швеция должна придерживаться политики неприсоединения к военным блокам в мирное время и политики нейтралитета во время войны	70	7	23
Швеция должна вступить в НАТО	15	48	37

Из данных табл. 1 видно, что политика неприсоединения к различным военным блокам и международным политическим организациям так же, как и политика нейтралитета, имеют большую поддержку у народа Швеции. 70 % опрошенных заявили, что политика нейтралитета – это лучшая политика во время войны, и лишь 7 % считают ее неправильной. Предложение, в результате одобрения которого Швеция вошла бы в НАТО, не получило поддержки среди населения: только 15 % опрошенных одобрили его, а 48 % – нет. Можно констатировать, что идея отступления от политики нейтралитета и предложение о вступлении в НАТО встретили осуждение и неприятие со стороны общества [6].

Интересно рассмотреть отношение к двум данным вопросам с точки зрения партийных предпочтений шведского населения (табл. 2).

Из данных табл. 2 видно, что сторонники нейтралитета и противники присоединения к НАТО находятся в большинстве по всем критериям. Женщины относятся к неприсоединению к военно-политическим блокам позитивнее, чем мужчины, а к членству Швеции в НАТО – негативнее. Молодые люди настроены значительно менее негативно к присоединению страны к НАТО, чем старшее поколение, зато различия во мнениях среди возрастных групп о политике нейтралитета практически нет. Разброс мнений среди приверженцев той или иной партии полностью находит свое отражение в

Таблица 2

Отношение шведов к политике неучастия своей страны в военно-политических блоках и присоединению ее к НАТО в зависимости от пола, возраста и партийной принадлежности

Показатели	Швеция должна придерживаться политики неприсоединения к военно-политическим блокам в мирное время и политики нейтралитета во время войны	Швеция должна вступить в НАТО
Всего опрошенных	+63	-33
Мужчины	+61	-30
Женщины	+65	-35
15–30 лет	+62	-45
31–60 лет	+61	-32
61–75 лет	+69	-20
Партийная принадлежность:		
Левая партия	+83	-58
Социал-демократическая рабочая партия	+69	-36
Партия центра	+65	-35
Народная партия	+45	-27
Умеренная коалиционная партия	+49	-17
Христианские демократы	+70	-32
Партия «зеленых»	+81	-61

Примечание. Данные таблицы получены путем вычитания из общего количества «согласных с предложением» людей количества «несогласных» в пределах от -100 до +100. Так, значение +63 в линии «Всего опрошенных» означает, что 163 человека было «за» предложение, а 37 – против [6].

политической борьбе. Большинство сторонников вступления Швеции в НАТО и противников ее политики нейтралитета принадлежат к Народной и Умеренной партиям. Яркие сторонники политики неприсоединения к международным блокам и НАТО — члены Левой партии и Партии «зеленых». Социал-демократы, Партия центра и Христианские демократы занимают нейтральную позицию. Большинство партий поддерживают политику нейтралитета и не одобряют присоединение к НАТО.

Почему же нейтральная политика не теряет своих позиций в обществе? Почему политические изменения, расширение Европейского союза, интеграция европейских государств не повлияли на шведский нейтралитет? Может ли сегодняшняя Европа позволить какой-либо стране — члену ЕС оставаться нейтральной при военной угрозе?

Швеция продолжает придерживаться нейтралитета прежде всего потому, что в ЕС не выработана единая политика безопасности. Попытка стран — членов ЕС создать такую политику не увенчалась успехом. На данном этапе политика безопасности ЕС — это «расширенное сотрудничество». Роль НАТО в жизни ЕС достаточно ясна. США, являясь двигателем блока НАТО, стараются заманить в североатлантический альянс и европейские страны, чтобы иметь возможность влияния на политические, экономические и социальные решения, принимаемые в ЕС. Задача США — удержать свои лидирующие позиции на мировой геополитической арене. Швеции в данном случае совершенно неинтересно быть участницей продвижения американских идей и целей в рамках НАТО. Надо отметить, что американцы очень стараются убедить все европейские страны (в том числе и Швецию), что участие в НАТО необходимо в первую очередь им самим как способ защиты от врагов. В любом случае для большинства скандинавов НАТО — организация с туманными целями и задачами. Политика нейтралитета, проверенная временем, выжившая в непростые для страны периоды (Первая и Вторая мировая война), а главное, удержавшая страну и ее народ от участия в войнах, остается для Швеции единственно верным внешнеполитическим курсом, которому можно доверять.

Существует мнение, что если государство является нейтральным, то оно не имеет никакого

существенного влияния на международной политической арене. Подобное государство рассматривается как пассивный субъект межгосударственных отношений, без возможности отстаивания своих интересов. Надо сказать, что данное утверждение имеет право на существование, особенно в наше время, когда мир однополюсен, несмотря на все попытки Китая, ЕС и России сделать его биполярным или многополярным. Политические дебаты в Швеции часто затрагивают тему политики нейтралитета и индифферентности страны перед лицом внешней опасности. Умеренная партия, например, выдвигает тезис о том, что шведы не могут оставаться нейтральными и пассивными, если Россия захочет нарушить баланс сил на Балтике или если страна — член ЕС будет вовлечена в войну. А социал-демократы заявляют, что нейтралитет не всегда может быть приравнен к пассивности. Если произойдет оккупация Балтийского региона, Швеция сможет противостоять с помощью влияния на общественное мнение, посредничества в урегулировании международных вопросов и политической поддержки союзнических сил в пределах или за пределами района конфликта. Данные шаги полностью осуществимы в рамках политики нейтралитета. Социал-демократы убеждены, что нейтралитет может сочетать в себе как интернационализм, так и действия, направленные на поддержание мира.

Должна ли Швеция оставаться нейтральной в случае оккупации Балтийского региона — это вопрос политический и моральный. Рассмотрим проблему политики нейтралитета и безразличия к международным процессам на примере анализа альтернативных точек зрения сторонников и противников нейтралитета-изоляции по некоторым международным вопросам.

Верно ли, что сторонники нейтральной политики изоляционизма негативно относятся к предоставлению помощи воюющим странам и беженцам, а ее противники — позитивно? В табл. 3 показана разница во взглядах сторонников и противников политики неприсоединения к блокам, сторонников и противников вступления Швеции в НАТО в отношении помощи другим государствам и беженцам.

Таблица 3

Отношение к помощи воюющим странам и ситуации с беженцами сторонников и противников нейтралитета-изоляционизма

Предложение	Вступление в блоки		Вступление в НАТО	
	Противники	Сторонники	Противники	Сторонники
Сократить помощь другим странам	-10	+7	-21	+16
Уменьшить прием беженцев	+35	+38	+26	+52

Примечание. Принцип расчета данных такой же, как и в табл. 2 (см. Примечание к табл. 2).

Из данных табл. 3 видно, что сторонники нейтралитета-изоляционизма позитивнее относятся к беженцам и международной помощи, чем противники. Те, кто придерживается мнения, что Швеция не должна вступать ни в какие блоки, в том числе и в НАТО, лучше относятся к предложению сократить помощь другим странам. Если рассматривать внешнеполитическую индифферентность с точки

зрения предоставления международной помощи и убежища беженцам, то получается, что противники нейтралитета-изоляционизма более индифферентны, чем сторонники данной политики [6].

Различие во мнениях двух сторон не может быть объяснено тем, что противники политики-изоляционизма в большинстве своем находятся в политике «левее» своих оппонентов. Существует различие во мнениях и в самих партиях. Так, например, сторонники нейтралитета-изоляционизма Народной и Умеренной партий позитивнее относятся к помощи другим государствам и беженцам, чем противники такой политики в тех же партиях.

Приверженцы нейтралитета-изоляционизма позитивнее относятся к этим двум вопросам потому, что рассматривают такую политику как выражение глобализма и возможность способствовать сохранению мира. Вступление Швеции в какой-либо союз или блок стран рассматривается ими как инструмент для продвижения внешней политики великих держав.

Идея нейтралитета до сих пор имеет твердые позиции среди шведского народа и доминирует во всех политических партиях. И не только из-за отсутствия в ЕС выработанной политики безопасности. Шведский нейтралитет – это организм, видоизменяющийся сообразно обстоятельствам, способный отражать новые жизненные реалии и отметить устаревшие элементы. Вопрос в том, каким содержанием целесообразнее наполнить это понятие сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Чепыгин, А.В.** Политическая система Швеции [Электронный ресурс] / А.В. Чепыгин // Образоват. сайт. – 2009. – 31 мая. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/political/00084566_0.html (дата обращения 16.08.2010).
2. **Cramer, P.** Neutralitetsbegreppet. Den permanenta neutralitetens utveckling [Text] / P. Cramer. – Stockholm: Norstedts, 1989.
3. **Клод, Н.** Выборы в Швеции: исторический поворот [Электронный ресурс] / Н. Клод // Официальный портал Швеции в Интернете. – 2006. – 21 сентября. – Режим доступа: <http://www.sweden.se/ru/Start/Work-live/Reading/Historic-shift-in-Swedish-election/> (дата обращения 18.08.2010).
4. **Bjereld, U.** Utrikespolitiken som slagfält. De svenska partierna och utrikesfrågorna [Text] / U. Bjereld, M. Demker. – Stockholm: Nerenius och Santerus, 1995.
5. **Petersson, O.** Våljarna och världspolitiken [Text] / O. Petersson. – Stockholm: Norstedts, 1982.
6. **Бьерельд, У.** Нейтралитет или присоединение к НАТО? [Электронный ресурс] / У. Бьерельд // Официальный сайт Гетеборгского университета. – 2009. – 17 ноября. – Режим доступа: http://www.som.gu.se/digitalAssets/1282/1282981_20_neutralitet_eller_nato-medlemskap.pdf (дата обращения 17.08.2010).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИММИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ

Миграции сыграли важнейшую роль в истории человечества. С ними связаны процессы расселения, освоения земель, развития производительных сил, а также смешения рас, языков, народов. В XX веке миграционные потоки значительно возросли. Миграции не только внесли изменения в жизнь самих иммигрантов, но создали новую ситуацию и для принимающих государств. В настоящее время феномен миграции стал составляющим фактором всех глобальных проблем. Сегодня трудно найти этническую группу, которая не подвергалась бы воздействию других культур и в то же время не пыталась бы сохранить собственную самобытность.

После окончания Второй мировой войны в некоторые из западноевропейских стран устремились тысячи иммигрантов. Государства, принимающие переселенцев, стали многонациональными, возникла необходимость решения проблемы сохранения культуры, традиций, языка иммигрантов. Вопросы, связанные с адаптацией переселенцев, и сегодня широко обсуждаются политиками и общественностью. Это свидетельствует о том, что проблема интеграции иммигрантов остается актуальной, особенно для стран – членов Евросоюза.

Образ иммигрантов – «свободных седоков», которые получают выгоду от проживания на новом месте, не способствуя развитию принявшего их государства, сложился еще до начала войны. В 1950-е годы правительства государств предприняли попытку создать рынок справедливой конкуренции между коренным населением и иммигрантами, введя схемы «гостевых рабочих» (guest workers). Результаты оказались неожиданными: многие из гастарбайтеров не только не торопились возвращаться на родину, но и перевезли на новое место жительства свои семьи [3, с. 15] Вскоре эта категория переселенцев значительно пополнилась за счет лиц, ищущих убежище, приехавших с разных континентов. В результате этого государства перестали быть

сравнительно этнически однородными и превратились в многокультурные страны.

Разнообразие культур является одним из наиболее популярных понятий, широко используемых средствами массовой информации и политиками. Б. Парех, профессор Центра изучения демократии в университете Вестминстера, называет мультикультурным общество, включающее в себя более одной культуры [5, с. 47]. Таким образом, термин «мультикультурный» можно определить как «факт культурного разнообразия». Существует лишь два пути реакции общества на такое разнообразие: принимать и уважать культуру приезжих либо пытаться ассимилировать их в той или иной степени.

Многообразие культур становится все более важной проблемой для стран – членов Евросоюза. Каким образом следует сохранить культуру меньшинств и кто должен нести ответственность за это сохранение? Пример Королевства Швеция в решении данных вопросов интересен по двум причинам. Во-первых, после Второй мировой войны Швеция не имела колоний, была относительно этнически однородной. Во-вторых, она одна из первых в Европе защитила культурные интересы иммигрантов в своей Конституции 1974 года, дала право иностранным гражданам голосовать и баллотироваться на выборах местного уровня.

Уже в конце XIX века Швеция имела развитую промышленность. К середине XX столетия она получила известность как страна, которой удалось соединить либеральную рыночную экономику с государственной политикой социального обеспечения. В 1950-х – 1960-х годах набор рабочих-иммигрантов сыграл большую роль в создании налоговой базы, необходимой для расширения государственного сектора социального обеспечения.

Швеция не стала центром глобальной иммиграции после Второй мировой войны. Наибольший приток иммигрантов в два послевоенных десятилетия осуществлялся из со-

седних северных стран, особенно из Финляндии. С начала 1970-х годов среди иммигрантов преобладали беженцы и переселенцы, которые приехали из неевропейских стран Ближнего Востока и Латинской Америки для воссоединения со своими семьями. В 1990-е годы страна приняла тысячи беженцев из бывшей Югославии. В настоящее время около 12 % населения Швеции – это те, кто родился за рубежом.

В современной иммиграционной истории Швеции можно выделить четыре этапа, для которых характерны определенные миграционные потоки [1].

I этап (1938–1948 годы) – беженцы из соседних стран;

II этап (1949–1971 годы) – трудовые иммигранты из Финляндии и Южной Европы;

III этап (1972–1989 годы) – члены семей беженцев из развивающихся стран, прибывавшие по линии воссоединения;

IV этап (с 1990 года и по настоящее время) – ищущие убежища лица из Юго-Восточной и Восточной Европы.

Кратко охарактеризуем эти этапы.

Первый этап иммиграции начинается незадолго до начала Второй мировой войны и заканчивается спустя три года после ее окончания. Перед войной в Швеции нашли убежище евреи из нацистской Германии, но тогда была принята только часть желающих перебраться в нее, большинству же было отказано в связи с распространенными в стране в тот период антисемитизмом и дискриминационной расовой идеологией. Опасаясь роста антисемитизма, лидеры еврейской общины в Швеции поддерживали ограничительные меры в области предоставления убежища. Главной же причиной отказа в укрытии евреев являлось стремление шведского правительства избежать конфликта с нацистской Германией.

Во время войны Швеция приняла тысячи людей из соседних стран. Во время советского наступления в 1939 году сюда были эвакуированы финские дети. В период немецкой оккупации Дании и Норвегии в Швецию бежали евреи и участники движения Сопротивления. Политика препятствия миграции сменилась политикой ее приветствия. Беженцы получили работу на предприятиях, в сельском хозяйстве и лесоводстве, заменив десятки тысяч шведских мужчин, призванных на военную службу.

Ближе к концу войны в Швецию бежали люди из Эстонии и Латвии, пересекая Балтику на небольших судах. Приблизительно 30 тыс. эстонцев и 5 тыс. латышей остались здесь после окончания войны. Около 30 тыс. бывших узников нацистских концлагерей были переселены в Швецию в период с 1945 по 1948 год [9].

В табл. 1 приведены сведения о национальности и количестве беженцев, пересекших границы Швеции в послевоенные годы.

Таблица 1

Национальный состав беженцев, прибывших в Швецию в послевоенный период [8, с. 33]

Национальность беженцев	Количество, чел.	Национальность беженцев	Количество, чел.
Норвежцы	30 000	Голландцы	560
Датчане	15 000	Югославы	110
Финны	6000	Бельгийцы	110
Немцы	5400	Прочие	1000
Поляки	1100	ВСЕГО беженцев	91 520
Русские	200	Прочие иностранцы	11 000
Эстонские шведы	6500	Эвакуированные из Финляндии	38 000
Выходцы из прибалтийских стран	25 000	Финские дети	45 000
Французы	540	ВСЕГО	185 520

Второй этап иммиграции, продолжавшийся с 1949 по 1971 год, представлял собой практически свободный въезд трудовых иммигрантов из Финляндии и Южной Европы. К концу 1940-х годов шведская экспортная промышленность была на подъеме, компании начали нанимать иностранную рабочую силу. В это время многие страны Западной Европы вербовали работников. В 1954 году страны Северной Европы создали общий рынок труда, что обусловило крупномасштабную миграцию из Финляндии в Швецию в 1950-х – 1960-х годах. В этот период в Швецию мигрировали в общей сложности 550 тыс. финнов [8].

Наряду с иностранной рабочей силой, пополняющей крупные индустриальные компании, в 1960-е годы в Швецию устремилось большее количество переселенцев, прибывающих по собственному желанию, в поисках работы. Сначала мигранты не создавали социальных проблем, однако потоки иммигрантов увеличивались. В 1967 году правовые нормы в законе об иммиграции последовательно применялись для сокращения количества переселенцев. В начале 1970-х годов многие страны Западной Европы начали принимать меры по сдерживанию миграции рабочей силы. Во время нефтяного кризиса 1973 года большинство программ было остановлено. Швеция официально приостановила трудовую миграцию из нескандинавских стран в 1972 году.

Характер третьего этапа иммиграции (1972–1989 годы) определяли ищущие убежища лица из развивающихся стран и члены их семей. В 1951 году Швеция подписала Конвенцию ООН о правах беженцев, в 1967 году – Протокол о статусе беженцев. Лица, бежавшие из Советского Союза и стран Варшавского договора, с готовностью были приняты Швецией на постоянное место жительства. Так, в связи с антисоветским восстанием в Будапеште в 1956 году она приняла тысячи венгров, а в 1968 году, когда Чехословакия была оккупирована войсками стран Варшавского договора, – тысячи чешских беженцев.

В 1950-х – 1960-х годах мигранты, получившие статус беженцев, определялись как трудовые переселенцы. Национальный совет по вопросам труда нес ответственность за их переселение и социальную адаптацию. Все изменилось, когда трудовая миграция была остановлена.

Первыми беженцами из неевропейских стран, принятыми Швецией, были граждане Уганды, изгнанные из своей страны в 1972 году. В следующем году после государственного переворота в Чили она приняла примерно 5 тыс. чилийских беженцев. Кроме того, приехали в Швецию искать убежища около 6 тыс. беженцев из Аргентины, Уругвая, Боливии, Бразилии и Перу [9].

В 1970-х – 1980-х годах много беженцев прибыло с Ближнего Востока. Православные сирийцы искали убежища на основании пре-

следований по религиозным причинам. Большое количество курдов эмигрировало из Восточной Турции, Ирана и Ирака. До сих пор самой многочисленной группой беженцев из стран Ближнего Востока являются граждане Ирана и Ирака. Иранцы прибыли в 1980-х в связи с войной с Ираком и в результате оппозиции мусульманскому правительству в Тегеране. В 1990-х годах начали прибывать курдские жители Ирака, скрывавшиеся от политического режима Саддама Хусейна.

В 1972 году, когда был прекращен набор рабочей силы из нескандинавских стран, количество новых репатриантов значительно сократилось, но беженцы и члены их семей (супруги, несовершеннолетние дети, а в некоторых случаях и престарелые родители) по-прежнему принимались на постоянное жительство.

Увеличивающийся поток беженцев побудил правительство Швеции принять закон о том, что заявления о предоставлении политического убежища, поданные в декабре 1989 года и позже, будут рассматриваться строго в соответствии с Женевской конвенцией 1951 года, а гуманитарные основания для предоставления убежища приниматься не будут. Это было началом четвертого и последнего этапа иммиграции в Швецию.

Меры по ужесточению политики в предоставлении убежища в Швеции совпали по времени с распадом бывшего Советского Союза и войной в Боснии и Герцеговине, в Косово. Согласно данным Статистического управления Швеции, с 1989 по 1993 год в страну прибыло 708,7 тыс. лиц, ищущих убежища; из них 56 % – выходцы из бывшей Югославии, 21 % – с Ближнего Востока [10]. К 1993 году число беженцев из Боснии и Герцеговины, Хорватии, Македонии и Косово возросло настолько, что правительство ввело для лиц, прибывавших из бывшей Югославии, визовый режим [11].

В настоящее время продолжают прибывать иммигранты из Косово, Боснии и Герцеговины для воссоединения семей. По-прежнему прибывают из Ирака лица, ищущие убежища (их число возросло после американского вторжения в 2003 году).

Сведения о желающих получить гражданство Швеции в 2009 году приведены в табл. 2.

Таблица 2

Состав беженцев, подавших заявления на получение гражданства Швеции в 2009 году [4, с. 79]

Прежнее место жительства	Количество, чел.	Прежнее место жительства	Количество, чел.
Европейское экономическое пространство	36	Америка (вся)	273
Болгария	12	Сомали	3 361
Румыния	14	Другие страны Африки	2 892
Россия	933	Афганистан	784
Беларусь	361	Ирак	6 083
Украина	60	Иран	799
Турция	254	Другие страны Азии	4 560
Другие страны Европы	2 424	Неизвестные и лица без гражданства	1 507
		Всего	24 353

Вступив в 1995 году в Европейский союз, Швеция подтвердила согласие на то, чтобы граждане других стран ЕС могли беспрепятственно приезжать и работать на ее территории. В 1996 году она присоединилась к Шенгенскому соглашению, которое также позволяет свободно перемещаться жителям всех государств-участников. Границы Швеции пересекали в основном трудовые мигранты из соседних государств Северной Европы и Германии.

В мае 2004 года, когда 10 стран присоединились к Евросоюзу, Швеция наряду с Великобританией и Ирландией разрешила гражданам восточноевропейских стран, ставших членами ЕС, работать без формализации, предусматривающей запрос разрешения (остальные страны Евросоюза ввели временные правила с целью контроля потоков миграций). Однако по сравнению с другими странами Швеция приняла незначительное количество иммигрантов.

Сведения о миграционных потоках в 2009 году приведены в табл. 3.

Почти за полвека Швеция превратилась из этнически однородной страны в многонациональное государство, где проживают не только европейские иммигранты, но и выходцы с дру-

Таблица 3

Численность иммигрировавших в Швецию и эмигрировавших из нее в 2009 году [4, с. 112]

Страна происхождения	Иммигранты	Эмигранты
Дания	10 001	7 756
Финляндия	5 215	5 673
Исландия	1 018	587
Норвегия	7 372	9 113
Балтийские страны	4 130	663
Польша	13 837	1 652
Другие страны Европы	51 236	17 005
Америка	10 527	5 760
Африка	18 802	1 667
Азия	60 342	7 523
Океания	1 384	1 231
Не известно	1 243	5 906
Всего	184 489	64 536

гих континентов, говорящие на разных языках, имеющие разный исторический опыт, культурное наследие и ценности.

Политика Швеции в отношении иммигрантов не всегда была однозначной. До 1945 года, когда в страну прибывали незначительные миграционные потоки выходцев из нескандинавских стран, политика интеграции практически отсутствовала. Напротив, укоренилась идея шведского этнического превосходства, нашедшая свое воплощение в Институте расовой гигиены, созданном в 1921 году и просуществовавшем до 1976 года.

Предполагалось, что после Второй мировой войны иммиграционные потоки переселенцев из нескандинавских стран будут ассимилироваться. Х. Рунблум в своей статье «Шведский мультикультурализм в сравнительной перспективе» говорит о том, что шведское большинство не принимает во внимание культурные различия иммигрантов из нескандинавских стран: «иммигранты должны стать шведами, принять шведские нравы, обычаи и найти согласие со шведским обществом» [7, с. 623].

В период с 1964 по 1975 год осуществился переход к «взаимной адаптации», чему способствовало создание местных советов, занимающихся проблемами иммигрантов, принятие

некоторых мер по социальной интеграции. Это была радикальная перестройка, определившая переход от политики невмешательства к новой политике, сконцентрированной на трех основных направлениях: равенстве, свободе выбора и сотрудничестве. Шведы и иммигранты стали иметь равные права, обязанности и возможности. Иммигранты могли сами решать, что для них важнее – ассимилироваться или сохранить свою самобытную культуру. Сотрудничество должно было способствовать гармонии между коренным населением и иммигрантами. Эти три направления стали ведущими принципами отношений между коренными гражданами и меньшинствами в Швеции [7, с. 631].

Конституция Швеции 1974 года подтверждает культурные свободы выбора иммигрантов. Глава 1 статьи 2 гласит: «Возможность содействия в этнических, языковых и религиозных симпатиях меньшинства, сохранение и развитие культурной и социальной жизни». В главе 2 статьи 15 утверждается: «Нет закона или другого положения, которые могут повлечь за собой неблагоприятные отношения граждан, потому что они принадлежат к группе меньшинства по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения» [2, с. 43]. Эти положения Конституции остаются основополагающими.

Таким образом, менее чем за двадцать лет Швеция в иммиграционной политике сделала поворот от ассимиляции к новым формам интеграции, с которых начался следующий период. Такие изменения были вызваны рядом причин. Во-первых, в середине 1970-х годов стало очевидным, что некоторым группам переселенцев было непросто ассимилироваться в шведское общество. Как упоминалось ранее, этот период отмечен наибольшим разнообразием миграционных потоков. Во-вторых, инициатива правительства, связанная с программами родного языка для иммигрантов, была успешной и эффективной. В-третьих, Швеция считалась ответственным государством не только в отношении своих граждан, но и тех, кто приехал в страну. Наконец, одним из факторов, изменивших отношение шведского правительства к иммигрантам, было внешнее давление. Это давление осуществлялось главным образом со стороны финского правительства, которое требовало обеспечить возможность сохранения

финнами в Швеции своей культуры и языка [7, с. 630].

К моменту вступления в силу этой политики трудовая иммиграция из нескандинавских стран прекратилась, большинство переселенцев были беженцами из развивающихся стран. Следовательно, программы интеграции столкнулись с трудностью организационных проблем (например, набор квалифицированных преподавателей иностранных языков).

За управление интеграцией беженцев после Второй мировой войны до 1984 года отвечал Совет труда Швеции, в 1985 году эти функции взял на себя Совет по вопросам иммиграции. Он разработал амбициозную программу интеграции, построенную на основах языковой и профессиональной подготовки, а также определил муниципальную ответственность за ее реализацию. Муниципалитеты должны были получать субсидии от государства в зависимости от числа беженцев, которых они согласились принять. Эта программа не была успешной, поскольку число лиц, ищущих убежища, возросло. Совет по вопросам миграции столкнулся с большими трудностями при поиске муниципалитетов, желающих принимать все больше беженцев.

В 1990-х годах программа интеграции беженцев была пересмотрена в целях обеспечения большей гибкости в управлении. Иммигранты получили возможность решать, где они хотели бы жить, что обусловило значительную нагрузку на крупные города с их развитыми рынками труда. В это же время была принята концепция разнообразия, поскольку интеграция уже рассматривалась не как одностороннее включение иммигрантов в жизнь общества, а как процесс взаимной адаптации переселенческих меньшинств и этнических шведов.

В 1996 году было создано министерство по вопросам интеграции иммигрантов. Швеция признана государством, следующим политике мультикультурализма, однако обсуждалась и необходимость сохранения «шведского культурного наследия» [1, с. 122]. Уже в 1998 году политика интеграции была узаконена, создано Национальное управление по вопросам интеграции, руководствующееся в своей деятельности лозунгом: «Швеция, будущее и поликультурное общество – от иммиграционной политики к политике интеграции». Такая

политика интеграции имела ряд целей: сообщество, основанное на разнообразии, равные возможности независимо от происхождения, взаимное уважение и терпимость в обществе [6, с. 18].

Политика индивидуальной интеграции и равенства была поддержана рядом антидискриминационных законов. Швеция не имеет единого закона о недискриминации, но соответствующие положения есть в Уголовном и Гражданском кодексах [Там же. С. 22]. Кроме того, существует ряд законов, запрещающих дискриминацию, влекущих ответственность за дискриминационные действия. Некоторые из законов прямо или косвенно относятся к иммигрантам: гендерный Закон о равенстве (1991), Меры по противодействию этнической дискриминации в сфере труда (1999), Закон о равном статусе студентов в системе высшего образования (2001), запрет о дискриминации в Законе (2003). Существует также ответственность за акты проявления ненависти в средствах массовой информации или на информационных щитах [Там же. С. 22–29].

В докладе по вопросам расизма и ксенофобии в государствах – членах ЕС утверждается, что дискриминация не всегда связана с расизмом или ксенофобией. Существует косвенная дискриминация. Например, при приеме иммигрантов на работу иногда выдвигаются требования пройти тестирование на знание шведского

языка. Если же возникает разница в доходах шведов и иммигрантов, это не рассматривается как дискриминация [Там же. С. 36]. Таким образом, несмотря на то, что антидискриминационные законы являются важным шагом на пути к интеграции иммигрантов, связь интеграции и недопущения дискриминации в различных сферах не отличается четкостью.

Многокультурность общества для большинства западных государств становится одной из главных проблем иммиграционной политики. Ряд вопросов, связанных с культурой иммигрантов, требуют решения. В какой степени следует сохранять идентичность переселенцев? Кто должен взять на себя ответственность: сами иммигранты или принимающее государство?

Пример Швеции наглядно демонстрирует, что, хотя правительство может взять на себя ответственность (создание различных программ и т.д.), само общество должно быть готово к мультикультурализму. Эта готовность общества не может быть создана за короткий период, особенно в стране, где многонациональный состав и разнообразная культурная мозаика – новое явление. Следует разработать правовые рамки в области недискриминации и равных прав. Это не только защитит права иммигрантов, но и создаст условия для сохранения их языка, традиций и ценностей. Однако при разработке таких рамок должны учитываться ценности и традиции самого принимающего государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Geddes, A.** Multicultural Dilemmas in Sweden. In *The politics of migration and immigration in Europe* [Text] / A. Geddes. – London: Sage, 2003.
2. **Kimlicka, W.** Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights [Text] / W. Kimlicka. – Oxford: Clarendon Press, 1995.
3. **Lucassen, L.** The Immigrant Threat: the Integration of Old and New migrants in Western Europe since 1850 [Text] / L. Lucassen. – Urbana: University of Illinois Press, 2005. – P. 47.
4. **Nordic Statistical Yearbook** [Text]. – 2009. – Vol. 44.
5. **Parekh, B.** Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory [Text] / B. Parekh. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006.
6. **Report on Racism and Xenophobia in the Member States of the EU** [Text]. – FRA. – 2007. – 14 May 2008.
7. **Runblom, H.** Swedish Multiculturalism in a Comparative European Perspective [Text]: *Sociological Forum* 9.4. – 1994.
8. **Statistisk** årsbok for Sverige 1960 [Text]. – Stockholm: Statistiska Centralbyran, 1960.
9. **Westin, C.** Sweden: Restrictive Immigration Policy and Multiculturalism [Text]: *Migration Information Source*, Migration Policy Institute (MPI) / C. Westin. – Washington DC, 2006.
10. **Денисенко, М.Б.** Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада [Текст] / М.Б. Денисенко, О.А. Хараева, О.С. Чудиновских. – М., 2003. – С. 543.
11. **Северная Европа.** Регион нового развития [Текст] / под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. – М., 2008. – С. 345.

ФЕННОМАНИЯ КАК СИСТЕМА ВЗГЛЯДОВ Й.В. СНЕЛЬМАНА

Мощный подъем самосознания и культуры финской нации в первые десятилетия XIX века, укрепление финскоязычной литературы¹, начавшееся в 1840-х годах, становление в Великом княжестве Финляндском в 1850-х годах финскоязычной прессы как фактора, формирующего общественное мнение, и собственно развитие финского языка, будучи взаимосвязанными, способствовали возникновению фенномании.

Фенномания — это финское национальное движение, зародившееся в первой половине XIX столетия и принявшее в 1860-х годах политический характер борьбы за реальную автономию Финляндии.

Основателем фенномании является философ Йохан Вильгельм Снельман². Согласно программе этого философа, которую кратко обобщил исследователь Й. Тепери [9], для автономии недостаточно развития финского языка и грамотности населения, необходимо просвещать финский народ, а финскую интеллигенцию сделать основой нации. Последний тезис, выдвинутый еще поэтом Я. Ютейни³, превратился на данном этапе в набирающий силу импульс общественно-политического развития Великого княжества Финляндского.

В первые десятилетия XIX века Й.В. Снельман являлся наиболее выдающимся последователем философии Г.В.Ф. Гегеля в финской науке. Философские взгляды Гегеля еще в конце 1810-х годов получили распространение в Туркуской академии⁴, но особенно способствовал их распространению Й.Я. Тенгстрём⁵, назначенный профессором философии Императорского Александровского университета в 1827 году. Тенгстрём стал главным популяризатором гегелевских идей, а его наиболее одаренным учеником был молодой Снельман. Гегельянские воззрения Тенгстрёма оказали известное влияние и на З. Топелиуса⁶.

Знакомство Снельмана со сложной во многих отношениях философией Гегеля, начавшееся в Императорском Александровском университете в конце 1820-х годов, когда там стал

преподавать Тенгстрём, продолжилось в конце 1830-х — начале 1840-х годов в Швеции и Германии. Поскольку целостной школы сторонников деятеля немецкой классической философии не существовало, финский ученый принадлежал к так называемым «левым гегельянцам», которые считали важным распространять учение Гегеля. Его распространением занимался и Снельман.

В деятельности основоположника фенномании условно можно выделить три основных этапа. Первый этап, длившийся около 15 лет, — обучение и исследовательская работа, а также написание основных философских трудов. Вторым этапом начался в 1840-х годах, когда Снельман стал распространять свои взгляды среди большой аудитории, сознательно стремясь повлиять на ее мировоззрение. Не все философы были блестящими популяризаторами своего учения, однако Снельман являлся как раз таковым. Третий этап — работа на посту сенатора, отвечающего за государственное устройство Великого княжества Финляндского. В это время Снельман проявил себя как выдающийся реформатор автономии.

Снельман отличался необычайной работоспособностью и интересом к окружающему миру, не свойственными кабинетным ученым. Он также зарекомендовал себя как добросовестный журналист. Снельман легко излагал свои мысли на бумаге, стиль работ философа привлекал своей самобытностью. Его творчество включает как философские произведения, так и романы, путевые заметки и газетные статьи, посвященные самым разным проблемам. Все это необходимо помнить, приступая к разговору о финском национальном пробуждении, которому во многом способствовал Снельман. Журналист А. Шауман⁷ позднее сравнил просветительскую деятельность Снельмана-сенатора с паровозом, который мчит сквозь новые пейзажи [10].

Редактируемая Снельманом газета «Сайма», выходившая в 1844–1846 годах, открыла для

большинства финнов новый мир. Во многом благодаря стараниям ученого и философа начался новый период в истории финской прессы, который условно можно определить как период открытой информации. Несмотря на то что этот период был непродолжительным, его значение огромно.

Согласно господствовавшему в ту пору в Российской империи авторитарному пониманию гласности, только аппарат чиновников мог представлять истинное общественное мнение, а общественную деятельность граждан следовало держать под контролем. Такие воззрения узаконивали цензуру, обеспечивавшую политическую безопасность государства. Цензура была введена в Финляндии еще в период шведского правления, а в 1829 году в Великом княжестве Финляндском появился собственный цензурный устав. Особый контроль устанавливался с той целью, чтобы сюда из Европы не могли проникнуть идеи либерализма и национализма, порождающие повстанческие движения в ее различных частях и казавшиеся опасными созданному по окончании эпохи наполеоновских войн Священному союзу. В так называемом культурном национализме финнов, основы которого были заложены калевальским литературным эпосом⁸, российские власти усматривали лишь одобрение и поддержку попыток финского народа выявить собственную уникальность.

Финская пресса первой половины XIX века не отличалась свободомыслием. Появление свободной прессы в Великом княжестве Финляндском связано с начинаниями молодых деятелей туркуского романтизма⁹. Лидер этого течения в финской литературе А.И. Арвидссон¹⁰ попытался нарушить авторитарное представление о гласности, укоренившееся в метрополии. В своей газете «Або Моргонبلاد» в 1821 году он писал о различных общественных проблемах, критикуя современные порядки и призывая к активизации деятельности финнов как нации, но эта газета была закрыта, не просуществовав и года, поскольку, по мнению российских чиновников, она затрагивала вопросы, не подлежащие публичному обсуждению.

Хотя о время правления Николая I в финляндской автономии число периодических изданий увеличилось, они не могли обращаться к

общественным проблемам. Зарубежные новости имели право сообщать только сугубо официальные газеты, подконтрольные государству. Приступая к журналистской деятельности в конце 1830-х годов, Снельман охарактеризовал всю финскую прессу как негодную и бесполезную [10]. С точки зрения философа, любая уважающая себя газета должна вести определенную целенаправленную политику; единственно верной политикой он считал реализацию идеи финского национального развития.

Взгляды Снельмана породили оживленную дискуссию, которая продолжилась с началом издания его газеты «Сайма» в 1844 году. В то время уже не только официальные и подконтрольные властям газеты стали более основательно редактироваться, публиковать зарубежные новости и печатать статьи, содержащие личную авторскую позицию. До основания «Саймы» Снельман писал и публиковал критические статьи в периодической печати и тем самым подготовил почву для своей национально-просветительской деятельности. Находясь в Швеции, он усвоил западноевропейские либеральные представления о гласности: пресса должна превратиться в открытую площадку для обмена мнениями с целью контроля за деятельностью общества и государства. Кроме того, публичная полемика была необходима для пробуждения самосознания нации.

Данные убеждения по сути явились исходными пунктами программы финского национального развития Снельмана, которую ученый начал активно пропагандировать со страниц «Саймы». Если в основе философии Гегеля лежало понятие «государство», то его финский последователь в системе своей теории опирался на понятие нации¹¹. Одной из центральных категорий философии Снельмана был национальный дух, который проявляла каждая нация. Будущий сенатор развивал мысли о национальных духах своего немецкого учителя применительно к Финляндии, исторически не имевшей государственности.

По мнению Снельмана, понятие «национальность» включает в себя происхождение и язык индивида. Сам по себе язык не является признаком той или иной национальности, однако он имеет важное значение как неременное условие национального единства граждан.

Кроме того, язык выражает принадлежность человека к определенной национальной культуре, являющейся, с точки зрения философа, существенным признаком нации. Ведь несмотря на то, что культура представляет собой общечеловеческое достояние, каждой культуре присущи уникальные национальные черты. Снельман рассматривал нации как движущую силу истории.

В системе взглядов финского ученого философия нации и философия истории были неразрывно взаимосвязаны. Согласно Снельману, нации имели право на существование только в том случае, если они реализовывали свое национальное историческое предназначение. Он считал, что Финляндия должна занять свою нишу во всемирной истории, которую она заслужила благодаря живой национальной культуре страны. Хотя нация способна усваивать элементы культур других народов, с точки зрения Снельмана, она должна подавлять их в себе. Философ полагал, что указанная функция посильна нации, если она обладает самобытной культурой, основанной на родном языке, а также твердым национальным самосознанием и сведениями о себе. Непрерывное развитие национальной культуры обеспечивает активное функционирование национального духа, который по мнению ученого, проявляется, пока нация стремится к саморазвитию.

Формой воплощения национального духа, по Снельману, служит национальная литература, созданная на языке народа. В Финляндии таким языком являлся финский. Таким образом, ученик Гегеля утверждал, что народ должен быть одноязычным.

Данная позиция Снельмана по языковому вопросу устраивала в Великом княжестве Финляндском далеко не всех, так как его образованное население было шведскоязычным. Программа основоположника фенномании предполагала не только смену языка в финляндской автономии, но и призывала к изменению существовавших там устоев. Так, изменения должны были произойти в сферах народного просвещения и народного хозяйства и привести к улучшению ситуации в них. Финской интеллигенции, по мнению Снельмана, надлежало сменить язык для того, чтобы стать подлинной частью нации, из которой следовало сформировать новый слой образованной элиты Финляндии. Поскольку,

согласно либеральной теории гласности, общественное мнение страны представляли только образованные граждане, путем просвещения можно было вовлечь новые слои нации в деятельность по ее развитию. С точки зрения Снельмана, финское общество должно было стать динамично меняющимся. При этом его требования кардинальных общественных изменений не носили революционного характера: философ полагал, что указанным изменениям должны были способствовать публичная полемика и общественное мнение нации.

Деятельность А.И. Арвидссона по национальной активизации финнов в свое время привела к закрытию его газеты, просуществовавшей менее года, властями российской метрополии. Редактируемая Снельманом газета «Сайма» начала испытывать трудности уже в 1845 году, на второй год своего существования, а весной 1846 года ситуация с ее выходом осложнилась. Генерал-губернатор Великого княжества Финляндского А.С. Меншиков¹² и раньше проявлял недовольство цензурной политикой автономии. Когда же в 1846 году по решению императора ему было поручено осуществлять руководство цензурой, газета «Сайма» была закрыта. В 1848 году, ознаменовавшемся европейскими революциями, цензура в Российской империи ужесточилась, что обусловило введение в 1850 году нового цензурного устава, согласно которому на финском языке дозволялось издавать лишь религиозную и сельскохозяйственную литературу [5].

Таким образом, гласность, с помощью которой Снельману в первой половине 1840-х годов удалось изменить и оживить финскую прессу, была подавлена российскими чиновниками. Только в период генерал-губернаторства Н.И. Бобрикова¹³ цензура в Великом княжестве Финляндском была столь же жесткой, как в конце 1840-х годов. Эпоха угнетения финляндской автономии продлилась до Крымской войны 1853–1856 годов, когда воцарившийся период гласности привел к постепенному ослаблению цензуры. Идея Снельмана о необходимости публичной полемики для принятия решений по общественным вопросам стала набирать новую силу.

Редактор и журналист А. Меурман¹⁴ писал, что финны читали «Сайму» «с горящими глазами и бьющимся сердцем» [10]. Особое влияние

издание основоположника фенномании оказало на университетскую молодежь, которая почувствовала, что нашла в нем что-то новое и важное для себя. Его газета приглашала к полемике и вызывала дискуссии в финской студенческой среде. Финны гордились учением Снельмана больше, чем «Калевалой» и своей древней поэзией.

Еще до появления «Саймы» профессор философии Снельман нашел близкого по взглядам человека в молодом историке и редакторе газеты «Хельсингфорс Моргонблад»¹⁵ Ф. Коллане¹⁶. В выходившем в городе Куопио издании «Маамиехен юстявя»¹⁷, которое Снельман сам редактировал непродолжительное

время, статьи Коллана переводили на финский язык, так как его родным языком был шведский.

Убеждения сенатора Снельмана получили распространение в выборгской газете «Канава» П. Ханникайнена, издававшейся в 1845–1847 годах и резко критиковавшей общественные порядки (ее закрыли в связи с усилением цензуры), а также в газете «Суометар»¹⁸, основанной молодыми представителями нового поколения фенноманов в 1847 году и ставшей главной газетой их соратников, влюбленных в Финляндию. Фенномания становилась все более популярной среди университетской молодежи Великого княжества Финляндского.

¹В Великом княжестве Финляндском, с 1809 года являвшемся автономией в составе Российской империи, один официальный язык – шведский – существовал до 1863 года, когда Александром II было подписано Высочайшее постановление о предоставлении финскому языку одинаковых прав со шведским во всем непосредственно касающемся собственно финского населения края. Согласно постановлению финский язык после 20-летнего переходного периода получал равноправный официальный статус наряду со шведским.

²Исследователи относят философа Й.В. Снельмана (1806–1881) к числу ярких деятелей финского национального пробуждения. Снельман не только положил начало фенномании, он вошел в историю страны также как ученый государственный деятель. Снельман во многом способствовал появлению у Финляндии собственной национальной валюты – марки – в 1860 году, а три года спустя, будучи уже сенатором, отвечающим за государственное устройство Великого княжества Финляндского, он добился подписания Александром II Высочайшего постановления, согласно которому финский язык уравнивался в правах со шведским языком. С 1856 по 1863 год Снельман – профессор философии Императорского Александровского университета. В 1860–1861 годах он исполнял там также обязанности профессора педагогики.

³Поэт Я. Ютейни (1781–1855) – один из выдающихся представителей крестьянского просветительства в финской литературе. Названное направление определяло творчество финскоязычных писателей в 1810–1820-х годах и было нацелено на создание развитого современного финского литературного языка (отсюда и сам термин «просветительство»).

⁴Королевская академия в Турку, старейшее высшее учебное заведение Финляндии, была основана в 1640 году. После большого пожара в 1827 году по решению императора Николая I академия была переведена в Гельсингфорс (с 1812 года столица Великого княжества Финляндского) и получила название Императорского Александровского университета (в честь покойного брата императора Александра I). С 1919 года, после обретения Финляндией независимости, называется Хельсинкским университетом. До начала XX века Александровский университет в Гельсингфорсе был единственным высшим учебным заведением в Великом княжестве Финляндском.

⁵Й.Я. Тенгстрём (1787–1858) – деятель финской науки и литературы. В 1817–1818 годах он был автором альманаха «Аура», одного из первых периодических изданий Великого княжества Финляндского, а в 1827–1848 годах работал в Императорском Александровском университете, где преподавал практическую философию.

⁶З. Топелиус (1818–1898) – писатель, журналист, историк. Его важнейший труд «Наша страна», опубликованный в 1875 году, посвящен природе Финляндии, ее народу, истории и народной поэзии.

⁷Финский журналист А. Шауман (1826–1896), магистр философии, получил известность как основатель газеты «Хуфвудстадсбладет», появившейся в 1864 году (в настоящее время это крупнейшая шведскоязычная газета Финляндии).

⁸Первая редакция карело-финского поэтического эпоса «Калевала» увидела свет в 1835 году, а вторая, дошедшая до наших дней, – в 1849 году. «Калевала» по сути первое произведение художественной литературы Финляндии.

⁹Под туркуским романтизмом понимается особое течение в финской литературе, существовавшее в конце 1810-х – начале 1820-х годов. Датой его возникновения считается 1815 год, когда группа молодых преподавателей Туркуской академии, среди которых был известный вдохновитель финского национально-го движения А.И. Арвидссон (1791–1858), основала литературный кружок, занимавшийся распространением романтических веяний в Великом княжестве Финляндском.

¹⁰Именно ему принадлежит знаменитая фраза «Мы не шведы, русскими становиться не хотим. Так будем же финнами!», в полной мере отражающая деятельность А.И. Арвидссона, связанную с пробуждением финского национального самосознания. Из-за резкой критики в адрес российских властей фактический лидер туркуского романтизма в 1822 году был изгнан из Туркуской академии и год спустя перебрался в Швецию.

¹¹В частности, Снельман полагал, что всемирная история есть не что иное, как история наций, и каждый индивид может осуществить свое предназначение, лишь выступая в качестве неотъемлемой части и в интересах собственной нации. В наиболее законченной форме он изложил свои философско-политические взгляды в работе «Учение о государстве» (1842), ставшей на протяжении последующих десятилетий основополагающим трудом для развития финской государственно-правовой мысли.

¹²Светлейший князь, генерал-адъютант, адмирал А.С. Меншиков (1787–1869) находился на посту генерал-губернатора финляндской автономии с 1831 по 1855 год.

¹³Бывший начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа Н.И. Бобриков (1839–1904) исполнял обязанности генерал-губернатора Великого княжества Финляндского с 1898 по 1904 год. Управляя автономией, он исходил из того убеждения, что Финляндию, которая была чуждой своей метрополии и уже в силу этого не могла оставаться лояльной по отношению к ней, следовало как можно теснее связать с Российской империей. Для осуществления данной цели Н.И. Бобриков разработал определенную программу, реализация

которой началась незамедлительно. В июне 1904 году бывший служащий финляндского Сената Э. Шауман (1875–1904) застрелил генерал-губернатора у входа в Сенат, после чего покончил с собой.

¹⁴А. Меурман (1826–1909) – один из наиболее заметных общественных деятелей Великого княжества Финляндского второй половины XIX века. Наряду с профессором истории Ю.С. Юрье-Коскинемом (1830–1903) он стал в 1863 году одним из лидеров Финской партии, привнес в нее принципы фенномании. Создатель «Словаря сведений, относящихся к общему образованию», первой энциклопедии на финском языке, выходявшей отдельными выпусками в 1883–1890 годах.

¹⁵Газета «Хельсингфорс Моргонблад» («Хельсинкский утренний листок») издавалась в 1832–1855 годах. Первым редактором ее (с 1832 по 1837 год) был автор национального гимна Финляндии «Наш край» поэт Й.Л. Рунеберг.

¹⁶Ф. Коллан (1817–1851) – редактор газеты «Хельсингфорс Моргонблад» в 1841–1844 годах. Еще до начала работы в газете он стал сторонником программы Снельмана и впоследствии популяризировал ее. Таким образом, еще до выхода «Саймы» возникло первое издание, пропагандировавшее идеи выдающегося деятеля финского национального пробуждения.

¹⁷«Маамиехен юстявя» («Друг земледельца») – еженедельная газета, выходявшая в 1844–1855 годах. Первые 14 номеров газеты (с января по апрель 1844 года) редактировал Снельман. Издание было предназначено для финского крестьянства и содержало главным образом статьи на сельскохозяйственную тематику. Газета выступала в роли просветителя крестьян в различных областях жизни, давая им первичные сведения о работе солнечной системы, о католической церкви, «Калевале» и финской народной поэзии.

¹⁸Газета «Суометар» выходила в 1847–1866 годах. Основателем ее считается поэт, переводчик и известный фенноман П. Тикканен (1823–1873). Газета ставила своей целью пропаганду фенномании и просвещение финского народа. В 1866 году была закрыта. Продолжательницей ее в 1869–1918 годах выступала газета «Ууси Суометар».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бородкин, М.М.** История Финляндии. Время императора Александра II [Текст] / М.М. Бородкин. – СПб.: Гос. типография, 1908. – 571 с.

2. **Он же.** История Финляндии. Время императора Николая I [Текст] / М.М. Бородкин. – Пг.: Гос. типография, 1915. – 716 с.

3. **Расила, В.** История Финляндии [Текст] / В. Расила. — Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1996. — 294 с.

4. **Юссилла, О.** Великое княжество Финляндское 1809–1917 [Текст] / О. Юссилла. — Хельсинки: Ruslania Books Oy, 2009. — 844 с.

5. **Он же.** Политическая история Финляндии 1809–1995 [Текст] / О. Юссилла, С. Хентиля, Ю. Невакиви. — М.: Весь мир, 1998. — С. 47.

6. **Rein, Th.** Juhana Vilhelm Snellman [Текст] / Th. Rein. — 3 p. — Helsinki: Otava, 1928. — 1. osa. — 504 s.

7. **Suomen** kulttuurihistoria: III:ssa osassa [Текст] / Toim. P. Tommila, V. Kallio ja A. Reitala. — Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1980. — II. osa. — 544 s.

8. **Suomen** lehdistön historia: 10:ssä osassa [Текст] / Päätoim. P. Tommila. — Kuopio: Kustannuskiila, 1988. — 1. osa: Sanomalehdistön vaiheet vuoteen 1905. — 646 s.

9. **Teperi, J.** Vanhan Suomen suomalaisuusliike: II:ssa osassa [Текст] / J. Teperi — Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1967. — II. osa. — 293 s.

10. **Tommila, P.** Mitä oli olla suomalainen 1800-luvun alkupuolella [Текст] // Herää Suomi: suomalaisuusliikkeen historia / Päätoim. P. Tommila. — Kuopio: Kustannuskiila, 1989. — S. 60–63.

УДК 81'373.43

Е.В. Ганапольская

НЕОЛОГИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Наша речь более клиширована, чем принято считать. Как показывает изучение текстов современной массовой литературы, частота использования в них фразеологизмов постоянно растет. При этом далеко не все фразеологические единицы включены как в толковые и во фразеологические словари, так и в словари неологии. Отсюда одной из важных задач теоретической лингвистики, которая имеет непосредственное практическое применение, является описание новых фразеологических единиц.

До недавнего времени проблемы фразеологической неологии как самостоятельного объекта изучения практически не обсуждались. Процесс образования в языке новых фразеологизмов изучался в рамках лексической неологии, а материал для исследования количественно не превышал 300 единиц без разделения на языковые и речевые [см., напр., 12]. Подобный подход определялся скорее экстралингвистическими причинами: трудностью фиксации новых фразеологизмов, основная сфера функционирования которых разговорная речь, а не письменный текст; цензурой, требовавшей (может, и не зря) определенной чистоты языка, и т. п.

К экстралингвистическим причинам можно отнести и теоретический взгляд на фразеологию как на подсистему, состоящую из единиц, большая часть которых находится за пределами литературного языка, а если и используется в художественной литературе, то лишь как средство стилизации, придания разговорного колорита.

Однако наступил момент, когда ситуация коренным образом изменилась. Снятие тексто-

вой цензуры и развитие новых жанров, в частности жанра детектива, целиком построенного на «слегка приглаженной» разговорной речи, привели к тому, что количество новых фразеологизмов, встречающихся в письменных текстах, превысило некую критическую отметку и изучать их только в рамках лексической неологии стало невозможно. Так, по предварительным данным автора, только в детективах А. Марининой содержится более 2000 фразеологических единиц, не зафиксированных ведущими современными толковыми и фразеологическими словарями русского литературного языка. Соответственным образом расширились границы «литературного» для фразеологии. Правда, определить, насколько они изменились, можно лишь при исследовании фразеологии большого массива текстов. Однако нет сомнений, что наступил момент отдельного, относительно самостоятельного изучения фразеологической неологии [см. 16]. Речь как всегда идет об относительной самостоятельности, ибо изолированное изучение любого лингвистического явления — условность, некое допущение, принимаемое для удобства описания.

Если мы говорим о проблеме нового и старого применительно к современной фразеологии, то сразу же сталкиваемся с вопросом о том, какой смысл следует вкладывать в понятие нового и соответственно старого применительно к фразеологии. Он в свою очередь предполагает решение вопроса, каким образом на практике можно определить, что является новым для фразеологии, и вопроса об определении понятий фразеологической инновации и фразеологического неологизма.

Неология как наука.

Критерии выделения инноваций

Рассуждения о неологии во фразеологии следует начать с определения самого термина «неология» в лингвистике. Российские лингвисты, занимающиеся этой проблемой на русском материале, вслед за Н.З. Котеловой включают в сферу неологии выявление путей опознания инноваций, построение их типологии, анализ причин их появления, определение тенденций развития, изучение способов их создания, определение новых значений ранее известных лексем, фиксацию новшеств в словарях, а также разработку правильного отношения к новым словам и значениям (принятие или неприятие их нормой) [1, с. 11; 9, с. 6 и 10, с. 4; 15, с. 11–12]. Как видим, здесь объединено несколько различных вопросов. Во-первых, ясно, что российская неология ограничивает предмет своего изучения новыми явлениями в лексике. Во-вторых, в сферу изучения неологии включено и исследование изменений семантики существовавших ранее слов. В-третьих, в сферу рассмотрения включается несколько взаимосвязанных, но все же различных проблем: 1) исторической лексикологии (изучение изменений, происходящих в словарном составе языка); 2) лексикографии (разработка методики фиксации новых единиц в словарях); 3) культуры речи (нормативный аспект). В-четвертых, за пределами изучения при таком определении остаются вопросы функционирования новых единиц в изучаемый период развития языка, их место в системе языка, т. е. вопросы описательной лексикологии.

На наш взгляд, неология как наука должна пониматься шире и включать изучение новых явлений (новшеств, новаций, инноваций) не только в лексике, но и в грамматике, синтаксисе и, как частный случай, во фразеологии¹.

¹Надо сказать, что многие лексикологи, начиная с Н.З. Котеловой, именно так и трактуют *возможный* предмет изучения неологии, объясняя ограничение лексикой предмета неологии целями описания своего материала. «Надо заметить, что неология может осмысляться и как наука (logos) о новом (нео). Тогда она будет [здесь и выше разрядка наша. — Е. Г.] годиться для обозначения разнообразных новых явлений в языке...» и т. д. [8, с. 17–18]. Другой вопрос, что изменения, происходящие на других уровнях языка (фонетическом, морфологическом и т. д.), далеко не всегда описываются в этом ключе, хотя есть и исключения.

Следует исключить непосредственно из предмета изучения неологии вопросы лексикографии и культуры речи. Ведь если начать оценивать и «отбрасывать» материал (собранные факты языковых изменений), предварительно не описав его в совокупности, в живом функционировании, то теряется смысл выделения неологии как науки, основной целью которой является изучение языковых изменений, наблюдаемых в настоящий момент. Необходимо добавить синхронно-описательное изучение новых единиц, так как они, становясь частью системы языка, функционируя в ней, с одной стороны, подпадают под действие законов, существующих в этой системе в данный момент, а с другой — изменяют саму эту систему.

Логично предположить, что фразеологические новшества² по своей сути представляют собой нечто аналогичное лексическим с учетом разницы фразеологизма и лексемы как языковых единиц. Именно такой подход и декларирован в большинстве исследований по русской и зарубежной неологии, и в частности фразеологической неологии [см., напр., 1, с. 33; 14, с. 42]. Работы, в которых идет речь отдельно о фразеологической неологии и делается попытка определить явление, единичны [2, с. 84; 13, с. 22 и др.]³. Проблема лишь в том, что количество ответов на вопрос, что такое лексическое новшество, т. е. какие единицы должна изучать неология, приблизительно равно количеству авторов, разрабатывавших эту тему. При этом большинство российских исследователей русской неологии ссылаются на труды Н.З. Котеловой в силу того, что ее взгляды отличаются наибольшей последовательностью.

Приведем два определения «лексико-фразеологических новаций» Н.З. Котеловой⁴:

²Воспользуемся пока термином Н.З. Котеловой.

³Здесь необходимо сделать два замечания. Первое: во многих работах авторы избегают определений, предпочитая непосредственно переходить к анализу материала. Второе: сказанное отнюдь не значит, что проблема вовсе не исследована. Так, существует значительное количество трудов о деривационных процессах в русской и иноязычной фразеологии (напр., труды Ю.А. Гвоздарева, Ф.Г. Гусейнова, А.В. Кунина и др.).

⁴Подробный обзор других подходов и их критику см. у Е.В. Сенько. Здесь приводим лишь краткое перечисление признаков лексического неологизма различными авторами: 1) ощущение новизны при его вос-

«Лексические новшества... это слова, значения слов, идиомы, узусально существующие в определенный период в определенном языке, подъязыке, языковой сфере и т. д. и не существовавшие в определенным образом ограниченный предшествующий период в том же языке, подъязыке, языковой сфере и т. д.» [8, с. 22]. «...Под новыми словами понимаются как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами русского литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными. Кроме того, к новым были отнесены те производные слова, которые уже существовали в языке как бы потенциально и были образованы от давно существующих слов по известным моделям лишь в последние годы (их регистрируют письменные источники только тех лет, которые охвачены источниками Словаря)» [10, с. 7]⁵.

Не принимая во внимание некоторые неточности выражения, свойственные любым впервые даваемым определениям, проанализируем их суть.

приятии (экспрессивно-стилистический критерий); 2) функция обозначения нового понятия (функциональный критерий с точки зрения теории номинации); 3) отсутствие словарных фиксаций (лексикографический критерий); 4) частотность употребления в современных текстах (статистический критерий); 5) принадлежность к пассивному запасу языка (лексикологический критерий) [15, с. 24–28]. Следует заметить, что первый критерий не может считаться основным в силу его субъективности. Третий, лексикографический, критерий является на самом деле лишь практическим применением пространственно-временного критерия Н.З. Котеловой, ибо существующая практика определения нового слова опирается преимущественно (за исключением единичных случаев) на данные словарей. Четвертый, статистический, критерий по своей сути не является критерием определения новизны, а только практическим способом решения проблемы языковых и речевых неологизмов (оказионализмов), так как частотность употребления единицы предполагает наличие у нее воспроизводимости и устойчивости – признаков языковой единицы.

⁵Именно последнее определение наиболее популярно у фразеологов.

Основные положения первого определения сводятся к следующему.

1. «Новизна» – понятие относительное. Она определяется относительно произвольно выбранного временного периода, точки отсчета (существовало или не существовало слово *ранее*)⁶ и одновременно относительно «пространства» существования, перехода из одной языковой системы (подсистемы) в другую (*где* это слово существовало ранее и *где* оно существует в изучаемый момент) (см. подробные рассуждения об этом в указанной работе Н.З. Котеловой). Собственно говоря, это пространственно-временные характеристики слова как материального объекта.

2. Таким образом понимаемая новизна может быть характерна для всего слова целиком (форма + семантика) или только для его значения: «Лексические новшества... это слова, значения слов...». Следовательно, делается попытка уточнить, какие изменения, «новшества» будут изучаться в границах неологии.

3. Существуют фразеологические новшества (идиомы). Критерий их выделения такой же, как и для лексики, – физическое (материальное) существование единицы в языке (либо подъязыке) в изучаемый период времени относительно предшествующего периода.

Логическим продолжением такого понимания новизны становится изучение динамики развития языковой системы, что находит свое выражение в смещении акцентов в сторону изучения происхождения новых слов.

Во втором определении:

1. На первое место выходит генетический признак: источник происхождения новых слов. Содержание понятия «новизна» подменяется фактически классификацией новшеств по источнику.

2. Пространственный критерий строго ограничивается рамками литературного языка (о подъязыках речь уже не идет).

3. Временной критерий приобретает форму критерия письменной фиксации (наличие письменного источника). Последнее носит обязательный характер: до тех пор, пока не найден

⁶При таком подходе вопрос о том, как долго слово должно существовать в языке, чтобы его можно было считать новым (10, 20, 30 лет, в пределах жизни одного поколения и т. п.), решается сам собой.

пример употребления единицы в письменном тексте, она считается существовавшей в языке «как бы потенциально»⁷.

Таким образом, пространственно-временной критерий определения новизны уходит из области теоретического обсуждения и становится сопутствующим, если можно так сказать, «техническим» способом решения вопроса отбора материала.

Выиграла или проиграла в результате этих изменений теория лексической неологии? В части лексической неологии, безусловно, выиграла. Основная цель словаря новых слов — зафиксировать все единицы, появившиеся в языке в течение изучаемого периода времени, поэтому здесь нужна максимальная четкость и последовательность при отборе материала. Чтобы задача не превратилась в «глобально-неразрешимую», есть смысл наложить серию ограничений и их придерживаться, что и сделали авторы-составители «Словарей новых слов». Сфера изучения была ограничена литературным языком, возникновение новой единицы «увязывалось» с наличием письменной фиксации, характер новизны изучаемых единиц определялся перечислением конкретных типов включаемых в словарь единиц, что значительно облегчило читателю знакомство с материалами словарей⁸.

Однако общая теория неологии от этого, вероятно, проиграла. Во-первых, понимание новизны, сформулированное в первом

определении, носит далеко не технический, а скорее сущностный, затрагивающий основы неологии как науки, характер, поэтому есть смысл к нему вернуться и очень строго оговаривать это в определении новшеств. Во-вторых, замена понятия новшества понятием «новое слово», как это ни удивительно, привела к тому, что последнее фактически перестало определяться как языковая единица, для которой характерно единство формы и содержания: из области рассмотрения ушел сам характер пространственно-временных изменений слова (что нового появилось во времени и наличествует в том или ином слове), подход, намеченный во втором положении первого определения. Конкретизация же предмета исследования стала осуществляться методом перечисления (на основе классификации по источнику). Случаи изменения значения слова не упоминаются в определении, а рассматриваются отдельно (выделяются «лексико-фразеологические и семантические новшества») [10, с. 6].

На наш взгляд, конкретизация характера новизны в теоретическом плане должна последовательно проводиться с точки зрения «составляющих» слова как языковой единицы: новизны формы и новизны содержания. Именно такой подход характерен для многих зарубежных работ по неологии и исследований российских лингвистов по иноязычной неологии. Так, анализируя французские словари неологии, В.Г. Гак писал: «Единицей эволюции языка является изменение номинации, т. е. соотношения между означающим и означаемым. Нововведения могут касаться только означающего (изменение его формы...), только означаемого (изменение значения слова и словосочетания) или обеих сторон знака вместе (появление нового слова с новым значением)» [3, с. 38]. Все нововведения такого рода Гак называет инновациями. Термин этот чрезвычайно удобен и все чаще используется как родовой по отношению к видовому понятию «неологизм» [15, с. 21; 14, с. 42]. Мы позволим себе воспользоваться им аналогичным образом при определении фразеологических новшеств.

В соответствии с данным определением семантические новшества, безусловно, должны быть отнесены к инновациям (при этом

⁷Этот критерий является преимущественно лексикографическим (отсутствие фиксаций единицы словарями), хотя Н.З. Котелова пыталась уйти от такого подхода: «Не принимается в Словаре и определение неологизмов как слов, значений и сочетаний, не зарегистрированных ранее словарями. Так понимаются неологизмы К.Барнхартом, автором словаря новых слов английского языка» [9, с. 22]. Подход Котеловой, являясь теоретически правильным, в настоящий момент на практике, к сожалению, вряд ли полностью осуществим. Косвенным подтверждением этому служит практика составления зарубежных словарей новых слов, использующих главным образом лексикографический критерий.

⁸Российские лингвисты в целом разработали наиболее последовательную систему отбора материала для словаря. Ср. опыт зарубежных словарей, непосредственно предшествовавших российским разработкам [11].

вовсе не обязательно «привязывать» проблему семантических инноваций к проблеме отбора материала для словарей неологизмов). Совершенно не существенно, что с точки зрения бытового сознания слово, изменившее свое значение, обычно не кажется новым. Субъективность и относительность бытового сознания доказываются элементарными примерами, которые нет смысла здесь приводить.

Таким образом, *инновации* – это языковые или речевые единицы, которые:

1) *обладают новизной: а) формы и содержания, б) только формы, в) только содержания;*

2) *эта новизна определяется относительно определенного временного периода и сферы употребления (конкретный период и сфера уточняются каждым конкретным исследователем в зависимости от задач его работы).* Такого понимания инновации достаточно для изучения языковых изменений на любом уровне (подуровне), будь то лексика, синтаксис, грамматика или, в нашем случае, фразеология. Дальнейшая детализация – вопрос целей конкретной работы и соответственно разных параметров описания и классификации (классификации по происхождению, частеречной принадлежности, стилистической принадлежности, понятийным группам и др.).

Одновременно уточним и понятие неологии. На наш взгляд, неология должна определяться как наука, изучающая изменения в системе языка (литературного языка, подъязыка и т. п.) с определенного времени в прошлом (условно взятого за точку отсчета тем или иным исследователем) до настоящего момента (момента описания), а также функционирование новых единиц (инноваций) в системе современного языка. Таким образом, новые явления во фразеологии попадают в сферу изучения неологии и могут быть подвергнуты как совместному рассмотрению с лексикой, так и отдельному изучению.

Фразеологические инновации и неологизмы

Опираясь на общее определение инноваций, нетрудно сформулировать, что следует понимать под фразеологическими инновациями.

Фразеологические инновации – это неословные выражения, значение которых не вытекает непосредственно из значений составляющих их

компонентов⁹ и которые являются новыми либо по форме, либо по значению, либо по форме и значению вместе для рассматриваемого периода развития литературного языка (подъязыка и т. п.) относительно предшествующего (условно взятого за точку отсчета) периода (вне прямой зависимости, хотя и с учетом словарных и иных письменных фиксаций¹⁰). [4, 5]

Таким образом сформулированное понятие нового во фразеологии дает возможность рассмотреть новую фразеологию как в *диахроническом* аспекте с учетом динамики развития фразеологической подсистемы в целом, так и в *синхроническом* аспекте, а именно ее функционирование как составной части современной фразеологической подсистемы (и далее – системы языка), например вопрос о том, какие понятийные группы и поля пополняют новые фразеологизмы, какие лексемы преимущественно используются при образовании новой фразеологии и т. д. Последний аспект до настоящего времени фактически не рассматривался.

Однако вернемся к теоретическим вопросам фразеологической неологии. Главное уточнение, которое следует внести, – соотношение «*фразеологическая инновация – фразеологический неологизм*». Как и ранее, обратимся к решению вопроса в лексической неологии.

Не вызывает сомнения обязательность языкового статуса неологизмов. Далее в определении собственно неологизмов российские ученые следуют за французскими и немецкими неологами. К *собственно неологизмам* относят двуплановые (новые по форме и содержанию) и формальные (новые в основном по форме, хотя и имеющие приращения смысла, образованные в соответствии с продуктивными словообразовательными моделями) инновации [15,

⁹Таким образом, в сферу рассмотрения попадают как фразеологизмы, так и их трансформации, а также ряд речевых, окказиональных единиц, описание которых необходимо для изучения языковой динамики фразеологической подсистемы.

¹⁰«...Противоречие между первой регистрацией и действительным присутствием фразеологического неологизма в языке является <...> реальным отражением динамики фразеологической системы с точки зрения возникновения, употребления и стилистической переоценки новых наименований» [7, с. 67].

с. 37]. Такой выбор определяется тем, что восприятие слова как нового «опирается прежде всего на новизну звучания» [14, с. 42] и эти два типа инноваций являются «материально новыми лексическими единицами языка» [Там же. С. 43].

Отнесение двуплановых инноваций к неологизмам не вызывает сомнений и также может быть распространено на фразеологию. Однако уже при таком подходе появляется проблемная группа инноваций, а именно так называемые актуализированные единицы, относительно новые для современного состояния системы языка как по форме, так и по значению. Актуализацию вышедших из употребления единиц (в том числе и фразеологизмов) можно рассматривать как явление, непосредственно связанное с отношениями лексического ядра и периферии, аналогичное процессу устаревания слов. Оно косвенно связано с процессом обновления состава языка и должно учитываться при синхронном описании взаимоотношения единиц, составляющих систему (точнее, ту или иную подсистему) языка в настоящее время. Однако непосредственно к неологии это явление не относится. Выделение данной группы во многом связано с задачами практического лексикографирования и соответственно преимущественной ориентацией исследователей неологии на лексикографический критерий (была ли единица зарегистрирована в словарях изучаемого и предшествующих периодов) вне зависимости от декларируемых принципов отбора единиц для словаря.

Обратимся теперь к понятию «формальный неологизм». Из приведенного выше определения следует, что в данном случае имеет место явная неточность терминологии. Если быть последовательным, то случаи изменения формы, сопровождающиеся какими бы то ни было изменениями смысла, следует относить к формально-семантическим изменениям, так как при этом возникает новая языковая единица, а следовательно, это собственно неологизмы. Сугубо формальные изменения языковой единицы, не затрагивающие ее смыслового тождества, являются вариантами. Аналогичным образом фразеологические единицы, изменившие форму при неизменном (относительно)

значении, трактуются как фразеологические варианты. Это категория фразеологизмов, изменивших тем или иным образом свою форму при сохранении тождества значения. Конечно, тождество значения в данном случае также вопрос спорный в силу своей неполной исследованности. Однако на данном этапе в большинстве работ считается, что разница в значении фразеологических вариантов столь мала, что ею в целом можно пренебречь, что, собственно, и делают носители языка, употребляя в речи варианты формы.

Для развития фразеологических вариантов в целом характерны те же особенности, что и для лексических вариантов. Изучение функционирования фразеологизмов в тексте показывает, что развитие вариантности может идти в двух направлениях. Помимо развития новых вариантов в виде замены ранее существовавшего варианта новым или активизации ряда фразеосемантических моделей в плане порождения вариантности, наблюдается минимизация количества употребительных вариантов у ранее существовавших единиц, которая может сопровождаться (а может и не сопровождаться) появлением нового(-ых) варианта(-ов) [см. 6]. Такие «минимизированные» варианты еще нагляднее, нежели в случае с лексикой, свидетельствуют о том, что эти единицы не стоит относить к собственно неологизмам. Ср.: полное закрепление в современном языке формы *строить глазки* взамен ранее вариантных *глазки делать (строить)*, а затем *строить (делать) глазки* или постепенное вытеснение формой *на глазок* ранее существовавшей вариантной формы *на глаз (глазок)*, формой *на корню* формы *под корень*.

Все иные изменения формы фразеологизма предполагают одновременные семантические изменения и относятся к категории двуплановых инноваций, т. е. неологизмов (например, *взять ноги в руки* 'приготовиться бежать; побежать' — *взять глаза в руки (в зубы)* 'посмотреть' — *взять мозги в руки* 'подумать'; *прикидываться ангелом* — *прикидываться овцой* (одноструктурные синонимы)/ *прикидываться овцой* — *прикидываться лисой* (разные по значению, хотя и одноструктурные единицы); *чужой дядя* — *добрый дядя* — *свой дядя*; *сотрясать воздух* — *сотрясение*

(сотрясение) воздуха; глазом не моргнул — не моргнув глазом; плакать в жилетку — жилетка для слез¹¹ и мн. др.).

По вопросу о включении или невключении в состав неологизмов семантических трансформаций слов (вариант 1, в в общем определении инновации) нет единого мнения. В большинстве работ эти виды инноваций из состава собственно неологизмов справедливо исключаются, хотя существует и другая точка зрения.

В то же время, безусловно, семантические изменения являются одним из основных путей развития языка и, следовательно, подлежат изучению неологией. Несмотря на то что эти виды

инноваций не должны считаться собственно неологизмами, их необходимо включать в словари неологизмов, ибо они результат постоянных количественно-качественных переходов, находящихся свое крайнее выражение в случаях распада полисемии, смыслового расхождения вариантных форм и ряде других процессов¹².

Таким образом, для фразеологии понятие «неологизм» охватывает только единицы, обладающие одновременно и новизной формы, и новизной значения. Единицы, обладающие только новизной формы или только новизной значения (семантические неологизмы), есть смысл рассматривать как инновации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаторцева, С.И. Русская неология и неография (современное состояние и перспективы) [Текст] / С.И. Алаторцева. — СПб., 1998.
2. Бурмистрович, Ю.Я. К проблеме фразеологических неологизмов [Текст] / Ю.Я. Бурмистрович // Мат. по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж, 1972.
3. Гак, В.Г. О современной французской неологии [Текст] / В.Г. Гак // Новые слова и словари новых слов. — Л., 1978.
4. Ганапольская, Е.В. К вопросу о типах фразеологических инноваций (на материале текстов современного российского детектива) [Текст] / Е.В. Ганапольская // Мат. XXXII Междунар. филолог. конф. — Вып. 14. Фразеология (11–15 марта 2003 г.). — СПб., 2003. — С. 12–14.
5. Она же. О некоторых возможных подходах к изучению фразеологической неологии (или Что необходимо знать редактору о новой фразеологии) [Текст] / Е.В. Ганапольская // Формирование проф. культуры специалистов XXI века в техн. ун-те: тр. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. — СПб., 2004. — С. 333–334.
6. Она же. О развитии фразеологической вариантности (на материале текстов современной «массовой» литературы) [Текст] / Е.В. Ганапольская // Мат. XXXI Всерос. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. — Вып. 5. Фразеология (11–16 марта 2002 г.). — СПб., 2002. — С. 9–11.
7. Дюрчо, П. Лексикографическая обработка фразеологических неологизмов (на материале русской и словацкой идиоматики) [Текст] / П. Дюрчо // Фразеологизм и его лексикограф. разработка: мат. IV Междунар. симп. в рамках заседания Междунар. комиссии по проблемам славянской фразеологии при Междунар. комитете славистов. М., 1987.
8. Котелова, Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов [Текст] / Н.З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. — Л., 1978.
9. Она же. Проект словаря новых слов русского языка [Текст] / Н.З. Котелова. — Л., 1982.
10. Она же. Предисловие [Текст] / Н.З. Котелова // Словарь новых слов рус. яз. (сер. 50-х — сер. 80-х гг.) / под ред. Н.З. Котеловой. — СПб., 1995.
11. Левашов, Е.А. Словари новых слов (краткий обзор) [Текст] / Е.А. Левашов // Новые слова и словари новых слов. — Л., 1978. — С. 27–36.
12. Матвеева, Т.Н. Новые фразеологические единицы в современном русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Н. Матвеева. — Л., 1988.
13. Мокиенко, В.М. Проблемы европейской фразеологической неологии [Текст] / В.М. Мокиенко // Nowa frazeologia w nowej Europie. Slowo. Tekst. — Czas VI. Greifswald, 2001. — С. 22–26.
14. Розен, Е.В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке [Текст] / Е.В. Розен. — М., 2000.
15. Сенько, Е.В. Инновации в современном русском языке [Текст] / Е.В. Сенько. — Владикавказ, 1995.
16. Nowa frazeologia w nowej Europie. Slowo. Tekst. — Czas VI. — Greifswald, 2001.

¹¹В качестве новых фразеологических единиц надо принимать также те единицы, которые возникли в результате изменения структуры существующих фразеологических единиц, если в них произошло изменение в семантике или одновременно осуществился переход в новый лексико-грамматический разряд [7, с. 68].

¹²Случаи распада полисемии и объединения омонимов в нашем случае, когда происходит затемнение внутренней формы фразеологизмов, попадают в разряд собственно неологизмов.

УДК 81.373

Н.А. Пузанова

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ СИСТЕМНОГО ЗНАЧЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ-СИНОНИМОВ

Данная статья посвящена моделированию системного значения глагола-синонима в русле современных тенденций когнитивного подхода к интерпретации значений языковых единиц. Акцент на антропоцентризм подводит к новому осмыслению возможного онтологического статуса лексического значения слова. Отличительная черта когнитивной семантики — динамический подход к значению, при котором оно понимается не как элемент структуры иерархически упорядоченных сем, заданный изначально, но как явление, возникающее в процессе когнитивного взаимодействия с окружающей (социальной) средой [11]. Язык может быть понят и объяснен лишь в связи с человеком, с особенностями его психологии.

Язык несет на себе отпечаток человеческих способов изучения реальности. Одним из постулатов, лежащих в основе изучения языковых процессов, является положение о концептуализирующей роли языка. Следует отметить, что язык отражает не действительность, а ее видение говорящим. Такой ракурс исследования позволяет решить многие проблемы, связанные с изучением соотношения языка и действительности, а также с описанием семантической структуры слова как целостной единицы.

В семантике многозначным считается слово, у которого каждое из значений связано хотя бы с одним другим. При исследовании семантики многозначных глаголов возникают следующие вопросы: В каком именно виде хранятся все значения глагола? Как в условиях реального времени происходит актуализация того или иного значения? Как образуются производные (переносные) значения? Представляется интересным выяснить, какое значение хранится в долговременной памяти носителя языка как основа вывода всех остальных. Следовательно, попытка объяснить метафорически мотивированные значения может быть решена с учетом особенностей мышления.

В качестве объекта исследования выступают глаголы-синонимы. Глагол является средством передачи знаний. Он может рассматриваться как обозначение свернутых ситуаций, и прежде всего как описание межпредметных связей и отношений. Обращение к когнитивным основам процесса номинации дало возможность выработать универсальный подход к представлению многозначности и описанию многозначного слова как единства. Для языковой единицы в качестве когнитивной основы актуализации всех лексико-семантических вариантов предлагается использовать понятие прототипа. Ключевая роль в статье отводится выделению прототипа глаголов «to tremble» и «to shake», что позволит определить их системное значение. Данный подход позволит четко ограничить «пределы» семантики глаголов — членов синонимичного ряда и соответственно их места в системе языка [1, 2, 12]. Представляется, что интегральные и дифференциальные признаки, образующие уникальное содержательное ядро слова, одновременно устанавливают пределы значения данной лексемы в системе языка.

Знания о мире хранятся в памяти человека в категориальной форме. Возможно, синонимические ряды образуют лексические категории. Вероятно, синонимия как категория, представленная в языке конкретными синонимическими рядами, образована по тем же принципам (прототипичность, градуальность), что и другие категории сознания. Таким образом, члены являются прототипическими единицами, объединяющими и репрезентирующими всю семантику лексемы в системе языка. Для человека способность к категоризации врожденная и автоматическая. По мнению некоторых психолингвистов, способность категоризировать мир позволяет нам взаимодействовать с ним, не будучи слишком обремененными его сложностью и разнообразием [3, 4]. Результаты теоретических, экспериментальных и интроспектив-

ных наблюдений говорят о том, что существует экономный способ хранения информации о словах в лексиконе человека. В частности, А.А. Брудный полагает, что в памяти индивида просто не могут быть дискретно зафиксированы все варианты значений всех известных ему слов [6]. Видимо, системная информация о единицах языка хранится у человека в компактной форме, а не в форме развернутых словарных дефиниций. Содержательное ядро многозначного слова, или его лексический прототип, чаще всего приходит на ум раньше других значений многозначного слова, является первой осознаваемой ассоциацией с данной лексемой. Прототип (или когнитивная модель) — глубинный уровень семантики слова — это порождение мыслительных процессов человеческого познания. Такой моделью И.К. Архипов считает содержательное ядро многозначного слова, или минимальный набор его интегральных и дифференциальных признаков, связанных с образом формы слова и достаточных для идентификации предмета мысли [2, с. 58]. Именно поэтому он часто отождествляется с интуицией носителя языка и может быть выявлен лишь путем лингвистического анализа [5].

Мы можем предположить, что в основе значения многозначного слова лежит не номинативно-непроизводное значение, а содержательное ядро. Оно представляет собой идеальный конструкт в системе языка, который обладает совокупностью признаков, общих для данных значений многозначного слова. Содержательное ядро — это инвариант, извлеченный из всех значений, зафиксированных в семантической структуре глаголов. Содержательные ядра слов воспринимаются как единые образы, освобождающие мозг от трудоемких когнитивных процессов [12].

Разработка теории синонимии до сих пор зачастую ведется в рамках традиционного разделения языка на языковую систему (представленную в словарях) и речь (текстовые реализации). При этом специфику речевого употребления синонимов в контексте иногда ошибочно принималась за систему языка. В результате понимание механизма функционирования в языке обычно сводилось к установлению типичных контекстов употребления синонимов. Так называемый «речевой контекст» или «контексты их употребления»

рассматривают как фактор, определяющий значение единиц языка [7–10].

Представляются неправомерными мнение, что «слова в контексте могут приобретать дополнительные смыслы», и высказывания типа «контекст влияет/изменяет значение единицы», «контекст может порождать значения», «контекстно зависимое значение». При таком подходе контекст становится имманентной сущностью. Можно предположить, что количество потенциальных текстов бесконечно. А если вокруг слова может возникнуть любой контекст, то значит, у него может возникнуть любое значение. Сторонники этого подхода не замечают, что оказываются в порочном круге. Однако именно человек, точнее его сознание, является носителем такой абстракции, как язык. Слова не могут возникать и изменяться сами. Все делают языковые личности в условиях реальной ситуации общения.

Вероятно, на данном этапе исследований существует настоятельная необходимость рассмотрения синонимии с помощью прототипической семантики с учетом позиции Наблюдателя. Данный подход позволит уйти от анализа бесконечного количества контекстуальных употреблений, обратиться к моделированию значения на уровне системы языка и решить проблему их эффективного параллельного функционирования в речи.

Рассмотрим возможность моделирования прямых и переносных значений глагола **to tremble** на основе выделения прототипа. Системное значение леммы определяется на основе «усредненного» номинативно-непроизводного значения (ННЗ), которое, в свою очередь, устанавливается в результате семного анализа словарных дефиниций первого значения слова на основе данных шести словарей. Затем интерпретируются речевые контексты и формулируется системное значение. Процедура анализа будет показана ниже.

Установим ННЗ глагола, проведя анализ словарных дефиниций его первого значения, при этом повторяющиеся в них частотные компоненты являются интегральными и дифференциальными признаками леммы и образуют ее ННЗ. В качестве иллюстрации представленных выше теоретических положений предлагается анализ семантики глагола «to tremble». Так,

интегральным признаком лексемы «to tremble» можно признать сему «to shake involuntarily as if from fear or cold», поскольку она повторяется в наибольшем количестве словарей (в шести).

Для того чтобы избежать неоднозначности толкования через синонимы, выявленный признак необходимо интерпретировать при помощи семантического метаязыка как «to move from side to side». Признаки, оставшиеся в дефинициях после установления интегрального, по всей видимости, являются дифференциальными – «from fear (6), cold (5), excitement (2), slightly, (4), in the body (3), uncontrollably (2), involuntarily (6)». Выявленные интегральные и дифференциальные семы представлены цифрами по частотности упоминания в дефинициях: наиболее частотными являются признаки «involuntarily» и «from fear», повторяющиеся в шести словарях.

Рассмотрим дифференциальные семы, используемые в словарных дефинициях, с тем, чтобы определить, какие из них входят в ННЗ. Все выделенные признаки можно разделить на «причины», которые вызывают дрожь в теле «from fear, excitement, cold, fatigue», и «характеристики» того, как проходят эти состояния: «involuntarily or slightly». Представляется, что в ННЗ необходимо включить признак «involuntarily» как наиболее часто встречающийся. Этот признак, несомненно, является частью общего образа действия, связанного с глаголом «to tremble». Дрожь в теле человека является легкой. Таким образом, «slightly» также следует включить в ННЗ. Далее на основе выявленных признаков «усредненное» ННЗ глагола «to tremble» можно сформулировать как «to move from side to side in the body (involuntarily and slightly)». Признаки «involuntarily and slightly» включаются в ННЗ как наиболее частотные и значимые.

Основная задача на следующем этапе анализа – проверить и подтвердить наличие выявленных признаков, рассмотрев всю семантическую структуру слова «to tremble», включая все метафорические и метонимические лексико-семантические варианты, представляющие слово на уровне речи. В некоторых случаях кроме существенных признаков, включенных во все словарные дефиниции, следует рассматривать и имплицативные. Под имплицативными признаками понимаются эмоционально-экспрессивные маркеры; на их наличие в когнитивных моделях

указывали исследователи [5]. На последней стадии анализа проводится моделирование содержательного ядра лексемы, являющегося системным значением слова и определяющего пределы его значения в системе языка.

Целесообразно начать с прямых значений. Предложение «I tremble with fear» можно интерпретировать на основе выявленного ННЗ «to move (involuntarily and slightly) from side to side» как «I move slightly and involuntarily from side to side from fear». Таким образом, релевантными оказываются не только выявленные признаки «slightly and involuntarily», но и признак «from fear». Действительно, это указывает на вызывающие дрожь причины.

Пример «Leaves tremble in the breeze» можно переосмыслить на основе выявленного ННЗ как «Leaves move slightly and involuntarily from side to side in the breeze». Таким образом, можно заключить, что признак «from fear» не является релевантным для описания неодушевленных предметов и, следовательно, его не надо включать в прототип глагола. Проанализировав данные примеры, мы видим, что в рассмотренном прямом значении наиболее частотным является значение «to move from side to side», а также дифференциальные признаки «involuntarily» и «slightly».

Далее проанализируем переносное значение: «I tremble at the thought that he might find out». В данной ситуации подчеркивается страх возможного события в будущем – «if you tremble at the prospect of a possible future event» означает «you are worried and frightened about it». На основе выделенного ННЗ мы можем интерпретировать данное предложение как «I feel as if I move from side to side (involuntarily and slightly) with fear at the prospect of a possible future event». Таким образом, мы видим, что во всех переносных значениях реализуется значение «as if to move from side to side (involuntarily and slightly)». Движение сравнивается с тем, которое происходит в теле человека, т. е. реализуется физическое состояние волнения и как бы дрожь по аналогии, «как будто» в теле человека или по-английски «as if in the body of a human being». Следует отметить, что признак сравнения «as if» присутствует именно в переносных значениях.

С учетом полученных результатов анализа семантической структуры глагола «to tremble» его прототип можно сформулировать как «(as if

to move from side to side (involuntarily and slightly)». Таким образом, лексический прототип, выявленный нами на уровне языка, реализуется во всех лексико-семантических вариантах на уровне речи. Это помогает говорящему в условиях коммуникативного цейтнота употребить нужное слово, так как информация в памяти хранится в компактной, удобной форме прототипа. Таким образом, знание всех возможных актуализирующихся в речи значений многозначных слов для успешной коммуникации не обязательно, поскольку говорящий знает системное значение слова

Для глагола **to shake** в качестве исходного значения большинство словарей выделяют значения «(to cause) to move up and down or from side to side with quick short movements» и «to cause to move with jerky movements». Движение характеризуется быстротой и отрывистостью, при этом в отличие от глагола «to tremble» оно может происходить не только из стороны в сторону, но и вверх и вниз. В примере «The house shook when the earthquake started» актуализируется сема движения в результате воздействия землетрясения как движущей внешней силы воздействия. Учитывая второе значение глагола «to shake» «приветствовать с помощью рукопожатия» — «to shake hands», предложение на основе ННЗ «We usually shake hands when we greet each other» можем интерпретировать как «We usually move our hands up and down when we greet each other». Третье значение глагола «to shake» — «to bring to a specified condition». В соответствии с когнитивным подходом генерирование общего смысла этого глагола происходит с опорой на его системное значение (т. е. на его ННЗ). При репрезентации данной лексемы возникает образ дрожи. Однако возникающий когнитивный образ не соответствует речевому контексту употребления. Исходя из этого, слушающий выводит переносный смысл в рамках смысловой структуры высказывания. Таким образом, в данном случае оказывается релевантной реализация более абстрактной семы «to bring to a specified condition by or as if by shaking».

Так, в предложении «It is not easy to shake one's heart free of the impression» проявляется переносное значение — «отбросить или забыть оставленное впечатление». В предложении «She was shaken by the news of the disaster» также проявляется значение, не связанное напрямую с дрожанием тела, — сема «to disturb, or agitate», т. е. подчеркивается, во-первых, влияние внеш-

него отрицательного воздействия, а во-вторых, его сравнимое с физическим ощущением дрожания влияние на человека — «новости о катастрофе потрясли ее до глубины души». При актуализации этого значения возникает когнитивный образ дрожи в теле человека, т. е. реализуется значение по аналогии с физическим. Буквальное значение накладывается на контекст, и слушающий выводит переносное значение «She was disturbed and agitated by the bad news of a disaster» — «Она нервничала и была взволнована из-за плохих новостей». На основе ННЗ можно переосмыслить данный пример как «She moved as if from side to side with quick movements from being nervous». Непроворочливое объяснение метафоры возможно на основе когнитивного образа и набора сем общего характера. На основании анализа как прямых, так и переносных значений содержательное ядро глагола можно определить как «to bring to a specified condition (as if) by moving from side to side or up and down».

Можно сделать вывод, что содержательные ядра глаголов «to tremble» и «to shake» обладают следующими признаками: отдельные семантические элементы сведены в них до минимально необходимых, устойчивых компонентов. Результаты исследования показали, что признак, включенный в содержательное ядро на базе производных отношений, носит абстрактный характер, что выражается конструкцией «as if» — «как будто». Так, системное значение включает возможность представления о ситуации как таковой или о «как таковой». В состав установленных системных значений синонимичных глаголов входит тождественный интегральный признак «to move from side to side» как основание их синонимичности и уникальный набор дифференциальных сем как фактор, определяющий «место» лексемы в синонимическом ряду — «involuntarily» и «from fear» для глагола «to tremble» и побуждение к действию для глагола «to shake».

Проведенный анализ глаголов-синонимов позволяет установить, каким когнитивным структурам в долговременной памяти соответствуют их содержательные характеристики как единиц собственно системы языка, и смоделировать ментальные образы фрагментов языковой картины мира, которые лежат в основе системных значений синонимов. Таким образом, каждый глагол обладает уникальным когнитивным образом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Архипов, И.К.** Человеческий фактор в языке [Текст] / И.К. Архипов. — СПб.: НИЖК, 2003. — 114 с.
2. **Он же.** Язык и языковая личность [Текст] / И.К. Архипов. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. — 244 с.
3. **Болдырев, Н.Н.** Когнитивная семантика [Текст] / Н.Н. Болдырев. — Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. — 123 с.
4. **Бережан, Г.** К семасиологической интерпретации явления синонимии [Текст] / Г. Бережан // Лекс. полисемия: сб. статей. — М., 1976. — С. 43–56.
5. **Беляевская, Е.Г.** Семантика слова [Текст] / Е.Г. Беляевская. — М.: Высш. шк., 1987. — 128 с.
6. **Брудный, А.А.** Значение слова и технология противопоставления [Текст] / А.А. Брудный // Семант. структура слова: сб. статей. — М.: Наука, 1971. — С. 19–27.
7. **Винокур, Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц [Текст] / Т.Г. Винокур. — Там же. — 1980. — 179 с.
8. **Вилюман, В.Г.** Английская синонимика (Введение в теорию синонимии и методики изучения синонимов) [Текст] / В.Г. Вилюман. — М. Высш. шк., 1980. — 128 с.
9. **Кацнельсон, С.Д.** Типология языка и речевое мышление [Текст] / С.Д. Кацнельсон. — Л.: Наука, Ленингр. отд., 1972. — 216 с.
10. **Колшанский, Г.В.** Контекстная семантика [Текст] / Г.В. Колшанский. — М., 1980. — 149 с.
11. **Кравченко, А.В.** Что такое коммуникация? [Текст] / А.В. Кравченко // Прямая и непрямая коммуникация / под ред. В.В. Дементьева. — Саратов: Колледж, 2003. — С. 27–39.
12. **Песина, С.А.** Полисемия в когнитивном аспекте [Текст] / С.А. Песина. — СПб., 2005. — 135 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Cob–Collins C English language Dictionary [Text]. — London\$ Glasgow: Collins, 1990. — 1703. — COBUILD.
2. Chambers Twentieth Century Dictionary/Ed. By A. M. Macdonald [Text]. — Edinburg: T @ A. Constable Ltd, 1976. — P. 1649. — Chambers.
3. Merriam–Webster’s Online Dictionary. — [Electronic resource]: <http://www.m-w.com/dictionary/>. — Merriam.
4. Heritage–The American Heritage Dictionary of the English language.–Forth edition. — [Electronic resource]: <http://www.bartleby.com/61/>. — Heritage.
5. Webster’s Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. [Text]. — N. Y.: Cramercy Books, 1996. — P. 2256. — Webster.
6. NED–New Webster’s Dictionary of the English Language [Text]. — USA, Surjeet publications, 1988. — 1824 p.

УДК 811.1

И.Ю. Кузина

О ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Любой продукт коммуникации может получить некоторое измерение: в языках мира существуют системы, наделяющие язык как семиотический феномен знаками, играющими роль определенных дескриптивных элементов. Эти элементы, с одной стороны, дают возможность человеку качественно и количественно оценить окружающий его мир, с другой — позволяют обозначить границы и возможности самого языка / речи как инструмента измерения. Таким образом, коммуникация характеризуется важным свойством — *параметризацией*.

Под параметризацией понимается процесс формирования и вербализации особой — параметрической — картины мира¹, в котором

¹Параметрическая картина мира определяется нами как система лингвокогнитивной репрезентации таких элементов мышления, которые в совокупности обеспечивают человека хронотопическими и эмоциональными (оценочными) координатами ориентации в окружающем его мире, позволяющими ему удовлетворять свои базовые (витальные) и комплексные (духовные, гуманитарные) потребности.

участвуют единицы языка разных уровней, погружаемые в соответствующие типы и жанры дискурса в зависимости от соположенных им потребностей человека. В предлагаемой статье описываются характеристики дискурса, детерминирующие успешный ход параметризации, обеспечивают эффективность коммуникации в целом, «задают» точки отсчета при квалификации, квантификации и эмоциональной оценке окружающей человека действительности, в том числе и явлений, существующих в самом языке как когнитивном инструменте расширения пределов информированности социума.

Когда говорят о параметризации, обычно имеют в виду способность объекта быть измеренным, т. е. представлять собой некую модель, дающую возможность репрезентировать образ явления. Этот образ возникает у коммуниканта в результате сложных когнитивно-ментальных операций его интеллекта. Хотя человеческий мозг до сих пор представляется неким «черным ящиком», ученые разных научных направлений, начиная с психологов и лингвистов, постепенно начинают отслеживать природу происходящих в нем процессов, в первую очередь исходя из анализа данных о том, как люди организуют свою коммуникацию. Получаемые результаты исследований свидетельствуют, что первичное ощущение бытия приходит из дискурсивной деятельности социума.

Ориентация человека в мире начинается с осознания его параметров, приходящего из логических операций сравнения и сопоставления, за которыми следует формирование умозаключений. Репертуар параметров постоянно расширяется за счет регулярного удовлетворения человеческих потребностей, в первую очередь благодаря ведущей потребности, актуализируемой в сознании, — потребности в информированности. «Нет такой человеческой нужды, — пишет А.В. Олянич, — которая не имела бы соответствующий дискурс, которая не была бы выражена в вербальных интенциях человека, которая не имела бы текстов, созданных в связи и для определенной потребности или для нескольких потребностей сразу» [5, с. 5]. Не случайна афористическая сентенция «Кто владеет информацией — тот владеет миром». Сегодня ученые усиленно говорят о мощном влиянии человеческих потребностей на динамику

формирования иерархии дискурсов, творимых человеком и творящих человека вкупе с его миром, точнее — миром, ему подчиненным.

Прежде чем развить тезис о параметризации как важнейшей характеристике дискурса, обратимся к теории дискурса и определим те ее положения, которые помогут лучше понять взаимосвязь двух логико-философских и семиотических сущностей, — *дискурс* и *параметр*. Иными словами, мы сделаем попытку рассуждения о **феноменологии дискурсивной параметризации**.

Начнем с того, что **параметрический статус** дискурса как коммуникативного феномена **амбивалентен**, и это принципиально важно для понимания его коммуникативной сущности. Его амбивалентность заключается в том, что, будучи явлением бытийным, философским, материально-идеальным, присущим Человеку индивидуальному и Человеку коллективному (социальному), он **сам измерим** по целому ряду или даже комплексу параметров; с другой стороны, именно в дискурсе отражается потребность Человека и Социума **измерить действительность**, окружающий мир, потребность **составить параметрическую картину** последнего. Последнее феноменологическое свойство дискурса — рефлексировать параметры бытия в продуцируемых им текстах — предмет особого разговора. В данном исследовании мы рассмотрим особенности параметризации дискурса как такового — как феномена коммуникации.

В настоящее время становится все более очевидным стремление лингвистов определить границы термина «дискурс», раскрыть его объяснительную силу, или, иными словами, «нащупать» его параметры, поскольку любая попытка дефинировать явление есть не что иное, как стремление к *параметризации* этого явления.

Чтобы построить параметрическую модель дискурса в первую очередь следует суммировать уже имеющиеся исследования дискурсологов, в которых предлагаются различные пути измерения этого сложного коммуникативного феномена. Исходя из сказанного, попытаемся представить в сжатом виде краткую историю параметризации дискурса. Сегодня она представляется нам следующей:

1. Выявлена множественность моделей построения дискурса, в которых отрицается доминирование линейности и прямой последовательности предложений («кирпичик за

кирпичиком»). Установлено, что в менталитете человека «защиты» правила построения дискурса, при этом коммуниканты не просто владеют моделями его построения на глобальном уровне, но и в состоянии «измерить» правильность этого построения (сказано «правильно/неправильно», «грамотно/неграмотно») [11].

2. Определена перспектива измерения дискурса как некоторого пространства коммуникации. Внутри этого пространства как в любом пространстве — материальном или идеальном — можно выстроить систему координат, что само по себе является свидетельством возможности его измерения, параметризации. По мнению С.Н. Плотниковой, основное, принципиально новое положение, провозглашаемое в исследованиях по дискурсивному анализу, можно сформулировать следующим образом. Существует особый уровень — уровень дискурса, который не относится непосредственно к языковой системе, а находится как бы на стыке вербальной и невербальной коммуникации. Дискурс создается прежде всего как особое ментальное пространство или особый ментальный мир, за которым следует особый отбор языковых средств [7, с. 39].

3. Свидетельством стремления исследователей к параметризации и структуризации дискурса являются предпринимаемые ими попытки выявить единицы дискурса и определить взаимоотношения между ними. Так, Дж. Синклер и М. Култар отнесли к единицам дискурса транзакцию (transaction), обмен (exchange), реплику (move) и акт (act) [12, с. 24]. Признаки параметризации тут очевидны, поскольку возникает возможность «исчисления» спонтанной речи (дискурсивности): количество речевых актов, количество участников, количество транзакций или обменов, их последовательность, набор аккумулярованных значений, поделенных между коммуникантами и т. п.

Кроме того, в параметрическую составляющую дискурса был введен такой исчисляемый параметр, как перспективное развертывание смысла, создаваемого совместными усилиями коммуникантов — участников дискурса.

4. В лингвистику для описания дискурса все более внедряется параметрическая терминология. Так, М.Л. Макаров, характеризуя дискурс, вводит параметральное понятие базовых координат

(формальная, функциональная, ситуативная интерпретации). В толковании дискурса с позиций интерпретации мы обнаруживаем измерительные кванти- и квалификационные единицы «*сверх*», «*выше*», «*ниже*», «*шире*», «*уже*», «*уровень*», «*целостный*», «*вариант*» (ср.: *формальная интерпретация — это понимание дискурса как образования выше уровня предложения; сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое; функциональная интерпретация в самом широком понимании — это понимание дискурса как использования языка/речи во всех ее разновидностях; более узким вариантом функционального понимания дискурса является понимание дискурса как целостной совокупности функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка*).

Параметризация дискурса маркирована также подходом формальной логики: мы обнаруживаем ее термины в описании интерпретаций дискурсивных процессов (*кортеж реплик в диалоге; система коннекторов, обеспечивающая целостность высказывания; установление корреляции «текст и предложение» — «дискурс и высказывание*»). Строго говоря, даже термин «*интерпретация*» относится к параметральным единицам логического анализа, не говоря уже об абсолютно параметрически маркированном употреблении математическими дисциплинами терминов «предел», «полярность», «динамика», «оппозитивных логем «абстрактность vs. конкретность» и т. п.; все перечисленные термины становятся неотъемлемыми единицами параметрального описания дискурса (ср. «*понимание дискурса как динамического промежуточного речевого образования в отличие от полярно различных трактовок текста — от предельно абстрактного конструкта до предельно конкретной материальной данности*») [4, с. 68–75].

5. Признание дискурса когнитивным образованием повлекло за собой попытку его структуризации. Этот процесс был сведен к выделению в структуре дискурса трех компонентов и в конечном итоге свелся к построению трехчастной триады: 1) обобщенная модель референтной ситуации; 2) модель репрезентации знаний о социальном контексте, с учетом которого осуществляется социальная взаимодействие посредством текстов; 3) нарративные схемы построения текста и семантико-синтаксические структуры [8, с. 31].

Фактически речь здесь идет о **матричном устройстве** дискурса (снова категория формальной логики, являющаяся неотъемлемым фактором параметризации): на эту трехчастную языковую матрицу налагаются образы и понятия, интерпретируемые и используемые социумом в соответствии с канонами коммуникативного поведения, принятыми в этом социуме.

6. Важно также отметить введение в понятийный аппарат дискурсологии таких параметральных сущностей, как *измерение (измерения)* или *модус (модусы)*, *регистр (регистры)*, *пространство*. «Дискурс... имеет несколько **измерений**, главными из которых являются порождение и интерпретация текста <...> конкретизация речи в различных **модусах** человеческого существования <...> правомерно... выделение делового (утилитарного) и игрового **регистров** дискурса; назначение первого — ориентировать человека в реальном мире; здесь важны цель и истина для адекватного представления образа реальности и полезного, эффективного действия в ней; назначение второго — освобождение человека от детерминизма природы и себе подобных, речевое лицедейство, опрокидывание устоявшихся стереотипов восприятия и поведения. В таком понимании игровой дискурс — это **пространство** творческого порождения и восприятия художественных произведений» [3, с. 295].

7. Значительный вклад в параметральный аппарат дискурса внесла генристика (жанроведение). Эта отрасль языкознания потребовала измерений и выявления таких параметров дискурса, которые могли бы детерминировать стилистико-жанровое поле, где и происходит дискурсоразвертывание. Исследователи называют эти измерения дискурса тонально-жанровыми и пытаются типологизировать дискурс в соответствии с его отнесенностью к тому или иному типу коммуникации. Так, говоря о тональности дискурса, имеют в виду такие параметры, как серьезность либо несерьезность, обиходность либо ритуальность, стремление к унисону либо конфликту, сокращение либо увеличение дистанции общения, открытое (прямое) либо завуалированное (косвенное) выражение интенций, направленность на информативное либо фатическое общение; все перечисленные параметры взаимосвязаны [3].

8. Параметризация тональности в исследованиях дискурсивных жанров также носит

квалификационный характер. Целый ряд квалификативных параметронимов денотирует модальную тональность общения: *«официально, серьезно, шутливо, восторженно, дружелюбно, враждебно, саркастически, недоверчиво, безразлично, пессимистически, робко, мечтательно, с грустью, пренебрежительно, надменно, агрессивно, с отвращением, настойчиво, мрачно, удивленно, взволнованно, хвастливо, с тревогой, раздраженно, с обидой, отрешенно, радостно, притворно, задумчиво, решительно, вызывающе, таинственно, грубо, испуганно, вежливо, ласково»* [1].

Типология жанров фатического общения является результатом стремления параметризовать саму фатику коммуникации, что достигается опять-таки с привлечением категорий точности. В.В. Дементьеву удалось сделать это при помощи построения двух осей координат, соответствующих параметрам степени косвенности и регулирования межличностных отношений (от унисона до диссонанса), в результате чего им выделено пять основных жанров фатической коммуникации:

- доброжелательные разговоры по душам, признания, комплименты;
- прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры;
- флирт, шутка;
- ирония, издевка, розыгрыш;
- праздноречевые жанры (small talk) [2, с. 55–57].

9. Параметризация дискурса осуществляется в современной дискурсологии и по социальному вектору. Такой подход позволил выделить два глобальных типа дискурса — институциональный (общение членов социума в рамках его институтов) и персональный (общение членов социума вне институтов, на бытовом или личностном уровне). Максимально релевантным для социума является, конечно же, институциональное общение; именно поэтому столь широк список выделяемых в его рамках институциональных видов дискурса — политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный и др.

Исследователи опять-таки стремятся характеризовать эти виды и типы дискурса в

параметральных терминах («Любое общение носит **многомерный, партитурный** характер <...> Институциональность носит **градуальный** характер <...> Институциональный дискурс строится по определенному **шаблону**, но **степень трафаретности** различных типов и жанров этого дискурса различна <...> В основе медицинского дискурса лежит **схема** необходимых и достаточных коммуникативных действий, связанных с приемом пациента» [3, с. 290–292].

Целое направление исследований институциональности посвящено изучению политического дискурса – политлингвистика. В его рамках идет интенсивный поиск ключевых параметров этого важного социального феномена, при этом многие прямо заявляют о необходимости построения его **многопараметральной модели** [6]. Уже сейчас определены параметры, наиболее значимые для понимания природы политической коммуникации:

- *телеологический параметр* дискурса (реализация цели дискурса – обретение и реализация власти; актуализация функций власти – информирующая, инструментальная, нормирующая, легитимирующая и прогнозирующая);
- *онтологический параметр* дискурса (организация, структуризация и иерархизация отношений власти и общества, детерминированных доминированием и подчинением);
- *гносеологический параметр* (конструирование выгодной власти аргументации, логические механизмы обретения, экспликации и удержания власти; неverifiedируемость суждений, направленная на манипуляцию чувствами граждан);
- *языковой параметр* (семантическая неопределенность, идеологическая полисемия, структурно-семантическая латентность, направленность на эмоциональное воздействие, фидеистичность, агональность и псевдиалогичность);
- *текстовый параметр* (многообразие текстовых видов и форм, направленных по своему содержанию на поддержание в обществе отношений доминирования-подчинения);
- *контекстный параметр* (создание прецедентных текстов, которые создают необходимые условия для протекания процессов

воспроизводства власти на основе эффекта узнавания);

- *коммуникативный параметр* (реализация стратегии институционализации общения в рамках политического дискурса посредством массовости коммуникации, размытости границ коммуникативного пространства, фантомности коммуникативных элементов и других прагматических приемов инкорпорирования власти) [6, с. 76].

10. Социально-культурные процессы, отражаемые в дискурсах, также имеют историю параметризации. В частности, Р. Ходж и Г. Кресс осуществили попытку разработать категориальный аппарат для социально-культурного измерения общения через построение модели так называемой «логономической системы» – набора правил, предписывающих условия для производства и восприятия смыслов, определяющих, кто имеет право устанавливать и получать смыслы, какие темы могут наделяться смыслами, при каких обстоятельствах и в какой модальности это может происходить. Эти правила выражены в условностях этикета, законодательстве, производственных отношениях [10, с. 3–6]. Эта модель демонстрирует, как знание кодов переосмысления параметризует принадлежность члена социума к определенному институту.

11. В дискурсологии делаются попытки параметризации языковой личности – творца дискурса. Так, И. Гоффман разработал категориальный аппарат для измерения личности как участника социального действия. Он считал, что измерение степени дискурсивности говорящего члена социума возможно при установлении следующих его статусных или квалификационных параметров:

- благо (good) – желаемые объект или состояние;
- притязание (claim) – право на обладание, контроль, использование и распоряжение благом;
- претендент (claimant) – лицо, предъявляющее права на благо;
- препятствие (impediment) – действие, средства или источники, ставящие притязание под угрозу;
- контр-претендент (counter-claimant) – лицо, от имени которого исходит угроза притязаниям на то или иное благо;

- агенты (agents) – индивидуумы, разыгрывающие роли претендента и контр-претендента применительно к притязаниям;
- фиксированные, ситуативные и эгоцентрические территории индивидуума (квартира, скамейка, на которой сидит человек, кошелек в его кармане);
- ритуальные действия, поддерживающие и корректирующие усилия индивида, направленные на достижение блага (supportive and remedial interchanges);
- знаки социальной взаимосвязи (tie-signs) – принадлежность индивидуума определенным коллективам в качестве члена соответствующих групп и связь с другими индивидуумами через социальные отношения [9, с. 51, 52, 88, 124, 226].

12. Параметризация различных типов и видов дискурса в современной дискурсологии осуществляется в рамках таких измерительных категорий, как **формат** и **глубина**. Вот как характеризует перечисленные основания для параметризации дискурса В.И. Карасик: «Под форматом дискурса понимается такая его разновидность, которая выделяется на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств. Формат дискурса представляет собой конкретизацию типа дискурса, количество этих форматов является достаточно большим, но измеримым. Формат дискурса в свою очередь конкретизируется жанрами речи, которые выделяются на индуктивной основе. Глубина дискурса определяется необходимым количеством объяснительных трансформаций для однозначной интерпретации текста, это операциональная категория. Глубина текста легче всего иллюстрируется методом „от противного“: есть обстоятельства общения, не требующие того, чтобы над сообщением следовало бы задуматься, и есть обстоятельства, заставляющие внимательно проанализировать смысл прочитанного или услышанного. Прототипным глубоким текстом является универсальное автосемантическое высказывание – сентенция,

афоризм, пословица. <...> Глубоким может быть не только философский трактат, но и обыденное замечание, например парадоксальная фраза в диалоге: “Не торопись, а то успеешь”. За этой фразой стоит принцип жизни человека, не желающего погрязнуть в суете. Глубина текста является сигналом для адресата: нужно перейти к внимательному осмыслению сообщаемого» [3, с. 340].

13. Наконец, важным аспектом параметризации дискурса, релевантным для каждого его вида или типа, признаются его конститутивные признаки – типовые участники (или типажи), хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [3].

Как видим, для лингвопараметрологии, статус которой как научной дисциплины, изучающей, систематизирующей и описывающей разнообразные лингвистические средства отражения параметрической картины мира, мы пытаемся обосновать и утвердить, чрезвычайно важно зафиксировать принципиальную возможность измерения такого сложного и многослойного коммуникативного феномена, каковым является дискурс.

Как доказывает история всех подходов к параметризации дискурса, несмотря на его многопрофильность, вариативность, «сопротивляемость» типологизации, таксономизации и классификации, все же имеются достаточные основания и возможности для его параметрического анализа.

Фактически все эти подходы, взятые в их последовательности и целостности, дают нам возможность выстроить параметрическую модель дискурса как коммуникативного и лингвосемiotического феномена. Очевидно, нашей дальнейшей задачей явится построение алгоритма параметризации дискурса, в основу которого, несомненно, должны лечь исследовательские «шаги», уже предпринятые дискурсологами в этом направлении. Кроме того, перспективой дальнейшего исследования дискурса в ракурсе построения целостной параметрической картины мира видится исследование особенностей отражения процесса параметризации действительности в «недрах» самого дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Багдасарян, Т.О.** Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.О. Багдасарян. — Краснодар, 2000. — 23 с.
2. **Дементьев, В.В.** Жанры фатического общения [Текст] / В.В. Дементьев // Дом бытия. — Вып. 2. — Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1995.
3. **Карасик, В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст]: монография / В.И. Карасик. — Волгоград: Парадигма, 2002. — 477 с.
4. **Макаров, М.Л.** Интерпретативный анализ дискурса в малой группе [Текст] / М.Л. Макаров. — Тверь: Изд-во ТГУ, 1998.
5. **Олянич, А.В.** Потребности — дискурс — коммуникация [Текст]: монография / А.В. Олянич. — Волгоград: Нива, 2006. — 234 с.
6. **Переверзев, Е.В.** Политический дискурс: многопараметральная модель [Текст] / Е.В. Переверзев, Е.А. Кожемякин // Вест. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — № 2.
7. **Плотникова, С.Н.** Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) [Текст]: монография / С.Н. Плотникова. — Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2000. — 244 с.
8. **Руберт, И.Б.** Текст и дискурс: к определению понятий [Текст] / И.Б. Руберт // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр. — СПб.: Изд-во С. Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2001.
9. **Goffman, E.** Relations in Public: Microstudies of the Public Order [Text] / E. Goffman. — Harmondsworth: Penguin, 1972. — 460 p.
10. **Hodge, R.** Social Semiotics [Text] / R. Hodge, G. Kress. — Cambridge: Polity, 1988. — 285 p.
11. **Hoey, M.** On the Surface of Discourse [Text] / M. Hoey. — London: George Allen & Unwin, 1983.
12. **Sinclair, J. McN.** Towards an Analysis of Discourse. The English Used by Teachers and Pupils [Text] / J. McN. Sinclair, M. Coulthard. — London: Oxford University Press, 1975.

УДК 81'271.1

А.Ю. Шестакова

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОГО И ЯЗЫКОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПРИГОВОРОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Юрист, ежедневно сталкиваясь с самыми разнообразными обстоятельствами жизни людей, должен уметь их объективно оценить, принять верное решение и убедить обращающихся к нему в правильности своей точки зрения. Формулируя и контролируя соблюдение норм права, юрист не может не охранять нормы родного языка. Этого требует и высокий статус права. От уровня культуры речи, несомненно, зависят престиж органов правосудия, выполнение юристом его важной общественной функции. Без соблюдения правил и требований при оформлении процессуальных актов невозможна подлинная культура юридической

документации. Несмотря на то что создано немало инструкций, пособий и практикумов по составлению процессуальных документов, наблюдается низкий уровень письменной речи специалистов в области юриспруденции.

Важным процессуальным актом является приговор. Значение его в системе актов уголовного судопроизводства определяет особую ответственность судей за его качество [1, с. 8].

Приговор — решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции [4, с. 7]. Только приговором суда лицо

может быть оправдано или признано виновным в совершении преступления; данным процессуальным актом устанавливается наказание осужденному. Приговору должны быть присущи:

- предельная точность (использование терминов, уточнений);
- объективность изложения (всестороннее рассмотрение и оценка фактов);
- законность (соответствие принимаемых судом решений Уголовному кодексу Российской Федерации и Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – УПК РФ);
- официальность (передача данных по делу допустимыми эмоциональными средствами);
- грамотность (соответствие правилам орфографии и пунктуации, соблюдение лексических и других норм);
- стандартизованность (использование общепринятых форм изложения, соответствие установленной структуре).

Существует два вида приговоров: оправдательный и обвинительный [4, с. 163]. Последний вид рассматриваемого процессуального акта особенно важен в рамках данного исследования, так как несоблюдение основных языковых норм, нарушение правил и несоответствие требованиям при составлении обвинительного приговора может привести к непоправимым последствиям. Рассмотрим, насколько современные приговоры отвечают предъявляемым требованиям.

В ходе проведения исследования были проанализированы материалы судебной практики: более 20 приговоров различных судов Санкт-Петербурга за период 2002–2005 годов. Анализировались структура данных процессуальных актов (наличие всех необходимых компонентов, соблюдение правил оформления) и их языковое оформление.

1. Анализ структуры приговоров

Результаты проведенного анализа представлены табл. 1.

Таблица 1

Соответствие структуры приговоров требованиям, установленным различными нормативными правовыми актами (на основе анализа приговоров судов Санкт-Петербурга за 2002–2005 годы)

Требования нормативных правовых актов к структуре приговора	Соответствие нормам
1. Вводная часть содержит следующие сведения:	
1) о постановлении приговора именем Российской Федерации;	+
2) дата и место постановления приговора;	+
3) наименование суда, постановившего приговор, состав суда, данные о секретаре судебного заседания, об обвинителе, о защитнике, потерпевшем, гражданском истце, гражданском ответчике и об их представителях;	Только в половине исследуемых приговоров фиксировано наименование суда. Нарушен порядок указания состава суда: наиболее часто встречающаяся неточность – отражение секретаря после информации о подсудимом. Это связано со спецификой процессуальных актов: сначала перечисляются активные участники судебного процесса, а потом – пассивные, незаинтересованные в исходе дела, не влияющие на ход решения суда
4) фамилия, имя и отчество подсудимого, дата и место его рождения, место жительства, место работы, род занятий, образование, семейное положение и иные данные о личности подсудимого, имеющие значение для уголовного дела;	Наблюдается неверное указание места рождения подсудимого: оно должно быть указано в соответствии с записью в паспорте. В большинстве исследованных приговоров вместо Ленинград указывается Санкт-Петербург

Окончание табл. 1

Требования нормативных правовых актов к структуре приговора	Соответствие нормам
5) пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за преступление, в совершении которого обвиняется подсудимый. Непосредственно перед описательной частью приговора должно быть указано, в открытом или закрытом судебном заседании рассматривалось дело	+
2. Описательно-мотивировочная часть	В половине рассмотренных приговоров отсутствуют данные о виде судебного заседания. Практиками выработана своя система: как правило, приговоры выносятся в открытом заседании, считается, что это само собой разумеющееся и не требует отдельного уточнения. Поэтому, если и указывают вид, то в случае закрытого заседания. Однако это не причина, чтобы нарушать требования УПК РФ
3. Резолютивная часть	+

Примечание. Знак «плюс» в графе «Соответствие нормам» означает, что данный пункт соответствует требованиям.

В настоящее время УПК РФ не требует составления приговора на установленных бланках. До 2008 года этому были посвящены глава 56 «Порядок применения бланков процессуальных документов» и глава 57 «Перечень бланков процессуальных документов» (статьи 474, 475), но данные главы утратили силу в соответствии Федеральным законом Российской Федерации № 87-ФЗ от 5 июня 2007 года. Причина – растущее количество различных вариантов процессуальных актов в областных подразделениях, которым в связи со спецификой их региона приходилось постоянно вносить и утверждать изменения на федеральном уровне. Свою роль сыграла также компьютеризация документооборота – все протоколы оформляются с использованием текстового редактора Word, поэтому необходимость в бумажном варианте бланка отпала. В связи с этим наблюдается нарушение единообразия в оформлении исследуемых процессуальных актов. Оформление приговоров сильно разнится:

1) шрифт используется стандартный – Times New Roman, но кегель (размер шрифта) или 11, или 12;

2) основной текст выравнивается в одних случаях по ширине, в других – по левому краю;

3) разное оформление сведений о составе суда (или в две колонки, или по левому краю);

4) в некоторых приговорах используется шрифтовое выделение (заглавными буквами, жирным, курсивным начертанием, с отступом) фамилии, имени, отчества подсудимого, а также слов начала описательной («установил») и резолютивной частей («постановил»);

5) при перечислении доказательств каждое подтверждение виновности подсудимого должно указываться с нового абзаца, что не всегда соблюдается.

Кроме приговоров судов Санкт-Петербурга, мы рассмотрели опубликованные материалы судебной практики на сайте районных судов. Были исследованы приговоры Пушкинского районного суда города Санкт-Петербурга [5]. Орфографические, пунктуационные ошибки, неточности словоупотребления в данных документах отсутствуют, так как материалы проходят проверку и публикуются через несколько месяцев после вынесения приговора в суде.

Несмотря на это, в электронных версиях приговоров наблюдаются некоторые несоответствия УПК РФ, например отсутствует указание суда, подсудимый указывается перед защитником, не отражается информация о виде судебного заседания (открытое или закрытое).

Мы обратились также к учебно-практическому пособию В.И. Баскова «Процессуальные акты уголовного судопроизводства» (М.: БЕК, 1996). Можно сделать вывод, что приведенный в этом пособии пример приговора не соответствует требованиям, предъявляемым к исследуемому типу процессуальных актов. Было выявлено отклонение от норм в описательно-мотивировочной части: не указаны конкретные материалы (показания свидетелей, данные экспертизы и т. п.), что, согласно УПК РФ, является обязательным при составлении подобного рода актов: необходимо привести доказательство вины или невинности подсудимого.

В связи с этим следует рекомендовать сотрудникам судебной структуры разработать стандартную форму приговора в электронном виде, где была бы закреплена «шапка» с указанием состава суда и основных компонентов процессуального акта, учитывалось бы соответствие текста акта общепринятым нормам, распространяющимся на данный тип документов.

2. Анализ приговора с точки зрения языкового оформления

В научно-практическом комментарии к УПК РФ отмечается, что в приговоре «недопустимо употребление неточных формулировок, непринятых сокращений и слов, неприемлемых для официальных документов, а также загромождение его описанием событий, не относящихся к делу» [3, с. 547]. При необходимости специальные юридические термины и выражения должны быть разъяснены. Большинство терминов действительно конкретизируются с использованием клише («Б. совершил кражу, т. е. тайное хищение чужого имущества», «неправомерное завладение автомобилем без цели хищения (угон)», «мошенничество, т. е. умышленные действия, направленные на хищение чужого имущества путем обмана»). Часто такие разъяснения отяжеляют текст, делают его громоздким, что затрудняет восприятие. Приведем пример, сохраняя пунктуацию цитируемого текста: «Клименко ГА, Евтифеев ВГ и Петро-

ченко ГН, совместно и по предварительному сговору с лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, в один из дней сентября 2000 года около 04 часов, с целью хищения чужого имущества путем обмана, находясь по адресу: Ленинградская область г. Сертолово ул. Молодцов д.1 кв. 93, предоставляя ложную информацию Сухановой ЕВ, пытались получить от нее принадлежащие ей денежные средства». Следовало бы разбить это предложение на несколько простых и все конкретизирующие сведения выразить в более доходчивой форме.

В приговорах часто употребляются непринятые сокращения (см. табл. 2).

Речевые ошибки:

1) неверное падежное окончание:

- в правом нагрудном кармане куртке;
- виновность подтверждается протокол(ом);
- «В целях восстановления социальной справедливости, исправление и перевоспитание подсудимого...»;

2) написание названий населенных пунктов, улиц и т. п. со строчной буквы (ул. красных Зорь, Слб);

3) наличие разговорных форм, недопустимых в документах официально-делового стиля («оба вышли на улицу, чтобы разобраться один на один», «увидел трех парней»);

4) различные лексические ошибки:

- «действуя между собой группой лиц»;
- «завязался конфликт»;
- «обоюдная ссора и драка»;
- «Коротков Г.В. начал кому-то звонить, разговаривать, после чего, сославшись на плохую связь, вышел из помещения магазина на улицу, после чего исчез»;

Таблица 2

Сокращения, часто употребляемые в приговорах с нарушением требований к их оформлению

Слово, дата	Стандартное сокращение	Сокращения, употребляемые в приговорах
Деревня	д.	дер.
Автомобиль	—	а/машина
Двухэтажный	2-этажный	2-хэтажный
20 августа 2003 года	20.08.2003	20.08.03 г.
Инициалы	И.П.	ИП

- «неприятные отношения по поводу жилья»;

5) использование речевых штампов: «совершили хулиганство», вместо «хулиганские действия»;

б) фактические ошибки:

- «ул. Красных Зорь» (вместо «бульвар Красных Зорь»);
- в тексте одного из приговоров указано неверное имя свидетельницы, хотя речь идет об одном и том же человеке: в одном случае — Анна Бабак, а в другом — О.А. Бабак.

Орфографические ошибки в протоколах наблюдаются достаточно редко. Это связано с применением компьютерной техники — большинство ошибок исправляется автоматически в текстовом редакторе MS Word, но встречаются опечатки («примял» вместо «принял»; «межу» вместо «между»; «в виде лишения свободы сроком на 7 (семь) месяцев с отбывание наказания колонии поселения»).

Особого внимания требует синтаксис текста в описательно-мотивировочной части. Часто встречаются ошибки в построении предложений. Нарушения синтаксической структуры фразы, как правило, сопровождается рядом других ошибок (например, неправильным использованием союзных (относительных) и относительных слов:

- «причинил Бабак побои и физическую боль»;
- «Когда приехала милиция, они задержали Ивановых»;
- «Кроме того, все трое подсудимых находились в состоянии алкогольного опьянения, что сами это не отрицали»;
- «Приехали на машине к Сухаревой Е.В., намереваясь, обмануть ее о том, что помогут разрешить проблемы ее мужа, получить от нее деньги».

Для деловой юридической речи характерно использование сложных предложений. Это связано с тем, что в процессуальном акте необходимо предельно точно, конкретно представить все обстоятельства дела. Сложное предложение позволяет наилучшим образом обосновать выводы судьи. Нередко «пишущий невнимательно относится к изложению материала, теряет логические нити, это ведет к загромождению предложения придаточными частями и лиш-

ней, ненужной информацией, а в итоге — к нарушению границ предложения» [1, с. 283].

При использовании сложных предложений часто нарушаются правила пунктуации (не выделяются однородные члены в предложении, неверно используются придаточные предложения, деепричастные и причастные обороты). Подобные ошибки ведут к искажению смысла, нарушению согласования между членами предложения. Приведем примеры с сохранением пунктуации исследуемого текста: «Проходя мимо дома №6 Тальман предложил угнать машину ВАЗ-2101 красного цвета» (отсутствует запятая при деепричастном обороте), «В качестве доказательств суд признал показания потерпевшей Румянцевой Л.В., данные на предварительном следствии и оглашенные в зале судебного заседания в соответствии со ст. 281 УПК РФ согласно котор~~ых~~ вечером около 18 часов...» (отсутствует пунктуация придаточного предложения и нарушено согласование), «...это не его, Григорьева дело...», «Григорьев и Воронин оба вышли на улицу» (отсутствуют запятые при уточнении), «11.08.2002 г. около 11 часов находясь в состоянии алкогольного опьянения, Булыгин, Иванов В.П. и Иванов С.П. действуя группой лиц в коммунальной квартире 36...» (отсутствуют запятые при деепричастных оборотах) и др.

Приведем пример, в котором можно найти практически все ошибки, рассмотренные выше: «20.01.2005 года около 19 часов 30 минут, с целью хищения чужого имущества, находясь в помещении магазина, расположенного по адресу: г. СПб, д.16 по ул. Белы-Куна (во Фрунзенском районе Санкт-Петербурга), подошел к Терещенковой О.В. и под предлогом позвонить, пообещав при этом вернуть телефон владельцу, однако не имея намерения выполнить свое обязательство, то есть злоупотребления доверием похитил у последней сотовый телефон „SAMSUNG X-100“, стоимостью 3600 рублей, с кожаным чехлом, стоимостью 400 рублей, с СИМ-картой TELE-2, стоимостью 150 рублей, и шнурком материальной ценности не представляющим, а всего похитил имущество Терещенковой О.В. на общую сумму 4150 рублей, после чего с места преступления с похищенным имуществом скрылся, распорядился похищенным имуществом по личному усмотрению, причинив своими действиями потерпевшей значительный ущерб на указанную сумму».

Это слишком сложное предложение, перегружено уточнениями, придаточными предложениями (которые не всегда обособляются), нарушен порядок слов, использованы неприятные сокращения, нарушено согласование и т.д. В приведенном примере насчитывается более 80 слов, из них: слово «имущество» употреблено 4 раза, слово «похитил» (+ однокоренные) – 5 раз. В данном случае стремление к точности приводит к огромному количеству ошибок, а ведь такие формулировки встречаются очень часто во всех видах процессуальных актов.

Проанализировав более 20 приговоров уголовного судопроизводства, мы пришли к следующим выводам.

В целом наблюдается низкое качество составления процессуальных актов. Это выражается, в частности, в составлении приговоров:

- нарушается структурное оформление данных процессуальных актов;
- присутствуют языковые ошибки.

Многочисленные погрешности в структуре, языке и стиле процессуальных документов вызывают острую необходимость в обращении дополнительного внимания на данную проблему. Невозможно овладеть навыками составления процессуальных актов (в том числе и приговоров), используя только УПК РФ. Рекомендуется также применять Комментарии к кодексу, где разъясняются необходимые компоненты данного юридического документа. Использование пособий, посвященных специфике оформления конкретных процессуальных актов, безусловно, способствует формированию профессиональных языковых навыков юриста, но ограничиваться работой только с существующими, не объединенными в единый комплекс учебными материалами нельзя.

На наш взгляд, очевидно, что для решения освещенных проблем следует ввести дополнительный учебный курс профессиональной коммуникации юриста, состоящий из комплекса таких дисциплин гуманитарного блока, как «Русский язык и культура речи», «Делопроизводство», «Ораторское искусство», «Речевая коммуникация», «Деловое общение» и др. Цель данного курса – повышение устной и письменной грамотности специалиста в области юриспруденции; обучение навыкам профессиональной работы с документами, речевого взаимодействия в судебном производстве и т. д.

Данный курс в расширенной структуре может быть рассчитан на несколько семестров. Студентам первого года обучения следует давать основы культуры речи, речевой коммуникации, делового общения и т. п. На втором году обучения надо вводить занятия, посвященные речевому взаимодействию в судебном производстве, работе с процессуальными актами. Разделение курса на тематические блоки учитывает постепенное формирование понятийного аппарата обучающихся.

Для практикующих юристов подобное обучение может быть реализовано в качестве повышения квалификации. В данном случае возможны два варианта организации процесса обучения: как краткосрочное повышение квалификации или в составе целого курса.

Таким образом, разработка и внедрение различных по организации образовательного процесса вариантов подобного курса профессиональной коммуникации является решением задачи речевой подготовки и переподготовки юристов. Всеохватность предлагаемого комплекса дисциплин обосновывается широким кругом интересов и возможностей специалистов в области юриспруденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ивакина, Н.Н.** Профессиональная речь юриста [Текст]: учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. – М.: БЕК, 1997. – 348 с.
2. **Басков, В.И.** Процессуальные акты уголовного судопроизводства [Текст]: учеб.-практ. пособие / В.И. Басков. – М.: БЕК, 1996. – 160 с.
3. **Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации** [Текст] / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Спарк, 2004. – 1151 с.
4. **Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации** (с изм. и доп. на 1 июня 2009 года). – М.: Эксмо, 2009. – 288 с. – (Рос. законодательство).
5. **Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»**: Пушкинский районный суд города Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psh.spb.sudrf.ru/index.php>.

УДК 141.201

А.И. Иваненко

ХАОС И РЕВОЛЮЦИЯ (ПРОЛЕГОМЭНЫ К ОНТОЛОГИИ РЕВОЛЮЦИИ)

Термин «революция» достаточно привычен в отечественном марксистском философском дискурсе. Применялся он главным образом к описанию интенсификации процессов общественного бытия. Но исторический марксизм так и не поднялся до *онтологии революции*. Поскольку качественные скачки не всегда связывались с революционными процессами, сама революция могла казаться чем-то акцидентальным, привходящим в общественное бытие. Во многом это объясняется сохранением эволюционистской парадигмы, согласно которой все складывается постепенно, с течением долгого времени. Тем не менее развитие философии демонстрирует, что термин «революция» не может быть всецело приватизирован марксизмом. Он обладает значительным объяснительным потенциалом и не может быть отброшен на свалку истории. Термин «революция» активно используется сторонниками технологического детерминизма. Историк науки Т. Кун с его помощью объясняет процесс формирования идей, а историк Г. Чайлд обозначает этим термином таинственный процесс зарождения цивилизации на нашей планете [14, с. 286].

Самое время поставить вопрос об онтологическом статусе революции. Этот статус уже активно разрабатывается в рамках так называемых теорий хаоса. В.В. Афанасьева в своей работе «Детерминированный хаос: от физики к философии» (2001) характеризует революцию как «частный случай бифуркации» [1, с. 68]. Это представление восходит к синергетической традиции, у истоков которой

стоял немецкий физик Г. Хакен. Революциям он посвятил целую главу (15-ю) своего фундаментального труда «Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии» (1992). Хакен фактически отождествляет революции с хаосом, поскольку они проступают жестко структурированными формами социальной реальности. Вначале он фиксирует привычное представление о революции – «перевороте, в результате которого один государственный порядок в отдельно взятой стране сменяется другим» [13, с. 189], а затем обобщает его сквозь призму синергетики и определяет революцию как «состояние неустойчивости, за которым следует то или иное нарушение симметрии» [Там же. С. 215]. Более подробное описание «неустойчивости» мы находим у другого основоположника синергетики – И. Пригожина. Он сообщает, что крайним случаем неустойчивых систем являются системы хаотические [10, с. 7].

Однако следует воздержаться от слишком поспешного отождествления революции и хаоса хотя бы на том основании, что хаос с трудом поддается формально-логическому описанию и в рамках академического дискурса сохраняет черты *негативного* понятия. Если на уровне здравого смысла мы скорее видим в революции частный случай хаоса, то на путях теоретического мышления хаос вполне может оказаться онтологической проекцией революции. Но онтологический характер немислим без атрибута всеобщности. Можем ли мы усмотреть в революции всеобщность, сравнимую со всеобщностью хаоса?

Неуловимость социального хаоса

Философы прежних эпох не всегда считали хаос (даже в его социальном аспекте) синонимом революции. Для Г. Спенсера хаотичным является первобытное общество, которое предшествует упорядоченному цивилизованному состоянию. Эта мысль созвучна представлениям XIX века о промискуитете как начальной форме семейного существования. Истоки такой локализации хаоса по шкале исторического времени, безусловно, восходят к английскому мыслителю XVII века Т. Гоббсу, характеризовавшему естественное состояние как «войну всех против всех».

Исследования антропологов-структуралистов XX века, и прежде всего К. Леви-Строса, свидетельствуют, что так называемое первобытное состояние упорядочено ничуть не меньше, чем современная цивилизация. А.Л.Н. Гумилев даже приписывает архаическим коллективам большую статичность (гомеостаз), чем обществам перманентной модернизации. Так, он откровенно «статическими» («персистентными») народностями называет австралийских тасманийцев, сибирских тунгусов и североамериканских алгонкинов [5, с. 120–121]. Концепция Гумилева укладывается в теорию «традиционных обществ», которым никак нельзя приписать состояние хаотичности.

Подобная неопределенность локализации хаоса по шкале времени может объясняться тем фактом, что любая форма общественного бытия в той или иной мере содержит элементы хаоса. Аргументы в пользу этого можно найти как с *материалистических*, так и с *идеалистических* позиций. С материалистических позиций социальное не мыслится вне биологической основы, по сему его можно охарактеризовать как форму существования живой материи. Живое же благодаря фундаментальным процессам метаболизма (питание + рост) мыслится выражением открытости системы, по мысли И. Пригожина, в пределе совпадающей с хаосом. С идеалистических позиций социальное является продуктом взаимодействия суверенных личностей, каждая из которых обладает изначальной свободой воли. Это в свою очередь наделяет общество хаотическими атрибутами, ибо любая закономерность базируется на добровольности как форме индетерминизма.

Революция как энтелехия хаоса

Однако мера хаоса не во всех формах социальной реальности одинакова. Существуют более или менее упорядоченные социальные формы, причем первые по преимуществу и изучаются общественными науками. Впрочем, это не противоречит базовой для всех теорий хаоса идее, что хаос первичен по отношению к порядку и не может быть определен через его отрицание. Подобно хаосу, революция также не может сводиться исключительно к катастрофическому аспекту. В ней очевидным и существенным образом присутствуют и процессы самоорганизации, мобилизации и даже творчества масс, которые только в редких случаях можно объяснить эффектом реставрации.

Пожалуй, наиболее корректным было бы утверждение, что хаос проявляется в моментах перехода, в предельных случаях интенсификации динамики (своеобразного взрыва) социального бытия, которые получили наименования революций. Разумеется, не все проявления социального хаоса могут быть отнесены к революции, но она объемлет их все как некоторая тотальность. Следовательно, революция и есть энтелехия социального хаоса.

Этот вывод нуждается в уточнении, поскольку общественные науки фиксируют в революциях определенные временные структуры. В основе современных исследований революций лежит фундаментальная работа К. Бринтона «The Anatomy of Revolution» («Анатомия революции»), опубликованная в 1938 году и впоследствии неоднократно переиздававшаяся с дополнениями. В этом труде категория революции берется как Gestalt (форма) или, точнее, pattern.

Прежде всего Бринтон пытается содержательно и логически определить термин «революция», где родовым оказывается понятие изменения — change. В концепции Аристотеля изменение и движение практически отождествляются. Именно посредством этих понятий определяется такой фундаментальный атрибут бытия, как время. Бринтон вначале пытается отождествить революцию с процессами изменения, ссылаясь на троцкистское толкование, в рамках которого «перманентная революция» неотличима от прогресса [18, с. 3]. По факту использования термина «консервативная революция» можно сказать,

что направленность подобных изменений носит привходящий характер. Однако Бринтон все же делает необходимые уточнения.

Неотъемлемым элементом революции Бринтон считает насилие. Например, приход к власти лейбористской («трудовой») партии в Англии в 1945 году Бринтон не называет революцией только потому, что он не сопровождался насилием. Интересно, что в своем преувеличении исторического значения прихода лейбористов (социалистов) к власти Бринтон был не одинок. Его современник Дж. Оруэлл написал антиутопию «1984», где описывал общество, в котором победил *ангсоц* («английский социализм»). Стоит отметить, что после «цветных революций» первого десятилетия XXI века возобновились дискуссии относительно того, является ли насилие атрибутом революции. Так, современный исследователь революций Дж. Голдстоун, опираясь на факты «бархатных», демократических революций (например, в Чехословакии в 1989 году), склонен считать фактор насилия несущественным и привходящим [4, с. 60]. Однако насилие может иметь и бескровные формы (например, психологическое насилие уличных толп на Центризбирком в ходе «оранжевой» революции на Украине в 2004 году). Кроме того, если, согласно М. Веберу, государство — это легитимное насилие, то сложно представить, чтобы его антипод — революция — был бы лишен насилия.

Само по себе понятие насилия подразумевает сложный характер интересубъективного взаимодействия. Его биологической основой является описанный К. Лоренцом феномен внутривидовой агрессии. Однако насилие, безусловно, несводимо к агрессии. Оно носит сознательный и целенаправленный характер. Нередко насилие включает в себя понятие избыточного вреда, который выполняет компенсаторную функцию. Подлинно социальным феноменом оно становится тогда, когда обнаруживает социальное различие и приводит к формированию социальных групп на основании единой (протестной) идентичности. Посему естественная эволюционная агрессия, призванная стать механизмом естественного отбора и самосовершенствования, проецируясь и трансформируясь посредством идеологии, превращается в насилие. Голдстоун, прямо не говоря о насилии, тем не менее, вскрывает его генезис посредством идеологии,

которая конвертирует психологический дискомфорт в социальное действие [4, с. 76].

При этом не любое «насильственное изменение существующего строя» Бринтон склонен именовать революцией. Он приводит в пример Афинский переворот 411 года до н. э., когда к власти в полисе пришла олигархическая группировка, и отказывает этому событию в праве называться революцией, поскольку она не стремилась к общественному благу. Посему, опираясь на труд Бринтона, мы можем предложить следующее определение: революция — это насильственное изменение существующего строя во имя свободы большинства, поэтому революция не может не быть народной (*popular*). Однако последнее уточнение относительно «общего блага» исключает из рассмотрения те движения, которые в зависимости от контекста могут рассматриваться то как национально-освободительные, то как сепаратистские, поскольку они выражают интересы меньшинства. Бринтон для их описания использует термин «*territorial-nationalists*» [18, с. 23]. Действительно, в рамках Британской империи национально-освободительное движение ирландцев никак не может быть рассмотрено как движение большинства. Вместе с тем Бринтону приходится сделать отдельное отступление, чтобы защитить американскую революцию, которая в отечественной традиции более известна как Война за независимость в 1775–1783 годов. Для этого он доказывает ее социальный характер и приверженность антифеодальным идеям Просвещения.

Еще одним, скорее подразумеваемым, критерием революции Бринтон называет успешность. Попытка революции сама по себе не есть революция, хотя этот термин могут применять историки. Такие революции Бринтон называет *abortive* («ублюдочными») и в качестве примера приводит европейские революции 1848 года [Там же. С. 24], которые, кстати, вдохновили Маркса и Энгельса на написание «Манифеста Коммунистической партии».

Кластер фазовых переходов

От определений Бринтон довольно быстро приходит к рассмотрению самой структуры революций, что позволяет Голдстоуну обвинить его в «примитивном описательном обобщении» [4, с. 59]. Статус эталона имеют четыре революции,

которые Бринтон называет важными (important): английская, американская, французская и русская. Причем они отнюдь не равны между собой. Deskриптивным образцом, безусловно, является Великая французская революция [18, с. 3]. Это представляется вполне разумным. Советский исследователь М.А. Барг пишет, что сам термин «английская революция» является дискуссионным среди историков. Британские исследователи склонны заменять его понятиями «великий мятеж» (Great Rebellion) и «гражданская война» (Civil War) [2, с. 37]. Американскую революцию Голдстоун уже не включает в число четырех «великих революций». Ее место в каноническом списке он делегировал китайской революции 1949 года [4, с. 59]. Не меньше споров вызывала русская революция. Если в советские годы события октября 1917 года трактовались как Великая Октябрьская социалистическая революция, то после Перестройки их нередко именовали Октябрьским переворотом [17, с. 6]. Не меньшей ревизии подверглись и февральские события. Например, историк И.Я. Фроянов также усматривал в событиях начала 1917 года не революцию, а политический переворот [12, с. 43–44].

Таким образом, только французская революция оказывается бесспорной, и именно на ее примере Бринтон выводит свой знаменитый «закон Термидора», согласно которому любая революция в процессе своего развития приходит в той или иной степени к отрицанию самой себя или, как образно говорят, подобно хтоническому демону, «революция начинает пожирать своих детей».

Структуру революций Бринтон рассматривает в логико-историческом ключе посредством сменяющих друг друга этапов, которые вынесены в название четырех из девяти глав «Анатомии революции»: Старый Режим, Правление «умеренных», Годы Террора и Термидор. Хотя, безусловно, в тексте можно найти и более мелкие градации революционного процесса.

Любая революция начинается со стадии Старого Режима, т. е. с разложения самой ткани социальной реальности, вследствие чего современный режим начинает восприниматься как старый. Бринтон делает одно немаловажное замечание: отсталые или традиционные страны не знают революций [18, с. 33]. Социальная реальность должна разомкнуться во

времени, прийти в движение, встать на путь модернизации и воспринять саму оппозицию «старое – новое». Рассматривая пример русской революции, Бринтон обращает внимание на предшествующие ей реформы, относительно которых общество, и главным образом правящий класс, начинает раскалываться: одним кажется, что реформы идут слишком быстро, а другим – слишком медленно. Таким образом, маховик революции запускается сверху. Сам процесс реформ предполагает как цель некий идеализированный образ нового порядка, на основании которого появляется антиправительственная революционная идеология, заражающая собой массы посредством агитации. Рано или поздно инфицированные революционной идеологией массы устраивают беспорядки, пользующиеся моральной поддержкой со стороны радикальной части правящего класса. Эти беспорядки маркируют собой начало революции и конец Старого Режима. Так, Бринтон в один ряд ставит победу американских патриотов при Лексингтоне (Массачусетс) 1775 года, взятие Бастилии в 1789 году и уличные беспорядки в Петрограде 8 марта 1917 года [Там же. С. 72]. Однако сами по себе беспорядки не приводят к падению режима. Здесь решающую роль играют настроения в армейской среде. Бринтон отмечает, что накануне французской революции королевская армия была разложена революционной пропагандой и единственной верной опорой трона оставались немецкие наемники. Равным образом и русская революция стала ощутимой лишь после того, как царская армия перешла 12 марта 1917 года на сторону восставших.

Если перевести этот процесс на язык теории хаоса, то революция начинается с *состояния неустойчивости* и нестабильности. Возникает вопрос: что провоцирует данное состояние? С философской точки зрения очевидно, что социальное бытие погружено во время, главным свойством которого является необратимость, а необратимость является следствием неустойчивости. В этом случае любая социальная форма старорежимна подобно тому, как все живое смертно. Тезис Бринтона относительно невозможности революций в традиционных обществах как будто имеет эмпирическое подтверждение, однако известно, что идея необратимости времени зарождается

как раз в рамках традиционного средневекового общества. Примечательно, что эта идея необратимости почти тысячу лет не провоцировала никаких революций. Кроме того, согласно данным историков, первые революции отнюдь не стремились к проведению форсированной модернизации [2, с. 20]. Сама приставка *ре-* (*re-*) в слове «революция» указывает на возвратное или обратное движение [Там же. С. 33]. Нидерландская и английская революции XVI–XVII веков были вдохновлены идеями славного прошлого, перечеркнутого иноземным господством: испанским или нормандским. В этом случае революция предстает как катастрофа или эффект бабочки, когда некая микроскопическая флуктуация производит асимметричный ответ.

Далее Бринтон переходит к описанию следующего этапа, когда после свержения Старого Режима к власти приходят «умеренные» (*the Moderates*). Примечательно, что они рекрутируются из привилегированных слоев прежней власти. Примерами «умеренных» для Бринтона являются английские пресвитериане, французские фельяны и жирондисты, а также русские кадеты, народники и меньшевики.

С точки зрения теории хаоса можно сказать, что социальная система после первого значительного сбоя как бы начинает восстанавливаться, социальный организм регенерирует и создается впечатление об успешном преодолении кризисных явлений старорежимного периода. Поэтому правление умеренных сопровождается состоянием эйфории, или *Non-umoon* («медовый месяц»), поскольку вначале революцию, как правило, поддерживают самые широкие слои населения. Однако стабилизация оказывается иллюзорной, кризис переходит во вторую, более разрушительную стадию. В теориях хаоса этот эффект получил название каскада удвоения периода. Бринтон объяснял этот процесс тем, что власть от «умеренных» перетекает к экстремистам. Отчасти это объясняется тем фактом, что любая революция имеет сомнительный правовой статус и любая новая власть боится реванша. Новый режим более уязвим, чем старый, ибо, с одной стороны, у него нет опыта управления, а с другой — боясь отождествления со свергнутыми правителями, он дает более широкие обещания и даже полномочия деструктивным элементам.

Как замечает Бринтон, умеренные допускают популярную ошибку: они не видят угрозы слева [18, с. 145]. На смену «медовому месяцу» приходит этап, который Бринтон обозначает как *dual sovereignty* (двойной суверенитет), но в отечественной традиции более подходящим является термин «двоевластие». Экстремисты начинают обвинять «умеренных» в половинчатости, непоследовательности и даже в сговоре с представителями Старого Режима. Примерами экстремистов в работе «Анатомия революции» названы английские индипенденты, американские «сыны свободы», французские якобинцы и русские большевики.

Бринтон замечает, что, согласно логике революции, экстремистов ждет успех, поскольку они ставят под свой контроль новую армию. В качестве иллюстрации своего тезиса он перечисляет ряд идентичных исторических событий, которые знаменуют конец двоевластия и начало Террора (правления экстремистов). Это английская «Прайдова чистка» 6 декабря 1648 года, когда «умеренные» депутаты были насильственно изгнаны из парламента. Это и свержение монархии во Франции 10 августа 1792 года, установление режима Первой республики и последующие «сентябрьские убийства» аристократов. Это и Октябрьская революция 1917 года в России. В глаза бросаются некоторые неточности в оперировании фактами, которые, впрочем, могут быть объяснены условностью любой схемы. Так, события августа 1792-го и октября 1917-го, если следовать логике Бринтона, никак не могут быть приравнены, поскольку в первом случае к власти пришли умеренные жирондисты, а во втором — экстремисты-большевики.

После прихода экстремистов хаос выходит на финишную прямую или приближается к своему пределу — к *состоянию аттрактора*. В непримиримой оппозиции начинается процесс фрагментации, что выражается в кровавой борьбе за власть, для описания которой Бринтон использует выражение *dog-eat-dog cruelty* [18, с. 179] — «жестокая собачья возня».

Когда хаос достигает своего предела, то в нем начинаются процессы самоорганизации, получившие применительно к теории революции название периода Термидора. Само слово

«термидор» пришло из названия одного из месяцев французского революционного календаря, который в наибольшей степени соответствует григорианскому июлю — самому теплому, или *термическому*, месяцу года. Исторический Термидор — это свержение якобинской диктатуры Робеспьера 27 июля 1794 года. Однако Бринтон расширяет значение этого термина до общего спада революции. Поэтому в разряд Термидора попадает и Восемнадцатое Брюмера (переворот Наполеона 9 ноября 1799 года). Единственное, что Термидор как последний этап революции Бринтон все же противопоставляет Реставрации как абсолютному пределу революции. Если абстрагироваться от французских реалий, то началом Термидора в Англии он называет роспуск «охвостья» парламента 20 июня 1653 года [Там же. С. 216], за которым последовало установление режима личной власти Оливера Кромвеля. Для России Бринтон начало Термидора отсчитывает с 1921 года — введения нэпа. Обращает на себя внимание тот факт, что Бринтон скуп на иллюстрации своей теории событиями американской революции. Вместе с тем ход ее исторического освещения не опровергает содержание «Анатомии революции». Так, некоторые американские историки подтверждают факт наличия в американской истории своеобразного термидора [11, с. 66]. Речь здесь идет о «движении за провозглашение Вашингтона королем США» [7, с. 76], которое имело место в 1783 году и достигло своей кульминации в неудачном «Ньюбургском заговоре». Однако отсутствие амбиций у Дж. Вашингтона и его республиканские убеждения в буквальном смысле спасли американскую демократию. Следует также отметить, что территориально американская революция оказалась не столь успешной, поскольку часть североамериканских колоний (Канада) остались верны британской короне и в них сохранились учреждения королевской конной полиции и пост генерал-губернатора доминиона. Одно время существование США оказалось под вопросом, а угроза Реставрации была налицо, поскольку в 1814 году британские войска захватили значительную часть Новой Англии, включая столицу — город Вашингтон. Эти события получили название Второй войны за независимость [Там же. С. 142].

Касаюсь движущих сил революции, Бринтон придерживается концепции «баланса элементов».

Он признает в них экономическую подоплеку, которую сводит к *transfer of property* (переделу собственности). Однако классовый характер революции им начисто отрицается, поскольку Бринтон обращает особое внимание на то, что все выдающиеся революционеры в той или иной степени принадлежали к правящему классу. Так, он подчеркивает, что вождь английской революции Кромвель был провинциальным дворянином (*country gentleman*), а вожди русской революции Керенский и Ленин происходили из среды царских чиновников.

Бринтон также утверждает, что представление неизбежности революции — это миф, порожденный пропагандой экстремистов. Он обращает внимание на то, что при всей своей несхожести революционеры всех времен были совершенными (*rigid*) детерминистами [18, с. 201]. Английские кальвинисты (пуритане, индипенденты) видели себя орудием Провидения, французские якобинцы — орудием Естественного Разума, а русские марксисты облекали свой детерминизм в материалистические формы. Таким образом, утверждается, что революция — случайный момент. Невозможно вывести строгий закон революции, но можно с разной долей вероятности обрисовать сценарии ее развития.

Исследуя тему революции, мы наталкиваемся на фундаментальный онтологический парадокс: если революция выражает динамику бытия, то почему все неизбежно сводится к изучению ее статических фрагментов?

Фракталы как семена хаоса

Системообразующим ядром революционной статистики является именно идеология, степень ее инфильтрации в массы и отсутствие иммунитета у общества. Саму революционную идеологию Бринтон сравнивает с вирусом. Вместе с тем он дистанцируется от консервативных «теорий заговора», признавая в революции как некоторую долю спонтанности, так и внутреннюю логику развития.

Дж. Голдстоун при общем восхищении работой Бринтона упоминает и ее содержательные недостатки. Главным из них является недооценка международного фактора [4, с. 59]. В самом деле, внешние влияния на ход революционного процесса широко известны в научной и публицистической литературе. В числе форм

этого влияния называют интервенцию, «экспорт революции», иностранную агентуру и даже «масонский» фактор [9, с. 57].

В философском плане акцент на внешние влияния немаловажен, поскольку свидетельствует, что революция – это не закрытая система, поэтому процессы энтропии в ней возрастать не могут. Отслеживая этот ход мысли, в революциях действительно можно усмотреть такое качество, как *вирулентность* (способность к воспроизводству через заражение), что указывает на присутствие в ней идеального фактора. С другой стороны, наличие в революциях общих моментов в теориях хаоса получило название *фрактальности*.

Все перечисленные Бринтоном великие революции (английская, американская, французская и русская) были взаимосвязаны. Ряд фактов позволяет видеть в американской революции прямой отголосок английской. Прежде всего, это следует из того, что движущей силой обеих революций были пуритане [7, с. 42–43]. В Англии им на короткий срок (с 1649 по 1660 год) удалось создать республику (*Commonwealth of England*). В годы американской революции на территориях колоний Виргиния, Пенсильвания и Массачусетс появились автономные образования со схожим названием (*Commonwealth*). Далее, американская революция воспроизвела себя в структуре Великой французской революции. Франция поддержала сепаратистское движение колонистов, надеясь взять реванш за поражение от Англии в Семилетней войне [15, с. 42, 66–67]. Пользуясь реваншистскими настроениями, агенты американского конгресса вербовали во Франции волонтеров-офицеров [Там же. С. 44] для повстанческой Континентальной армии, которая испытывала дефицит кадров. В числе этих офицеров оказался маркиз де Лафайет – бывший королевский мушкетер и будущий создатель вооруженных сил революционной Франции. С именем Лафайета связано формирование такого революционного инварианта, как национальная гвардия, структура которой воспроизводилась не только во Франции и США, но и антикоммунистических революционных движениях конца 1980-х годов в СССР. В конце 1777 года Франция решается на прямую интервенцию в североамериканские колонии Англии с целью поддержки местных

сепаратистов [7, с. 71]. Результатом этого вмешательства в североамериканские дела стало «необычайное возбуждение, охватившее третье сословие, и широкое распространение республиканских идей Американской революции» [15, 78] во французском обществе. Под очевидным влиянием американской революции Франция 26 августа 1789 года приняла Декларацию прав человека и гражданина. Тем же месяцем датированы встреча депутатов Национального собрания Франции с Т. Джефферсоном, официальным представителем США [Там же. С. 145]. Примечательно, что американская общественность на первых порах (до Большого Террора в 1793–1794 годах) усматривала «во Французской революции отблески своих революционных устремлений» [7, с. 112].

Влияние французской революции на русскую признано как очевидными, так и интерпретаторами тех событий. В основном влияние шло через декабристов, однако и сам Маркс был своего рода медиатором этих событий [6, с. 123–125].

Идейный и экзистенциальный аспект

Обнаружив феномен репликации революции, необходимо выделить ее инвариант, свободный от географических и исторических частных особенностей. Двумя главными лозунгами революции неизменно оказывались императивы *свободы и равенства*. В оригинальных коммунистических революциях под свободой понималась независимость от государственного аппарата, под равенством – уничтожение отношения господство-подчинение. В более ранних «буржуазных» революциях протест был направлен против феодальных сословных привилегий. Однако исток революций в религиозном западно-христианском дискурсе. Не случайно термины «revelation» (Откровение, Апокалипсис – название последней книги Библии) и «revolution» (революция) практически созвучны. Они различаются лишь одной гласной фонемой. Об идеалистических предпосылках революции оговаривается сам Маркс в работе «К критике гегелевской философии права», когда пишет: «...Тогда революция началась в мозгу монаха» [8, с. 422], имея в виду отца Реформации М. Лютера.

Что же в протестантизме было потенциально революционного? Многие исследователи

отмечают, что протестанты ничего нового в догматике не прибавили, зато выступили с решительной критикой католической церковной иерархии, против привилегий духовенства [2, с. 86; 16, с. 45]. Тем самым проповедовались свобода и равенство. В пределе протестанты начали с критики римского католицизма, перешли к нападкам на местных епископов и закончили утверждением конгрегационализма – автономных самоуправляющихся общин (конгрегаций). Если протестантизм мало что сделал в области догматики, то можно ожидать, что он, по крайней мере, по-новому расставил акценты. Известно, что, критикуя власть и полномочия римского первосвященника, Лютер выдвинул идею всеобщего священства, согласно которой каждый христианин в принципе может проповедовать Евангелие и совершать таинства, другое дело, что желательнее, чтобы это делали люди, призванные к тому, образованные. Субъективно Реформация стремилась возвратиться к раннему христианству, искаженному, как казалось, в годы средневекового «вавилонского плена». В Новом Завете идеи свободы от ветхого закона и равенства всех народов перед Богом особенно подчеркивает апостол Павел.

Божественное мыслится как хаотическое, раскрывающееся в индетерминизме и неупорядоченности – «дух дышит, где хочет». Чтобы излишне не теологизировать дискурс, следует вспомнить, что к сходным идеалам приходили античные циники. Интересно, что христианский протестантизм повлиял на формирование революционных процессов в Китае и Корее. Отсюда мы наталкиваемся на проблему: если революция вирулентна, то не является ли она воспроизведением одного и того же архетипа?

Логика нашего изложения неуклонно направлялась к тому, чтобы представить революцию не как форму события, но как форму и тотальность хаоса, проявленного в социальном плане бытия. Обращение к данным общественных наук неизбежно фиксировало статические характеристики, ее рутину и ритуалы, без которых, замечает К. Вульф, «социальное невозможно» [3, с. 19]. Между тем, несмотря на наличие определенных ритуальных форм, революция представляет собой совершенно особую форму социальной реальности, суть которой как раз в трансцендировании существующих форм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Афанасьева, В.В.** Детерминированный хаос: от физики к философии [Текст] / В.В. Афанасьева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001.
2. **Барг, М.А.** Великая английская революция в портретах ее деятелей [Текст] / М.А. Барг. – М.: Мысль, 1991.
3. **Вульф, К.** К генезису социального: Мимезис, перформативность, ритуал [Текст] / К. Вульф; пер. с нем. Г. Хайдаровой. – СПб.: Интерсоцис, 2009.
4. **Голдстоун, Дж.** К теории революций четвертого поколения [Текст] / Дж. Голдстоун; пер. с англ. Н. Эдельмана // Логос. – 2006. – № 5 (56),
5. **Гумилев, Л.Н.** Этногенез и Биосфера Земли [Текст] / Л.Н. Гумилев. – Л.: Гидрометеоздат, 1990.
6. **Иваненко, А.И.** Вирулентность революции на примере России [Текст] / А.И. Иваненко // Эволюция революционности и консерватизма в социальных слоях России и других государств / А.И. Иваненко; под ред. С.Н. Полторака. – СПб.: Нестор, 2008.
7. **Иванян, Э.А.** История США [Текст] / Э.А. Иванян. – М.: Дрофа, 2006.
8. **Маркс, К.** К критике гегелевской философии права [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. В 39 т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1954.
9. **Масонство** в его прошлом и настоящем [Текст]. – СПб.: РАН, 2006.
10. **Пригожин, И.** Время. Хаос. Квант [Текст] / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Едиториал, ЦРСС, 2003.
11. **Становление** американского государства [Текст] / под ред. А.А. Фурсенко. – СПб.: Наука, 1992.
12. **Фроянов, И.Я.** Октябрь семнадцатого (Глядя из настоящего) [Текст] / И.Я. Фроянов. – СПб., 1997.
13. **Хакен, Г.** Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии [Текст] / Г. Хакен. – М.; Ижевск, 2003.
14. **Чайлд, Г.** Древнейший Восток в свете новых раскопок [Текст] / Г. Чайлд; пер. с англ. М.Б. Граковой-Свиридовой. – М.: Иностран. лит., 1956.
15. **Черкасов, П.Л.** Лафайет [Текст] / П.Л. Черкасов. – М.: Мысль, 1991.
16. **Чистозвонов, А.Н.** Нидерландская буржуазная революция XVI века [Текст] / А.Н. Чистозвонов. – М., 1958.
17. **Экзамены** и зачеты по кафедре истории и философии [Текст] / под ред. А.А. Какурина. – СПб.: Копи-Р, 2001.
18. **Brinton, C.** The Anatomy of Revolution [Text] / C. Brinton. – N.Y., 1960.

УДК 165.0

А.Н. Одинцов

СООТНОШЕНИЕ ЗНАНИЯ И ИНФОРМАЦИИ В ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

Создание систем искусственного интеллекта имеет большое эпистемологическое значение для решения вопроса о познании человеком самого себя, своего интеллекта. Такой подход открывает новые возможности и методы изучения информационной реальности, субъективного опыта и сознания, а также предполагает возможность эмпирического изучения данных областей. Так, Л.А. Микешина характеризует моделирование естественного интеллекта как «экспериментальную философию», в сфере которой возможна «проверка самых тонких и абстрактных гипотез о природе человеческого разума» [5, с. 107], а для М. Хейма киберпространство, образуемое компьютерной сетью, «есть не что иное, как метафизическая лаборатория, инструмент для исследования нашего чувства реальности» [10, с. 83].

Уровень развития систем искусственного интеллекта отражает степень разработанности проблем, связанных с пониманием человеком собственных информационных процессов и сложной структуры познавательных механизмов, с помощью которых он способен использовать и продуцировать знание. Адекватность представлений о когнитивных процессах в естественном интеллекте определяет то, насколько создаваемые в рамках этих концепций модели соответствуют своему прообразу.

Классические интерпретации искусственного мышления склонялись к рассмотрению интеллектуальной деятельности как вычислимой, что, в свою очередь, предполагало возможность ее воспроизведения в компьютерных системах фон-неймановской архитектуры. Ключевую роль при этом играла информация, которая трактовалась как сигнал, уменьшающий неопределенность в системе.

К. Шеннон определил информацию через понятие энтропии, обозначающее в физике меру упорядоченности систем, а единицу информации как величину, характеризующуюся выбором одного из двух равновесных состояний,

получившую название «бит». Передача сообщения количеством в одну такую единицу влечет за собой уменьшение неопределенности вдвое. При продолжительной передаче сигналов информация определяет нагрузку на когнитивные системы человека. Разница между максимально возможным и фактическим количеством информации может быть определена как мера организации такой системы, степени ее отличия от совершенно случайного, хаотичного состояния.

Таким образом, естественный интеллект в классической теории познания понимался как вместительное разнородной информации, благодаря которой человек способен действовать адекватно существованию, уменьшая неопределенность окружающего хаоса. Модель знания, согласно данным представлениям, есть формализованная в соответствии с определенными структурными планами информация, сохраняемая в памяти, которая может быть использована в ходе решения задач на основании заранее запрограммированных схем и алгоритмов.

Проблема построения первых машинных систем искусственного интеллекта трактовалась как необходимость снабжения компьютера информацией о действительности соразмерно знаниям человека об окружающем мире. Обладая количеством информации, достаточным для устранения неопределенности, такая машина была способна прийти к формированию однозначного решения. Однако, как справедливо отмечает Д.С. Чернавский, такое решение фактически уже содержится «в алгоритме и начальных условиях» [6, с. 181]. Естественные когнитивные системы в отличие от таких механизмов способны к адекватному информационному обмену даже в условиях «информационного дефицита», к обучению, познанию и творческому продуцированию новой информации.

В мозге человека обработка информации осуществляется отнюдь не жесткой бинарной логикой. Эта логика скорее может быть определена

как многозначная, в которой число значений истинности есть величина переменная, может меняться на различных этапах решения задачи, может быть обусловлена множеством как внешних, так и внутренних для системы факторов. По справедливому утверждению Н.А. Бернштейна, отражение мира познающим субъектом строится по типу моделей, в которых мозг «не запечатлевает поэлементно и пассивно вещественный инвентарь внешнего мира, но налагает на него те операторы, которые моделируют этот мир, отливая модель в последовательно уточняемые и углубляемые формы» [2, с. 287].

Для адекватного существования человеку необходимо обладать не столько полной исчерпывающей информацией об объективной реальности, сколько знанием, значимым в соответствующем контексте. Многие информационные процессы в головном мозге и других подсистемах нашего организма не дают о себе знать в явном виде. Однако, оставаясь неявными, личностными, они играют определяющую роль в формировании сложной самоорганизующейся системы знания, которая включает в себя множество аспектов информационных структур, человеческого мышления, «аккомпанируются субъективным опытом» [9, с. 204].

Адекватность восприятия такого знания определяется способностью познающего субъекта понимать информацию не как буквальную инструкцию, но как нечто, позволяющее реконструировать архитектуру моделируемого. Как утверждает Л.А. Микешина, информация одинаково доступна каждому, однако «возможности превратить ее в знание у каждого свои, опирающиеся на личный опыт и способности» [5, с. 99]. Упрощенно это можно свести к формуле «информация – это знание минус человек» [Там же. С. 97].

Эксплицитно выраженные знания лишь незначительная часть общей базы знаний человека, представляющей собой самоорганизующуюся и саморегулируемую систему. Субъективный неявный компонент – неотъемлемая ее часть. Личностный коэффициент знающего в значительной степени формируется и изменяется под воздействием формируемых в собственном сознании репрезентаций, в результате чего трансформируются и наши собственные формы восприятия и познания, способы видения и понимания.

По утверждению Д.И. Дубровского, человеку неотъемлемо присуще свойство субъективной реальности, которая понимается им как «динамический континуум осознаваемых состояний человека» [4, с. 84]. Такой способ информационной организации возник в связи с усложнением живой системы, включающей множество самоорганизующихся подсистем, и потребностью нахождения оптимальных средств поддержания ее целостности.

Формирование психики, связанной с ней способности быть субъективной реальностью, явилось удобным, экономичным, высокооперативным способом получения, переработки и использования информации в целях управления сложной системой человеческого организма. В естественных когнитивных системах выработалась способность информационного управления как собственными внутренними процессами, так и происходящими вне организма.

Явления субъективной реальности, не обладая физическими либо энергетическими свойствами, способны служить причиной телесных изменений, управлять ими в качестве информационной причины. Они представляют собой некоторое содержание или информацию, закодированную в мозговой нейродинамической системе. В естественном интеллекте в виде мозговых кодов субъективной реальности сохраняются сложные информационные структуры, определяющие идеи, цели, убеждения, поведенческие стратегии и т. п. Такая информация необходимо воплощена в мозге как носители и способна оказывать в определенных пределах управляющее воздействие на соответствующий класс собственных мозговых процессов когнитивных систем. Она формирует особый тип самоорганизации и самодетерминации, присущий естественному интеллекту или «мозговой Эго-системе» [4, с. 79].

Знание имеет информационную природу и может пониматься как «актуализованная мозговой Эго-системой информация, выполняющая функцию управления по отношению к другим информационным процессам» (Там же). Эта информация представляет собой иной, более высокий порядок и реализуется как отдельный уровень субъективной реальности – «информация об информации». При этом количество таких уровней ограничивается познавательными способностями конкретного индивида.

Трудности моделирования субъективной реальности в системах компьютерного интеллекта, таким образом, связаны прежде всего со сложностью детерминации «информации об информации» среди других информационных структур. В данном контексте вследствие «принципа однородности» между информацией как данными относительно какого-либо объекта и управляющей программой по работе с данными не существует различия. Информационный обмен в таких системах, которые в свою очередь подчиняются принципам фоннеймановской архитектуры, происходит как дискретная обработка поступающих данных. В таком понимании компьютерный интеллект есть не более чем в высокой степени сложная машина Тьюринга.

В качестве альтернативы такому пониманию искусственного интеллекта может выступать сетевой подход, известный также как «коннекционистский». В рамках данного направления реализуется идея о коммуникативной и контекстуальной структуре знания, функционирующего по сложным нелинейным принципам. Когнитивная система понимается как разветвленная сеть, все элементы которой являются «потенциально связанными между собой и одновременно участвующими в формировании ответа на стимульную конфигурацию» [3, с. 134]. Такую структуру можно рассматривать по аналогии с «направленным графом с взвешенными связями» [8, с. 36], в узлах которого находятся элементы, обладающие способностью к восприятию и обработке информации. По числу связей можно судить о значимости соответствующей области знания.

С помощью подобных графов возможно моделирование многоуровневой структуры «информации об информации». Так, если два узла объединены иерархически более высоким узлом, то возможен перенос части свойств, приписанных данному узлу. Иными словами, интерпретация и репрезентация некоторой информации прямо зависят от процессов категоризации. В ходе мыслительного процесса информация кодируется мозговой нейродинамической системой, приобретая статус информации более абстрактного уровня субъективной реальности, она наследует признаки этой категории.

Еще одним преимуществом коннекционистских моделей по сравнению с традиционными является возможность «ассоциативного (контентно-адресного) и распределенного хранения информации» [3, с. 136], а также адаптивного обучения. Распределенность хранения обусловлена тем, что субстратом фиксируемой информации в каждом конкретном случае является «не какой-то отдельный элемент, а сеть в целом, т. е. состояния всех ее узлов и весовые коэффициенты их связей» [Там же]. При этом для последующего восстановления и извлечения сохраненных данных в такой системе достаточно фрагмента, который будет проассоциирован с остальными частями. Такое взаимодействие в случае его отражения в модели интеллекта позволит отойти от жестко детерминированной манипуляции информацией в сторону создания самоорганизующихся систем, обладающих свойством саморефлексии и способных к продуцированию категории знания наподобие естественного интеллекта.

В качестве примера коннекционистских моделей можно рассматривать нейронные сети, являющиеся системами, построенными по образу и подобию мозга, и наследующие его свойства. Установлено, что такие сети способны извлекать знания из данных и обнаруживать в них скрытые закономерности, что было недоступно классическому компьютерному интеллекту. При этом знания не передаются в полном объеме, а приобретаются через обучение.

Кроме того, в нейронных сетях наличествует потребность в «получении информации и отображении среды в модели» [7, с. 202], что может рассматриваться как условие возникновения искусственной субъективной реальности, так как такие модели формируются с позиции субъекта. Способность к моделированию и оценка адекватности и полезности таких моделей имеет большое значение. В сложной коннекционистской структуре взаимодействие элементов есть процесс в высшей степени нелинейный, так как «даже самое привлекательное и желаемое изменение, будучи реализованным, может привести к снижению эффективности системы в целом» [1, с. 87].

Вследствие этого для полноценного и адекватного существования разумная когнитивная система должна обладать развитыми

функциями вероятностного прогнозирования, быть в состоянии оценить последствия и перспективы любого возможного преобразования. Подобные принципы получили название опережающих обратных связей и рассматриваются как составляющие «эффекта самореализующегося пророчества» [Там же]. Желаемое состояние системы моделируется «как если бы» оно уже было достигнуто, что позволяет оптимизировать процесс его достижения. При этом опыт, приобретенный в ходе оценки «полезности» модели, формирует изменения в информационной структуре знания. Вследствие ассоциативности и связанности это изменение носит не локальный характер, а затрагивает множество элементов структуры, а также модифицирует смысловые связи между этими элементами.

Механизм таких взаимодействий эффективно отражается в концепции гипертекста. В ее основе лежит идея распределенной информационной структуры, элементы которой связаны посредством унифицированных идентификаторов объектов – Uniform Resource Identifier. Частный случай их проявления – универсальный локализатор ресурса (Uniform Resource Locator), применяемый в глобальной сети Интернет для указания ссылок на информационные ресурсы.

В гипертекстовых моделях возможно связывание как целых блоков информации между собой, так и произвольных фрагментов. Данные связи не являются строго фиксированными и могут изменяться как при непосредственном вмешательстве оператора, так и автоматически, некоторыми программными агентами. Кроме того, большое значение имеет свойство «асинхронного» информационного обмена в структурах режима реального времени и отложенной обработки. При этом недоступный в данный момент информационный узел включается в обработку под влиянием изменившихся смысловых связей через некоторый промежуток времени.

Гипертекст как способ соотношения знания и информации в интеллектуальных системах имеет большое эпистемологическое значение. На данном этапе развития науки эта концепция в наибольшей степени соответствует представлениям об информационном устройстве естественного интеллекта и может являться

основой для построения самоорганизующихся систем, обладающих признаками ассоциативного мышления.

Как модель подобных представлений может рассматриваться глобальная сеть Интернет, изучение принципов функционирования которой является возможным и способно прояснить информационную организацию сложных сетевых структур. В ходе разработки данной проблемной области уже были получены значительные результаты. Так, было установлено, что исторически сложившийся подход к накоплению и хранению в информационных сетях содержимого больше приемлем для понимания человеком, а не компьютером, что в свою очередь является существенным ограничением при формировании искусственной субъективной реальности.

В качестве решения данной проблемы была предложена концепция иного способа информационной организации, получившая название «семантический веб». В его основе лежит идея структурирования и преобразования информации, существующей в сети Интернет, наподобие ее представления в естественном интеллекте с целью превращения наличествующих в сети разрозненных данных в знание. Предполагается, что информация должна быть снабжена скрытыми контекстными метками, метаинформацией.

Дополнительный слой метаданных предназначается для автоматизированной обработки машинными агентами и, помимо своего прикладного предназначения как структуры, определяющей отношения между элементами гипертекстовой модели, он восполняет недостающую структуризацию данных, приближает их к знаниям. При этом унифицированный идентификатор объектов выполняет функцию управления по отношению к идущим информационным процессам и в то же время сам актуализируется под действием других таких идентификаторов. Совокупность этих идентификаторов представляет собой разветвленную самоорганизующуюся систему, которая определяет отношение знания и информации в гипертекстовой модели действительности.

Таким образом, функционирование системы унифицированных идентификаторов объектов вполне может рассматриваться как

некоторый аналог информационной причинности искусственной субъективной реальности, а концепция гипертекста — как один из возможных подходов к решению задачи расшифровки мозговых нейродинамических кодов в естественном интеллекте. Такой подход

не противоречит классическому пониманию знания как вместилища организованной по определенным планам информации, но расширяет его, делает более приспособленным для построения искусственных моделей интеллекта, адекватных естественному прообразу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Баксанский, О.Е.** Нейролингвистическое программирование как практическая область когнитивных наук [Текст] / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер // *Вопр. филос.* — 2005. — № 1.
2. **Бернштейн, Н.А.** Очерки по физиологии активности и физиологии движений [Текст] / Н.А. Бернштейн. — М.: Медицина, 1966.
3. **Величковский, Б.М.** Когнитивная наука: Основы психологии познания [Текст]. В 2 т. Т.1 / Б.М. Величковский. — М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2006. — 448 с.
4. **Дубровский, Д.И.** Сознание, мозг, искусственный интеллект [Текст] / Д.И. Дубровский // *Искусств. интеллект: междисциплинарный подход*; под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. — М.: ИИнтелЛ, 2006.
5. **Микешина, Л.А.** Новые образы познания и реальности [Текст] / Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков. — М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1997. — 240 с.
6. **Чернавский, Д.С.** Синергетика и информация (динамическая теория информации) [Текст] / Д.С. Чернавский; послесл. Г.Г. Малинецкого. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 288 с.
7. **Шамис, А.Л.** Поведение, восприятие, мышление: проблемы создания искусственного интеллекта [Текст] / А.Л. Шамис. — Там же. — 2005.
8. **Anil, K.** Artificial Neural Networks: A Tutorial, Computer [Text] / K. Anil, M. Jianchang, K.M. Mohiuddin. — Vol. 29, N. 3. 1996. — March.
9. **Chalmers, D.J.** The conscious mind. In search of a foundation theory [Text] / D.J. Chalmers. — N. Y.: Oxford Univer. Press, 1996.
10. **Heim, M.** The Metaphysics of Virtual Reality [Text] / M. Heim. — N. Y.: Oxford Univer. Press, 1993.

УДК 1:3+304.2

И.В. Коломейцев

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Современное общество характеризуется неконтролируемой и непредсказуемой динамикой мобильных виртуальных сообществ и социальных сетей в глобальном масштабе. Возникновение новых социальных форм в процесс глобализации обостряет отношения общества, культурной общности и государства [4]. Это обстоятельство ставит в центр философской аналитики проблему эффективности социального управления. А.В. Тихонов отмечает, что сложившаяся в рамках индустриального общества теория управления уже «не отвечает

реальностям постиндустриального общества и инвективам постнеклассической науки». Современная социология нарабатывает новый понятийный аппарат, позволяющий строить теоретическую модель социального управления не в традиционном смысле — как административную модель государственной власти, а как модель управления на основе выявления механизмов социокультурной регуляции социальных взаимодействий [9, с. 262]. В этой связи поиск историко-философских предпосылок нового подхода, который можно обозначить

как «средовый подход» в социологии управления, представляется актуальным и научно значимым.

Цель данной статьи — переосмысление историко-философского материала в контексте проблемы эффективного социального управления. Термин «эффективность» не специфичен для теоретической социологии и философии, его истоки усматриваются в истории кибернетики в связи с проблемой надежности управления сложной технической системой (в более широком смысле — абстрактной системой). Для этой системы в 1950-х годах У.Р. Эшби сформулировал принципы эффективного управления. Эффективность понималась как достижение цели управления и возможность контроля состояния системы, что позволяло говорить о стабильности ее функционирования. Однако в отношении прогноза состояний системы фиксировался порог сложности, за ним тотальный контроль ее поведения оказывался принципиально невозможным в силу нарастания системных эффектов. Имея в виду это исходное значение понятия «эффективность управления», попытаемся выделить те его критерии, которые подчеркивались в истории философской мысли.

В античном мире представление о государстве опиралось на общую мировоззренческую установку космоцентризма. Считалось, что любой индивид неотделим от космоса и государства. Поэтому модель идеального государства Платона находится в строгом соответствии с пониманием строения человеческой души и со строением космоса в целом. Идеальное государство предполагает четкую регламентацию всех сторон жизни, как правительственного аппарата, так и простых граждан. Платон высказывает мысль о нерушимости единства государства и полном единомыслии всех его граждан, критикуя все известные в то время формы «извращенного государственного устройства» (тимократия, олигархия, демократия и тирания). Каждая из них в сравнении с идеальным государством является своего рода ступенькой на пути к вырождению, поскольку разрывает единство социального бытия и блага. По Платону, эффективность управления достигается ценностной ориентацией на процветание всего государства в целом [7]. Ради

нее можно пренебречь интересами отдельных индивидов.

Согласно Платону, распределение ролей в государственном управлении соответствуют потребностям и природным задаткам. Этому критерию должны соответствовать индивиды, занимающие различные посты в государственном аппарате. Претенденты на должности должны быть подвергнуты серьезным испытаниям во всех возрастах, чтобы подтвердить свою способность управлять государством. Они должны показать себя людьми цельными, умеренными, гармоничными, способными принести как можно больше пользы и себе, и — главное — государству. Платон критикует страсть к накоплению денег, золота и ценностей, отрицает возможность наличия частной собственности для этих классов, четко описывает организацию их общежития, питания, снабжения. Добродетель, таким образом, играет роль важного критерия эффективности управления государством, соотносимого с идеей блага как высшей ценности.

Аристотель, выделив политику в самостоятельную науку об общественных отношениях, положил начало теоретической социологии. Поскольку люди могут жить только в обществе, им необходимо знание о том, как правильно устроить общественную жизнь, как наилучшим образом организовать совместную жизнь людей в государстве. Сущность политики раскрывается через ее цель — придать гражданам высокие нравственные качества, сделать их людьми, поступающими справедливо. Именно с этими вопросами связаны искусство и умение государственного управления, основанием которому служит этика — наука о добродетели.

По Аристотелю, цель политики — справедливость. Политик должен учитывать, что люди обладают не только добродетелями, но и пороками. Поэтому задачей политики является не воспитание нравственно совершенных людей, а воспитание добродетелей в гражданах. Наилучшей из всех форм государственного устройства Аристотель считал политику — «среднюю» форму государства. «Средний» элемент здесь доминирует во всем: в нравах — умеренность, в имуществе — средний достаток, во властвовании — средний слой. «Государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший

государственный строй». Но при любом государственном строе общим правилом должно служить следующее: ни одному гражданину не следует давать возможность чрезмерно увеличивать свою политическую силу сверх надлежащей меры [1].

В качестве фактора эффективного государственного управления Аристотель рассматривает добродетель, которая состоит в умении исполнять свой гражданский долг и в способности повиноваться властям и законам. Говоря современным языком, идеалом управления выступает эффективная (в смысле управляемая) социальная коммуникация, целенаправленная на достижение общего блага, т. е. и государства, и гражданина.

Пифагорейская школа связывала управленческие принципы с нравственным очищением. Пифагор не только убедительно излагал, но и сам придерживался предписываемого им образа жизни с элементами здорового аскетизма и строгой морали. Один из основных тезисов пифагорейцев – утверждение, что нет зла большего, чем безвластие в форме анархии, что человек по своей природе не может оставаться благополучным, если никто не начальствует. Смысл людского обращения друг с другом – подчинение авторитету. Поэтому высшая власть принадлежит Богу, и весь образ жизни должен строиться на следовании Богу. Пифагорейцы полагали, что смешно поступать подобно людям, которые ищут блага не у Богов. После Богов следует почитать правителей, родителей и старших, а также закон. Именно авторитет и пропаганда учения о почитании авторитета выделяются пифагорейцами как факторы, способствующие эффективному управлению.

Пифагорейский идеал эффективного управления требует держаться отцовских обычаев и законов, даже если они хуже других. Рассматривая философские и политические идеи пифагорейцев, можно сделать вывод, что многие из этих идей актуальны и поныне. Их последователей привлекала не только оккультная философия, но и проповеди о нравственном облагораживании невежественного народа. Достигнуть его возможно там, где власть принадлежит касте мудрых и знающих людей, которым народ повинует в чем-то безоговорочно, как дети родителям, а в остальном – сознательно,

подчиняясь нравственному авторитету.

Единство бытия и блага, характерное для античной философии, воспроизводится в христианском мировоззрении, выступая основанием этики государственного управления в средневековой Европе. В христианском миропонимании единство бытия и блага отнесено к сверхперсональной сакральной реальности и фиксируется представлением об абсолютном добре. Принцип добродетели выступает проявлением этой реальности в практике государственного управления и главным требованием к деятельности монарха.

В Средние века церковь занимала ту позицию в жизни общества, которую в античности занимал институт государства, поэтому проблема эффективного социального управления рассматривалась и решалась в контексте отношения государства к церкви. Доктрина управления как высшей власти Бога на Земле давала основание официальной церковной и государственной политике, в то же время выходила за эти рамки, ограничивая власть человека над природой и социумом.

В социальной практике средневековья проблема эффективного управления неизменно заострялась вопросом о размежевании светской и духовной власти. Ответ на вопрос о том, какая власть должна занимать ведущую позицию: духовная или светская и каким образом их полномочия должны разграничиваться, существенно определял позицию того или иного правителя, определявшего внутреннюю и внешнюю политику в государстве. Наглядным примером служат религиозные протестантские войны в средневековой Европе.

Церковные идеологи, обосновывая свои политические амбиции, приводили следующий аргумент: светские правители получили власть «от церкви», которая в свою очередь получила ее «напрямую от Бога», поэтому все правители обязаны подчиняться церкви в лице ее главы – Папы Римского. Происхождение всех социально-правовых государственных учреждений объяснялось исключительно как следствие греховной природы человека. Господство человека над человеком – естественный процесс, возникающий в результате грехопадения. Официальное руководство христианской церкви использовало все эти аргументы для защиты

собственных хозяйственных и политических интересов при переделе земель и власти.

Но уже Фома Аквинский высказывает мысль о том, что государство — не порождение греха, а скорее результат общественной природы человека, наделенного свыше свободной рациональной волей. Целями государства являются высшее благо, служба обществу, обеспечение достойной, разумной жизни человека в этом мире и приближении его спасения. Государство перестает быть носителем негативных характеристик. Закон трактуется Фомой Аквинским как установление разума для общего блага, обнародованное правителем — тем, кто ответственен за общество. Он выделяет три элемента в структуре власти: *сущность, происхождение, использование*. Происхождение и использование власти могут быть как хороши, так и дурны, поскольку являются делом рук человека. Сущность же власти всегда хороша, потому что представляет собой установленный свыше порядок государства-подчинения, при котором воля лиц, стоящих на вершине человеческой иерархии, движет находящимися на ее низших уровнях.

Если политика правителей идет вразрез с приведенным выше порядком, противоречит воле Бога и церкви, то народ вправе оказывать им сопротивление. Лояльность подданных к существующей светской власти должна быть прямо пропорциональна отношению этой власти и Бога. Подчинение человека человеку возможно только в относительно телесных движениях. Во внутренних движениях души человек должен повиноваться только Богу. Это можно расценивать как теоретическое обоснование предела государственного вмешательства в частную и духовную сферу жизни человека. В качестве наилучшей и наиболее совершенной формы правления Фома Аквинский рассматривает монархию, считая необходимым подчинение светской власти владычеству церкви, ибо без этого невозможно достижение конечной цели — спасения души.

Эффективное социальное управление в Средние века опиралось на безоговорочную и повсеместную веру в Бога, соединявшего в себе и высшую добродетель, и принцип высшей власти, и высшую духовную ценность. Но зачастую эта духовная ценность использовалась

не во благо общества или государства в целом, а исключительно в интересах узких социальных групп в качестве управленческого ресурса. На протяжении десяти веков церковь осуществляла верховное владычество, используя свою власть над умами и душами современников, а также различные, в том числе репрессивные, методы усиления своего влияния.

В эпоху Возрождения Н. Макиавелли обозначил вопрос об эффективности управления в светском государстве, противопоставив схоластическим рассуждениям и догмам трезвое размышление и сопоставление наблюдаемых фактов, приводящее к тем или иным выводам, подтверждаемым историческими данными. Макиавелли ненавидел институт папства. Наблюдая происходящие в Италии события, он убедился, что католическая церковь, не имея сил и желания объединить Италию и тем самым устранить кровопролитные войны между ее городами-государствами, находила силы и желание препятствовать каждому, кто стремился к такому объединению. Разделяя и властвуя, церковь получала от междоусобных войн соотечественников свои бонусы. В части своих рассуждений Макиавелли сосредоточивает внимание на республиканских формах правления. Его идея сильного государства предполагает обязательную поддержку народа, что делает его способным оказывать сопротивление иноземному вторжению.

Впоследствии в эпоху Возрождения проблема эффективного управления рассматривалась в контексте идеи естественного права. Социальные нормы трактовались как «естественные» — очевидные, вечные, непреложные. К естественным правам человека относили право на жизнь, невмешательство в жизнь окружающих, свободу (человек свободен от какой бы то ни было стоящей выше него власти на земле и руководствуется только законом природы и разумом), а также право собственности, мерой которого служит труд человека. Люди добровольно соглашались образовать политическое сообщество и учреждают государство в целях обеспечения естественных прав и справедливого правосудия. У истоков теории «общественного договора» стоит нидерландский юрист, историк, государственный деятель Г. Гроций, учение которого сыграло большую роль в освобождении

теории государства и права от опеки теологии и средневековой схоластики. Согласно Гроцию, право и государство имеют не божественное, а земное происхождение. Государство возникает в результате договора между людьми.

В проблеме эффективности государственного управления английский мыслитель Т. Гоббс акцентировал негативные черты человеческой природы. В трактате «Левифан» он выделил наряду с разумностью крайний эгоизм с присущими ему страстями, власто- и корыстолюбием, чувственными желаниями. Естественная агрессивная природа человека побуждает индивида к соперничеству, раздорам, вражде, мести. Эти первичные негативные качества человеческой природы, по Гоббсу, можно использовать при построении моделей социального управления обществом, ограничивающих естественный эгоизм индивидов гражданским законом, чтобы избежать естественного состояния общества в виде «войны всех против всех».

Альтернативный взгляд на природу человека проповедовал Ж.-Ж. Руссо, полагая, что «все люди от природы добры и только из-за общественных институтов становятся дурны». Цивилизация как явление, порожденное человеческим умом, несет в себе только зло, проявляющееся в погоне за собственностью и человеческом корыстолюбии. Он исходил из того, что политическую систему надо строить на основе положительного взгляда на человеческую природу. Согласно Руссо, новая модель устройства общества должна органично связывать человека с себе подобными при условии сохранения своей первобытной свободы и природных прав. Для этого нужен «общественный договор», по которому человек, являясь частью общества, будет добровольно подчиняться его воле. Однако для реализации этой демократической модели эффективного управления на основе естественного права человека необходимо выполнение нескольких условий, существенно ограничивающих это право, а именно: социальное равенство, политическое единство (в том числе на основе принуждения), прямое народное правление (народ не должен отдавать власть индивиду или группе). Таким образом, в контексте индивидуалистической установки на естественное право проблема социального управления обостряется, поскольку государственный аппарат должен обеспечить возможность

получения частной выгоды каждым, но чтобы при этом соблюдались также свобода и частный интерес всех остальных.

Рассматривая проблему эффективного управления и опыт ее решения в истории, можно констатировать, что естественный закон самоорганизации общества (а его не может обойти никакая государственная политика) выдвигается на первый план социальной теории уже в Новое время. Попытки построения модели общественного устройства на основе естественного права подчеркнули стихийность как естественное основание в самоорганизации социума, которому противостоят культура и власть, действующие по принципу подчинения. Наиболее ярко это противостояние выразилось в концепции «*tabula rasa*», выдвинутой Д. Локком и закрепленной в философии эпохи Просвещения.

Отчуждение человека, общества и культуры, характерное для философии эпохи Просвещения, в социологических теориях XIX–XX веков сменяется анализом их органичной связи. Естественная, стихийная организация общества становится в XIX веке одной из главных проблем социологии. Натуралистическим концепциям, связывающим естественное основание общества с материальными, экономическими, биологическими структурами, противостоит теория ценностей.

Интерес к социокультурной среде как фактору управления намечен в социологии Э. Дюркгейма и в феноменологии Э. Гуссерля. Дюркгейм выделил особое значение коллективных феноменов в жизни человека и общества, придав им статус социальных фактов, который распространялся как на социокультурные феномены, так и на социопсихические — в виде «коллективного бессознательного». Благодаря Гуссерлю в социальную теорию вошло представление о смысло-жизненном мире индивидуума, имеющем интересубъективную природу. Таким образом, в проблематику социального управления включается особый средовый фактор — семантическое (смысловое) пространство. История мысли становится чрезвычайно значимой для социологии, в XXI веке рассматривающей эффективное управление как органичный элемент социокультурной системы.

Историко-философский обзор проблемы эффективности социального управления позволяет выделить в качестве неявных факторов

управления *ценности и нормы*, которые не всегда проговариваются, но всегда существуют в культурной среде и воспринимаются каждым как естественное, разумное и необходимое ограничение действия и частного интереса.

Понятие «ценность» появилось в классической философии конца XVIII века и получило неоднозначную интерпретацию, будучи включенным в разный социокультурный и мировоззренческий контекст. П.П. Гайденок отмечает, что впервые оно встречается у И. Канта, выступившего с критикой гедонистически-утилитаристской этики, сложившейся в эпоху Просвещения [3, с. 495]. В рамках утилитаризма, опирающегося на теорию стоимости А. Смита, все ценности определяются критерием полезности и не отличаются от цены (за которой стоит стоимость как абстракция овеществленного труда). Кант, акцентируя различие цены и ценности, выделил специфику нравственного мира, трактуя его как мир свободы в отличие от природы, где господствует необходимость механической причины. Нравственный мир – сфера практического разума, не тождественная реальному социальному и природному бытию человека, обозначается Кантом как «община целей». «В царстве целей все имеет цену, может быть заменено и чем-то другим как эквивалентом; что выше всякой цены... то обладает достоинством. Если умение и прилежание в труде могут иметь рыночную цену, то верность обещанию – только внутреннюю ценность» [5, с. 276–277].

Ценности, по Канту, – принципы должно-го, выражающие требования к индивидуальной воле. Всеобщий нравственный закон, которому человек подчиняет свою волю, стоит над эмпирическим бытием и имеет императивный характер. Общезначимость ценностей, характеризующая сферу практического разума, указывает на реальность субъекта чистой воли (трансцендентального субъекта). Если в античной и христианской философии этические концепции имели онтологическое обоснование в единстве бытия и блага, то в современной европейской философии понятие блага заменяет понятие ценности, соотносимое с бытием субъекта (трансцендентального – по Канту). Разведение бытия и долженствования составляет предпосылку теории ценностей [3, с. 496].

В неокантианской теории ценностей бытию как эмпирической данности противостоит трансцендентный смысл (абсолютная ценность). Согласно представителю Баденской школы неокантианства Виндельбанду, носителем ценности как идеала является «сознание вообще». Именно оно основа различных норм и оценок. Нравственное влияние умственного и эстетического образования заключается в том, что человек признает над собой норму, значение которой лежит в ней самой. Ценности представляют собой нормы, образующие общий план функций культуры, условия возможности существования человечества. Г. Риккерт, разделяя акт отнесения к ценности (как выделения значимого для всех) и субъективную индивидуальную оценку, не имеющую объективности, указывает на непостижимость связи абсолютной ценности и содержания эмпирического бытия и сознания. Абсолютная ценность превращается для субъекта в императив долженствования.

М. Вебер, следуя принципу «отнесения к ценности», корректирует понимание ценности, трактуя последнюю как социокультурную установку, определяющую интерес эпохи. Создавая теорию идеальных типов, он соотносит интерес эпохи с конструируемой идеальной схемой исторической реальности в виде «утопии». Свободу личности Вебер видит в адекватном выборе ею той ценности, которая соответствует ее собственной воле. Главное в жизни каждого человека – принятие правильного решения, выбор того «бога или демона», которому призван изначально служить этот человек [2, с. 104]. Следование индивидуальному закону («будь верен самому себе»), выдвинутое в качестве нравственного закона М. Вебером и Г. Зиммелем, ставит под сомнение категорический императив Канта. Под сомнением оказывается и связанная с ним доктрина классического либерализма, лежащего в основании новоевропейской экономики и политики [3, с. 504, 519].

Главное естественное право человека в классической традиции эпохи Просвещения – быть свободным и разумным, а значит, нравственным существом, признающим за другим разумным существом абсолютную ценность. «Свобода... от принуждающего произвола другого... и есть единственное первоначальное право, присутствующее

каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду» [5, с. 147, 132]. Автономия свободной воли подразумевала и ответственность, поскольку личность подчинена законам, установленным ею же самой или совместно с другими. Принцип индивидуализма в классической традиции был ориентирован не на чисто природное эгоистическое существо, а на моральную личность, которой могут быть «вменены ее поступки» (Кант). В этой связи И.Б. Романенко отмечает, что человек становится не только «добытчиком», «потребителем», но и «ответчиком» за проекты, рожденные его разумом [8, с. 59].

Таким образом, философия практического разума Канта давала мировоззренческое и теоретическое обоснование европейской государственно-политической доктрине либерализма, опиравшейся на принцип индивидуализма в социальном управлении. Либерализм оказал значительное влияние на государственное развитие западноевропейских стран и США. Однако в 80-х годах XX века сформировалась новая доктрина, существенно изменившая прежнюю технику управления поведением людей.

С неолиберализмом связывают переворачивание отношений экономики, общества и государства. В противоположность классической установке на природную естественную склонность к обмену (А. Смит) и свободу конкуренции утверждается, что механизм конкуренции не стихия. М. Фуко, анализируя историю либерального дискурса, отмечает, что в современном мире мы имеем дело не с рынком, а с обществом, подчиненным динамике конкуренции, превращающейся в формирующую силу общества [10]. Конкуренция понимается как цель, для достижения которой необходимы активная государственная политика вмешательства в условия рынка, воздействие на само общество и общественную среду — в противополож-

ность либеральному принципу экономической свободы.

Неолиберальная доктрина ориентирована не на принцип равенства (естественного или социального), а на человеческую деятельность и ее включенность в экономику, что выражается понятием «человеческий капитал». Предметом экономического анализа становится не накопление капитала и распределение ресурсов, а рациональное поведение человека, теория труда становится теорией субъективного поведения работника. Сама жизнь и ее воспроизводство (особенно через фарминдустрию) оказывается вовлеченной в производственный цикл в новой форме капитализма, характерной для «общества знания». При этом рыночной стоимостью обладает прежде всего знание, касающееся биологического и социального воспроизводства жизни. Человек, рассматриваемый как капитал, полностью подчинен логике конкуренции. Миф об обществе знания и свободной кооперации на основе общих ценностей развивается современным когнитивным капитализмом. А. Корсани подчеркивает, что термин «когнитивный» в данном случае указывает на центральный характер знания на новом этапе развития капитализма [6, с. 169, 192].

Сфера производства знаний, не являясь чисто экономической, изначально остается вне поля прямого влияния капитала. В информационную эпоху знания циркулируют отдельно и от машины, и от работника, и от государственного или социального института, образуя своеобразную семантическую среду социума. Проблема эффективного социального управления оказывается неизбежно связанной с анализом этой среды.

Социокультурная среда, сохраняющая и воспроизводящая знания и ценности, становится важнейшим ресурсом социального управления в современном глобализирующемся мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аристотель.** Сочинения [Текст]: В 4 т. / Аристотель. — М.: Мысль, 1975—1983.
2. **Вебер, М.** Избранные произведения / М. Вебер. — М., 1990.
3. **Гайденок, П.П.** Научная рациональность и философский разум [Текст] / П.П. Гайденок. — М., 2003, — С. 493—521.
4. **Кастельс, М.** Информационная эпоха: экономика, общество, культура [Текст] / М. Кастельс. — М., 2000
5. **Кант, И.** Метафизика нравов в двух частях [Текст] / И. Кант. — М., 1965. (Соч.: в 6 т / И. Кант; т. 4).
6. **Корсани, А.** Капитализм, биотехнология и неолиберализм [Текст] / А. Корсани // А. Горц. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал — М., 2010.
7. **Платон.** Собрание сочинений [Текст]: в 4 т. / Платон. — М., 1990—1994.
8. **Романенко, И.Б.** Экзистенциализм и персонализм: Определение образовательных идеалов XXI века

[Текст] / И.Б. Романенко // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. — № 5(10): Обществ. и гуманитарные науки (философия). — СПб., 2005.

9. **Тихонов, А.В.** Теоретические основы социальной регуляции управленческого типа [Текст] /

А.В. Тихонов // Личность. Культура. О-во / Междунар. журн. социал. и гуманитарных наук. — Т. XI, вып. 3 (№ 50). — М., 2009.

10. **Foucault, M.** Naissance de la biopolitique [Текст]: Cours au College de France 1978/1979. — Galimard, 2004.

УДК 165.62

Н.С. Оботурова

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ ИДЕАЛЬНОГО

Феноменология как самостоятельное философское направление XX века нашла наиболее яркое воплощение в работах Эдмунда Гуссерля, который первоначально поставил задачу анализа внеопытных и внеисторических структур сознания, обеспечивающих его реальное существование и совпадающих с идеальными значениями, выраженными в языке и психологических переживаниях. В поздний период своей деятельности Гуссерль отказался от идеи приоритета логического анализа структур «чистого сознания», исследуя его в контексте укорененности в «жизненном мире», в универсальном поле дорефлексивных структур как основании теоретической и практической деятельности. В эволюции взглядов Гуссерля в понимании сущности и природы идеального, сознания особый интерес представляет анализ его взглядов на идею как концептуальный принцип философии, подчиняющейся правилам феноменологической редукции.

Первые философские опыты Гуссерля были связаны с идеей психологического обоснования фундаментальных математических структур. В дальнейшем объектом его исследования становятся проблемы «чистой логики» [5], положившие начало становлению феноменологии, анализу науки как теории, соотношения специфики теоретических и эмпирических наук. В постановке этих проблем одно из центральных мест занимает вопрос об объективности научного

знания, в основании которого лежит логическая связь идей, образующая истину науки как единство значений и отличающаяся как от психологических переживаний в познании, так и от вещей как предметной области науки.

Логическая связь идей, с точки зрения Гуссерля, отличается от психологических переживаний в познании, потому что логика как теоретическая дисциплина независима от психологии. Этим была обусловлена критика Гуссерлем психологизма, попыток сведения логических связей к психологическим, что, по его мнению, неизбежно приводило к скептицизму и релятивизму.

Так, давая оценку учениям Э. Маха об «экономии мышления» и Р. Авенариуса о «наименьшей затрате сил», Гуссерль утверждал, что эти исследования проливали свет на практическое учение о познании, на методологию научного исследования, но «отнюдь не на чистое учение о познании, в частности не на идеальные законы чистой логики» [6, с. 316].

Излагая позицию психологизма в теории познания, согласно которой на основе «грубо согласующихся первых психических коллокаций возникают представление единого, общего для нас всех мира и слепая эмпирическая вера в его существование» [Там же. С. 317], Гуссерль отмечает, что этот мир не для каждого из нас тот же самый, он таков только в общем и целом, лишь настолько, чтобы «практически

была в достаточной мере дана возможность общих представлений и действий» [6, с. 316].

По мнению Гуссерля, мир для простого человека и научного исследователя не одинаков: для первого «мир есть связь приблизительной правильности, пронизанная тысячью случайностей, для второго мир есть природа, в которой всюду и везде господствует строгая закономерность» [Там же. С. 318]. Признавая роль психологического подхода к анализу идеи мира как предмета опыта, закономерного единства с его непрестанно обогащающимся научным содержанием, Гуссерль утверждает, что «с гносеологической точки зрения все эти исследования не имеют значения» [Там же].

Заблуждения психологизма в исследовании процесса познания Гуссерль связывает с тем, что его представители заинтересованы в познании только эмпирической стороны науки, рассматриваемой ими как биологическое явление, и не затрагивают ее гносеологической проблематики «как идеального единства объективной истины» [Там же. С. 321]. Для преодоления такой психологической «философской моды», по его мнению, необходимо «проложить путь тому самоочевидному уяснению, которое есть необходимое условие для окончательного обоснования философии» [Там же].

Понимание отличия и одновременно взаимосвязи логических связей идей и связей вещей, по утверждению Гуссерля, обосновано постановкой проблемы истины и выявлением логических условий возможности познания. С одной стороны, истина представляет собой идеальное единство значений, усматриваемое в фактах, с другой — она не исчезает вместе с фактами, поэтому истины не изобретаются, а открываются, и систематика науки коренится в систематике вещей. В связи с этим задача «чистой логики» состоит в том, чтобы выявить условия возможности теории как таковой.

В своих логических исследованиях Гуссерль пытается связать идеи «чистой логики» с теорией познания, дать анализ всеобщих структур сознания, соотношения реального и идеального, значений и предмета, основных актов познания. Поэтому феноменология, по его мнению, не являясь теорией, ибо она беспредпосылочна, должна следовать логике проясняемых понятий. Феноменология не отрицает постановку метафизической

проблемы (существование внешнего мира), но она направлена не на исследование предметов, а на акты в их смысловом содержании, значении. Это содержание, реализуемое в высказываниях, необходимо извлечь из их психологической и грамматической оболочки. В результате оно должно быть отделено не только от предмета, но и от материально-вещественного бытия знака, образа, представления или фантазии, так как то, о чем говорится, и что о нем говорится — не тождественны. В анализе сознания эта нетождественность проявляется в различии направленности сознания на значение и его осуществления, наполненности. Отсюда значение нереально, аналогично статусу идеальных, общих предметов.

Исходя из этого, Гуссерль критикует исходные идеи как платонизма, так и эмпиризма, доказывая, что, хотя усмотрение общего основано на акте восприятия, направленность сознания на общее радикально отличается от интенции индивидуального. Отличие значения от предмета обуславливает две ветви «чистой логики»: теорию предметов и «чистую грамматику» — учение о самостоятельных и несамостоятельных значениях.

Идея рассмотрения логики в контексте анализа языка имела место в истории философии и науки неоднократно, поэтому его исследование признается Гуссерлем как философски неизбежная подготовка построения «чистой логики». Однако речь должна идти не о грамматическом анализе в эмпирическом смысле, а об исследованиях наиболее общего типа, которые «принадлежат широкой сфере объективной теории познания и к тому, что с ней тесно взаимосвязано — чистой феноменологии мышления и познания, как переживаний» [7, с. 14].

Феноменология, с точки зрения Гуссерля, — это область нейтральных исследований, содержащая корни психологии как эмпирической науки и логики, ее основных понятий и идеальных законов. Поэтому феноменологический метод исследования является необходимым для критической теоретико-познавательной подготовки и прояснения «чистой логики».

Таким образом, в «Логических исследованиях» Гуссерля главный объект рассмотрения — различие способов данности реальных и идеальных предметов. Дальнейшая эволюция его

взглядов была связана с критикой натурализма и психологизма. «Натурализация» разума, по его мнению, опасна не только для теории познания, но и для понимания человеческой культуры в целом, ибо приводит к признанию относительности смысловых данностей сознания, идеалов и норм.

Подобному релятивизму Гуссерль пытается противопоставить методологию строгой науки о сознании, в основе которой лежит признание единства интенциональности и очевидности, и отказ от объективистского понимания психического. Это обусловлено тем, что, хотя предмет или вещь являются нашему сознанию, смысл или значение предмета не является, а переживается.

Развивая далее свои взгляды, Гуссерль определенным образом «гносеологизирует» исходные положения «Логических исследований» и делает главным объектом своего рассмотрения «чистое сознание» и «чистое Я», определяя тем самым одну из основных идей философии XX века — проблему интерсубъективности [12].

Гуссерль считал, что парадокс человеческой субъективности состоит следующем: человек и человечество одновременно выступают и как существующий в мире объект, часть мира, и как конструирующий мир субъект. «Человеческое Я», первоначально данное как «смутная конкретность», открывает в себе «трансцендентальное Я», которое погружается в «жизненный мир» как горизонт идей, целей и устремлений. В этот мир включаются как вещи обыденного опыта, так и культурно-исторические феномены, не тождественные объектам научного познания. Этим отличается рассмотрение жизненного мира с позиций естественной установки — как простого погружения в него — от феноменологического, предполагающего осознание его соотносительности с нашей субъективностью, наделением значениями и смыслами предметов и отношений мира.

Анализируя содержание «Размышлений» Декарта, Гуссерль утверждает, что в них происходит возвращение к идее философствующего его, чистых *cogitatioes* на основе известного метода сомнения. Декарт, стремящийся к цели абсолютного познания, отказывается, по его мнению, «признавать в качестве сущего что бы то ни было, что не защищено от любой мыслимой

возможности попасть под сомнение» [2, с. 51]. Он стремится исключить все, что допускает возможность сомнения в стремлении обрести абсолютную очевидность. В результате такого подхода достоверность чувственного опыта не выдерживает критики, лишается значимости. Поэтому только себя самого абсолютно несомненно удерживает размышляющий как сущее, как неустранимое, «даже если бы не было этого мира» [Там же. С. 52].

Изложив основные взгляды Декарта, Гуссерль ставит вопрос о том, могут ли они придать жизненные силы нашему времени, для которого характерна раздробленность философии и бесплодность ее усилий. Идеи Декарта, с его точки зрения, были актуальными в Новое время, когда на смену религиозной вере пришла вера в автономность философии и науки, достижения которых «должны были освещать и вести за собой всю человеческую культуру, придавая ей тем самым новую автономную форму» [Там же. С. 54]. Это способствовало утверждению картезианской идеи философии как универсальной науки с абсолютным основанием.

Единственная задача, остающаяся после выполнения этой программы, по мнению Гуссерля, — это «разветвление трансцендентальной феноменологии на отдельные объективные науки, легко понятное по мере ее произрастания из начал философии, и отношение этих наук к наукам, пребывающим в позитивной установке и преданным в качестве примеров» [Там же. С. 286].

Однако, ставя вопрос о соотношении повседневной практической жизни и позитивных наук, Гуссерль говорит о наивности опытного познания, мышления, которые погружены в заранее данный мир. Интенциональная работа опытного познания совершается анонимно, ибо познающий ничего не знает об этой познавательной деятельности и работе мышления. Для позитивных наук, напротив, характерна наивность более высокого уровня, так как они продукты сложной теоретической техники. Вместе с тем результаты интенциональной работы в них остаются не истолкованы, ибо осуществляемая ими критика «не есть последняя критика познания» [Там же. С. 287], что неизбежно приводит к парадоксам, неясностям, проблемам оснований выдвигаемых идей.

Эту задачу, считал Гуссерль, не могут выполнить не только специальные науки, но и традиционная логика со всеми ее формальными нормами. Такой радикальной формой самоосмысления является феноменологический метод в «форме трансцендентальной редукции, интенционального самоистолкования, раскрываемого посредством этой редукции трансцендентального *ego* и систематической дескрипции, принимающей вид некой интуитивной *эйдетики*» [2, с. 287].

Забвение естественными науками жизненного мира как смыслового фундамента науки приводит, по утверждению Гуссерля, к объективизму, кризису европейских наук, искажению истинного смысла рационализма, к исчезновению субъективно-смысловой корреляции учебного с предметами познания, который направляет свое внимание лишь на изучение связей между вещами. Однако именно во взаимоотношении с жизненным миром субъект познания обретает опыт смыслоотнесенности с миром духовной истории Европы.

Гуссерль говорит об изменении (даже враждебности) во всеобщей оценке науки, ее значения для человеческого существования, произошедшем в последнее столетие. Наука, понятая лишь экспериментально, формирует сугубо эмпирически ориентированных людей, равнодушно самоустраняется от вопросов, значимых для всего человечества, а именно «о смысле или бессмысленности всего человеческого существования» [3, с. 138].

Естественные науки в силу своей абстрагированности от субъективного ничего не могут сказать о «человеке как субъекте свободы» [Там же]. Не ушли дальше в решении данных проблем и «науки о духе», которые в соответствии с нормами строгой научности «требуют от исследователя исключения всех ценностных установок, всех вопросов о разуме и неразумии тематизируемого человечества и произведений его культуры» [Там же. С. 139].

С точки зрения Гуссерля, жизненный мир в противовес «миру» идеальностей науки есть изначальный, единственно действительный мир человеческой жизни, забытый чувственный фундамент естествознания, и первичность его должна быть восстановлена по отношению ко вторичному идеализированному «миру».

Жизненный мир всегда и всему предпослан, ибо всякая цель уже заранее его предполагает, и в процессе работы «снова и снова предпосылается (*immer vom neuen voraus*) в качестве сущего тем или иным способом, но именно в качестве сущего» [13, с. 462].

Жизненный мир должен представлять собой смысловой фундамент естествознания. Галилей, по мнению Гуссерля, осуществил замещение реального, данного в опыте мира миром идеальных сущностей. Его последователи не дали осмысления изначальной смысловой процедуры как идеализации теоретической и практической жизни, которая «утверждала его в качестве непосредственно чувственного мира... из коего и проистекает мир геометрических идеальных фигур» [3, с. 165]. При таком подходе предметом осмысления не стало то, что дано непосредственно, а также вопрос о том, «какова мотивация и какова та новая процедура, которая впервые собственно и предполагает геометрическую идеализацию» [Там же].

В геометрических методах, воспринятых со времен Галилея, эти процедуры не являлись уже «жизненными», внутренний смысл их точности сознательно завышался и доводился до уровня теоретического знания. На этой основе возникла иллюзия, что геометрия сама создает собственные, непосредственно очевидные априорные «созерцания» и свою абсолютную истину с «помощью мышления, управляющего ими, истину, приложимость которой есть нечто само собой разумеющееся» [Там же].

Однако то, что принималось за нечто само собой разумеющееся, оказалось видимостью, ибо приложение геометрии имеет гораздо более сложные смысловые истоки, но «все это осталось и для *Галилея*, и для его последователей скрытым» [Там же]. Больше того, от Галилея берет начало «замещение идеализированной природы природой (непосредственно), преднаучным образом созерцаемой» [Там же].

Естествознание, в том числе и геометрия, по мнению Гуссерля, с момента своего возникновения должно служить целям, которые «заключены в этой жизни и должны быть соотносены с жизненным миром» [Там же]. Человек, исследующий мир, находится внутри этого мира и может теоретически относиться к нему лишь в «бесконечно открытом горизонте не-

познанного» [3, с. 165]. Созерцаемый, в опыте постигаемый мир, в котором разворачивается жизнь человека, остается неизменным в своей сущности независимо от того, познаем мы его при помощи непосредственных или искусственных средств.

При помощи геометрической и естественнонаучной математизации «мы осуществляем примерку одеяния идей, адекватных жизненному миру» [Там же. С. 166], который дан нам в нашей жизни как мир действительный, с бесконечной возможностью опыта. В теоретическом познании мы конструируем числа, «примеряем одеяние так называемых объективно-научных истин» [Там же], что делает предсказание событий в реальности мировых событий более точным, чем в повседневном опыте.

Размышляя о влиянии развития философских идей на все человечество, даже не мыслящее философски, Гуссерль утверждает, что внутренне понимание побуждений философии Нового времени, начиная с Декарта и заканчивая нашими днями, «впервые достигается лишь при постижении современности» [Там же. С. 144]. Духовная борьба европейского человечества разворачивается как борьба между скептической философией, сохранившей лишь свое название, а не задачи, и действительной философией, жизненность которой состоит в том, что «она борется за свой истинный и подлинный смысл и тем самым за смысл подлинного человечества» [Там же].

На этом пути «наивный» рационализм XVIII века и тот способ, которым он пытался найти почву для европейского человечества, должны быть не просто отброшены, а обрести подлинный смысл, ибо «нельзя ли назвать разум, уклоняющийся от борьбы за прояснение предельных данностей (*Vorgegebenheiten*) и от выдвижения предельных и подлинно рациональных целей, “ленивым разумом”?» [Там же. С. 145]. Причины затруднений рациональной культуры, с точки зрения Гуссерля, не в сущности самого рационализма, но «лишь в его о в н е ш н е н и и, в его извращении “натурализмом” и “объективизмом”» [4, с. 115].

Таким образом, в ходе эволюции взглядов Гуссерля уточнялся предмет феноменологии, менялось понимание сознания, идеального, науки и научной рациональности, но неизменной

оставалась «гуссерлева трактовка естествознания Нового времени как “натуралистического объективизма” и его стремление показать границы научной рациональности, которая существенно отличается от философского разума» [1, с. 134]. Критическое отношение Гуссерля к традиционной теории познания позволило дать «глубокое осмысление гносеологических, нравственно-этических и онтологических проблем и поставило феноменологию в ряд наиболее крупных философских школ XX века» [Там же].

Вместе с тем нельзя не согласиться с П.П. Гайденко, что сдвиг феноменологии к историзму, характерный для позднего периода деятельности Гуссерля, противоречил исходным принципам раннего периода его деятельности. Историзм, преодолевая ограниченность представлений позитивизма и материализма, отстаивал и развивал телеологические идеи. Проблема «смысла», перенесенная историзмом в мир культуры, человеческой деятельности, была сохранена, однако «существенно урезана, заужена» [Там же. С. 135]. В феноменологии Гуссерля, эволюционирующей в историзм, на место природы встают «исторически сменяющиеся ее образы как проекции вовне жизни трансцендентального Эго» [Там же]. Однако, как справедливо утверждает Гайденко, необходимо освободиться от убеждения, что смысл вносится в мир только человеческой субъективностью. Необходимо вернуть и природе «ее онтологическое значение, каким она обладала до того, как техногенная цивилизация превратила ее не только в “о б ъ е к т”, но и в “с ы р ь е”...» [Там же].

Признавая справедливость подобного критического замечания в адрес Гуссерля, необходимо отметить, что его заслуга состояла не только в критике психологизма в ранний период и в утверждении принципа историзма в поздний, но и во введении им в теорию познания понятия «жизненного мира» как смыслового фундамента человеческого знания, который не противостоит субъекту, а соотнесен с ним, дан ему в виде практических идей, целеполагающей деятельности.

Этим «жизненный мир» Гуссерля отличается от мира «математического» или «физического», он и предзадан, и историчен, открыт

непосредственному пониманию, неизменно значим. Вместе с тем он «обладает и априорными структурными характеристиками, инвариантами, которые дают возможность формирования на их основе научных абстракций, идеализаций и т. д.» [11, с. 282]. Именно в таких фундаментальных идеях заложен и отражен конкретно-исторический опыт трансцендентальной субъективности.

Феноменология Гуссерля, пытаясь преодолеть тенденции внутреннего разложения «духовной Европы», представляла собой преобразование «основания всех конститутивных систем...» [10, с. 138], а вопросы и тематика «жизненного мира» «стали важнейшими, можно сказать, центральными в основополагающей проблемной канве широко понимаемого феноменологического движения» [8, с. 102]. Больше того, по справедливому утверждению Н.В. Мотрошиловой, концепция жизненного мира, довольно поздно «открытая» и разработанная Гуссерлем, принадлежит к «числу наиболее перспективных теоретических достижений и феноменологии, и философии XX в. в целом» [Там же. С. 103].

Значение подхода к познанию мира в поздней феноменологии Гуссерля состояло в том,

что в нем была осуществлена критика классической, техногенной цивилизации, которая располагала весь ряд человеческих деяний преимущественно на оси натурально-предметных, «вещных», «объективных и объективирующихся» взаимодействий, оставляющих в стороне «духовность, «персональность» человека, его «субъективность» [9, с. 142]. Говоря о вкладе Гуссерля в изменение образа мира, в котором человек живет и действует, Мотрошилова справедливо отмечает, что «свою роль одного из примеров современной “критики разума” эта концепция уже сыграла и еще сыграет» [Там же. С. 144].

Подводя итог анализу эволюции взглядов Гуссерля, можно утверждать, что если в начальный, «логический» период своей деятельности он говорил об отличии и одновременно взаимодействии логических связей идей и связей вещей, а в период анализа проблемы «интерсубъективности» — о «конструирующем мир субъекте», то разработка феноменологической концепции «жизненного мира» предполагала осознание соотнесенности мира с нашей субъективностью, наделением значениями и смыслами предметов и отношений мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гайденок, П.П.** Научная рациональность и философский разум в интерпретации Эдмунда Гуссерля [Текст] / П.П. Гайденок // Вопр. филос. — 1992. — № 7.
2. **Гуссерль, Э.** Картезианские размышления [Текст] / Э. Гуссерль. — СПб.: Наука : Ювента, 1998. — 316 с.
3. **Он же.** Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию [Текст] / Э. Гуссерль // Вопр. филос. — 1992. — № 7.
4. **Он же.** Кризис европейского человечества и философия [Текст] / Э. Гуссерль // Там же. — 1986. — № 3.
5. **Он же.** Логические исследования [Текст] / Э. Гуссерль. // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. — Рига, 1988.
6. **Он же.** Логические исследования [Текст] / Э. Гуссерль // Философия как строгая наука. — Новочеркасск, 1994.
7. **Он же.** Логические исследования [Текст]. Т. II (1) // Э. Гуссерль. Собр. соч. — М., 2001.
8. **Мотрошилова, Н.В.** Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля [Текст] / Н.В. Мотрошилова // Вопр. филос. — 2007. — № 7.
9. **Она же.** Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля [Текст] / Н.В. Мотрошилова // Там же. — № 9.
10. **Савин, А.Э.** Концепция историчности жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля [Текст] / А.Э. Савин // Там же. — 2008. — № 5.
11. **Семенова, В.Н.** Гуссерль [Текст] / В.Н. Семенова // История философии: энцикл. — Мн.: Интерпрессервис: Книжный дом, 2002.
12. **Husserl, E.** Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie [Text] / E. Husserl. — Erstes Buch, 1913.
13. **Idem.** Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie [Text] / E. Husserl // Husserliana. — Bd. VI. — The Hague, 1962.

УДК 130.2

Д.Н. Гончарко

ПОНЯТИЕ ДАРА В РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ МОДЕЛИ КУЛЬТУРЫ

Понятие «культура» широко и многогранно. Оно включает в себя множество оттенков и аспектов смысла, уловить которые в единстве проблематично. Из необъятного множества определений культуры можно выделить: психологические (З. Фрейд, К.Г. Юнг, Э. Фромм) и просветительские (Вольтер, Ж.-Ж. Руссо) трактовки; культурно-антропологический подход, представленный множеством этнографических исследований; цивилизационный (О. Шпенглер) и структурно-функциональный (Э. Дюркгейм, К. Леви-Стросс) подходы; постмодернистские концепции культуры (Ж. Деррида, М. Фуко).

С помощью разрабатываемого в данной статье подхода к понятию «культура» можно иначе классифицировать указанные выше трактовки: во-первых, культура может трактоваться как мир накопленных ценностей и норм, вещный мир вне человека (экстерналистский подход, к нему можно отнести психологический, культурно-антропологический и просветительский подходы); во-вторых, — как мир человека (интерналистский подход, к нему можно отнести структурно-функциональный и постмодернистский подходы). Последний также можно разделить на три группы: культура — мир целостного человека в единстве его физической и духовной природы; культура как мир духовной жизни человека; культура — живая человеческая деятельность, способ или технология этой деятельности.

Культура как целое представляет собой двумерное явление: с одной стороны, она есть материальный багаж знания и опыта предыдущих поколений, с другой — характеристика использования этого самого опыта. В данной статье попытка интерпретировать понятие культуры основывается на объединении экстерналистского и интерналистского подходов. Особое внимание уделяется интерпретации культуры как прихода, поступления благ и их эффективного распределения и перераспределения. Предпринят сравнительный анализ интерпретаций

культуры как комплекса, регулируемого экономическими в широком смысле отношениями (неомарксистский подход Т. Адорно и М. Хоркхаймера, антропологический — М. Мосса и К. Леви-Стросса); изложена логика развития понятия дара и дарения в культуре. Цель статьи — разворачивание горизонта культуры, которая понимается предельно широко и включает в себя материальные артефакты, идеальные объекты и отношения, акты мысли, действия и поступки, через систему дар/отдаривание, долг/выплата. В связи с пониманием культуры как предельной формы дара (дар самого себя, самосожжение, жертва) открывается возможность выявления в ее основе некоего нерепрезентируемого онтологического ядра — события дара времени.

Для репрезентативной модели культуры характерна субъект-объектная парадигма, отношение, возникающее в процессе напряженного взаимодействия между агентами, результатом которого становится символический долг. Понятие репрезентации в философии Нового времени — конструирование мира в качестве представления (*representatio*) познающего сознания — обусловило переход от представления мира к представлению самого представления, к феномену самосознания. Абсолютизация субъекта и его развенчание в качестве абсолюта привели к кризису понятия репрезентации как ключевого механизма взаимодействия субъекта с миром, с другими субъектами в культуре. Движение романтизма в XIX веке можно считать первым последовательным проявлением этого кризиса. Истоки его проанализировал М. Фуко в классической работе «Слова и вещи», показав взаимосвязь кризиса с эволюцией знака, которую он претерпел со времени эпохи Возрождения. Схематически кризис репрезентации можно представить через серию символических крахов: отказ от онтологии платонизма, отбрасывание декартовской модели эпистемологического субъекта и, наконец, низвержение кантовского этического субъекта — в значительной мере

следствие провозглашаемой «смерти субъекта», тогда как исторические последствия проявили себя гораздо позднее, после длительной череды социальных катаклизмов в середине XX века. Однако кризис репрезентации не стоит понимать негативным образом, он несет в себе и положительный заряд подобно тому, как ныне экономический кризис имеет созидательный момент, если рассматривать его как явление конструктивно-созидательного разрушения старых связей, отношений, отраслей, форм деятельности и т. п., с тем чтобы выработать более эффективные.

В качестве репрезентативной модели культуры предлагаем рассмотреть комплекс культурных явлений в терминах субъект-объектных отношений. Действительно, различные явления культуры XX века побуждают последовательно проследить кризис репрезентации (универсального механизма, на котором основана культура): «смерть Бога», провозглашенная Ф. Ницше (религиозный аспект кризиса репрезентации), «смерть автора», констатированная Р. Бартом (художественный аспект), смерть субъекта как следствие психоаналитических доктрин (психологический аспект), доказательство К. Геделем теоремы о неполноте как свидетельство принципиальной невозможности однозначно и полно репрезентировать природу как объект в субъективных терминах науки (гносеологический аспект). Кризис репрезентации в целом, так же как и кризис репрезентативной модели культуры в частности, побуждает предпринять попытку объяснить его причины и найти почву для перехода к иной, нерепрезентативной картине мира. Однако данная статья посвящена достаточно узкому аспекту этой проблематики – анализу понятия культуры как комплекса, регулируемого экономическими (долг/выплата) и внеэкономическими (дар/отдаривание) отношениями; в ней будет предпринята попытка обосновать возможность нерепрезентативного преодоления кризиса репрезентации в культуре.

Тематизация дара на материале этнографических исследований и представление его в качестве такого фрагмента культуры, который можно расценивать не только как ее часть или метафору, но и в более строгом смысле как ее модель (культура как дар), является заслугой антропологов К. Леви-Стросса и М. Мосса.

Археологические открытия, достижения этнографии, попытка сравнить и сопоставить современное цивилизованное общество и культуры так называемых «диких», «варварских» племен, не дошедших до порога цивилизованности, но дающих примеры оригинальности, самобытности достаточно экзотических ритуалов, обрядов, предоставляют возможности для сравнительного анализа, позволяют выделить определенные типики и структуры, повторяющиеся и по сей день.

Сущность дара Мосс исследует в «Эссе о даре». Дар, равно как и культура, имеет парадоксальную принудительную природу; вместе с его добровольностью, он создает переизбыток, неравновесие. Подарки по определению дело добровольное, однако получающий дар принужден обществом принять и ответить на него даром или благодарностью. Эта сила имеет символическую природу; экономика дара тотальна, а бескорыстие, героический поступок, щедрость, самопожертвование – лучшая иллюстрация символической модели обмена, в которой важен не столько сам жест траты/дара, сколько ответная реакция получателя. В этом проявляется агональный элемент дара: претенденты на почет и славу соревнуются, кто кого передарит. В центре стоит борьба за признание, апогеем чего становится диалектика раба и господина у Гегеля, где на кон поставлена в конечном счете сама жизнь.

Вопрос о реальности жертвы сформулирован уже у Ф. Ницше, который стремился освободиться от старых долгов во имя нового мышления, развенчать символическую ценность как сократовской жертвы, так и искупительной жертвы Христа. Согласно рассуждению Ницше, смерть Сократа нельзя интерпретировать как трагическую, потому что, будучи человеком разума, Сократ не испытывал вкуса к жизни. Поэтому его смерть ни к чему не обязывает других. Жертва Христа также не является к чему-то обязывающей, так как его самопожертвование не продиктовано свободой выбора. Ницше совершает перенос, ставя под сомнение истинность жертвы. И, действительно, постоянное сомнение не опровергает и не подтверждает добровольность жертвы, оно несколько не мешает функционированию символической экономики, напротив, способствует ей.

Б. Гройс пишет: «Подозрение обесценивает старую жертву. Но ее символическая ценность переносится в результате на тот медиум, в котором было осуществлено обесценивание старых ценностей, например на медиум жизни, медиум язык или на медиум письма. Подозрение в симуляции не обесценивает символические ценности, а скорее перемещает и перераспределяет их, давая начало следующему циклу – символической экономике подозрения. Следовательно, всеобщее подозрение в симуляции, под которое ставятся все ценности современной эпохи, служит не препятствием, а двигателем символической экономики» [2, с. 112]. Функционирование данной экономики не ограничивается только архаическими временами или Новым временем, когда для подтверждения своего статуса нужны были колоссальные расходы на содержание двора, но и современный буржуа должен поддерживать свой статус именно растрачиванием: необходимостью траты, долгом растрачивать. В этом смысле самым большим культурным статусом обладает тот, кто тратит наибольшую сумму, отдает наибольшую ценность – в данном случае такой наибольшей ценностью является жертва Христа, она приобретает даже сверхкультурное сакральное значение, неотобразимое в экономических эквиваленциях. Именно поэтому жертву Христа невозможно репрезентировать и тиражировать в качестве симулякра.

Состояние иной чрезмерной расточительности и траты описал М. Энафф в работе, посвященной маркизу де Саду: «Садовый либертинаж, основываясь на идеях *богатства* и *господства* (то есть предполагая как предшествующую себе, параллельно идущую безжалостную эксплуатацию пролетаризированного труда), черпает наслаждение из прибавочной стоимости, то есть из растраты излишка, определяемого тем способом производства, внутри которого она функционирует, которая является его наиболее ярким симптомом. Иначе говоря, либертины представляют собой наиболее яркий пример того, что Веблен именует *праздным классом*, а в своих роскошных оргиях потребляют то, что Ж. Батай называл *проклятой долей*» [4, с. 266]. Перерасход товаров, энергии и тел превращает садовскую оргию в жертвоприношение. Единственное различие между

экономической моделью потлача, описанной М. Моссом, и садовским либертинажем состоит в разном отношении к публичности. Для Мосса главное – это публичный характер траты и дара, почет и власть только достигаются в нем, он еще не заработан, а возникает как эффект траты. Сад же говорит о празднестве и пиршестве как о принципиально не публичном и не народном. Оргия разворачивается внутри закрытого пространства (в замке, монастыре, особняках), столь герметичный характер создает эффект элитарности, привилегированности зрелища, а сама трата не дает доступ к славе и не легитимирует высокое положение, оно только подтверждает право уже приобретенное, оно не дарует право, а указывает на него: «Празднество реализует сгущение всех знаков, способных выражать привилегии праздного класса. Зрелище стало полностью не транзитивным: оно больше не несет в себе риска, связанного с присутствием зрителей, оно не должно порождать событие. Оно ценится само по себе как престижное следствие вышедших из употребления практик, замещает их и пожинает их плоды. Будучи зрелищем *понарошку*, празднество на уровне симулякра воспроизводит чреватый опасностями процесс рождения власти и грандиозное расточительство, диктуемое логикой дара» [Там же. С. 273].

Этот момент создает избыточное удовольствие, создавая группу избранных, способных получать удовольствие, и группу изгоев, способных только поставлять его, не получая ничего взамен. Данная феодальная модель общества описывается в неомарксистской концепции Т. Адорно и М. Хоркхаймера, представленной в работе «Диалектика просвещения», в разборе эпизода из «Одиссеи», связанного с сиренами, пение которых должно вести к гибели услышавших его. Одиссей признает архаическое всевластие пения, однако заставляет себя связать: слушая притягательное пение сирен, он в той же степени стремится к нему, как и любой смертный, однако он принял меры, чтобы «в качестве обреченного не быть обреченным им» [1, с. 80].

Сиренам ведомо все, что было, и за знание этого они требуют расстаться с будущим. Одиссея замещает в труде. Связав себя, т. е. по сути лишив себя телесной силы, что в данном

случае означает превратить себя в чистый орган получения удовольствия и стремления удовлетворить свое желание, Одиссей одновременно лишил одного своих гребцов, передав им функцию труда вместо себя. Этот эпизод демонстрирует категорический разлом, непреодолимый разрыв между трудом и удовольствием. Труд исключает удовольствие — это объясняет так называемый *запрет на труд*, который бытовал среди дворянства. Жертва Одиссея исключительная, или исключаящая, она производит неравный обмен, открывая доступ к удовольствию одному и закрывая его для остальных.

Одиссей знает только две возможности избежать опасности: залепить уши воском (к чему он принуждает своих спутников) или обездвижить слышащего (т. е. себя самого). Общество всегда заботится о том, чтобы трудящийся смотрел вперед, забывая о постороннем. Любое побуждение, отвлекающее от работы, должно быть сублимировано в дополнительное усилие. Так человек становится практичным. Иная возможность избирается повелителем: он бесильно привязан к мачте при оставленной для себя возможности слушать пение сирен: «чем больше становится соблазн, тем прочнее заставляя он приковывать себя — так впоследствии бюргеры тем упорнее даже самим себе отказывали в счастье, чем ближе оно к ним придвигалось с ростом их собственной власти и могущества» [1, с. 51].

Одиссей, так же как и либертен, получает удовольствие не столько от самого удовольствия, сколько от его исключительности, особенности, уникальности и недоступности. Система дарения/жертвы/траты не имеет в себе определенных правил, которым можно следовать или не следовать; она тотальна и реализуется бессознательно, даже без эксплицитной воли участника, свобода которого имеет лишь периферийное значение. Это свойство символического обмена отсылает к действию Абсолютного Духа Гегеля: действующий в духе своего времени вознаграждается; действующий не в духе своего времени наказывается, хотя и тот и другой служат одному и тому же.

Данные стратегии отношения к избытку и чрезмерности — предприимчивость (Одиссей) и либертинаж (Сад) — и представляют собой две предельные тенденции развития культуры, имея

каждая свою жесткую рациональность. Наиболее последовательно развитую концепцию, суммирующую эти две традиции, можно найти у Ж. Батая. Задача его стоит не в распределении пустых означающих, — что вслед за М. Моссом предпринимал К. Леви-Стросс, используя для этого понятие *манны*, продукта, возникающего в процессе обмена и запускающего действие символического обмена, создавая недостаток означаемого, — для него рабочим понятием становится избыток, а не недостаток.

Манна для Леви-Стросса — это имя для излишка пустых означающих, возникших в результате недостатка реального, и она функционирует не на уровне действительного, а принадлежит порядку мышления. У Батая же речь идет об избытке реальной энергии, возникшей в результате космического события рождения Солнца. Манна Мосса замещается или интерпретируется у Батая не в качестве символического, но в качестве реального — материальной энергии Солнца, которая действует совершенно независимо от воли человека, то давая, то отнимая у него богатства. Солнечная энергия является для Батая опасным, нестабильным, «эксплозивным субмедиальным» носителем знаков нашей цивилизации, который им постоянно угрожает: «именно тогда, когда этот носитель угрожает медиальной поверхности субмедиальным взрывом, приводящим к пожарам и потерям, солнечный носитель выражает себя наиболее ясным образом — и открывает доступ в свои недра» [2, с. 129]. Поэтому главный вопрос экономики — это не борьба с ограниченными ресурсами и не производство все новых форм удовлетворения потребностей, а эффективное расходование имеющегося избытка.

Функционирование и ход течения истории это только подтверждают, сменяя длительное затишье в производстве кризисами перепроизводства и время перемирия войнами и вспышками агрессии. Логично в таком случае выглядят наряду с нищетой и феномены роскоши и расточительства. Идеальным же выражением богатства и излишка для Ж. Батая являются поэтический дар, внутренняя сила и энергия человека, находящая выход либо в производстве, либо в революции (однако последняя приемлема, если она политически безрезультатна, не приводит к утопическим проектам, а через

некоторое время восстанавливает предшествующий ей распорядок сил и полюсов), трата самого себя без остатка, когда человек кладет себя на алтарь революции и общего дела, когда после него ничего не остается, его суть стирается в безликом порыве творения, акта протеста. Это роднит для Батая революцию и поэзию. Подходя к кризису, общество принимает свои нестабильные формы, войны и революции, но наряду с этим кризис касается и самого человека, заставляя производить, выдавать продукт поэтического дара – произведение.

Отвечая на изначальный солнечный подарок, человек вступает в потлач с Солнцем, результатом которого может стать только самоожжение, это плата за нашу жизнь. Согласно мысли Ж. Батая, в смерти нет необходимости: простейшие формы жизни (клетка) бессмертны. Смерть – это в конечном счете тот ответный дар, который мы предлагаем взамен на данную нам жизнь в качестве сложного существа, – к такому парадоксальному выводу приходит Батай. И те формы, не находящие себе объяснения в обычной рациональной системе потребления и расхода, найдут его с помощью экономики избытка. Солнце Батай изначально не может признать какое бы то ни было действие человека (по понятным причинам), поэтому борьба за признание, на которой настаивает Мосс, или равноценность обмена для поддержания социальных отношений, о которых говорит Леви-Стросс, обречены на неудачу.

Предложенная логика изложения проблемы демонстрирует внутреннюю динамику дара. Переходя от битвы за аутентичность дарения, траты и расходования, сквозь коммерсализацию эквивалентности системы дара и ответного дара, дар как культурный феномен трансформируется в тщетный с экономической стороны факт, производя только эффект разрядки, единственный факт, напоминающий нам о том, что мы еще живы. Но, тем не менее, данные стратегии остаются в рамках репрезентативной модели культуры, модели, основанной на экономических отношениях кредита и долга. Попытку предложить иной вариант дара именно как дара, остающегося бескорыстным, предпринимает Ж. Деррида. Задача его – тематизировать такой дар, который исключал бы ответный дар, избегал демонстративности и

зрелищности символического обмена, его видимости. Этот дар не позволяет воспринимать его сознательно. Только такой невидимый и неидентифицируемый дар не поддается симуляции, он превращается в потлач, на который нельзя ответить. Полагая дар внеэкономическим, Деррида отвергает моссовскую модель символического обмена. Можно ли вообще мыслить дар вне системы экономических операций?

Для этого Деррида превращает дар в презент, отрывая тем самым его семантически от процесса дарения, обнажая первоначальный смысл времени: «Время в любом случае не позволяет ничего увидеть. Все, что можно сказать, это то, что оно само элемент невидимого. Оно уклоняется от всего, что позволяет себя увидеть» [2, с. 144]. Время становится единственным даром, который не может оценить и осмыслить человек, пока он в плену «нечистой совести» (Ницше), пока он исчисляет его трудом (Адорно и Хоркхаймер), пока дар втянут в цепочку отдаривания (Мосс, Леви-Стросс), пока дар требует жертвы, самоожжения (Батая). Забвение у Деррида становится условием дара, так как необходимо стереть из памяти сам акт дарения. Понимание истинной сути дара как дара времени у Деррида служит альтернативой для всех попыток мыслить культуру как разновидность экономики.

Интерпретируя мысль Деррида по отношению к теме культуры как дара, можно сделать следующий вывод: истинная ценность культуры как произведения (а не культуры как производства) в безвозвратной утрате времени, которая есть не что иное, как трансформация длительности жизни в творческом акте во вневременной артефакт искусства. Необратимость конвертирования произведения искусства в потраченное на создание его время жизни и есть то чисто неэкономическое в культуре – некий энтузиазм, творчество не на продажу, подлинный дар, принесение себя в жертву. Творческий акт, творческая реализация человеческой личности, базируясь на «позитивной свободе», свободна от воздаяния [3, с. 64]. В этом смысле культура и может интерпретироваться как дар времени, дар, не подлежащий обмену, что позволяет нам выйти из круговорота экономики с ее системой сведения всего универсума

культуры к множеству, состоящему из денежных эквивалентов, — универсальной денежной репрезентации того, что нерепрезентируемо в принципе.

С помощью понятия дара как дара времени, интерпретирующего культуру как внеэкономическую деятельность произведения даров, не подлежащих обмену, возможно построение нерепрезентативной модели культуры, понимаемой в двух аспектах — нерепрезентативной, как преодолевшей кризис репрезентации (необходимость и принуждение к объект-субъектным отношениям, «репроизводству» объекта в субъекте и поэтому обратимость и конвертируемость

произведений искусства в некий эквивалент-посредник), и нерепрезентативной, как свободной от экономической необходимости отдаривания (не-ре-презентативной от present как дар (*англ.*) и present как настоящее время (*англ.*)), не предполагающей символического долга, объединяющей в себе экзистенциально-онтологический, культурно-исторический и эстетический аспекты человеческого бытия. Именно поэтому разработка нерепрезентативной модели культуры актуальна с точки зрения анализа культуры именно как культуры в ее чисто духовном измерении, свободном от экономических и других сопутствующих ей феноменов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Адорно, Т.** Диалектика просвещения [Текст] / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. — М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997. — 312 с.

2. **Гройс, Б.** Под подозрением [Текст] / Б. Гройс. — М.: Худож. журн., 2006. — 200 с.

3. **Романенко, И.Б.** Экзистенциализм и персонализм: определение образовательных идеалов XXI века

[Текст] / И.Б. Романенко // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Обществ. и гуманит. науки (философия). — 2005. — № 5 (10). — С. 59–65.

6. **Энафф, М.** Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена [Текст] / М. Энафф. — СПб.: ИЦ Гуманит. акад., 2005. — 448 с.

УДК 821.161.1

К.С. Позднякова

ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ П.А. ВЯЗЕМСКОГО

Необходимость обращения к литературно-эстетическим позициям Петра Андреевича Вяземского стала остро ощущаться в последние десятилетия, когда резко возрос читательский интерес к истории отечественной литературно-критической мысли.

Как справедливо отмечает Л.В. Дерюгина, «эстетика Вяземского не является частью разработанной философской системы; его представления о сфере эстетического, о роли эстетического переживания в жизни не получают сколько-нибудь отвлеченного теоретического обоснования. Их источник – непосредственное самоощущение поэта, человека, которому область художественного творчества дана не извне, как замкнутый и отделенный от личности исследователя предмет изучения, а изнутри, как мир живого личного опыта, закономерности которого естественно определяют особенности видения мира в целом. Поэтому он предпочитает полагаться не на мысль, а на чувство – именно как на более верное средство достижения истины» [5, с. 11–12].

Большое значение в формировании эстетических взглядов П.А. Вяземского имела принадлежность критика к литературному обществу «Арзамас». Его критические воззрения, просветительство и историзм берут начало именно в принадлежности к радикальному крылу арзамасского братства.

В первой четверти XIX века Вяземский создал значительные литературно-критические работы: статью «О Державине» (1816), предисловие «О жизни и сочинениях В.А. Озерова» (1817), статью «О “Кавказском пленнике”» (1822), предисловие к сочинениям И.И. Дмитриева (1823),

статью «Замечания на краткое обозрение русской литературы 1822 года» (1823). Новизна этих работ заключалась в том, что Вяземский выдвинул в них важнейшие проблемы русской критики: историзм, влияние просвещения на развитие литературы, народность литературы, самобытность лучших произведений русских писателей, значение сатиры, передовой характер романтизма Пушкина. Теоретико-эстетические высказывания критика в этих статьях порой даже «ценнее непосредственного разбора тех произведений, по поводу которых они написаны» [6, с. 230].

Статья «О Державине», на наш взгляд, очень важна для характеристики литературно-эстетических позиций П.А. Вяземского. В своих суждениях критик в первую очередь отмечал своеобразие поэзии Державина, обосновывал оригинальность его творчества. Вяземский первый в русском литературоведении отверг сравнение творчества Державина с творчеством Ломоносова. «Но что между ними общего? – рассуждает Вяземский. – Одно: тот и другой писали оды. Род, избранный ими, иногда одинаков, но дух поэзии их различен» [2, с. 10]. Более того, он указал, в чем состоит различие между ними: «Ломоносов в стихах своих более оратор, Державин всегда и везде поэт... Ломоносова читатель неподвижен; Державин увлекает, уносит его всегда за собою... Пиитическая природа Державина есть природа живая, тот же в ней пламень, те же краски, то же движение. В Ломоносове видны следы труда и тщательная отделка холодного искусства» [Там же. С. 10–11]. Критерием сравнения писателей выступал «дух поэзии». И здесь, как справедливо

отмечает Н.И. Мордовченко, Вяземский «выступает в роли новатора, захваченного веяниями романтической критики» [7, с. 289]. Для него Державин — преемник поэтических традиций Ломоносова, превзошедший его во многих отношениях. Для Вяземского творчество Державина своего рода апогей развития русской литературы XVIII века. Он даже попытался определить те качества русской поэзии, которые нашли дальнейшее развитие в поэтической практике Державина: у Ломоносова, по мнению критика, поэт учился «звучности языка пиитического и живописи поэзии», у Петрова «похитил он тайну заключать живую или глубокую мысль в живом резком стихе — тайну, совершенно неизвестную Ломоносову» [2, с. 8]. Только синтезировав все лучшее, что было в поэзии до него, Державин смог вступить на совершенно новый путь в поэзии, на который никто до него не вступал. Из этого следует, что Вяземский подчеркивал связь творчества Державина с поэзией классической русской школы; наиболее явственно она обнаруживается в области высокой одической поэзии.

Державин как поэт, наделенного редкими качествами художника, философа, мыслителя, Вяземский считал оригинальнейшим поэтом не только российского масштаба, но и мирового. Своеобразие его таланта он выразил очень удачно и поэтически достоверно практически в нескольких словах: «Природа образовала его гений в особенном сосуде — и бросила сосуд» [Там же]. Позднее эти слова много раз приводились другими критиками, характеризовавшими творчество Державина. Уже в первом литературно-критическом опыте проявилась неотъемлемая черта литературно-эстетической позиции Вяземского — стремление к историко-литературному осмыслению современной ему литературы.

На наш взгляд, важно, что критик отметил в Державине «подражательность», но «творческую», и потому «он поэт», которому «юный питомец муз» «не будет подражать... в слог», он «усилит рождающийся талант и даст ему крылья» [Там же. С. 12]. И в дальнейших своих критических работах Вяземский подходил к оценке писателей с вопросом: способны ли они дать следующему поколению «новые крылья»?

Эту способность критик видел и у В.А. Озерова, о чем написал в своей литературно-критической работе «О жизни и сочинениях В.А. Озерова» (1817). Современники Вяземского находили, что эта работа была написана уже узнаваемой «вяземской» рукой, со всеми достоинствами и недостатками, присущими его прозе. Здесь и полные сарказма замечания в адрес «людей неподвижных», которые не замечали или не хотели замечать прогресс в литературе и обществе, и дерзкий отказ превращать статью в послужной список. Вяземский в этой работе показал себя как отличный знаток театра. Он прекрасно ориентировался в творчестве не только Озерова, но Сумарокова, Княжнина. Общий тон статьи довольно спокойный, но все же критик периодически сбивается на безоглядные похвалы своему герою.

П.А. Вяземский выделил Озерова из армии классических трагиков, но романтиком не назвал. Эта критическая работа полемически заострена против классиков, разум которых, «достигший ветхости при постоянном ребячестве и представляющий картину развалин недостроенного здания, не изменяя первым урокам, удивляется, что смеют писать трагедии после Сумарокова, и, довольствуясь повествованиями Елагина, ужасается святотатства смельчака, дерзающего готовить русскую историю» [2, с. 15]. Последние слова, как отмечает Н.И. Мордовченко, обращены к противникам Карамзина [7, с. 289].

Произведения Озерова П.А. Вяземский связал с историческими судьбами русского театра, руководствуясь в своих оценках идеей развития. И здесь мы отмечаем один из важных принципов статей Вяземского — историзм. Этот принцип сказался и в стремлении рассматривать художественные произведения в их литературном ряду (от прошлого к настоящему), и в требовании соответствия литературных произведений той действительности, которую они описывают. Этот тезис он подтверждает словами: «Древние позволяли себе изменять хронологической истине истории, смешанной у них всегда почти с баснословными преданиями, не менее уважаемыми. Мне кажется, что и новейшие трагики могут отступать от частной исторической истины с тем только, чтобы быть ей верным в общем смысле. Трагику, например, позволено

изменять истории в подробностях и по желанию своему переносить героя за двадцать лет вперед или назад в его жизни, забывать о семейственных связях его; но характер исторический героя должен быть для него святыней, до которой не может он дотрагиваться своенравною рукою. Трагик, представивший нам тирана благотворителем своих подданных или друга свободы рабом пресмыкающимся, равно виновен перед историей и перед трагедией» [2, с. 29].

В этой работе Вяземский был уже захвачен романтическими веяниями. Он утверждал, что трагедии Озерова принадлежат к новому драматическому роду – романтическому. Это заявление критика положило начало спору между ним и А.С. Пушкиным. Последний не считал Озерова романтиком. Сам Вяземский в своей приписке к статье, написанной в 1876 году, вспоминал: «Пушкин никак не хотел признать его романтиком. В некотором отношении он был прав. В другом был и я не совсем виноват. Во-первых, я его не решительно провозглашаю романтиком, а говорю, что он несколько сближается с романтиками» [Там же. С. 40].

Как отмечает М.И. Гиллельсон, отнесение Озерова в разряд романтиков имело не только литературный, но и политический смысл, так как Вяземский соотносил классицизм с деспотизмом, а романтизм – с оппозиционными устремлениями передового дворянства [4, с. 66].

Принцип историзма мы находим и в критических исследованиях, посвященных творчеству Пушкина. Историзм, по Вяземскому, должен быть обращен не только в прошлое, но и в будущее своей страны. Недаром в статье «О «Кавказском пленнике»» он говорит: «Слишком долго поэзия русская чуждалась природных своих источников и почерпала в посторонних родниках жизнь заемную, в коей оказывалось одно искусство, но не отзывалось чувству биение чего-то родного и близкого» [1, с. 47]. Прошлое, по Вяземскому, нельзя отменить, переосмыслить – его можно только изложить во всей взаимосвязи его элементов. Только в этом случае оно откроет возможность будущего. Лишь вполне определившееся эстетическое явление дает толчок для дальнейшего развития искусства, заставляя его двигаться вперед в поисках новых путей. Вяземский считал, что способность

к эстетическому переживанию определяется жизнью человека во времени, между прошлым и будущим. Это переживание жизненно необходимо. Эстетическое выражение понимается как способ перевода явления из будущего в прошлое, оформление его как элемента картины мира. Именно поэтому, когда критик говорит, что русское общество до сих пор не выразилось литературой, это для него прямая угроза дальнейшему развитию и русского общества, и русской литературы. Он старается удержать эстетический облик уходящей России, тем самым предпринимая попытку отделить новое от старого, дать возможность новому самоопределиваться, найти свой собственный, истинный образ.

Возвращаясь к «Кавказскому пленнику», считаем необходимым отметить, что Вяземский советовал Пушкину писать следующую поэму уже на сюжет из русской истории. Он считал, что литература должна быть самобытна, тем самым определяя еще одну категорию в своих эстетических позициях. По Вяземскому, чем больше в произведении самобытности, тем оно художественнее. В «Замечаниях на краткое обозрение русской литературы 1822 года» он отстаивал мысль об оригинальном характере русской литературы: «Нам все как будто не верится, что можем в числе современников наших иметь писателей отличных. Если слава их, рассеяв все препоны и достигнув лучезарного полдня, уже слишком нестерпимым блеском светит нам в глаза, то мы стараемся уверить себя и других, что блеск этот заемный» [Там же. С. 232].

Что касается народности, то Вяземский впервые в русской критике употребил этот термин – сначала в письме к А.И. Тургеневу от 22 ноября 1819 года, а затем специально с теоретическим истолкованием его в предисловии к пушкинскому «Бахчисарайскому фонтану». Он так же обратил внимание на то, что необходимо разграничивать понятия «народность» и «национальность». Слово «народный» отвечает двум французским словам «populaire» и «national». В своем исследовании Вяземский связал воедино проблему народности литературы с проблемой ее романтического направления:

«Издатель: ... Что есть народного в Петриаде и Россиаде, кроме имен?»

Классик: Что такое народность в словесности? Этой фигуры нет ни в Пиитике Аристотеля,

ни в Пиитике Горация.

Издатель: Нет ее у Горация в Пиитике, но есть она в его творениях. Она не в правилах, но в чувствах. Отпечаток народности, местности – вот что составляет, может быть, главное, существеннейшее достоинство древних и утверждает их право на внимание потомства...

Классик: Уж вы, кажется, хотите в свою вольницу романтиков завербовать и древних классиков. Того смотри, что и Гомер, и Virgili были романтики.

Издатель: Назовите их, как хотите; но нет сомнения, что Гомер, Гораций, Эсхил имеют гораздо больше сродства и соотношений с главами романтической школы, чем со своими холодными, рабскими последователями, кои силятся быть греками и римлянами задним числом. Неужели Гомер сотворил “Илиаду”, предугадывая Аристотеля и Лонгина, и в угождение какой-то классической совести, еще тогда не вымышленной?...» [3, с. 49–50].

Отрицая противопоставление классицизма романтизму, Вяземский выдвинул историческую точку зрения на развитие литературы, «исходя из которой и классицизм античности, и романтизм Нового времени являются художе-

ственным выражением народности литературы» [6, с. 233]. После этой публикации Кюхельбекер назвал критика «начальником передового войска романтического» [1, с. 11].

Одним из немаловажных достоинств Вяземского мы считаем его умение обращаться к читателю напрямую. Многие литераторы не приняли такое понимание русской критики, но постепенно все стали следовать его принципам: обращаясь к читателю, старались переманить его на свою сторону в полемике. Через несколько лет выступлений Вяземского критика, введенная им, становится нормой в России.

Хочется отметить еще одну особенность Вяземского-критика: в своих статьях он никогда не забывал сказать о мастерстве автора, об особенностях его стиля, о владении словом, письменной речью. Но часто у него за той или иной цитатой встает «второй план» – литературно-бытовая ситуация, этой цитатой описанная и с ней связанная. Раскрыть этот второй план важно для того, чтобы понять, как Вяземский воплотил на практике идею взаимопроникновения литературы и общества – одну из центральных в его эстетической программе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Афанасьев, В.** Звезда разрозненной плеяды [Текст] вступ. статья / В. Афанасьев // П.А. Вяземский. Дорожная дума. – М.: Детская лит., 1981. – С. 3–23.
2. **Вяземский, П.А.** Собрание сочинений [Текст]. В 2 т. Т. 1 / П.А. Вяземский. – М.: Худож. лит., 1982. – 383 с.
3. **Онже.** Эстетика и литературная критика [Текст] / П.А. Вяземский. – М.: Искусство, 1984. – 458 с.
4. **Гиллельсон, М.И.** П.А. Вяземский. Жизнь и творчество [Текст] / М.И. Гиллельсон. – Л.: Наука, 1969. – 392 с.
5. **Дерюгина, Л.В.** Эстетические взгляды П.А. Вяземского [Текст] / Л.В. Дерюгина // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984. – С. 7–42.
6. **История** русской критики [Текст]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 589 с.
7. **Мордовченко, Н.И.** Русская критика первой четверти XIX в. [Текст] / Н.И. Мордовченко. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 431 с.

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИКОНОГРАФИИ ОБРАЗА ЮРОДИВОГО ВО ХРИСТЕ

История изучения феномена православного юродства берет начало в русской религиозной литературе (если относить к ней основные жанры древнерусской литературы: гомилетику, агиографию, летописание, каноническую и богослужебную литературу), продолжается в церковном книгописании XVIII–XIX веков и находит себя в научной литературе XX–XXI веков. Трудов, посвященных теме юродства, немало. Основные проблемы в целом освещены в монографии С.А. Иванова, в трудах Д.С. Лихачева и А.М. Панченко. К литературным источникам по иконографии православного юродства относятся Иконописные подлинники Г.В. Филимонова [5] и А.И. Успенского [9], а также монография В.Д. Фартусова [8] – единственный труд, предназначенный для практического использования иконописцами. Большую ценность для исследователей представляет двухтомник материалов по иконографии Г.В. Маркелова [7]. Важные сведения исторического и агиографического характера содержатся в книгах Е.Е. Голубинского [3], Н.П. Барсукова [2], графа М.В. Толстого [11] и других авторов. Однако число опубликованных изображений православных юродивых остается далеко не полным. Именно поэтому особую ценность представляют сведения образительного, литературного и легендарного характера, способствующие научному поиску.

Юродство во Христе – ответственный и тяжелый труд, на который православная церковь направляла верующего довольно редко. Феномен юродства на Руси освещает в основном церковная литература, содержащая описание апологетического характера [6]. Одной из немногих научных монографий светского толка является книга С.А. Иванова [4], в которой юродство анализируется с культурно-исторической точки зрения. Соглашаясь с автором в том, что православное юродство – это конкретно-исторический феномен, обозначим хронологические рамки собственного исследования.

Первые упоминания о такого рода христианских подвижниках содержатся в Киево-Печерском патерике (первая половина XIII века); расцвет данного явления приходится на XVI–XVII века. Почитание иконописного образа блаженных началось с факта заказа местным мастерам иконы с изображением Прокопия Устюжского (1458 г.). Достоверно известно, что умер блаженный Прокопий в 1303 году, канонизирован до 1547 года, следовательно, икона должна быть написана спустя чуть более ста лет после кончины юродивого. Иконописное изображение могло играть роль достоверного свидетеля в процессе канонизации святого. Такой процесс церковные власти могут проводить на основании обращений от прихожан и клиров местных храмов, беря во внимание факт нетленности мощей и свершаемых от этих мощей чудодейственных исцелений на протяжении ста лет после официальной даты смерти. Иконописное изображение способствует причислению к лику святых.

Подвиг древнерусского юродства в списке подвижничества занимает особое место в силу своей непохожести на христианский путь других святых. Выйдя из византийского «буйства» (в греческом языке существует определение «σαλος», в старославянском – упоминание «юрод» и «похаб»), юродство могло распространяться на Руси только после принятия христианства, ибо это явление в древнерусском варианте изначально было связано с церковью. По всей видимости, в Древнерусском государстве светского юродства не существовало или о нем не сохранилось сведений.

Православная церковь различает особенности происхождения юродствующих, называя одних «преподобными», других – «праведными» или «блаженными» юродивыми. Преподобными являются монахи, уходящие из монастыря в мир. Это ранний вид юродства. Более поздний и распространенный вид – юродство в миру. Миряне, принявшие на себя личину

безумия и юродствующие среди людей, но от имени церкви, называются «праведными». И те, и другие получали имя «юродивый во Христе». Уподобление земному пути Христа, а главное, испытание на себе трудностей презрения и непонимания Иисуса людьми – одна из причин асоциального и аморального поведения блаженных.

В Византии юродство зарождалось также в монашеской среде, но к VI веку оно «вырвалось за пределы монастырских стен» [4, с. 53], став достоянием городов и частью мирского, светского образа жизни. Похожий процесс происходил и на Руси: первые юродивые (Исаакий, монах Киево-Печерской лавры, XII век; Авраамий Смоленский, настоятель монастыря Положения риз Богоматери, начало XIII века) являлись представителями церковного мира, но к XIII столетию этот подвиг святой веры вышел за пределы церкви и распространялся верующими вне монастырских стен. Например, Прокопий Устюжский, бывший купец, принявший крещение (умер в 1303 году) или Исидор Твердислов, родом из Пруссии, образованный человек, сознательно перешедший в православие, распространявший веру на русской земле, в городе Ростове (умер в 1474 году).

Индивидуальная избирательность для создания визуального образа юродивого посредством его сравнения с каноническими образами через отбор атрибутики приводит к закреплению его образной характеристики. Так, главным визуальным отличием образа юродивого от остальных святых, изображенных на православных иконах, является его нагота или короткая, до колен, одежда. К обнажению собственного тела юродивые пришли не сразу. Уже в византийской литературе (Серапион Синдонит, V век) [Там же. С. 55] образ юродивого включает грязную, ветхую одежду или шкуру, не прикрывающую тело, нестриженные волосы, бороду. На древнерусских иконах юродивые предстают либо в набедренных покрывалах (икона Василия Блаженного, XVII век), либо в коротких плащах (икона Андрея Юродивого с житием, XVI век). Оба варианта короткой одежды несовместимы с обликом святого христианина, обычно изображаемого в длинных одеяниях. Постепенно образ юродивого отходит от привычного канонического образа святого в длиннополой

одежде и закрепляется в новом каноническом изображении. Случайное укорачивание одежды, раздирание власяницы, надевание повязок или полная нагота представляют собой шаги формирования эпатажирующей внешности и скандальности [Там же. С. 23]. В образе первых подвижников нагота (или короткая одежда) дополняется характерными чертами их поведения. С IV века в среде монашества в ритуал одеяния отшельника, столпника, юродивого входит власяница. Синтез внешнего вида и поведения способствовал созданию устойчивого образа юродивого, т. е. нагота постепенно превратилась в неотъемлемую черту облика блаженного. Через какое-то время нагота или частичное обнажение стали синкретичными качествами. Образ Андрея Юродивого выполнен по канону, присущему изображениям юродивых. Это прежде всего житийная икона Андрея Юродивого из собрания ГРМ [инв. № 2099, ДРЖ, сер. XVI века, Московская школа (?) и его многочисленные изображения в иконах Покрова.

Иконы с изображением Василия Блаженного также хорошо известны. Христа ради юродивого Василия, Московского чудотворца, по праву можно считать самым известным юродивым Древней Руси. Известно около десяти икон, посвященных Василию Блаженному: пять указаны в атласе Г.В. Маркелова, один – в атласе Н.П. Лихачева, два – в книге Д.С. Лихачева, остальные – неопубликованные – хранятся в фондах Русского музея и Эрмитажа. В основном это иконы XVIII века и более позднего времени.

Исследование образа Василия Блаженного показало, что его иконописный канон сложился к XVII столетию, ибо отныне все известные изображения Василия Блаженного были похожи друг на друга. Святой изображен либо в профиль, либо анфас, обнаженным, с платом в руке или на поясе. Лик прописан по единому образцу: кудрявые седые волосы, открывающие уши, короткая курчавая борода, прямой нос, густые брови, светлые глаза. Также достаточно стабильна прорись доличного. Более известны изображения Блаженного на нейтральном фоне или на фоне с поземкой. Но более интересны изображения Василия на фоне Московского Кремля или, что особенно привлекает внимание, на фоне собора Покрова на Рву. Как известно, собор архитекторов Бармы и Постника

был построен к 1560 году, а, как свидетельствует Е.Е. Голубинский, канонизация святого произошла между 1549 и 1722 годами или, по другим источникам, в 1588 году [12, с. 91]. Следовательно, иконография Василия Блаженного на фоне собора могла сложиться уже к концу XVI – началу XVII столетия, что подтверждают и иконы этого времени [7, № 74, 75, 163, 164 и 179].

Наибольший расцвет феномена юродства приходится на вторую половину XV – XVI век, и, что особенно важно, иконописные изображения юродивых появляются соответственно в XVI–XVII веках. Давая общую характеристику изображениям названных юродивых русского позднего средневековья (XVI–XVII века), можно назвать эти иконы синкретичными, так как отбор деталей и атрибутов (как в облике юродивого, так и в окружающем его пространстве) произведен очень строго. Нет частных, а возможные иконописные дополнения представлены скупой. Наиболее показательным для такого вида икон, на наш взгляд, является изображение Андрея Юродивого в среднике житийной иконы.

Начиная с Петровской эпохи образ юродивого в православной иконе несколько изменяется: он по-прежнему остается каноническим, но в уже утвердившейся визуальной трактовке появляются своего рода «оговорки» и «объяснения». Они влияют на восприятие образа юродивого, выявляя не столько *персональную* сторону иконописного образа, сколько *повествовательную* (выделенные термины приведены О.И. Подобедовой [10]). В целом эти иконы можно назвать «персонально-повествовательными», так как детали, помогающие целостному восприятию образа, все же не всегда постоянны.

Сопоставление изображения юродивых Христа ради по иконописным подлинникам, по иконным изображениям и переводам с икон показывает, что нередко было замещение описания и изображения. Так, внешний облик Василия Блаженного, судя по текстам иконописных подлинников, похож на облики Максима Христа ради юродивого и Михаила Клопского. Святые Прокопий Устюжский, Симеон Юрьевецкий и Трифон Суздальский также имеют сходство в трактовке создания лика. Формируются пары святых византийско-русских (Фома Юродивый –

Михаил Клопский) и древнерусско-русских (Прокопий Устюжский – Симеон Юрьевецкий). К такому заключению можно прийти, анализируя письменные сведения. Однако сравнительная характеристика изображений показывает, что они не всегда соответствуют тексту. Так, Прокопий Устюжский, по сводному списку Г.В. Филимонова, должен быть изображен с длинной бородой [5, с. 356], а в прорисках Г.В. Маркелова он представлен с короткой. Такие же расхождения наличествуют в атласе снимков Н.П. Лихачева. В Подлиннике иконописном А.И. Успенского из пяти изображений юродивых три не соответствуют своему описанию. Такие сведения позволяют сделать вывод о том, что иконография юродивых к XVIII веку окончательно еще не сложилась. По всей видимости, заказы икон юродивых были довольно редким явлением, так как ни в одном из сохранившихся иконописных подлинников нет образца, который мог бы быть взят мастерами в качестве образца для подражания. Между тем образы Андрея Юродивого и Василия Блаженного были для мастеров позднего средневековья каноническими, так как их изображения похожи и соответствуют выработанному образцу.

Скорее всего, иконописцы, проживавшие в разных регионах, самостоятельно ориентировались в изображениях и текстах. Только так можно объяснить разницу описаний внешности одного и того же юродивого. В тексте Филимонова Андрей Юродивый имеет бороду «аки Иоанна Богослова», а в тексте Успенского – «брада и власы Илии Пророка». Или все то же описание Андрея Юродивого в разных местах Подлинника иконописного А.И. Успенского приведено по-разному (минея на октябрь и май).

Исследуя формирование иконографического образа, Маркелов называет такие принципы, как сходство и равнозначность совершенных святыми подвигов; близкая география подвижничества; чин или титул [7, т. 2, с. 624], и далее он пишет: «Облики юродивых в русских иконописных подлинниках чаще всего отличаются сходством с Алексием человеком Божиим и Иоанном Предтечей. <...> Приемы уподоблений основывались на типологическом сходстве или функциональной близости персонажей: ученик уподоблялся учителю, преподобный инок –

преподобному игумену, митрополит — архиепископу, юродивый — блаженному»... [7, т. 2, с. 624]. По всей вероятности, в последнем примере сопоставлений Маркелов указывает на уподобление юродивого (т. е. мирянина) блаженному (т. е. праведному христианину, представителю церковного мира), в то время как мы рассматриваем понятия «юродивый» и «блаженный» в синонимичном ряду, исходя из византийско-русской трактовки этого термина.

Для древнерусских иконописцев иконы с изображениями апостолов Петра и Павла, Иоанна Богослова, Алексия человека Божия, Иоанна Предтечи и других святых принимались за образец. Устные и письменные источники приписывали «подобие» тому или иному святому, что со временем фиксировалось в нормативных сводах. Облик этих святых сохранил неизменные, легко узнаваемые и поддающиеся успешному изображению черты. Важно то, что при всей схожести между собой образы святых индивидуальны, а это дает возможность выстроить от каждого из них свою параллель. Например, Авраам — Иоанн Креститель — Алексей человек Божий — Андрей Юродивый — Василий Блаженный. Можно выделить пары подобия византийского святого и древнерусского: Фома Юродивый (VI век) и Михаил Клопский (сер. XV века) и древнерусских между собой в почитании местном и повсеместном: Иоанн Устюжский — Николай Чудотворец.

Изображения святых становились образцами для иконографии собственно русских святых угодников. Иконография формировалась постепенно, не минуя некоторых погрешностей. Так, Максим Юродивый в ноябрьских минеях Подлинника иконописного А.И. Успенского имеет «браду и власы аки Петра апостола», его же описание в августовском поминовении содержит следующую характеристику: «сед, плешив, брада Николина». Прокопий Устюжский должен иметь длинную бороду, как у Козьмы, а на прориси он более похож на апостола Петра с короткой бородой. В тексте Филимонова указано, что Михаил Клопский «подобием аки Варлаам Хутынский» [5, с. 59], а в книге Маркелова находим вместе с приведенной выше цитатой следующее: «...Преподобный юродивый Михаил Клопский схож с праотцем Авраамом». Однако известно, что Авраам и Варлаам Хутынский не

похожи друг на друга. Это свидетельствует о том, что сведения, поступающие к иконописцу, порой носили различные трактовки, а составители толковых подлинников цитировали различные первоисточники. Выбор мог зависеть и от самого иконописца.

В большинстве своем юродивые имеют сходство со своими прообразами. Так, изображения Михаила Клопского чаще похожи на изображения Варлаама Хутынского, а изображения Максима Юродивого — на изображения Николая Чудотворца. Ссылки на внешние черты Николы достаточно часты. Значит, его иконография для иконописцев была достаточно понятной, имела свои отличительные особенности и подходила для создания образа юродивого. Встречаются и параллели, например образ Василия Блаженного пишется с Алексия человека Божия или с Иоанна Предтечи, т. е. это означает, что внешне Алексей и Иоанн похожи. Так постепенно формировалась иконография образов юродивых, в основу изобразительной характеристики которых закладывались близкие черты внешнего облика известных святых.

В качестве примера сложившейся иконографии образов юродивых назовем икону XVII века «Богоматерь с избранными святыми» из села Демьяны под Ростовом (СПГИАХМЗ), где среди изображенных присутствуют святые подвижники данного подвига. Василий Блаженный с московскими чудотворцами изображен на нижнем поле фресковой иконы «Богоматерь “Знамение” с избранными святыми», первая четверть XVIII века, на восточном фасаде собора Покрова на Рву и на нижнем поле иконы 1780-х годов над входом в придел во имя Василия Блаженного собора (ГИМ, музей «Покровский собор»). Василий Блаженный со всколоченными волосами и бородой среднего размера имеет сходство с Алексием человеком Божиим и Иоанном Предтечей. Максим Юродивый похож на апостола Петра. Особый интерес в силу своей непохожести на других юродивых вызывает изображение Иоанна, называемого Большой Колпак. На нем довольно длинное одеяние, у него крупная голова, мелкие черты лица, высокий лоб с залысиной, нет бороды. Прокопий Устюжский имеет большее сходство с Иоанном Златоустом, нежели с Козьмой, как

сказано в Иконописном подлиннике Г.В. Филимонова [5, с. 385], но все же его изображение узнаваемо. Иоанн Устюжский представлен на иконе молодым, без бороды: «подобием млад, брада токмо расти зачала в наусии» [Там же. С. 356]. Возможно, на формирование образа этого святого повлияла уже сложившаяся к тому времени иконография образа страстотерпца князя Глеба или целителя Пантелеймона.

Важно отметить сходство в описании изображения и в самом изображении двух святых из всего списка юродивых Христа ради, проявивших себя на русской земле в эпоху Древнерусского государства. Это святой блаженный Иоанн Устюжский и святой праведный Иаков Боровичский. Эти два описания присутствуют в Месяцеслове Иконописного подлинника Г.В. Филимонова сводной редакции XVIII века: Иоанн от 29 мая, Иаков от 23 октября. Оба определены «подобием млад». Следуя легенде о происхождении Успенского мужского монастыря на Святой горе Опочецкого уезда Псковской губернии в середине XVI века, находим упоминание в Псковской летописи о праведном Тимофее Вороничском Святогорском, который также молод и безбород. На иконах Иоанн Устюжский, Иаков Боровичский и Тимофей Вороничский изображены внешне похожими: они молоды, безбороды, их волосы несколько растрепаны. Иоанн обычно одет в ризу выше колен, Тимофей — в светлое одеяние в виде рубахи, Иаков — в светлую короткую рубаху, но иногда его изображают обнаженным, с белым платом на бедрах. Несмотря на летописное упоминание о Тимофее и его роли в основании псковского Святогорского монастыря [1, с. 134–138], икон с изображением блаженного Тимофея Вороничского периода средневековья

ни в Пскове, ни в его окрестностях не сохранилось. Автору этих строк довелось видеть иконы Тимофея Вороничского на новгородской земле, в Валдайском Иверском монастыре, но они были исполнены уже в наше время.

В заключение необходимо подчеркнуть, что образ православного юродивого в русской иконописной традиции формировался постепенно. Взятые за образец агиографические письменные сведения о блаженных были переведены в визуальные образы. Анализ текстов иконописных подлинников позволил убедиться в том, что подробный свод лицевых описаний святых юродивых для мастеров иконописного дела был составлен уже к XVI веку. Эти сведения содержат типологические черты, что дает право говорить о персонально-повествовательной роли иконописного образа блаженных. Формирование иконографии нового образа юродивого проходило на основе его внешней схожести на другого святого. Ориентация на образы наиболее почитаемых и потому более знакомых святых помогала найти во вновь создаваемых изображениях юродивых типологическую характеристику и позиционировать юродивого как святого, достойного изображения на иконе. Наравне с характерными признаками внешнего облика (частичная нагота, обязательное босоножие, всколоченные длинные волосы и борода) сохраняются и индивидуальные признаки (атрибуты конкретного юродивого, цвет его одежды, наличие дорогой шубы или, наоборот, нищенской милоти как вида одеяния, хартия, молитвенное положение рук и др.). Образ юродивого Христа ради в древнерусской иконографии можно считать окончательно сложившимся во второй половине XVI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Адрианова-Перетц, В.П.** Литература Пскова XIII–XIV вв. Летопись [Текст] / В.П. Адрианова-Перетц // История рус. лит. В 10 т. — Т. II, ч. I. — М.; Л.: Изд-во АН, 1945. — С. 134–138.
2. **Барсуков, Н.П.** Источники русской агиографии [Текст] / Н.П. Барсуков. — СПб.: Типография Стасюкевича, 1882. — 616 с.
3. **Голубинский, Е.Е.** История канонизации святых в русской церкви. [Текст] / Е.Е. Голубинский. — М.: Универ. типография, 1903. — 594 с.
4. **Иванов, С.А.** Византийское юродство [Текст] / С.А. Иванов. — М.: Междунар. отношения, 1994. — 234 с.

5. **Иконописный** подлинник сводной редакции XVIII века [Текст] / под ред. Г.В. Филимонова. — М.: Изд-во О-ва древнерусского искусства, 1876. — 435 с.
6. **Ковалевский, И.** Юродство во Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви [Текст]: истор очерк жития сих подвижников благочестия / И. Ковалевский. — М.: И. Ефимов, 1902 (репринтное изд.). — 285 с.
7. **Маркелов, Г.В.** Святые Древней Руси [Изоматериал]: мат. по иконографии (прориси, переводы, иконописные подлинники): атлас изображений. В 2 т. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. — 636 с.

8. **Опыт** пособия для иконописцев [Текст] / сост. В.Д. Фартусов. — М.: Синодальная типография, 1910. — 451 с.

9. **Подлинник** иконописный [Текст] / под ред. А.И. Успенского. — М.: С.Т. Большаков, 1903. — 450 с.

10. **Подобедова** О.И. Древнерусское искусство. Рукописная книга [Текст] / О.И. Подобедова. — Сб. третий. — М.: Наука, 1983. — 400 с.

11. **Толстой, М.В.** Рассказы по истории русской церкви [Текст] / М.В. Толстой — М.: А.Д. Ступин, 1899. — 342 с.

12. **Энциклопедия** православной святости [Текст]. В 2 т. — Т. II. — М.: Лик пресс, 1997. — 400 с.

УДК 81

Т.А. Коновалова

МОДЕЛИ ТЕКСТОВ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Архитектуру часто называют каменной книгой. Эта метафора известна с древности. Архитекторы, как и лингвисты, оперируют понятиями «текст» и «слово», однако в отношении архитектуры эти понятия имеют свою специфику. А.А. Шаров-Делоне считает, что в историко-архитектурных исследованиях под словом чаще всего понимают образ, присущий архитектурному сооружению, или его образные составляющие, а под текстом — систему рельефов как целого или резной декор. Текстом может быть и икона (впрочем, она же может быть и словом-образом), архитектурное сооружение, город [1, с. 9]. В архитектуре есть и понятие «контекст»: повторение одного и того же образа не обязательно несет один и тот же смысл [Там же. С. 663].

Рассмотрим некоторые модели «прочтения» текстов архитектурных сооружений, принятые разными исследователями в разное время, и самые известные подходы (парадигмы), дающие возможность сравнить эти модели: историко-архитектурный, мифологический, семиотический и лингвистический.

Наиболее известными исследователями историко-архитектурного подхода являются Н.Н. Воронин, Г.К. Вагнер, Б.А. Рыбаков, А.М. Лидов, С.А. Шаров-Делоне. Сравнивая модели «прочтения» памятников архитектуры Северо-Восточной Руси эпохи Юрия

Долгорукова, Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо (XI—XIII века), можно отметить, что все вышеназванные исследователи работали с одними и теми же памятниками архитектуры, но их выводы о содержании сооружений имеют существенные различия. В одном случае модель «прочтения» текста строится на изучении исторической эпохи, результатов раскопок архитектурных сооружений, на теоретических, иногда умозрительных, хотя и логичных, схемах, попытках реконструировать не сохранившиеся памятники архитектуры и на этой основе сделать заключения и о композиции, и о содержании архитектурного сооружения, в другом — на изучении по летописям и литературным произведениям мироощущения людей, заказавших эти сооружения, и стремлении понять, что они хотели сказать своими произведениями.

Сравним, например, модели «прочтения» текста Успенского собора во Владимире, принятые Н.Н. Ворониным и С.А. Шаровым-Делоне. По мнению Шарова-Делоне, обратиться к сложному вопросу «прочтения» архитектурных текстов эпохи Андрея Боголюбского значит обратиться к выяснению содержания *системы рельефов*, т. е. не каждого рельефа в отдельности (это уже во многом проделано ранее), а именно *системы как текста* [1, с. 699].

Исследователи располагали двумя текста-ми: резным декором храма Покрова на Нерли

и остатками рельефов Успенского собора во Владимире, которых было недостаточно для попытки их «прочтения» как текста: ни один из «заглавных» рельефов, т. е. рельефов центральных закомар, не сохранился. Текст Успенского собора был сложным: три его «заглавных» рельефа были представлены композициями на сюжеты «Три отрока в пещи огненной», «Сорок мучеников севастиийских» и «Полет Александра Македонского на небо». Первый сюжет отсылает к Книге пророка Даниила: он взят именно оттуда (Дан. 3.8–30), второй, как выяснил Шаров-Делоне, может быть понят «через призму» другого ветхозаветного текста – Второисаии (Ис. 43.2). Сложнее было определить появление в тексте Успенского собора третьего сюжета – «Полет Александра Македонского на небо», смысл которого Н.Н. Воронин трактовал как апофеоз княжеской власти [2, с. 437], что вызывало сомнения у Шарова-Делоне. Пользуясь своей моделью анализа текста, которую он сформулировал как изучение идей (эпохи), людей (авторов заказа), камней (иконографической программы заказа), исследователь приходит к выводу, что авторы текста Успенского собора, очевидно, стремились высказать идею «приготовления к установлению Царствия Небесного» [1, с. 702]. Шаров-Делоне подчеркивает, что не случайно в основе их текста лежат тексты ветхо- и новозаветных апокалиптиков, т. е. тексты эсхатологические по своему содержанию. И «проживание» всех веков и эпох, и открытость всем стихиям мироздания, и прохождение, преодоление всех мыслимых испытаний – все говорит о замыкании круга этого мира, его «исчерпании» и о близости Царствия Небесного!

А.А. Аверинцев считает, что наложение, совмещение разных смысловых рядов, непрямолинейность текста, его зыбкое двоение и троение не только не говорят о «низкой квалификации», но, напротив, раскрывают авторов как ярких и современных своей эпохе гимнографов [3, с. 146]. В ходе своего исследования автор подчеркивает: «По представлению тех времен существенное преимущество церкви как держательницы “истинной веры” и состоит в том, что она в отличие от “неверных” *знает разгадку*: разгадку загадки мироздания, неведомую язычникам, и разгадку загадки Писания, неведомую иудеям. Вверенные ей “ключи царства небес-

ного” – это одновременно “ключ” к космическому шифру и скриптуральному шифру, к двум видам “текста”: к универсуму, читаемому как энигматическая книга, и к “Книге” (Библии), понимаемой как целый универсум – *universum symbolicum*» [Там же. С. 145–146].

По окончании исследования Шаров-Делоне высказал важное суждение: «Сюжеты всех рельефов, равно как и сюжеты фасадных росписей у Андрея и его команды, неактуальны. В том смысле, что они не имеют прямой связи с текущим временем: все их персонажи – персонажи уже давно минувшей истории. *Но неактуальны* они именно потому, что *сверх-актуальны*, в конце всех времен конкретные даты теряют какое-либо значение. Эта неактуальность образов и есть симптом эсхатологичности мироощущения авторов Успенского собора. Они ощущали себя живущими в последние времена» [1, с. 705]. Именно такой вывод и завершил прочтение текста Успенского собора.

Архитектурные тексты часто рассматриваются в мифологической парадигме. Например, в работе, посвященной современному прочтению архитектуры Мехико, К. Мандоки, профессор университета Мехико, подходя к анализу этого города диахронически, подробно рассматривает мифологию создания столицы ацтеков – Мехико (Теночтитлана). Согласно легенде, люди, пришедшие из Ацтлана, исполняли пророчество своего жреца Теноча, который приказал им странствовать до тех пор, пока они не найдут орла на кактусе, пожирающего змею [4, с. 459]. Этот символ мог бы быть показателем места города. Мандоки считает, что было указано и время: «год десятого дома». В рассказе (мифической легенде), как отмечает исследователь, несколько иконических элементов представляют собой глубоко взаимосвязанные символы:

- темнота ночи, которую ацтеки отождествляли с войной;
- теплое сердце Копила (мага), посаженное как семя для того, чтобы вырастить кактус;
- орел, означающий воина;
- змея, означающая врагов ацтеков.

Поскольку змея отождествлялась с водой, этот образ мог также означать победу земли над водой, города (Теночтитлана) над озером. «Ацтекский язык, – подчеркивает К. Мандоки, – возник из иконического; и природное, и косми-

ческое пространства были глубоко проникнуты знаковыми процессами. Язык для ацтеков, и иконический, и вербальный, чувственно конкретен, поскольку природа наполнена символическими смыслами» [4, с. 469]. Как выяснилось в результате исследования, эта символическая иконика была переведена в архитектурные и градостроительные элементы во времена расцвета великого Теночтитлана, когда он был чудесным образом построен в течение менее чем полутора веков с момента основания. Пирамиды – близнецы Уицилопочтли, бога солнца и войны, и Тлалока, бога воды, были возведены на востоке от священного места откровения. Эти пирамиды были украшены символическими фигурами и выкрашены в символические цвета. Огромное озеро, на котором основан город, было соленым, однако в середине озера существовал источник пресной воды, вокруг которого ацтекский император Монтесума построил социальную палату в главном храме. Как и другие до-испанские города, Теночтитлан был прежде всего культовым городом. Обычные люди жили за его границами в эфемерных зданиях из кирпича-сырца с соломенными крышами. Только иерархически значимые фигуры мексиканского общества, такие как лидер или Тлатоани (что буквально означает «тот, кто говорит»), жрецы, благородные и торговцы жили в нем [Там же. С. 470].

Ю.М. Лотман писал, что «мифологическая» архитектура призвана раскрывать в доступной ощущениям форме сущность универсальных законов бытия, быть свидетельством о сохранении порядка... она тесно связывалась со всем комплексом магических ритуалов и была физической возможностью их реализации [5, с. 103–105].

В последнее время архитекторы при «чтении» текстов русской архитектуры все чаще обращаются к семиотическому подходу. Существует множество разработанных на основных положениях семиотической теории Ч. Пирса, Ф. де Соссюра, Р. Барта моделей как зарубежных, так и отечественных исследователей – приверженцев семиотической школы. К. Мандоки, например, основываясь на таксономии Пирса и рассматривая пространство как разворачивающееся во всех символических, знаковых и иконических аспектах семиозиса, пользуется «моделью чувственного значения», созданного

в пространстве города. Эта модель включает четыре регистра:

- лексика: устная речь, темы, тропы, рассказы;
- иконика: гаптическое и визуальное, экспонаты и декорации, реквизит, одежда;
- кинестика: язык тела, положение, взгляд, температура, запах, жест;
- акустика: звук, интонация, объем, высота тона, рифма, звуковая текстура, молчание.

Интересны и модели Екатеринбургской школы семиотиков – последователей основателя Уральской архитектурно-художественной школы профессора А.Э. Коротковского, который заложил основы семиотики пространства на Урале, дал ясные и образные представления о процессе формообразования в архитектуре и градостроительстве разных стран и эпох [6, с. 17].

А.А. Сергеев, один из представителей названной школы, сравнивая парадигмы изучения архитектурного текста, пишет: «В исторической парадигме создаваемый архитектурный текст ощущается... лишь как промежуточный, несовершенный этап на пути движения к идеальному мироустройству, как констатация такого движения... В мифологической парадигме архитектурный текст ощущается как реплика, как “выговаривание” другой, неизмеримо большей по смыслонасыщенности реальности, и как констатация “упущенной возможности” воплотить эту сверхреальность наиболее близко к оригиналу в реальности земной... При семиотическом отстраненном взгляде со всех процессов как бы снимается их эмоциональная окраска, остается лишь их модуль, абсолютная величина» [7, с. 513]. Для многих приверженцев семиотического подхода принципиально важно разделение подходов к изучению архитектуры на культурологический и семиотический, т. е. естественнонаучный. «Последний открывает первоначальный смысл явлений, как бы очищает картину от идеологических, стилистических, религиозных и других наслоений. Искомая семиотическая модель позволила бы оставить за скобками многие, выражаясь языком кибернетики, “шумы”, представить русскую архитектуру живым организмом с его генетической памятью и способностью развиваться» [Там же. С. 488]. Созданные исследователями семиотические модели прочтения архитектурных текстов интересны и разнообразны.

А.А. Барабанов подчеркивает, что восприятие архитектурного текста реализуется на трех основных уровнях: знаковом (подсознательный уровень), символическом (сознательный уровень) и образном (надсознательный уровень), которые выступают как сущностные уровни художественного языка форм и пространства в архитектуре и урбанизме, адресованных непосредственно эмоциям и чувствам всех людей и вызывающих адекватную взаимную реакцию в процессе восприятия-“чтения” [8, с. 335].

Рассматривая семиотическую трансформацию образов в русской архитектуре, в частности в культовых зданиях, Барабанов отмечает, что на протяжении всего времени существования Русского государства канонический образ русской церкви как Небесного Града Иерусалима обогащается другими образами-символами и метафорами, трансформируя их из «мирового дерева» и «мировой оси» в антропоморфные образы, меняющиеся в соответствии с главными общественными и культурными идеями своего времени, переплетающиеся с двумя сюжетными линиями: религиозной и светской. Так, один из первых каменных соборов Древней Руси – тринадцатиглавый собор Святой Софии, построенный в 1037 году в Киеве при киевском князе Ярославе Мудром и посвященный Богородице, имел христианскую образную символику, выраженную и внутри, и снаружи храма: «Христос и его 12 апостолов». Барабанов пишет: «В специфической антропоморфной интерпретации объемно-пространственной композиции всех тринадцати глав собора чувствуется естественное наследие прошлого языческой Руси с ее пантеоном богов “в сборе”, но также памятные и светские идеи: память о победе в войне с печенегам, угрожавшими Киевской Руси, также как символ “единения русских крещеных земель под управлением Киева” (см. [9]). Их олицетворяли 12 глав (12 сыновей князя Владимира Святославовича) вокруг тринадцатой, которая была центральной и означала самого князя Владимира [8, с. 331].

В канонических церквях XII века в землях Владимиро-Суздальской Руси тоже прослеживались две линии: религиозная и светская. Первая связана с образом Христа, поскольку церковь олицетворялась как «тело Христово», вторая линия начинается с образа князя Изяслава (церковь Покрова на Нерли), сына Андрея Боголюбского, умершего во время похода русских на волжских

булгар. Через столетие после Куликовской битвы, произошедшей в 1380 году, начинает формироваться тип канонической пятиглавой, четырехстолпной русской церкви, где в качестве религиозной линии доминирует образ Христа и его четырех архангелов, а как светская линия появляется образ князя и дружины. Это можно видеть на примере шлемовидных глав в Успенском соборе Московского Кремля, построенном в 1475–1479 годах архитектором А. Фиораванти. Позднее с распространением русских церквей многоглавого типа доминировал образ «Христа и всех небесных сил», тогда как в светской линии распространился образ «князя и дружины», развитый декоративными элементами, в первую очередь кокошниками, которые служили традиционным головным убором русских женщин, и развился до сцены «прощания и встречи князя и дружины с их семьями». Это можно видеть на примере Благовещенского собора в Московском Кремле, построенного в 1485–1489 годах [8, с. 331].

Можно «читать» текст не только архитектурного сооружения, но и, например, города. В этом отношении показательна работа Е.В. Коневой [11]. Исследователь считает, что, рассматривая город не с позиции его исторического развития, а с точки зрения осмысления и анализа имеющих место процессов: «город как текст», «образ города как текст», можно с помощью семиотических (знаковых) подходов выстроить упорядоченную структуру городского пространства, а также глубоко понять суть каждого элемента, явления в обширном единстве целого [10, с. 413]. Например, стереотипы, выявленные в процессе анализа городской среды, соответствуют знаковым формам текста «словам», «словосочетаниям», «фразам» и т. д., являясь средствами архитектурного языка. Их значения не остаются постоянными, а меняются в зависимости от контекста той или иной эпохи и определяют сложный процесс коммуникации человека с городской средой и с окружением в целом. Город, моделируемый понятием «текст», приобретает статус идеографического знака, заключающего в себе смысловое и экспрессивное значение [10, с. 414]. Коммуникационный (информационный) слой каждой последующей эпохи развития градостроительной структуры накладывает слой своих особых смыслообразов, закрепленных своеобразными

«знаками», на реальность образа города, благодаря чему он становится семиотической структурой, которую можно обозначить понятием «текст» [10, с. 416]. По модели Е. В. Коневой, для любого города рассматривается не более трех коммуникационных слоев: зарождение и становление города; существование в реальной действительности; будущее, выраженное в современности [Там же].

По мнению К. Линча [11], образ города складывается из путей (коммуникаций) — своеобразных логически выстроенных «предложений», определяемых «буквами» — ориентирами (зданиями и другими архитектурными и объемными элементами), включающих в себя узлы — «знаки препинания» — места концентрации смыслов и доминант. Все это, взаимодействуя между собой, формирует своеобразные «абзацы» — кварталы, из которых складываются определенные части текста — «главы» — микрорайоны и районы, и, наконец, образуются логически завершенные границы.

Архитектор Е. В. Конева, рассматривая города с точки зрения лингвистического и семиотического подходов, приводит интересные наблюдения. С одной стороны, города как тексты — нет ни одного похожего на другой, нет точных копий комбинаций знаков. С другой стороны, индивидуальные смыслообразы городов и системы их знаковых элементов все же позволяют систематизировать города, выделяя группы по схожим культурным, национальным, территориальным и другим признакам [10, с. 421–422]. Города подобно текстам имеют свой жанровый образ, смысл. Есть города-легенды, мифы, предания (Афины, Крит, Атлантида, Бухара), города-истории (Рим, Пекин, Киев, Москва), города-сказки (Багдад, Дели, древние японские города, русские «города-пряники»: Городец, Ярославль, Кострома), города-поэмы (Верона, Венеция, Ростов, русские города на Волге), города-романы (Париж, Санкт-Петербург), города-детективы (Лондон, Чикаго, Нью-Йорк, Палермо), города-фантастики — «идеальные города», существующие только в проектах, современные города Японии [10, с. 422].

А. А. Сергеев, обращаясь к лингвистическим категориям в анализе текста русской архитектуры в целом, подчеркивает, что центральным в лексическом анализе архитектурного текста является вопрос о денотации, т. е. о том, что

закладывается в конкретную форму и как она интерпретируется впоследствии. «Семиотическая цепочка знак—денотат—концепт, как известно, не всегда может быть представлена в полном виде. Знак может напрямую обращаться к концепту (идее), минуя условное метаобозначение, но может отослать только к своему значению» [7, с. 498]. Примером тому, по мнению автора, может служить шатровая форма русских деревянных и каменных культовых сооружений, которая не обозначает какой-либо конкретный предмет, а «опредмечивает» идею защищенности, небесного покровительства. Подобным же образом, какой бы ссылочной ни была архитектура храма Христа Спасителя, выполненного архитектором Тоном, его структурная модель является архетипической моделью вселенского устройства. В архитектуре храма заложено восхождение от «земных» прямоугольных форм к «небесным» сводчатым и в конечном итоге к высшей, сферической, форме купола [Там же. С. 499]. В семиотической модели Сергеева, русская архитектура рассмотрена в парадигмах «геометрическое—топологическое», «историческое—мифологическое». Следует заметить, что исследователи архитектуры, отстаивающие языковой подход, признают некоторую его неосвоенность, а иногда и неприемлемость, так как дискретно-логические конструкции при всей их универсальности «выходят из строя» в трехмерном пространстве [Там же. С. 488–489]. В этом случае некоторые архитекторы за единицу восприятия принимают архитектурный кадр или картину, например В. И. Иовлев [12, с. 176]. Тем не менее А. А. Сергеев подчеркивает, что особенности русской архитектуры следует искать в коммуникативном процессе внутри текста русской архитектуры, а не в плане выражения этого текста. «В русской архитектуре уникально и удивительно то, как одна ментальная парадигма сменяет другую — в любом ее историческом срезе мы наблюдаем ярко выраженную полюсность, ультимативность, проявление самых крайних свойств. Часто мы констатируем категоричный отказ от прошлого, внешнюю несвязанность явлений; архитектуру “кидает от одного берега к другому”, искомая стабилизация не наступает из-за постоянной резкой “смены курса”... Характер подобных “поворотов”, как нам кажется, больше характеризует русскую архитектуру, чем та или иная

пространственная модель» [7, с. 519]. Принципиально важны следующие выводы автора:

1. Национальное в русской архитектуре необходимо искать в структуре коммуникативных процессов, а не в тех или иных пространственных моделях.

2. Действия, способствующие прогрессу русской архитектуры, — поиск новых задач и новых средств выражения, семиотическое изучение русской архитектуры в форме «диалогового погружения» [Там же. С. 521].

Завершая обзор работ исследователей-архитекторов — приверженцев исторического, мифологического и, в особенности, семиотического подходов, следует подчеркнуть, что лингвистическая наука не стоит на месте. В последнее время достаточно полно разработано не только понятие «текст», но и понятие «дискурс». Многие теоретики архитектуры говорят о будущем нелинейном развитии архитектуры в духе «дискурса Делеза» как существованию на пересечении, когда в текст входит вся множественность иных текстов, когда в дискретной единичности созданного актуализируется множественность предшествующего [13, с. 42].

Если рассматривать понятие «дискурс» с психолингвистической точки зрения, то оно,

на наш взгляд, приемлемо для анализа архитектурной картины, ибо способно обеспечить то самое «диалоговое погружение», важность которого для понимания специфики русской архитектуры подчеркивалась так или иначе всеми исследователями-семиотиками. Примером такого психолингвистического дискурса (в узком смысле слова) может служить публицистично резкое эссе композитора и философа В. Мартынова «Книга пестрых прутьев Иакова», посвященное архитектурному облику Москвы. Автор исследует вербальные и визуальные аспекты архитектурной действительности и приходит к выводу, что они незаметно для каждого влияют на общественное сознание всех, формируя культурное пространство города и страны: «Очень часто люди думают, что заняты только тем, на что направлено их внимание и что они осознают как свою занятость, совершенно не догадываясь о том, что в то же самое время с ними неотвратимо происходит что-то совсем другое, а именно: в них происходят внутренние подспудные изменения под влиянием того, что находится непосредственно перед их глазами и на что они смотрят, как бы не видя и не придавая этому никакого значения» [14, с. 79].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шаров-Делоне, С.А. История идей [Текст] / С.А. Шаров-Делоне // Люди и камни Северо-Восточной Руси. XII век. — М., 2007.
2. Воронин, Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков [Текст]. В 2 т. Т. 1 / Н.Н. Воронин. М., 1953.
3. Аверинцев, А.А. Поэтика ранневизантийской литературы [Текст] / А.А. Аверинцев. — М., 1997.
4. Мандоки, К. От культового к виртуальному городу [Текст] / К. Мандоки // Семиотика пространства: сб. науч. тр. Междунар. ассоц. семиотики пространства. — Екатеринбург: Архитектон, 1999.
5. Лотман, Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур [Текст] / Ю.М. Лотман // Избр. статьи. В 3 т. — Таллинн, 1992.
6. Коротковский, А.Э. Методологические основы системной теории архитектуры [Текст] / А.Э. Коротковский. — М., МАРХИ., 1987.
7. Сергеев, А.А. Семиотический взгляд на проблему поисков русского в русской архитектуре [Текст] / А.А. Сергеев // Семиотика пространства: сб. науч. тр. Междунар. ассоц. семиотики пространства. — Екатеринбург: Архитектон, 1999.
8. Барабанов, А.А. Чтение города [Текст] / А.А. Барабанов // Там же.
9. Мокеев, Г.Я. Многоглавые храмы древней Руси [Текст] / Г.Я. Мокеев // Архитектурное наследие. — № 26. — М.: Стройиздат, 1978.
10. Конева, Е.В. Образ города как коммуникативная знаковая структура-текст [Текст] / Е.В. Конева // Семиотика пространства: сб. науч. тр. Междунар. ассоц. семиотики пространства. — Екатеринбург: Архитектон, 1999.
11. Линч, К. Образ города [Текст] / К. Линч. — М.: Стройиздат, 1982.
12. Иовлев, В.И. Архитектурное пространство и экология [Текст]: монография / В.И. Иовлев. — Екатеринбург: Архитектон, 2006.
13. Kipnis, J. Folding in Architecture [Text] / J. Kipnis // Architectural Design. — 1993. — Vol. 63, nr 3—4.
14. Мартынов, В.И. Пестрые прутья Иакова. Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни [Текст] / В.И. Мартынов. — М.: Изд. дом «Классика XXI», 2010.

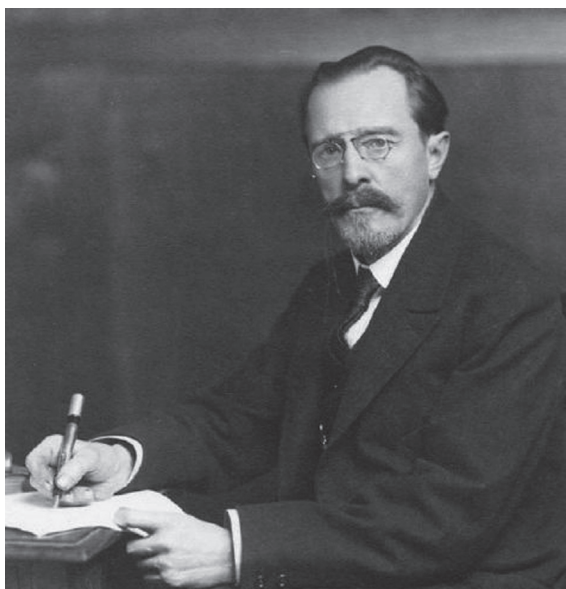
Н.А. Нарышкина-Прокудина-Горская

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ Часть 2. ЦВЕТ РОССИИ

Изобретатель цветной фотографии С.М. Прокудин-Горский

Сергей Михайлович Прокудин-Горский, фотограф, химик, изобретатель, внесший значительный вклад в развитие фотографии и кинематографии, — родной брат моего деда, Владимира Михайловича.

Работы Сергея Михайловича Прокудина-Горского знают на всех континентах. Выставки его фотографий состоялись в Америке, Европе, а также в Москве, Петербурге и многих других городах России. Сергея Михайловича называют «цветом времени».

С.М. Прокудин-Горский. Студийный портрет.
Лондон. 1910-е или 1920-е годы
(Из семейного архива)

Родился С.М. Прокудин-Горский 18(31) августа 1863 года. День его рождения известен, а вот относительно места рождения не существует единого мнения. Часто в публикациях, посвященных жизни и творчеству изобретателя, авторы утверждают, что он родился в Санкт-Петербурге. Например, С.П. Гаранина в книге «Достопримечательности России в натуральных цветах. Весь Прокудин-Горский. 1905–1916» называет местом его рождения Санкт-Петербург [1]. В книге «Российская империя Прокудина-Горского. 1905–1916» того же автора, вышедшей тремя годами позже, написано, что Сергей Михайлович «родился в родовом имении в Покровском уезде Владимирской губернии» [2].

Разночтения встречаются и в воспоминаниях потомков С.М. Прокудина-Горского. Его внук Серж (Сергей Михайлович, названный в честь деда), проживавший во Франции (умер в 2005 году), в своих рукописных записках (*L'Histoire de famille de Prokudine-Gorsky, 2001*) местом рождения деда назвал Гатчину. Другой внук, Жан (Иван Николаевич Свечин, сын дочери Сергея Михайловича), ныне проживающий в Париже, считает, что его дед родился в городе Муроме и при этом ссылается на семейное «вещественное доказательство» — документ «*Le livret de famille*», заполненный рукой Сергея Михайловича в Ницце в период эмиграции (его копию Жан выслал мне).

Однако ряд вопросов остается не решенным. Прежде всего, вызывает сомнение тот факт, что слово, вписанное в «*livret*», читается

как «Муром». Кроме того, на некоторые вопросы в этом документе Сергей Михайлович дает заведомо ложные ответы. Например, в графе «фамилия матери» пишет: «Mouhokoff», что лишено всякого смысла и не переводится ни на один язык, а в графе о семейном положении, будучи женатым, указывает: «холост». Возможно, он делает это, опасаясь за судьбу своих близких, оставшихся в России, или по каким-то другим соображениям.

Нет точных сведений о месте рождения Сергея Михайловича Прокудина-Горского и во «Владимирском родословце», изданном Н.В. Фроловым [3]. На неоднократные запросы в Муром ответа получить не удалось. Так что место рождения известного российского изобретателя остается пока невыясненным. Но, вне всякого сомнения, «гением его места» был Петербург [4].

С.М. Прокудин-Горский окончил Технологический институт, затем преподавал в нем, жил на Фонтанке. Имел фотолабораторию на Большой Подъяческой, 22. Это здание со старинными чугунными решетками и стеной, увитой плющом, сохранилось до наших дней. Почему бы, поддержав культурную традицию Петербурга, не открыть здесь, пусть совсем небольшую, музейную экспозицию. Она могла бы получиться интересной: вещи того времени, фотоприборы, написанные Сергеем Михайловичем книги [5–9]. Но, конечно, главными в этом музее стали бы фотографии, выполненные С.М. Прокудиным-Горским. Он сделал более 2000 цветных снимков, создав величественную видовую панораму России начала XX века от волжских степей до Сибири.

Свою фотоколлекцию Сергей Михайлович возил по городам и весям, как бы предлагая внимательнее «разглядеть» Россию, показывал ее и в Европе. Цветные фотографии Прокудина-Горского вызывали зрительский восторг. Ему всегда сопутствовал успех. Полный успех.

Еще до «Русских сезонов» Сергея Дягилева Сергей Прокудин-Горский познакомил Европу с Россией.

Фотографу удалось сделать открытие в области светописы, которым заинтересовался Дмитрий Менделеев, организовавший у себя в университетской квартире кружок, а затем и фотографическое общество.

Паровоз перед депо. Между 1905–1915

При знакомстве с фотонаследием Прокудина-Горского не перестаешь восхищаться тематическим многообразием запечатленных им картин, ощущаешь глубокую любовь автора к своей стране. В тысячах своих фотографий он как будто восклицал, как и Александр Блок: «О Русь моя! Жена моя!».

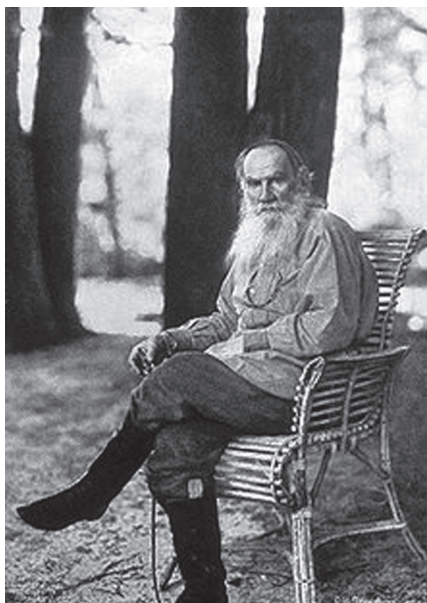
Не только «экзотика» русской крестьянской жизни представлена на снимках: юные красавицы в нарядных сарафанах, деревенские избы и заснеженные равнины, на них по-новому показана жизнь малых народов России — красочно и многообразно.

Взгляд гуманиста сознательно отбирал сюжеты для «увечковечивания». Это ручной труд на горных производствах («Работа на Бакальском руднике»), особенности художественного производства («Формовка художественного литья. Касли»), новизна транспортных средств («Паровоз перед депо») и многие другие сюжеты, как будто остановившие давно ушедшее время.

Промышленность, рудники, транспорт... Но в душе фотографа всегда жил поэт.

Особое место в творчестве мастера занимал портретный жанр. Одной из лучших работ С.М. Прокудина-Горского принято считать портрет графа Л.Н. Толстого. При первом же взгляде на эту работу понимаешь, что портрет рожден высокоартистической душой фотографа. Исполненный в мае 1908 года, он является единственным фотопортретом, сделанным «в красках непосредственно с природы».

Сергей Михайлович вспоминал: «Несмотря на неблагоприятные условия фотографирования вследствие проходившего в мае месяце циклона... я, тем не менее, мог ограничиться

Л.Н. Толстой. 23 мая 1908 г.

экспозицией всего в шесть секунд, включая сюда и время, потребное для передвижения очень большой кассеты... Кассета была доставлена мною на руках в Москву, где только было возможно вынуть из нее пластины для упаковки их. Проявление пластины произведено в Петербурге».

Странно и любопытно читать о таких почти непреодолимых тогда сложностях фотографии. Сейчас нажал на кнопку – и снимок готов! А тогда «проходивший в мае месяце циклон» мешал созданию фотопортрета Толстого, да еще и кассета, которая «была доставлена на руках в Москву».

Век минул с тех пор, как написал это письмо Сергей Михайлович Прокудин-Горский. Интересно, что через столетие покажется кому-то таким же наивным и архаичным в нашем компьютеризированном 2010 году? Представить трудно. Что оставим мы веку грядущему? Какой вклад внесем в нашу духовную культуру, научные изобретения, высокие человеческие отношения? Или поговорим по сотовым телефонам «со всеми обо всем» с дешевыми «входящими и исходящими» и канем в небытие? Не хочется так думать, да и несправедливо это. Найдут все же потомки наши, чем можно гордиться в нашем времени...

Но вернемся к фотопортрету Льва Николаевича.

Уже были созданы живописные портреты Толстого такими талантливыми художниками, как Иван Крамской (1873 г.), Николай Ге (1884 г.), Илья Репин (1887 г.). Уже существовала фотогалерея, выполненная супругой Льва Николаевича, Софьей Андреевной Толстой, и профессиональными фотографами Чертковым и Буллой. Каждый из этих портретов драгоценен. Но трудно показать мгновение напряженной духовной жизни Толстого, отразившееся на его лице, более достоверно, чем это сделал Прокудин-Горский. Передана строгость мудрости и красота бесстрашия мысли писателя. Запечатлено лицо великого мастера, всем своим творчеством защищавшего жизнь от насилия и фальши, от попрания внутренних, духовных прав человека.

В 1906 году Русское фотографическое общество в Москве избрало С.М. Прокудина-Горского своим почетным членом, а фотографический отдел Императорского Русского технического общества (ИРТО) – своим председателем. Сергей Михайлович выступил там с научным докладом о состоянии литейного дела в России. Он был опытным практиком, так как долгое время проработал на Гатчинских колокольных медеплавильных и сталелитейных заводах. Возглавлял эти заводы известный металлург, один из основателей отечественного сталепушечного производства генерал-майор А.С. Лавров, отец жены Сергея Михайловича – Анны Александровны.

Сохранилась фотография Анны Александровны, которая женственностью облика и одновременно твердостью духа напоминала Софью Ковалевскую – первую в мире женщину-профессора, члена-корреспондента Петербургской академии наук. (Мало кто знает, что она, знаменитый ученый-математик, получила известность еще и как писательница, написавшая талантливую книгу «Воспоминания детства», читала лекции в Швеции, дружила со шведским королем).

Сергей Михайлович Прокудин-Горский был богато одаренным человеком: он не только изобретатель цветной фотографии, но еще музыкант и художник. Будучи талантливым скрипачом, выступал в любительских концертах, играл дома. Многие часы проводил в стенах Петербургской академии художеств, изучая искусство, брал

приватные уроки живописи. На «Выставке фотографий» продемонстрировал снимки с полотен старых мастеров. Это особо тонкая работа для фотографа, ведь чтобы донести до зрителя всю притягательность и обаяние живописного подлинника, на снимке нужно передать и текстуру холста, и способ наложения мазка, даже нажим кисти художника.

Большим спросом пользовался в начале XX века журнал «Фотограф-любитель», редактором которого и автором публикуемых материалов был сам Сергей Михайлович.

Здесь уместно заметить, что Сергей Михайлович, как, впрочем, и все Прокудины-Горские, отличался скромностью и щепетильностью в вопросах личной славы. При экспонировании пластин на многочисленных выставках он обычно говорил: «Мы добились» или «Нам удалось». На этикетках стояла скромная надпись: «Пластини очувствлены по способу автора».

В Отрадном в Орловской губернии, где жили Прокудины-Горские, существовали свои легенды о Сергее, дошедшие до меня от моих бабушек. Он бывал на Орловщине не так уж часто, потому что много ездил и подолгу жил в Петербурге. Приезды Сергея в Отрадное всегда были яркими, его ждали, ему радовались. Вид у него был, как у заправского путешественника: в высоких сапогах, с палкой в руках и тяжелой поклажей (фотоаппаратурой и стеклянными негативами).

Сергей был старше самого младшего из братьев — Владимира (моего деда) на 16 лет и потому, видимо, считал своей обязанностью заменять ему отца. Он задавал брату переводить с французского «Детскую книгу о жизни Наполеона» и повторял слова этого полководца: «В жизни можно всего добиться силой духа и ума». А на вопрос: «И ты так считаешь?» — отвечал: «Я бы спорить с Наполеоном не стал, но считаю, добиться можно всего трудом. Однако уметь думать обязательно».

Сергей Михайлович учил братьев играть в шахматы, чтобы развивались их «мыслительные способности». Если кто-нибудь из них делал неудачный ход, он торопливо говорил: «Ну, это не считается, это не считается. Подумай хорошенько и ходи снова» [10].

Позже, когда Владимир Михайлович женился на Марии Петровне, он сделал их снимки,

продолжив своими фотографиями традиции парных живописных портретов в дворянских особняках. Выгоревшие, в коричневатой дымке, эти фотопортреты и сейчас висят у нас дома и смотрят на нас, серьезно и печально...

Фотографировал Сергей Михайлович и их дочь, свою маленькую племянницу Машеньку (мою маму). Он любил детей, относился к ним как к самостоятельным личностям. Рассказывал Машеньке сказки и показывал на стене тени от скрещенных пальцев, изображавшие разных зверей. А она платила ему обожанием и великой преданностью.

Как-то раз Владимир Михайлович разбудил ее ночью:

— Машенька, садись, дочка, на горшочек.

А та сонным голосом, но очень твердо ответила:

— Я не Машенька, я дядя Сележа.

— Хорошо, хорошо. Садитесь, пожалуйста, дядя Сележа, на горшочек.

Хочется остановиться на той страничке творчества Сергея Михайловича, которую обходили авторы, исследовавшие его фотонаследие, — на детских портретах. Когда смотришь фотографию «Машенька Прокудина-Горская», бросается в глаза умение мастера поймать высшую точку душевного напряжения у совсем маленького человечка. У Машеньки в ее 12 месяцев жизни на лице ничем не прикрытое удивление, недоумение, почти испуг: «Вот какой он, этот огромный и сложный мир, в котором я оказалась!». Но мир, пугающий эту крошку, не заставил ее ни плакать, ни звать маму. Сквозь страх на детском личике проглядывают жгучий интерес и какая-то почти взрослая сдержанность, словно Машенька хочет сказать: «Подождите, подождите, дайте разобраться». Поза девочки показывает ее некоторую растерянность, но стоит она крепко, как видно, не собираясь убежать или звать маму.

Когда Мария Петровна увидела эту фотографию, она воскликнула: «Да какая же прелесть моя Машенька! Ни один фотограф не сумел бы так изобразить мое сокровище». На это Сергей Михайлович ответил: «Ни у одного фотографа нет такого сокровища в племянниках. Сразу видно: носительница высокородной фамилии!». Владимир Михайлович, внимательно рассмотрев изображение своей маленькой

дочки, заметил: «Никто не заподозрит в этом человеке ни малейшей капли неискренности». Сама же «портретируемая» настойчиво просила, чтобы и ей показали то, что все смотрели, и не успокоилась, пока не подержала в руках фотографию, хотя и вверх ногами.

Портреты-фотографии С.М. Прокудина-Горского во многом сопоставимы с детскими портретами работы Валентина Серова. В детских фотографиях Сергей Михайлович умел передать состояние души ребенка, раскрыть его характер и как бы «предсказывал», прозревал судьбу.

Машеньке больше всего хотелось попасть в комнату Сергея Михайловича, но он не разрешал входить туда без него, и она никогда не нарушала запрета. В этой комнате в специальных выдвигавшихся ящичках со смешными – как блестящие пуговицы – ручками хранились стеклянные негативы. На стенах висели медальоны Федора Толстого и фотографии, выполненные Сергеем Михайловичем.

На сделанном в 1910 году снимке «Вид монастыря в Ниловой пустыни на озере Селигер», который особенно любил Сергей Михайлович, монастырь получился легкий, воздушный, купола словно плывут вместе с облаками. Такую красоту в множественности оттенков голубого цвета, такое богатство и насыщенность светотени мог увидеть в природе и запечатлеть на пластине только истинный художник. Снимок «Урожай» с изображенными на нем крестьянами вызывает в памяти картины И. Шишкина «Рожь» и Г. Мясоедова «Косари». Глядя на эту фотокартину Прокудина-Горского, погружаешься в красоту золотого поля созревших колосьев, уходящего за горизонт.

Хотя первоначально Сергей Михайлович отводил фотографии лишь «протокольное» назначение, многие его снимки свидетельствуют о том, что со временем он стал видеть в них возможности подлинного искусства. По его фотографиям восстанавливаются сегодня памятники древнего зодчества, соборы и монастыри, которые, казалось, утрачены безвозвратно. Но эти фотографии, как и изображенные на них устремившиеся в высь соборы с позолоченными куполами, стали драгоценными сокровищами национального достояния.

Потомственный русский интеллигент Сергей Михайлович Прокудин-Горский внес зна-

чительный вклад не только в историю фотографии. Ему были близки творческие поиски Льва Толстого, гениального русского писателя, философа, графа, отказывавшегося от своего «графства». Сергей Михайлович хотел создать зримую панораму «войны и мира».

Своими фотографиями крестьянских детей в поле, возле собора или у какой-нибудь далекой околицы, залитой солнцем, С.М. Прокудин-Горский «колоритно» и проникновенно ставил вопрос, мучавший Ф.М. Достоевского: «Стоят ли все выгоды цивилизации одной слезы ребенка?».

На детских фотографиях все так естественно, натурально. Подлинность настроения, искренность становятся самыми ценными качествами фотопортретов.

Как Достоевский и Толстой, Прокудин-Горский своим творчеством решал животрепещущую, в том числе и для него самого, проблему – места человека в этом мире.

Тема дороги часто воплощалась тогда в пейзажной живописи, особенно в творчестве И. Левитана. Ту же тему раздумий о жизненном пути человека и человечества мы находим у Прокудина-Горского.

А сколько людей, и каких разных, мы встречаем сегодня в его многосерийном «фотоинтернет-сериале». Кто-то узнает в них своих предков, а кто-то – знакомые и уже стершиеся с лица земли места их малой родины. За все это низкий поклон чудаку, правдоискателю, вечному страннику с очарованной душой – Сергею Михайловичу Прокудину-Горскому.

Его собственные фотоавтопортреты никогда не повторяют один другой, в них находят отражение разные грани осмысления жизни. Вот он со своими детьми. Им, потомкам, следующим поколениям, завещает он свое дело. Вот с посохом в руке на горной вершине, как вечный странник. Со строителями на дрезине испытывает новую дорогу. Перед пенящимися водяными ступенями водопада осмысливает проблемы вечности и бытия... Все его автопортреты, в том числе и за письменным столом, и в фотолаборатории, – все это длинный путь не прекращавшихся нравственных исканий, которые он должен предъявить человечеству, оставить как свое духовное завещание.

У Сергея Михайловича был разработан грандиозный проект «Отечествоведения» –

это было его главной жизненной задачей. Отсюда и проводимые им исследовательские опыты, и его поездки по всей России, совсем не туристические, не красот ради. Кровью его сердца, ищущего, благородного, преданного России, были окрашены сделанные им фотографии.

Он отважился на собственный проект фотофиксации городов и народов России. Но большая часть провинций и областей оставались недоступными для обозрения, кое-где съемки были вообще запрещены...

Тогда председатель Петербургского фотографического общества великий князь Михаил Александрович посоветовал Прокудину-Горскому показать свои снимки императору. Николай II был настолько восхищен «образом России», представшим перед ним, что через некоторое время Прокудину-Горскому выдали документы. «Его Императорское Величество высочайше дозволяет пребывать в любых местах, независимо от секретности», — говорилось в них. Пульмановский вагон, в котором отныне стал ездить Прокудин-Горский, был оснащен всем необходимым для работы. В этом вагоне кроме Сергея Михайловича размещались и его ассистенты, среди них был его 22-летний сын Дмитрий. Но вскоре началась Первая мировая война... Прокудин-Горский отдал свой вагон российской армии. Сам же стал работать экспертом в комитете, контролировавшем поступление фото- и киноматериалов из-за рубежа. Кроме того, снимал военные действия, первые победы России на Восточном фронте и первые поражения. Выполняя задания министерства, запечатлел строительство Мурманской железной дороги, которая должна была обеспечить линию поставок между Россией и ее французскими и британскими союзниками.

Принято считать, что в России того времени было два выдающихся фотографа: Карл Карлович Булла и Сергей Михайлович Прокудин-Горский. Но если первый был фотограф более петербургский, снимавший быт и жизнь столицы, то в поле зрения второго попадала вся Россия. Прокудин-Горский стремился отразить все разнообразие жизни России, ее будни, ее труд, природу, а также жизнь и быт малых народов. Однако он не был единственным в

На дрезине недалеко от Петрозаводска на Мурманской ж.д. 1916 г.

этом направлении. В конце XIX века в России работали такие первоклассные фотографы, как В. Высоцкий, С. Левицкий, В. Каррик, П. Павлов, М. Дмитриев, создавшие фотосерию с ландшафтами, портретами и бытовыми сценками. Сергей Михайлович был, конечно, знаком с их работами и, вероятно, сотрудничал с ними. Возможно, кому-то из них он и адресовал фотографию со своей благодарностью, хранящуюся теперь в семейном архиве Земляковых.

После 1917 года, как удалось выяснить С.П. Гараниной, Сергей Михайлович Прокудин-Горский по указанию наркома просвещения А.В. Луначарского был назначен профессором Фотокиноинститута, открываемого в Петрограде.

Свои снимки достопримечательностей России он дважды демонстрировал в марте 1918 года в Николаевском зале Зимнего дворца на вечерах «Чудеса фотографии». Эти вечера с «волшебным фонарем» были организованы Народным комиссариатом просвещения. В зале собиралось до 2000 солдат и матросов...

Это были последние публичные выступления Сергея Михайловича Прокудина-Горского на родине. Шел последний год его жизни в России...

«Беженец без средств, без дома, без имени, прошедший Норвегию, Англию, Францию с чемоданом фотопластинок, художник-историк, увезший с собой то, что уже никогда не вернется: цветные картины погибшего мира», — писала о С.М. Прокудине-Горском Надя Денис в своей книге «Цвета ушедшего мира».

Он умер в 1944 году в Париже, в «Русском доме» — приюте для русских эмигрантов при православной церкви на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Умирал в приюте, глядя из окон на кладбище, которое его ожидало...

Финал этой человеческой судьбы близок по общей, щемящей тональности к судьбе Ивана Бунина, еще одного знаменитого русского эмигранта, похороненного там же девять лет спустя, в ноябре 1953 года.

Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (Святой Женевьевы в лесах) было основано в 1927 году по инициативе княгини Веры Мещерской. Это главный некрополь русской эмиграции в Париже, на нем погребено около 10 000 русских, на могилах которых высечены известные всему миру имена: Сергея Лифаря, Зинаиды Серебряковой, Петра Струве, Феликса Юсупова, Матильды Кшесинской и др.

Богатейшую фотографическую коллекцию С.М. Прокудина-Горского его семья, жившая в Париже, продала конгрессу США.

Сергей Михайлович был женат дважды: на Анне Александровне Лавровой (1871–1937) и во втором браке на Марии Федоровне Щедриной (1883–1965). От первого брака у него было трое детей: Дмитрий, Екатерина и Михаил, самый младший, родившийся в 1895 году. Мальчики закончили в Петербурге гимназию Карла Мая. Этот факт любезно сообщил мне Никита Владимирович Благово, автор интересной книги о гимназии Мая под названием «Школа на Васильевском острове». Позвонивший мне Н.В. Благово взволнованно спрашивал: «У нас в гимназии учился мальчик Дима Прокудин-Горский и его брат Миша. Они оба Сергеевичи. Вы знаете этих мальчиков? Какова их дальнейшая судьба?». Есть еще в России, на родине Сергея Михайловича, человек, который называет его сына, Дмитрия Сергеевича, умершего в Париже в 1963 году, «мальчиком». И этому человеку не безразлична судьба «мальчиков Димы и Миши», закончивших сто лет назад гимназию Мая.

Дальнейшая судьба «мальчиков» сложилась следующим образом.

В 1920 году, когда Сергей Михайлович уже покинул Россию, его сына Михаила, оставшегося в Петрограде, дважды арестовывали, о чем свидетельствуют материалы Архива ФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Первый раз (в сентябре 1920 года) он привлекался за принадлежность к партии эсеров и был освобожден за недоказанностью обвинений. Второй раз проходил по делу о забастовке на заводе. После этого жена Сергея Михайловича, Анна Александровна Лаврова, была вынуждена покинуть Петроград и эмигрировать со своими детьми: Екатериной, Дмитрием и Михаилом. В середине 1920-х годов уже в Париже они все вместе создали фотоателье под руководством С.М. Прокудина-Горского. Когда же у него во втором браке родилась дочь Елена и малышку стали ласково называть Ёлочкой, Ёлкой, это имя перешло в название фотоателье.

В 1930-х годах, после того как Сергей Михайлович, основатель фотоателье, отошел от дел, оно получило название «GORSKY FRERES» («Братья Горские»). Дмитрий и Михаил — «братья Горские» — стремились продолжить творческое начинание отца. Очень эффектно смотрелась сделанная Дмитрием фотография Эйфелевой башни. В 1937 году ему удалось сделать запоминающиеся снимки павильонов Всемирной выставки в Париже (интересно, что на этой выставке Советский Союз был представлен павильоном, который венчала скульптурная группа В. Мухиной «Рабочий и колхозница», ставшая затем символом Мосфильма).

Сейчас в Париже живут внуки и правнуки Сергея Михайловича: от первого брака внуки Иван и Дмитрий Свечины, от второго — Мишель Сусалин. Мишель — известный французский хирург, он очень дорожит памятью своего деда. «У нас хранится, много семейных реликвий, — рассказывает Мишель Сусалин. — Это тетрадки деда, где он записывал свои наблюдения и мысли, а также его фотографии и книги. Я тоже люблю фотографировать, хотя до моего деда мне очень далеко! Чаще мне приходится использовать цифровую камеру для работы — я врач, занимаюсь пластической хирургией».

Дмитрий Свечин написал о своем деде статью на русском языке. Это он изображен художником мальчиком на известной фотографии Сергея Михайловича Прокудина-Горского «Внук Дима. 1925 год». Эту прелестную фотографию можно причислить к одним из лучших детских портретов в русском искусстве «рубежного периода» по тонкости психологического проникновения в мир детской души, такой светлой и такой ранимой.

Это был первый год эмиграции родителей Димы в Париже. Мальчику 5 лет. Во всей его фигурке выражена грусть, которую способна вместить детская душа. Его «вынули» из дома и привезли в чужой город. У ног мальчика длинная лужа, в которой отражаются серое небо, ветки деревьев и розовый летний костюмчик. Он прижался к стене, словно это единственное место, где можно найти приют в горькую минуту своего детского одиночества. А рядом с Димой, прислонясь к нему, находится маленькое рыжее существо. Только оно, единственное, и понимает Диму. Только оно и разделяет с ним тоску по той детской комнатке, в которой он провел детство и которая осталась где-то далеко, там, где брошены все остальные его игрушки. Это существо — маленькая плюшевая обезьянка.

«Я хорошо помню мою фотографию с обезьянкой, — написал мне Дмитрий Николаевич в письме 24 октября 2009 года. — Помню, что она была моей любимой игрушкой, я ее звал «Абзя». Вероятно, это была единственная моя игрушка, взятая в беженство».

Став постарше, Дмитрий начал помогать своему знаменитому деду, работая в фотоателье «Ёлка». С детства он проникся магией искусства фотографии.

Жизнь была нелегкая. Дмитрий прошел долгий путь испытаний, безработицы, безденежья, работал шофером, грузчиком и т. д. Он стал известным журналистом. Обошел с камерой в руках Африку, ездил по всему свету. Готовил передачи для центрального французского телевидения, затем, по собственному признанию, «перешел на киносъёмку».

Приведем здесь (с некоторыми сокращениями) статью Дмитрия Свечина о Сергее Михайловиче, предназначенную для парижского журнала «Костер».

«Около 100 лет тому назад, в самом начале XX века, в России жил известный ученый-фотохимик профессор Сергей Михайлович Прокудин-Горский (1863—1944). Он был одним из пионеров цветной фотографии в мире.

Система Профессора была вкратце следующая.

На одном продолговатом стеклянном черно-белом негативе, панкочувствительном (т. е. чувствительном на все цвета спектра), по его патенту и изготовлению, он своей камерой

делал тройной снимок, каждый через один из трех дополнительных светофильтров (синий, красный и желтый). С этих негативов Профессор делал стеклянные черно-белые диапозитивы, которые проектировал на экран также через дополнительные основные светофильтры. Прибор его изобретения проектировал синие, красные и желтые изображения в совершенном совмещении всех деталей. Результат на экране был удивительного качества. Те же оригинальные негативы употреблялись для печати, например в типографии.

После революции, покидая Россию, Профессор смог вывезти за границу около двух тысяч негативов этих снимков и несколько альбомов с фотографиями и записками. Эта коллекция оказалась в Париже.

В 1920-х годах Профессор с сыновьями Дмитрием и Михаилом и дочерью Екатериной (моей матерью) открыл в Париже фотолабораторию и студию. До 1939 года, до начала войны, они продолжали разрабатывать фототехнику.

После войны Профессор умер, а его семья хранила коллекцию как могла в эмигрантских условиях. Сохранность негативов была под угрозой.

В 1947 году семья Профессора решила продать коллекцию американцам, Рокфеллерскому фонду, за 3500 \$. Она была переслана в Вашингтон, в Библиотеку конгресса США.

Американцы проявили большой интерес к коллекции Профессора. Они тщательно классифицировали ее, поместили в наилучшие условия для сохранности. Коллекции было посвящено несколько книг, устраивались выставки. О коллекции много писали в ученых органах.

В 2000 году в целях обеспечения сохранности все негативы были оцифрованы.

В июне 2001 года в Библиотеке конгресса в Вашингтоне состоялась выставка более ста цветных первоклассных снимков из этой коллекции с пояснениями и оценкой значения каждого из них. Выставка называлась «The Empire that was Russia» («Империя, которой была Россия») и продолжалась по 11 августа.

Библиотека конгресса США выложила цветные фотографии отличного качества, сделанные с помощью новейшей электронной техники, в сети Интернет и полностью оцифровала всю коллекцию.

Коллекция – хорошая иллюстрация дореволюционных возможностей русской науки и техники и замечательное историческое свидетельство, показывающее картины жизни в России».

Посетив на сайте Библиотеки конгресса виртуальную выставку фотографий С.М. Прокудина-Горского, можно ознакомиться и с отсканированными фотоизображениями, и со всеми цветными фотографиями, и с листами его 12 фотоальбомов.

«Цветные фотографии черно-белой эпохи» С.М. Прокудина-Горского вызывают сегодня живейший интерес и множество практических вопросов о том, как самостоятельно получить цветные фотографии с черно-белых снимков начала прошлого века. Изобретения его востребованы в наши дни и спустя почти столетие по-прежнему служат россиянам.

Сергей Михайлович Прокудин-Горский – выразитель лучших гуманистических традиций русской культуры, многие из страниц которой особенно ярко начинают восприниматься именно «сквозь призму» его фотографий. Недаром в наш XXI век фотонаследие Сергея Михайловича пользуется такой любовью у молодежи.

Молодые энтузиасты ездят по маршрутам Прокудина-Горского, ищут негативы в усадьбах его родных, занимаются идентификацией его фотографий и расшифровкой надписей под ними. Таким истинным фанатом русской старины является Юрий Красильников. Елена Филиппова дала увлекательное интервью о способах, трудностях и успехах в процессе идентификации фотографий. Сергей Прохоров открыл сайт, посвященный Сергею Михайловичу. Вячеслав Ратников выдвинул новую версию места рождения Сергея Михайловича и ведет переговоры с директором Историко-краеведческого музея города Киржач Владимирской области об открытии в нем постоянной экспозиции «Пионер цветной фотографии С.М. Прокудин-Горский и история его рода».

Выпускник факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета Роман Котов предложил в своей дипломной работе новый проект альбома произведений С.М. Прокудина-Горского «Россия, которую мы находим» [11]. Обратившись не только к отдельным фактам биографии Сергея Михайловича, но и к изучению его родословной, Роман сделал вывод, что «род Прокудиных-

Горских был весьма патриотичной старинной служивой фамилией, верной Престолу и Отечеству. Очевидно, что многие из семейных качеств его предков передались и Сергею Михайловичу». Такой ракурс рассмотрения чрезвычайно важен для оценки всего духа творчества и изобретательства Сергея Михайловича, общей направленности его деятельности.

К сожалению, эта проблема, действительно трудная для изучения, требующая работы не только с Интернетом, но и с архивами (государственными и семейными), пока не находит должного внимания. Тем не менее без этого, как и без обращения к широкому культурному фону исторической эпохи, невозможна объективная оценка всего масштаба открытий С.М. Прокудина-Горского, который уже в то время имел наработки в области кинематографа.

Преподаватель информатики Василий Васильевич Дрючин еще в школьные годы увлекся изобретением Сергея Михайловича, а теперь под руководством этого необыкновенного учителя, влюбленного в фотографии Сергея Михайловича, нынешние школьники и студенты создали замечательный диск. Этот диск ярко и доходчиво популяризирует научно-художественные достижения С.М. Прокудина-Горского и учит молодежь любить Россию так же, как любил ее он. Диск обращен к молодежи и говорит голосом молодежи. Думается, было бы полезно использовать мультимедийный диск «Сто лет российской цветной фотографии» (под руководством В.В. Дрючина и А. Моисеева) в учебных программах школ и вузов, так как он формирует у молодежи бережное отношение к событиям российской истории, к отечественным гуманистическим традициям и ценностям.

Может быть, такое увлеченное обращение молодых к наследию С.М. Прокудина-Горского как раз и есть одно из воплощений принципов той концепции «Отечествоведения», о которой мечтал Сергей Михайлович, над которой работал всю жизнь.

Он обошел и объехал почти всю Россию, создав обширную историко-географическую панораму своего Отечества. Он открыл принципиально новое информационное поле. И задача наших современников постичь и развить его достижения во благо Отечества, которому страстно служил этот одержимый путешественник, изобретатель и патриот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гаранина, С.П.** Достопримечательности России в натуральных цветах. Весь Прокудин-Горский. 1905–1916 [Текст] / С.П. Гаранина. — М., 2003.
2. **Она же.** Российская империя Прокудина-Горского. 1905–1916 [Текст] / С.П. Гаранина. — М., 2006. — С. 6.
3. **Фролов, Н.В.** Владимирский родословец [Текст] / Н.В. Фролов. — Ковров, 1996.
4. **Нарышкина-Прокудина-Горская, Н.** Отечество и судьбы. Прокудины-Горские [Текст] / Наталья Нарышкина-Прокудина-Горская // С.-Петербург. ведомости. — 2010. — 13 августа.
5. **Прокудин-Горский, С.М.** О фотографировании моментальными ручными камерами [Текст] / С.М. Прокудин-Горский. — СПб., 1887.
6. **Он же.** Указание для любителей. О печатании (копировании) с натуры [Текст] / С.М. Прокудин-Горский. — СПб., 1887.
7. **Он же.** О современном состоянии литейного дела в России [Текст]: доклад в заседании 1-го (химического) отдела ИРТО / С.М. Прокудин-Горский. — СПб., 1896.
8. **Он же.** О фотографировании моментальными ручными камерами [Текст] / С.М. Прокудин-Горский. СПб., 1897.
9. **Он же.** Изохроматическая съемка моментальными ручными камерами. С указанием изготовления чувствительных к цветам изопластин [Текст] / С.М. Прокудин-Горский. СПб., 1903.
10. **Нарышкина-Прокудина-Горская, Н.** Семейная сага [Текст] / Н. Нарышкина-Прокудина-Горская // Русский мирь. — 2008. — № 1.
11. **Котов, Р.** Творческий путь фотографа и журналиста С.М. Прокудина-Горского. Судьба коллекции [Текст]: дипломная работа / Р. Котов; фак. журналистики СПбГУ. — СПб., 2008.

В.М. Марасанова

О ПОЛЬЗЕ ДИСКУССИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Рецензия на книгу

«Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность»: сводные материалы заочной дискуссии / под общ. ред. А.Е. Загребина и С.В. Любичанковского. — Екатеринбург; Ижевск, 2010. — 496 с.

Изучение всех звеньев государственного управления в настоящее время является одним из востребованных проблемных полей исторической науки. Кардинальное реформирование управленческих структур осуществилось на наших глазах и сейчас проходит проверку на эффективность. Нельзя не признать, что от качества управления зависит качество жизни населения. К тому же усиливающаяся бюрократизация управления в центре и на местах закономерно вызывает тревогу общественности и также приковывает внимание к этой

проблеме. Локальная история и историческая регионалистика активно развиваются во многих научных центрах Российской Федерации, привлекая поколения историков новой генерации и актуализируя вопросы методологии и источниковедения в современных конкретно-исторических исследованиях, выполненных на обширном источниковом материале.

В русле новейших тенденций отечественной исторической науки в 2008 году Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (Ижевск) и Поволжский филиал Института российской истории РАН (Самара) объявили начало заочной дискуссии на тему «Местное управление Российской империи и ее Урало-Поволжского региона в пореформенный период: механизмы власти и их эффективность». Целью проекта явилось объединение специалистов Урало-Поволжья по

истории регионального управления пореформенной России, но довольно быстро (параллельно с расширением географии участников) территориальные рамки дискуссии охватили многие регионы России. В результате сводный сборник, вышедший по итогам дискуссии, озаглавлен «Местное управление в пореформенной России», что полностью соответствует кругу обсуждаемых в ходе дискуссии вопросов.

Модератором дискуссии выступил доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН С.В. Любичанковский. Он разработал список из 15 вопросов, разосланный заинтересованным лицам, ведущим научным учреждениям и высшим учебным заведениям, а также размещенный на научно-информационных сайтах в Интернете. Фактически каждый из предложенных вопросов вызвал самостоятельную дискуссию (от 5 до 19 участников), что свидетельствовало об актуальности их обсуждения и возникшем интересе научного сообщества. Структура сборника материалов дискуссии задана 15 вопросами, по каждому из которых приведены ответы участников, а благодаря алфавитному указателю участников дискуссии довольно удобно знакомиться с их авторскими концепциями, отраженными в разных разделах (С. 488–492). Модератор дискуссии С.В. Любичанковский представил вводную статью «Изучение эффективности местного управления Российской империи как научное направление: основные задачи и перспективы реализации на региональном материале» (С. 7–30), а также подвел итоги проделанной работы (С. 472–486).

Следует отметить, что выбранный формат заочной научной дискуссии не стеснял участников ни жесткими временными рамками, ни формой присылаемых материалов (принимались статьи, ответы на все поставленные вопросы либо только на часть из них), ни иными организационными и финансовыми обстоятельствами. Это содействовало расширению круга участников дискуссии, но одновременно усложняло задачи оргкомитета дискуссии по обработке и систематизации собранных материалов. Несомненно, следует отметить квалифицированный и профессиональный подход организаторов дискуссии к присланным

материалам, их продуманную подачу. Присылаемые статьи и ответы на вопросы в полном варианте размещались на страничке «Заочная дискуссия» на сайте Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. На этом же сайте были выложены сводные материалы первого этапа заочной дискуссии. Таким образом появилась возможность для оперативного ознакомления с точкой зрения коллег из разных центров и уточнения отдельных аспектов дискуссионных вопросов.

На втором этапе дискуссии в 2009 году стал более выражен ее международный характер, поскольку к российским и украинским историкам присоединились участники из Австрии, Германии, Канады, США, Финляндии, Японии. Всего в процессе заочной дискуссии по значимой в научном и практическом отношении проблеме высказались 37 ученых. Большинство участников дискуссии являются кандидатами исторических наук – 20, докторами исторических наук – 8. Еще более широкий круг ученых, специалистов, аспирантов, студентов ознакомился с материалами дискуссии в Интернете и уже учел их в своей научной работе. Следовательно, помимо обсуждения значимых проблем исторической науки, дискуссия дала импульс новым исследованиям, результаты которых будут введены в научный оборот в ближайшее время.

Сводный сборник материалов заочной дискуссии показывает, что ученые исследуют разные звенья, должности и институты местного управления от генерал-губернаторов до уездной полицейской стражи и земских начальников. Однако на фоне углубленного изучения биографий и вклада генерал-губернаторов и губернаторов массовые слои государственных служащих исследованы в гораздо меньшей степени. Наибольшее внимание историков привлекли теоретико-методологические вопросы и понятийный аппарат, критерии эффективности местного управления, соотношение институционального и персоналистского подходов к истории местного управления, методы и методики изучения избранной предметной области.

Дискуссия оставляет простор для присоединения к сформировавшемуся кругу специалистов новых участников. Для каждого принципиальным остается вопрос о содержании

используемых дефиниций. Вероятно, следует продолжить обсуждение проблемы соотношения понятий «местное управление» и «местное самоуправление». В вводной статье модератор дискуссии С.В. Любичанковский отметил, что под местным управлением, как правило, понимают систему всех территориальных административных структур в пределах губернии или группы губерний, как государственных, так и самоуправленческих. Более того, ссылаясь на дореволюционные исследования А.Д. Градовского, он подчеркивает, что в данное понятие следует включить государственные, общественные (земские и городские) и сословные (крестьянские и дворянские) учреждения. К такой широкой трактовке понятия «местное управление» в ходе дискуссии присоединились Е.П. Барина, Корин Годин, Е.Н. Морозова и В.А. Воропанов. Однако также есть серьезные аргументы у сторонников иной точки зрения (Д.А. Старков, Д.В. Васильев, Т.А. Свиридова и автор настоящей рецензии), которые считают понятия «местное управление» и «местное самоуправление» непересекающимися, разделенными институционально. Несколько отличается высказанная в процессе дискуссии позиция Н.Л. Семеновичевой о том, что местное самоуправление является самостоятельным уровнем власти, но не может существовать вне государственной системы управления.

В реалиях современной российской действительности государственное и муниципальное управление одновременно и связаны, но и разграничены между собой (по законодательству, институционально, по кадровому потенциалу, в вопросах собственности, архивного фонда и т. д.). Вероятно, было бы перспективно привлечь к обсуждению данной проблемы не только историков, но и юристов, ведущих исследования по конституционному и административному праву и также весьма плодотворно исследующих историю и теорию государственного управления в России.

Современным органам власти и управления и политическим партиям следует обратить внимания на сформулированные в ходе дискуссии конкретные критерии (пусть не всегда бесспорные и общепризнаваемые) эффективности местного управления:

- умение разрешать социальные конфликты и содействовать прогрессу территорий;

- степень решенности хозяйственных проблем;
- своевременное решение дел;
- соотношение результата и затрат, результата и целей, результата и ценностей;
- уровень развития внутреннего кризиса власти;
- достоверность полученной в центре с мест информации и др.

Заочный характер дискуссии не сгладил, а, напротив, выявил расхождение взглядов историков по злободневному вопросу о влиянии личности конкретных управленцев на эффективность местного управления. По мнению ряда авторов (А.Б. Гуларян, Е.А. Съемщиков, Е.П. Барина) именно «личный стиль» губернаторов определял эффективность местной власти, тогда как другие участники дискуссии (Д.А. Старков, С.А. Трушков, Йорг Баберовски) признали ограниченное влияние личности руководителя на систему управления и ее эффективность в пореформенный период. И.Т. Шатохин подчеркнул контраст между губернаторскими полномочиями и практикой их использования, подчас связанный с отсутствием у «начальников губернии» стремления использовать имеющиеся возможности и полномочия.

Несомненный интерес представляют приведенные участниками дискуссии конкретные примеры, показывающие влияние губернаторов на повышение или понижение эффективности управления. Эти материалы были выявлены участниками дискуссии в федеральных (ГАРФ, РГИА, РГВИА) и местных государственных архивах Кировской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Самарской, Тверской и других областей. Особенности управления портовыми городами и окраинами империи на примерах Туркестанского края и других территорий показали в своих заочных выступлениях А.В. Ремнев, Д.В. Васильев, Н.Л. Семенова и А.В. Акаймова. Биографические зарисовки губернаторов усилили выводы авторов и повысили научную значимость опубликованных материалов дискуссии.

Большинство участников дискуссии признали, что во второй половине XIX столетия не удалось сформировать положительной тенденции по противодействию коррупции и волоките в местном управлении. Сегодняшний опыт государственного управления вновь подтверждает сложность данной проблемы.

Проведенная научная дискуссия позволила представить местное управление и в целом социокультурное пространство пореформенной России в разнообразии и единстве его составляющих – регионов. Одновременно дискуссия показала достигнутый уровень региональных исследований по истории местного управления и позволила наметить новые перспективы исследований в данном направлении. Объединение ученых, ведущих активный анализ обширного источникового материала, позволило в ходе дискуссии выйти на уровень

теоретического осмысления и более системного представления о местном управлении в период широкой модернизации государственного управления в пореформенной Российской империи. Ознакомление с материалами дискуссии современных государственных служащих и действующих политиков могло бы способствовать выработке рациональной, научно обоснованной региональной политики и стратегии, а также прогнозированию регионального развития и совершенствованию местного управления в РФ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ**

АНОСОВА Наталия Эдуардовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-78-18,
natalia-ed@mail.ru

ВЕТРОВА Ольга Григорьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-78-18.

ГАНАПОЛЬСКАЯ Елена Владимировна – доцент кафедры русского языка гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, кандидат филологических наук, доцент.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-59-95,
eganapolskaya@mail.ru

ГОНЧАРКО Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры эстетики и философии культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5,
тел. (812) 328-94-21, доб. 1849,
goncharko@list.ru

ГУМЕНЮК Оксана Васильевна – ведущий инженер и ассистент кафедры управления и защиты в чрезвычайных ситуациях факультета комплексной безопасности Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 248-92-13,
ksana524@inbox.ru

ДЕГТЯРЕВА Раиса Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 552-98-42.

ДОМИНЯК Владислав Игоревич – кандидат психологических наук, доцент кафедры инженерной педагогики и психологии гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 552-66-22,
vdominiak@spbstu.ru

ИВАНЕНКО Алексей Игоревич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного технологического университета растительных полимеров.

198095, Санкт-Петербург, ул. Ивана Черных, 4,
тел. (812) 786-66-56,
iwanenkoalexy@hotmail.com

КАДИ Светлана Вячеславовна – старший преподаватель кафедры романо-германских языков факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, соискатель ученой степени кандидата филологических наук.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 559-26-84,
svetlanakadi@yandex.ru

КАЗАНКОВ Вячеслав Владимирович – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник учебно-методического комплекса психологии риска и чрезвычайных ситуаций Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России (СПбУГПС МЧС России), начальник государственного учреждения «Судебно-экспертное учреждение федеральной противопожарной службы «Испытательная пожарная лаборатория» по Ленинградской области» (ГУ «СЭУ ФПС «ИПЛ» по ЛО»).

188662, Лен. обл., Всеволожский р-н, п. Мурино,
ул. Оборонная, д. 51,
тел. (812) 234-53-13,
Ipl_lo@mail.ru

КИРСАНОВА Наталия Борисовна – ассистент кафедры «Теория и история государства и права» юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-69-76,
nat111068@yandex.ru

КОЗЛОВ Владимир Николаевич — профессор, доктор технических наук, советник ректора, заведующий кафедрой «Системный анализ и управление» факультета технической кибернетики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, заместитель председателя Совета УМО вузов России по университетскому политехническому образованию.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, тел. (812) 552-80-75.

КОЛЕСНИКОВ Дмитрий Евгеньевич — старший преподаватель кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, тел. (812) 534-10-06, 606-62-42, служебный электронный адрес: kmo@imop.spbstu.ru, личный электронный адрес: writer1984@list.ru

КОЛОМЕЙЦЕВ Иван Владимирович — аспирант кафедры философии гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, тел. (812) 552-87-01.

КОНОВАЛОВА Татьяна Александровна — доцент, кандидат педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков УралГАХА.

620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 23, тел. (343) 371-21-02, ostopus@r66.ru

КОНОПЧЕНКО Юлия Петровна — ассистент кафедры «Теория и история государства и права» юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, тел. (812) 297-69-76, konopchenko@mail.ru

КРАСАВИНА Ольга Игоревна — аспирант кафедры прикладной лингвистики факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, тел. (812) 297-78-18, oliakrasotochka@yandex.ru

КУЗИНА Ирина Юрьевна — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета.

664025, Иркутск, ул. Ленина, 8, ИГЛУ, тел. (3952) 24-32-32, metsib@mail.ru

МАРАСАНОВА Виктория Михайловна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой музеологии и краеведения, профессор ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

150000, Ярославль, ул. Советская, 14, vmm@umyqr.ac.ru

МАСЛОБОВА Ольга Дмитриевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21, тел. (812) 710-57-55, masloboeva.o@inbox.ru

МАТВЕЕВСКАЯ Анна Сергеевна — аспирант кафедры экономической географии факультета географии РГПУ им. А.И. Герцена.

191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, тел. (812) 570-04-93, AnnaPogodina84@mail.ru

НАРЫШКИНА-ПРОКУДИНА-ГОРСКАЯ Наталья Андреевна — доктор искусствоведения, действительный член Академии гуманитарных наук и Академии истории культуры, профессор Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, narnatali@yandex.ru

ОБОТУРОВА Наталья Сергеевна — доцент, кандидат философских наук, декан психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России.

160000, Вологда, ул. Щетинина, 2а, тел. (8172) 51-44-94, oboturova@inbox.ru

ОДИНЦОВ Антон Николаевич — аспирант кафедры философии Вологодского государственного педагогического университета.

160035, Вологда, ул. С. Орлова, 6, kalavabanga@gmail.com

ОФИЦЕРОВА Наталья Владимировна — ассистент кафедры истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, тел. (812) 552-96-91, oficernv@mail.ru

ПЕЧИНСКАЯ Лариса Игоревна — старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, соискатель степени кандидата филологических наук.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, тел. (812) 297-78-18.

ПОЗДНЯКОВА Ксения Сергеевна — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного университета.

308015, Белгород, ул. Победы, 85,
тел. (4722) 30-18-21, 30-18-20,
Pozdniakova_k@mail.ru

ПОНОМАРЕНКО Анатолий Васильевич — доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданского и международного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-69-76,
deanery@jurist.spbstu.ru

ПОПОВА Нина Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, заместитель декана факультета иностранных языков по учебно-методической работе.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-96-43,
ninasvaspo@mail.ru

ПОРШНЕВА Елена Геннадьевна — аспирант кафедры «Управление и защита в чрезвычайных ситуациях» факультета комплексной безопасности, преподаватель военной кафедры военно-воздушных сил факультета военного обучения Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-58-98,
a_porshneva@mail.ru

ПРОСКУРИНА Алла Владимировна — доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Псковского государственного политехнического института.

180000, Псков, ул. Льва Толстого, 4,
тел. (8112) 73-88-04,
prosaav00@yandex.ru

ПРОТАСЕНКО Ирина Николаевна — кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5,
тел. (812) 328-94-21, доб. 1848,
irina.protasenko@mail.ru

ПУЗАНОВА Наталья Александровна — доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, докторант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

196186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48,
тел. (812) 312-36-84,
Natali-puzanova@yandex.ru

ПЫЛИН Владимир Васильевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-69-76,
vpylin@mail.ru

ПЫЛИН Сергей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-69-76.

РУДИНСКИЙ Александр Вадимович — соискатель степени кандидата политических наук на кафедры международных отношений в Институте международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 534-10-06,
alerud@yandex.ru

СЕМЕНОВА Кристина Андреевна — аспирант, ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-69-76/

СЛЕСАРЕВ Юрий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, член-корреспондент МАНЭБ, доцент кафедры истории и права Пензенской государственной технологической академии.

440605, Пенза, пр-д Байдукова, 1а,
тел. (6412) 49-99-78,
lisso08@rambler.ru

СМИРНОВА Ольга Алексеевна — доцент, кандидат исторических наук, профессор кафедры педагогики, социально-экономических и гуманитарных дисциплин Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей.

460000, Оренбург, ул. Ленинская, 27,
oasmirnoff@rambler.ru

СНЕТКОВ Виталий Николаевич — профессор, доктор политических наук, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-69-76,
deanery@jurist.spbstu.ru

СТЕПАНОВА Мария Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-97-84,
info@terralinguistica.ru

СТЕПАНОВА Наталья Сергеевна — старший преподаватель английского языка, аспирантка кафедры прикладной лингвистики факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-78-18,
natali_serg@mail.ru

ТЕБРЯЕВ Александр Александрович — доцент, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой «Гражданское и международное право» юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-69-76,
tebr@list.ru

ТУМИНСКАЯ Ольга Анатольевна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного Русского музея.

Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4,
тел. (812) 595-42-41,
touminskaya@mail.ru

ФОМИНА Наталия Александровна — аспирант, ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-69-76,
fominanatasha20@rambler.ru

ФОМИЧЕВ Александр Васильевич — кандидат исторических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-69-76.

ФОМИЧЕВА Людмила Семеновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 552-96-91.

ШАКУРОВ Андрей Алексеевич — аспирант кафедры русского языка гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-59-95,
shakurov_86@mail.ru

ШЕСТАКОВА Антонина Юрьевна — аспирант кафедры русского языка гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
тел. (812) 297-59-95
antonina_84@mail.ru

АННОТАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Снетков В.Н., Пономаренко А.В. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Рассмотрены две проблемы развития информационного общества в России: подготовка специалистов в сфере информационного права и создание законодательной базы информационного общества.

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО. ПРАВОВАЯ ИНФОРМАТИКА. ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Проскурина А.В. К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ТЕОРИЙ

Представлен анализ различных трактовок модернизации, сложившихся в отечественной науке и философии, что дает возможность обозначить сложности и перспективы формирования концепции модернизации современного российского общества.

МОДЕРНИЗАЦИЯ. «РЕФЛЕКСИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ». ОРГАНИЧЕСКАЯ И НЕОРГАНИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ. СПЛОШНАЯ И ЧАСТИЧНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ.

Рудинский А.В. ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛЬНЫХ СТРАН В БОРЬБЕ ЗА ЭНЕРГОРЕСУРСЫ В XXI ВЕКЕ

Многие политологи называют XXI век эпохой борьбы за мировые энергоресурсы. Особое внимание в статье уделено влиянию нейтральных государств на международные политические решения и процессы в XXI веке. В ней освещаются такие вопросы, как: борьба США и России за мировые запасы нефти и газа, их соперничество в сфере строительства газопроводов, а также роль Швеции в энергетической войне США и России.

НЕЙТРАЛИТЕТ. НЕФТЯНЫЕ И ГАЗОВЫЕ ВОЙНЫ. ГАЗОВАЯ ОПЕК. ЮЖНЫЙ ПОТОК. СЕВЕРНЫЙ ПОТОК. НАБУККО. ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛИТЕТА. СЕТЕЦЕНТРИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ.

Матвеевская А.С. СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА: ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ

Проведен анализ влияния иммиграционных процессов на экономическую и социальную жизнь стран Северной Европы. Рассмотрены общеевропейские особенности миграционных процессов и особенности, свойственные региону и каждой стране в отдельности. Охарактеризованы системы сбора данных по миграции населения в странах региона. Оценена эффективность принятых Северными странами программ, нацеленных на интеграцию иностранцев.

ИММИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, СИСТЕМЫ СБОРА ДАННЫХ ПО МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ, ПРОГРАММЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ.

Протасенко И.Н. СОВРЕМЕННЫЙ БОНАПАРТИЗМ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ ЭКОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье анализируется проблематика системной экологии общественно-политических трансформаций, связанных с ролью и социально-политической практикой властной элиты в контексте генезиса бонапартизма. Особое внимание обращено на запаздывающий характер развития социальной среды по отношению к темпу политических изменений и динамики, господствующих в социуме ментальных паттернов. Поливалентность современного бонапартизма обуславливает неоднозначность нового формата элитного консенсуса, структуры социума и развития социальной среды.

БОНАПАРТИЗМ. ЭЛИТА. АТОМИЗАЦИЯ И МАССИФИКАЦИЯ. СИСТЕМНАЯ ЭКОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ. КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СРЕД. СОЦИАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО. СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И СТАБИЛИЗАЦИЯ.

Тебряев А.А., Конопченко Ю.П. ИНТЕРЕС И СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Проведен анализ подходов к вопросу о соотношении понятий «интерес» и «субъективное право». Рассмотрен вопрос о возможности включения интереса в содержание субъективного права. Раскрыты подходы к определению понятия «интерес».

ИНТЕРЕС. ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС. СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО. ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО. НОРМА ПРАВА.

Кирсанова Н.Б. ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ БЕНЕДИКТА СПИНОЗЫ

Рассмотрена философско-правовая природа понятия «естественное право» в теории государства и права. Проведен анализ особенностей естественно-правовой теории Б. Спинозы в его философских трудах «Богословско-политический трактат» и «Политический трактат».

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО. ПОЗИТИВНОЕ ПРАВО. ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ. ПРАВО. ЗАКОН. ГОСУДАРСТВО. ОБЩЕСТВО. ЧЕЛОВЕК.

Снетков В.Н., Фомина Н.А. КЛАССИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ФЕДЕРАЦИЙ

Рассмотрена классификация моделей федераций по различным критериям: правовому положению составных частей, принципу образования, порядку разграничения полномочий, виду нормативно-правового акта, учредившего федерацию, и типу взаимодействия центральной и региональной властей.

ФЕДЕРАЦИЯ. ДОГОВОР. КОНСТИТУЦИЯ. КЛАССИФИКАЦИЯ. СУБСИДИАРНОСТЬ.

Пылин В.В. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Раскрыты правовые основы, некоторые проблемы и пути их минимизации в сфере участия населения и граждан в нормотворческой деятельности органов местного самоуправления.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ. ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ. ПРАВОВОТВОРЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА. ПУБЛИЧНЫЕ СЛУШАНИЯ. ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА.

Фомичев А.В., Фомичева Л.С. ЛОББИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И МОДЕЛИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Лоббизм – политико-правовое явление, играющее заметную роль в механизме выработки и принятия государственных решений. В статье проанализированы понятие и модели правового регулирования лоббистской деятельности на примере США и Германии.

ЛОББИЗМ. ЛОББИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. СИСТЕМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Тебряев А.А. ЮРИДИЧЕСКИЙ СОСТАВ – ОСНОВАНИЕ ПРАВОПРЕЕМСТВА

В статье проводится анализ совокупности юридических фактов – юридического состава как основания правопреемства.

ЮРИДИЧЕСКИЙ СОСТАВ. ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ. ПРАВОПРЕЕМСТВО. СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО. ПРАВООТНОШЕНИЕ.

Пылин С.В. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ЗАЯВЛЕНИЙ И ЖАЛОБ ГРАЖДАН

Проанализированы правовое обеспечение порядка рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, некоторые проблемы в данной сфере правоотношений и пути их устранения.

ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН. ЛИЧНЫЙ ПРИЕМ ГРАЖДАН. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ. ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ. ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА.

Слесарев Ю.В., Козлов В.Н. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье с позиции компетентностного подхода рассматривается проблема формирования социальной компетентности выпускника в уровневой системе высшего профессионального образования.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД. СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ. ПРИНЦИПЫ И КОМПОНЕНТЫ КОМПЕТЕНЦИЙ.

Степанова Н.С. РОЛЬ ПРОФОРИЕНТИРОВАННОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ФИЗИКОВ

Рассмотрены вопросы методики курса обучения профориентированному иностранному языку в неязыковом вузе. Особое внимание уделено проблеме формирования коммуникативной компетенции студентов-физиков. Определены задачи данного курса и способы их решения с помощью создания методического

комплекса с учетом достижений в области методики обучения иностранным языкам, педагогики и смежных дисциплин.

ПРООРИЕНТИРОВАННЫЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК. КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ. МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ.

Печинская Л.И. ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РАМКАХ КУРСА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Статья посвящена проблеме формирования иноязычной информационной компетенции студентов неязыковых вузов с использованием интернет-технологий. Дано определение иноязычной информационной компетенции, подробно рассмотрена ее структура. Статья ориентирована на аспирантов и преподавателей высшей профессиональной школы; данные теоретического исследования и эксперимента могут использоваться в их практической деятельности.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ. ИНОЯЗЫЧНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ. ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА. ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ. ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ.

Аносова Н.Э. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ МАГИСТРОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Статья посвящена анализу содержания профессиональной компетентности магистров в техническом вузе. Особое внимание уделено переводческим компетенциям как одному из основных компонентов содержания профессиональной иноязычной компетентности магистров. Рассматриваются типичные трудности англо-русского научно-технического перевода.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ МАГИСТРОВ. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД. ПЕРЕВОДНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА.

Шакуров А.А. ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Проанализированы понятия «инновация», «новация» и «реформа». Рассмотрены основные составляющие инновационного процесса в системе современного высшего образования. Выявлены перспективы внедрения и развития инновационных технологий в образовании, предлагается свое видение инноваций в образовании.

ИННОВАЦИИ. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ТЕХНОЛОГИЯ. МОДЕРНИЗАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО.

Кадри С.В. ОБУЧАЮЩЕ-КОНТРОЛИРУЮЩАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОГРАММА КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

Рассмотрена компьютерная технология в виде авторской разработки и внедрения в процесс обучения иностранному языку обучающе-контролирующей компьютерной программы (ОККП) как фактора интенсификации процесса обучения профессионально ориентированному французскому языку в техническом вузе, способствующая формированию иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического профиля.

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК. КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ. КОМПЬЮТЕРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ. КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОГРАММА.

Попова Н.В. ДИДАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВУЗОВСКОГО УЧЕБНИКА ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С УЧЕТОМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ

Описаны этапы моделирования междисциплинарного профессионально ориентированного учебника по иностранному языку: определение его места в современном образовательном пространстве, обзор используемых электронных ресурсов в его составе и обоснование его обобщенной модели.

МОДЕЛИРОВАНИЕ. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ. КОМПЬЮТЕРНАЯ ОБУЧАЮЩАЯ СРЕДА. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ. КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД. ЛИНГВОКОМПЬЮТЕРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ.

Степанова М.М. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В МАГИСТРАТУРЕ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Обучение иностранным языкам в магистратуре неязыкового вуза ведется в рамках компетентностного подхода и предусматривает использование современных информационных технологий, применение которых способствует более эффективной организации самостоятельной работы по иностранному языку и обеспечивает формирование общих и профессиональных компетенций.

КОМПЕТЕНЦИЯ. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. НЕЯЗЫКОВАЯ МАГИСТРАТУРА. ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ УЧЕБНИК. САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА.

Красавина О.И., Ветрова О.Г. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Дан обзор новых подходов в работе над переводом научно-технических текстов, рассмотрена специфика перевода специальной лексики, в том числе терминологии и безэквивалентной лексики.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД. СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА. ТЕРМИНОЛОГИЯ. БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА. АДАПТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ. ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ.

Поршнева Е. Г. ДИСТАНЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА НА ВОЕННЫХ КАФЕДРАХ В ГРАЖДАНСКИХ ВУЗАХ: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД

Рассмотрено использование дистанционных образовательных технологий в качестве поддержки традиционного обучения студентов на военных кафедрах в гражданских вузах с позиций компетентностного подхода.

ДИСТАНЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. МОДУЛЬ. БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВАЯ СИСТЕМА. КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД. ВОЕННАЯ КАФЕДРА.

Домяк В. И. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ЛОЯЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА

Проводится анализ некоторых психометрических характеристик четырех самооценочных методик, предназначенных для измерения организационной лояльности – Опросника организационной лояльности (Organizational Commitment Questionnaire) Л. Портера и др., Шкалы организационной лояльности (Organizational Commitment Scale) Д. Мейера и Н. Аллен, методики измерения лояльности Л.Г. Почебут и О.В. Королевой и методики «Пословицы» Е.С. Выговской. Сделаны выводы о применимости методик для измерения организационной лояльности.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ. ПРИВЕРЖЕННОСТЬ. ИЗМЕРЕНИЕ, ОПРОСНИК. НАДЕЖНОСТЬ. ВАЛИДНОСТЬ.

Казанков В. В., Гуменюк О. В. ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ КАК СИСТЕМНОЕ ОСНОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Рассмотрены понятия психологической устойчивости, принятия решения, функции полезности принятия решения, оценки. Проанализированы существующие модели и методы принятия решения. Представлен алгоритм принятия решения, раскрывающий принятие решения как системное коммуникативно-интеллектуальное основание психологической устойчивости.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ. ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ. ЛИЦО, ПРИНИМАЮЩЕЕ РЕШЕНИЯ.

Казанков В. В., Гуменюк О. В. АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА МЧС РОССИИ, ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА

Проанализированы современные условия окружающей среды, в которой работает специалист. Даны определения биологического, психического и социального уровней психологической устойчивости и рассмотрены возможные сбои в их работоспособности. Представлена разработанность феномена «устойчивости». Рассмотрены понятие «психологическая устойчивость» и ее основные характеристики. Представлено понятие безопасности в контексте психологической устойчивости.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ. БЕЗОПАСНОСТЬ. БЕЗОПАСНОСТЬ ТРУДА. РЕЗЕРВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ. ИНФОРМАЦИЯ.

Дегтярева Р. В. ОТ МАНИФЕСТА 1861 ГОДА К ДЕКРЕТУ 1917 ГОДА

В статье проанализирован основной документ, касающийся отмены крепостного права в России – утвержденное Александром II «Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», решение аграрного вопроса по реформе 1861 года и его взаимосвязь с Декретом о земле 1917 года.

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО. РЕФОРМА. ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ. ДЕКРЕТ.

Маслобоева О. Д. РОЛЬ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье раскрывается диалектика субъективного и объективного факторов как продуктивное методологическое основание философии истории, которое позволяет исследовать процессы модернизации современного общества. Преодоление экономического кризиса способствует эволюции экономической теории в философию хозяйства и необходимости учета национального менталитета, проявляющегося в возрастании роли субъективного фактора.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР. ОБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР. ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА. МОДЕРНИЗАЦИЯ.

Смирнова О. А. «ДУХ КАПИТАЛИЗМА» В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье поставлен вопрос о необходимости исследования общественных настроений, сложившихся в России в XIX в. по отношению к реалиям экономической цивилизации, ассоциируемым с ростом индустриального производства и предпринимательской деятельности. Автор указывает, что наряду с антибуржуазностью в российском обществе отчетливо прослеживалась и лояльная настроенность к капиталистической системе отношений. В предлагаемой статье осуществлен обзор процесса становления и функционирования «духа капитализма» в общественном настроении в России в первой половине XIX в.

ОБЩЕСТВЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ. «ДУХ КАПИТАЛИЗМА». КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО. МОДЕРНИЗАЦИЯ.

Офицерова Н.В. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЗАВОДСКОГО СООБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В 1920-Х ГОДАХ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЯ

Проанализированы информационные документы об отношениях власти и заводского сообщества, особенностях политического контроля в заводском пространстве на основе методов истории повседневности и новой политической истории. Используются новые архивные материалы о различных проблемах промышленной повседневности.

ЗАВОДСКОЕ СООБЩЕСТВО. ВЛАСТЬ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ. ИНФОРМАЦИОННЫЕ КАНАЛЫ. ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ.

Семенова К.А. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРАВ РОССИИ В АРКТИКЕ

Исследуется исторический опыт России по закреплению ее территориальных прав в Арктике. На основе результатов анализа особенностей этого процесса в царской России и Советском Союзе даны рекомендации относительно современной российской политики по закреплению и подтверждению прав России на арктическую территорию.

АРКТИКА. СЕВЕР. СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРАВА. СУВЕРЕНИТЕТ. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ.

Рудинский А.В. ПРОБЛЕМА НЕЙТРАЛИТЕТА И ШВЕДСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

В статье рассматривается проблема шведского нейтралитета и вступления страны в НАТО путем анализа программ, заявлений и стратегий основных политических партий Швеции.

НЕЙТРАЛИТЕТ. НАТО. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ. НЕЙТРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. ПАРТИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ. УМЕРЕННАЯ КОАЛИЦИОННАЯ ПАРТИЯ.

Матвеевская А.С. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИММИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ

Выделены и охарактеризованы этапы миграционной истории Швеции. Оценена успешность шведской миграционной политики. Рассмотрены шведские законы, регулирующие отношения государства и переселенцев, а также деятельность министерства по вопросам интеграции иммигрантов. Анализируется национальная структура мигрантов в Швеции.

МИГРАЦИОННАЯ ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА. НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА МИГРАНТОВ.

Колесников Д.Е. ФЕННОМАНИЯ КАК СИСТЕМА ВЗГЛЯДОВ Й.В. СНЕЛЬМАНА

Статья раскрывает сущность учения выдающегося финского мыслителя, сыгравшего заметную роль в пробуждении национального самосознания финнов. На основе российской и финской исторической литературы автор выделяет и характеризует ключевые этапы деятельности основоположника фенномании, а также описывает начинания ученого, направленные на становление гласности в финляндской автономии.

ФЕННОМАНИЯ. ГЕГЕЛЬЯНСТВО. ЦЕНзуРА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. ЛИБЕРАЛИЗМ. ГЛАСНОСТЬ. НАЦИЯ. НАЦИОНАЛЬНОСТЬ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДУХ. НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ.

Ганапольская Е.В. НЕОЛОГИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Рассмотрены теоретические вопросы, связанные с определением понятия «неология» в русском языкознании, показана актуальность введения и определения этого понятия для изучения фразеологической подсистемы русского языка на современном этапе. На основе обзора и анализа основных существующих точек зрения на эту проблему дано определение инновации, которое может быть распространено и на фразеологические единицы. Показана разница между понятиями фразеологическая инновация и фразеологический неологизм.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ НЕОЛОГИЯ. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОЛОГИЯ. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА. ИННОВАЦИЯ. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИННОВАЦИЯ. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ НЕОЛОГИЗМ

Пузанова Н.А. К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ СИСТЕМНОГО ЗНАЧЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ-СИНОНИМОВ

Статья посвящена выявлению когнитивных механизмов формирования и актуализации лексической многозначности. Частная цель состоит в поиске лексического прототипа, очерчивающего «границу» системных значений многозначных глаголов «to tremble» и «to shake», что позволит объяснить семантическую дифференциацию синонимов в системе языка (на примере двух глаголов синонимического ряда) и определить границы слова.

Специфика глагола заключается в том, что он имеет одно системное значение, одно общее содержание, а смысл высказывания складывается из суммы значений его компонентов.

БЛИЖАЙШИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПРОТОТИП. ДАЛЬНЕЙШИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПРОТОТИП. СИСТЕМА ЯЗЫКА. СИСТЕМНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА. ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА.

Кузина И. Ю. О ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Развивается тезис о параметрическом статусе дискурса. Проанализированы и систематизированы различные подходы современных дискурсологов к параметризации дискурса. Выделены характеристики дискурса, детерминирующие успешный ход параметризации и обеспечивающие эффективность коммуникации.

ДИСКУРС. ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ. ПАРАМЕТР. ИЗМЕРЕНИЕ. КОММУНИКАЦИЯ.

Шестакова А. Ю. ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОГО И ЯЗЫКОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПРИГОВОРОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье приведен анализ приговоров уголовного судопроизводства на соответствие структурным требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Рассмотрены встречающиеся языковые ошибки в данных процессуальных актах. Показана актуальность создания учебного курса, направленного на формирование навыков профессиональной коммуникации юристов.

ПРИГОВОР. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ. СТРУКТУРА ПРИГОВОРА. ЯЗЫКОВЫЕ ОШИБКИ. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ.

Иваненко А. И. ХАОС И РЕВОЛЮЦИЯ (ПРОЛЕГОМЭНЫ К ОНТОЛОГИИ РЕВОЛЮЦИИ)

Предпринята попытка осмыслить феномен революции с позиций теорий хаоса. Рассмотрено отношение между социальным хаосом и революцией, выявлены идеальные и экзистенциальные аспекты в революции.

АТТРАКТОР. БИФУРКАЦИЯ. РЕВОЛЮЦИЯ. СИНЕРГЕТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. ХАОС.

Одинцов А. Н. СООТНОШЕНИЕ ЗНАНИЯ И ИНФОРМАЦИИ В ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

Рассмотрены вопросы соотношения знания и информации в естественном и искусственном интеллекте. Изложены классические и нетрадиционные понимание проблемы. Автор рассматривает модель знания как реализацию концепции субъективной реальности Д.И. Дубровского.

ЗНАНИЕ. ИНФОРМАЦИЯ. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. ЕСТЕСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. МОДЕЛИРОВАНИЕ. СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. СЕТЕВОЙ ПОДХОД. КОННЕКЦИОНИЗМ. САМООРГАНИЗУЮЩИЕСЯ СИСТЕМЫ. ГИПЕРТЕКСТ. ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИНФОРМАЦИИ.

Коломейцев И. В. ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена историко-философскому обоснованию средового подхода в современной социологии, который акцентирует ценностный механизм социокультурной регуляции общественной системы. Эффективность социального управления связывается с контролем стабильного функционирования общественной системы. В качестве принципов эффективного социального управления рассмотрены принцип добродетели и принцип естественного права, выделенные в разные эпохи философской мыслью.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. ЭФФЕКТИВНОСТЬ. ДОБРОДЕТЕЛЬ. ЦЕННОСТИ. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО. ЛИБЕРАЛИЗМ. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА.

Оботурова Н. С. ЭВАЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ ИДЕАЛЬНОГО

Автор анализирует понимание природы и сущности идеи в феноменологии Э. Гуссерля, показывает значение феноменологической трактовки идеи для разработки нетрадиционных подходов к исследованию проблем эпистемологии и философии науки.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ. ИДЕАЛЬНОЕ. СОЗНАНИЕ. ПОЗНАНИЕ. ИДЕЯ. «ЖИЗНЕННЫЙ МИР».

Гончарко Д. Н. ПОНЯТИЕ ДАРА В РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ МОДЕЛИ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена сопоставлению современных трактовок культуры, понимаемой как процесс обмена даров. В статье обсуждается возможность перехода от репрезентативной к нерепрезентативной модели культуры.

КУЛЬТУРА. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ. ВРЕМЯ. ЧЕЛОВЕК. ИСТОРИЯ. ЭТИКА.

Позднякова К. С. ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ П.А. ВЯЗЕМСКОГО

Статья представляет собой обзор литературно-эстетических позиций раннего П.А. Вяземского. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью этого вопроса, так как в последнее время резко возрос читательский интерес к развитию литературно-критической мысли XIX века.

РОМАНТИЗМ. КРИТИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖАНРЫ.

Туминская О.А. К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИКОНОГРАФИИ ОБРАЗА ЮРОДИВОГО ВО ХРИСТЕ

В статье, построенной на материалах агиографических источников и текстов иконописных подлинников, поднимается вопрос об истории формирования иконографии образа святого православного юродивого и впервые исследуется визуальный образ юродивых Христа ради в древнерусской иконографии, создаваемый на основе копирования канонических образцов по иконописным подлинникам с выделением черт, необходимых для изображения этого вида святости.

ЮРОДИВЫЙ. ИКОНОГРАФИЯ. ОБРАЗ ЮРОДИВОГО НА ИКОНЕ. БЛАЖЕННЫЙ. ПРЕПОДОБНЫЙ. ХРИСТИАНСКИЙ ПОДВИЖНИК.

Коновалова Т.А. МОДЕЛИ ТЕКСТОВ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ СООРУЖЕНИЙ

В статье описываются модели текстов древних и современных архитектурных сооружений. Цель статьи – рассмотреть модели архитектурных текстов с точки зрения исследовательских подходов: историко-архитектурного, мифологического, семиотического и лингвистического. Используются работы исследователей по архитектуре, истории, мифологии, семиотике, лингвистике.

ТЕКСТ И АРХИТЕКТУРА. МОДЕЛЬ АРХИТЕКТУРНОГО ТЕКСТА. ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ ПОДХОД. МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД. СЕМИОТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ. АРХИТЕКТУРНЫЙ ДИСКУРС.

ABSTRACTS

KEYWORDS

Snetkov V.N., Ponomarenko A.V. DEVELOPMENT PROBLEMS OF THE INFORMATION SOCIETY

In article two problems of development of an information society in Russia are considered. The first is a preparation of experts in sphere of the information right, the second – creation of legislative base of an information society.

INFORMATION. INFORMATION SOCIETY. INFORMATION RIGHT. LEGAL COMPUTER SCIENCE. THE ELECTRONIC GOVERNMENT.

Proskurina A.V. FOR THE QUESTION OF GENESIS OF THE THEORIES OF MODERNIZATION

The article contains the analysis of the different treatments of the modernization, which exist in the science and philosophy of our country. It is allowed to show complications and perspectives of modern Russian society.

MODERNIZATION. «REFLEXION OF MODERNIZATION». ORGANIC AND INORGANIC MODERNIZATION. COMPLETE AND PARTIAL MODERNIZATION. ECOLOGICAL MODERNIZATION.

Rudinskiy A.V. POLITICS OF NEUTRAL COUNTRIES IN THE STRUGGLE FOR ENERGY RESOURCES IN THE XXI CENTURY

Many political analysts call the twenty-first century the era of the struggle for global energy. Particular attention is paid to the influence of neutral countries in international political decisions and processes in the twenty-first century. The article covers such issues as: fighting of the the USA and Russia for the world's oil and gas, their rivalry in the construction of gas pipelines, as well as the role of Sweden in the energy war between the USA and Russia.

NEUTRALITY. OIL AND GAS WARS. GAS OPEC. SOUTH STREAM. NORD STREAM. NABUCCO. THE POLICY OF NEUTRALITY. NETWORK-CENTRIC WAR.

Matveevskaya A.S. NORTHERN EUROPE: INTERREGIONAL CHARACTER OF THE IMMIGRATION'S INTEGRATION

Carry out an analysis of the impact of immigration processes in the economic and social the Nordic countries' life. In the countries studied appear as the pan-European features of migration processes, and specific to the region and each country separately. The analysis of features in the functioning of systems to collect data on migration in countries of the region. Evaluate the effectiveness of the northern countries of Europe programs aimed at the integration of foreigners into their society.

IMMIGRATION PROCESSES. DATA COLLECTION SYSTEMS ON MIGRATIONS. SOFTWARE INTEGRATION OF FOREIGNERS.

Protasenko I.N. MODERN BONAPARTISM IN THE CONTEXT OF SYSTEMATIC ECOLOGY OF SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATIONS

The article is devoted to the analysis of the issue of system ecology of the political transformations connected with the role and sociopolitical practice of the power elite in the context of Bonapartism genesis. Emphasis has been made on the characteristic late development of the social environment in relation to the rate of political changes and the dynamics of mental patterns dominating in society. The polyvalency of modern Bonapartism determines the ambiguity of a new format of the elite consensus, the structure of society and development of the social environment.

BONAPARTISM. ELITE. ATOMIZATION AND MASSIFICATION. SYSTEM ECOLOGY OF POLITICAL CHANGES. SOCIAL MANAGEMENT. SOCIAL MODERNIZATION AND STABILIZATION. DESIGNING OF SOCIOPOLITICAL ENVIRONMENTS.

Tebryaev A.A., Konopchenko J.P. INTEREST AND LEGAL RIGHT: CORRELATION PROBLEMS

The article embodies analysis of approach to «interest» and «legal right» notions correlation. It covers examination of possibility of interest inclusion in the legal right content. Approaches to the «interest» definition are also thoroughly investigated.

INTEREST. LEGAL INTEREST. LEGAL RIGHT. LEGAL MEANS. RULE OF LAW.

Kirsanova N.B. THE NATURAL-LAWFUL THEORY OF BENEDICT SPINOZA

The article is the study of philosophical- lawful nature of concept «natural right» in the theory of state and right. In the article is carried out the analysis of the special features of the natural-lawful theory of Benedict Spinoza in his philosophical works «Theological political treatise» and «Political treatise».

LAW OF NATURE. POSITIVE RIGHT. PHILOSOPHICAL STUDY. RIGHT. LAW. STATE. SOCIETY. MAN.

Snetkov V.N., Fomina N.A. CLASSIFICATION OF CONTEMPORARY MODELS OF FEDERAL STATES

This article is dedicated to the classification of federal states. The basis of the classification are such criteria as the legal status of component parts, the principle of education, the order of separation of powers, the type of legislative act establishing the federation, and the type of interaction between central and regional authorities.

FEDERATION. TREATY. CONSTITUTION. CLASSIFY. SUBSIDIZEN.

Pylin V.V. LEGAL BASES OF PARTICIPATION OF CITIZENS IN RULEMAKING OF LOCAL GOVERNMENT BODIES

In the clause the legal bases, some problems and ways of their minimization in sphere of participation of the population and citizens in rulemaking activity of local government bodies reveal.

MUNICIPAL LEGAL ACTS. LOCAL GOVERNMENT BODIES. LAW-MAKING INITIATIVE. PUBLIC HEARINGS. PUBLIC CHAMBER.

Fomichev A.V., Fomicheva L.S. LOBBYING ACTIVITY: CONCEPT AND REPRESENTATION SYSTEM OF LEGAL REGULATION

Lobbyism is a legal phenomenon that plays a significant role in mechanism of state decisions development. The conception and models of lobbying activity legal regulation has been analyzed on the basis of USA and Germany.

LOBBYISM. LOBBYING ACTIVITY. REPRESENTATION SYSTEM. CIVIL SOCIETY.

Tebriaev A.A. LEGAL COMPOSITION AS A BASE OF SUCCESSION

In article is conducted analysis to collection legal fact – a legal composition as basis succession.

LEGAL COMPOSITION. LEGAL FACT. SUCCESSION. SUBJECTIVE RIGHT. ATTITUDE RIGHT.

Pylin S.V. PROBLEMS OF LEGAL PROVISION OF THE ORDER OF CONSIDERATION OF OFFERS, STATEMENTS AND COMPLAINTS OF CITIZENS

In article legal maintenance of an order of consideration of offers, statements and complaints of the citizens, some problems in the given sphere of legal relationship and a way of their elimination reveals.

CIRCULATIONS OF CITIZENS. PERSONAL ENROLLMENT OF CITIZENS. STATE STRUCTURES. LOCAL GOVERNMENT BODIES. THE RIGHTS AND FREEDOM OF THE PERSON.

Slessarev Yu.V., Kozlov V.N. FORMATION AND DEVELOPMENT OF GENERAL PROFESSIONAL AND SOCIAL COMPETENCES IN THE SYSTEM OF HIGHER VOCATIONAL EDUCATION

In this article the problem of the formation of social awareness of an undergraduate on the basis of the awareness approach in the grade system of higher vocational education is under discussion.

AWARENESS APPROACH. SOCIAL AWARENESS. VOCATIONAL AND SOCIAL COMPETENCES. PRINCIPALS AND COMPONENTS OF COMPETENCES.

Stepanova N.S. THE ROLE OF FOREIGN LANGUAGE FOR SPECIFIC PURPOSES IN THE FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF PHYSICAL STUDENTS

This article is devoted to the problems of study approach of language for specific purposes in the technical university. The problem of physical students communicative competence formation is of special attention. The tasks of this approach have been defined, and it has been given the way of their solution with the help of special methodological system taking into account the achievements in the field of foreign language teaching, pedagogy and interdisciplinary sciences.

FOREIGN LANGUAGE FOR SPECIFIC PURPOSES. COMMUNICATIVE COMPETENCE. FOREIGN LANGUAGE TEACHING.

Pechinskaya L.I. FORMING THE FOREIGN LANGUAGE INFORMATION COMPETENCE IN FOREIGN LANGUAGE COURSE AT HIGHER PROFESSIONAL SCHOOLS

The article is devoted to the problem of the forming of the foreign language information competence in Foreign Language course at higher professional schools using Internet technologies. It focuses on the definition and the structure of the competence.

The paper highlights the ways and tools to form it. The target audience is teachers of higher professional schools who will be able to apply the research to their practice.

INFORMATION COMPETENCE. FOREIGN LANGUAGE INFORMATION COMPETENCE. INFORMATION CULTURE. INTERNET RESOURCES. INTERNET TECHNOLOGIES.

Anosova N.E. TRANSLATING COMPETENCE OF MASTER STUDENTS AT TECHNICAL UNIVERSITY

The article deals with the analysis of professional competence of master students at technical university. Translating competencies are considered to be the main constituents of professional second language competence. The article also discusses typical difficulties of English-Russian scientific translation.

PROFESSIONAL COMPETENCE. MASTER STUDENTS. TRANSLATING COMPETENCIES. SCIENCE AND TECHNOLOGY TRANSLATION. TRANSLATION EQUIVALENTS. SPECIFIC VOCABULARY.

Shakurov A.A. INNOVATIVE PROCESSES IN MODERN HIGHER EDUCATION

The article analyzes the concepts such as innovation, novation and reform, the basic components of the innovation process in the system of modern higher education. Identified prospects of implementation and development of innovative technologies in education.

INNOVATION. HIGHER EDUCATION. TECHNOLOGY. MODERNIZATION. STATE.

Kadi S.V. TRAINING AND CONTROLLING COMPUTER PROGRAM AS A MEANS OF INTENSIFICATION FOREIGN LANGUAGE TEACHING

In this paper analyzed educational technology. The author develops and successfully introduces the new computer program into process of studying of the French language. The pedagogical information technology can make positive impact on functional studying of a foreign language by students of a Polytechnic University and positive impact on professional competence.

FOREIGN LANGUAGE. COMMUNICATIVE COMPETENCE. INFORMATION TECHNOLOGY. COMPUTER PROGRAM.

Popova N.V. DIDACTIC MODELING OF FOREIGN LANGUAGE HIGHER SCHOOL TEXTBOOK DRAWING ON INTERDISCIPLINARY LINKS

The article describes modeling stages of interdisciplinary professionally-oriented foreign language textbook: determination of its position in modern educational medium, review of electronic resources used in its structure and substantiation of its general model.

MODELING. INTERDISCIPLINARY LINKS. COMPUTER TEACHING MEDIUM. ELECTRONIC RESOURCES. COMPETENCE APPROACH. COMPUTER USER COMPETENCE FOR LANGUAGE STUDY

Stepanova M.M. MODERN APPROACHES TO TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN NON-LINGUISTICS MA COURSE.

Teaching foreign languages in non-linguistic MA courses is based on the competence approach and it is impossible without using modern information technologies. The use of IT helps to make self-studying more effective and form general and professional competences.

COMPETENCE. INFORMATIONAL TECHNOLOGIES. NON-LINGUISTIC MA COURSES. PROFESSIONALLY-ORIENTED TEXTBOOK. SELF-STUDY.

Krasavina O.I., Vetrova O.G. PARTICULARITIES OF TERMS TRANSLATION IN SCI-TECH TEXTS

Translation of specific vocabulary is an integral part of the scientific and technical translation. This report contains a survey of the latest approaches to translation of scientific and technical texts, focuses on the particularities of terminology translation and the so-called «untranslatables».

SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION. SPECIFIC VOCABULARY. TERMINOLOGY. UNTRANSLATABLES. ADAPTIVE STRATEGY. PROTOTYPE STRATEGY.

Porshneva E.G. DISTANT EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN TRAINING OF RESERVE OFFICERS OF MILITARY SUB-FACULTIES IN CIVILIAN INSTITUTES OF HIGHER EDUCATION: COMPETENT APPROACH

The use of distant educational technologies for supporting traditional training of students of military sub-faculties in civilian institutes of higher education from the position of competent approach is examined in the article.

DISTANT EDUCATIONAL TECHNOLOGIES. MODULE. GRADE-RATING SYSTEM. COMPETENT APPROACH. MILITARY SUB-FACULTY.

Dominyak V.I. THE PSYCHOLOGICAL DIAGNOSTICS OF STAFF LOYALTY

The article analyzes some of the psychometric characteristics of four self-assessment techniques for measuring organizational commitment – the Organizational Commitment Questionnaire by L. Porter and others, the Organizational Commitment Scale

J.Meyer and N.Allen, loyalty measurement techniques by L.G.Pochebut and O.V.Koroleva and techniques «Proverbs» by E.S.Vygovskaya. The conclusions about the applicability of methods for measuring organizational loyalty.

ORGANIZATIONAL LOYALTY. COMMITMENT. MEASUREMENT. QUESTIONNAIRE. RELIABILITY. VALIDITY.

Kazankov V.V., Gumenyuk O.V. DECISION-MAKING AS SYSTEMIC BASIS OF PSYCHOLOGICAL STABILITY

In the article existing models and decision-making methods are analysed. The algorithm of decision-making opening decision-making as systemic basis of psychological stability.

PSYCHOLOGICAL STABILITY. DECISION-MAKING. MAKING DECISION PERSON.

Kazankov V.V., Gumenyuk O.V. THE ANALYSIS OF CORRELATION BETWEEN RUSSIAN FEDERATION EMERCOM SPECIALIST' LIFE, HIS PSYCHOLOGICAL STABILITY AND SAFETY OF WORK

In article modern conditions of environment in which are analysed the expert works. Main characteristics of psychological stability are selected. Definitions of biological, mental and social levels psychological stability are given. Possible failures in the working capacity of EMERCOM specialist are considered.

PSYCHOLOGICAL STABILITY. SAFETY. SAFETY OF WORK. RESERVE OF PSYCHOLOGICAL STABILITY. INFORMATION.

Degtyareva R.V. FROM THE MANIFEST 1861 TO THE DECREE 1917

There are analysis of the main paper on abolition of serfdom in Russia – «General situation of peasants, emerged from serfdom», approved by Alexander II, solution of the agrarian question of reform of 1861 and its relation with the Decree on Land of 1917.

SERFDOM. REFORM. LAND TENURE. DECREE.

Masloboeva O.D. THE ROLE OF THE SUBJECTIVE FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF NATIONAL ECONOMY

The article reveals the dialectic of subjective and objective factors such as productive methodological basis of philosophy of history which allows us to study the processes of modernization in modern society. Overcoming the economic crisis contributes to the evolution of economic theory in the philosophy of economy and the need to integrate the national mentality, which is manifested in the increasing role of the subjective factor.

SUBJECTIVE FACTOR. OBJECTIVE FACTOR. PHILOSOPHY OF ECONOMY. MODERNIZATION.

Smirnova O.A. «THE SPIRIT OF CAPITALISM» IN THE PUBLIC MOOD SYSTEM OF THE FIRST HALF OF XIX CENTURY RUSSIA

The article is devoted to the problem of the research necessity of public mood, that emerged in Russia in XIX century, concerning the economical civilization realities, that associate with the industrial production and business activity growth. The author mentions that together with anti-bourgeois moods in the Russian society there was a loyal attitude to the capitalist relations system. In the given article it is given the process of making and «the spirit of capitalism» functioning survey in the public mood of the first half of XIX century Russia.

PUBLIC MOOD. «THE SPIRIT OF CAPITALISM». CLASSICAL POLITICAL ECONOMY. INDUSTRIALIZATION. ECONOMICAL CIVILIZATION. BUSINESS ACTIVITY. MODERNIZATION.

Ofitserova N.V. INFORMATION DOCUMENTS ON RELATIONSHIPS INDUSTRIAL COMMUNITY AND AUTHORITIES PER 1920: PROBLEMS AND THEIR DECISIONS

The article is dedicated to the analysis of information documents on attitudes of authority and industrial community, features of the political control over industrial space on the basis of history of humdrum and new political history. In the article new archival materials about various problems of industrial daily occurrence are used.

INDUSTRIAL COMMUNITY. AUTHORITY. THE POLITICAL CONTROL. POLITICAL COMMUNICATIONS. INFORMATION CHANNELS. INDUSTRIAL DAILY OCCURRENCE.

Semenova K.A. HISTORICAL AND LEGAL EXPERIENCE IN STRENGTHENING OF RUSSIAN TERRITORIAL RIGHTS IN ARCTIC

In this article the research of historical experience in strengthening Russian territorial rights in Arctic is carried out. An author studies tendencies and features of this process in tsarist Russia, the Soviet Union and, on basis of this analysis, gives us definite recommendations in accordance to the present-day Russian policy of strengthening and confirmation in their own rights in the arctic territory.

ARCTIC. NORTH. NORTH POLE. TERRITORIAL RIGHTS. SOVEREIGNTY. LEGAL RIGIME.

Rudinskiy A.V. THE PROBLEM OF NEUTRALITY AND SWEDISH POLITICAL PARTIES

The paper addresses the problem of Swedish neutrality and joining NATO through the analysis of programs, applications and strategies of major political parties in Sweden.

NEUTRALITY. NATO. THE POLITICAL ELITE. POLITICAL PARTIES. A NEUTRAL POLICY. THE PARTY OF SOCIAL DEMOCRATS. MODERATE COALITION PARTY.

Matveevskaya A.S. GEOGRAPHICAL FEATURES OF IMMIGRATION IN CONTEMPORARY SWEDEN

Allocated and characterized the stages of migration in Swedish history. Evaluate the success of the migration policy in Sweden. Considered by the Swedish laws governing relations between the state and settlers, as well as the Ministry for the integration of immigrants' activities. Examines the national structure of migrants in Sweden. Explained the reasons for recent changes the dynamics of immigrants and emigrants.

MIGRATION HISTORY. POLITICS OF MULTICULTURALISM. ETHNIC STRUCTURE OF MIGRANTS.

Kolesnikov D.E. FENNOMANIA AS A SYSTEM OF J.V. SNELLMAN'S VIEWS

The article reveals the essence of the theory of the prominent Finnish philosopher who has played an important part in awakening of the national Finnish self-awareness. On the basis of Russian and Finnish historical literature the author defines and characterizes key stages of activities of the fennomania's founder as well as describes the scientist's initiatives aimed at forming the publicity of the Finland's autonomy.

FENNOMANIA. HEGELIANISM. CENSORSHIP. POLITICAL SAFETY. LIBERALISM. PUBLICITY. NATION. NATIONALITY. NATIONAL SPIRIT. NATIONAL SELF-AWARENESS.

Ganapolskaya E.V. NEOLOGY IN PHRASEOLOGY

The author of the article studies some theoretical problems connected with the definition of the term «neology» in Russian linguistics and shows the importance of its usage and strict definition for the purpose of Russian phraseology studying nowadays. The general definition of innovation is given on the base of the existing points of view survey and analysis. This definition may be also spread on the idioms. It is also shown in the article the difference between the terms «phraseological (idiomatic) innovation» and «praseological (idiomatic) neologism».

LEXICAL NEOLOGY. PHRASEOLOGICAL (IDIOMATIC) NEOLOGY. IDIOM. INNOVATION. PRASEOLOGICAL (IDIOMATIC) INNOVATION. PRASEOLOGICAL (IDIOMATIC) NEOLOGISM.

Puzanova N.A. A PROBLEM OF MODELING A SYSTEMIC MEANING OF THE ENGLISH VERBS-SYNONYMS

The paper is concerned with determination of nature and cognitive realization of lexical polysemy. A primary goal is to identify the lexical prototype of the verbs «to tremble» and «to shake» that will help to draw the boundaries of their systemic meaning. Our procedure accounts for semantic differentiation of lexical items in the language system. The verb appears to have one systemic meaning, or its semantic core. All senses of the verb in speech evolve from the lexical prototype.

IMMEDIATE LEXICAL PROTOTYPE. INVARIANT LEXICAL PROTOTYPE. LANGUAGE SYSTEM. SYSTEMATIC MEANING OF A WORD. PROTOTYPICAL SEMANTICS.

Kuzina I.Yu. ON DISCOURSE PARAMETERIZATION IN LINGUISTIC RESEARCHES

The paper deals with the idea of parametrical status of discourse. The author provides analysis of various approaches to discourse parameterization proposed by modern researchers. The author points out the characteristics of discourse that determine successful parameterization thus providing effective communication.

DISCOURSE. PARAMETERIZATION. PARAMETER. MEASURING. COMMUNICATION.

Shestakova A.U. PROBLEMS OF STRUCTURAL AND LANGUAGE LAY-OUT OF SENTENCES IN CRIMINAL COURT PROCEEDINGS

The article analyzes the sentences of criminal court proceedings according to the structural requirements of Criminal Code of Russia. It also deals with the language mistakes of written pleadings. The author discusses the necessity of the courses of professional communication for lawyers.

SENTENCE. WRITTEN PLEADINGS. STRUCTURE OF SENTENCE. LANGUAGE MISTAKES. PROFESSIONAL COMMUNICATION.

Ivanenko A.I. CHAOS AND REVOLUTION (INTRODUCTION TO THE ONTOLOGY OF REVOLUTION)

The article is devoted an interpretation the phenomenon of revolution on the base of theories of chaos. Author considers relation between social chaos and revolution, also he regards ideal and existentialist aspects.

ATTRACTOR. BIFURCATION. REVOLUTION. SYNERGETICS. SOCIAL REALITY. CHAOS.

Odintsov A.N. KNOWLEDGE AND INFORMATION IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE

In clause questions of the relation of knowledge and information in natural and artificial intelligence. Presented classical and nontraditional understanding of the problem. The author considers the model of knowledge as a realization of the concept of subjective reality of Dubrovsky D.I.

KNOWLEDGE. INFORMATION. ARTIFICIAL INTELLIGENCE. NATURAL INTELLIGENCE. SIMULATION. SUBJECTIVE REALITY. THE NETWORK APPROACH. KONNEKTSIONIZM. SELF-ORGANIZING SYSTEMS. HYPERTEXT. INFORMATION ABOUT INFORMATION.

Kolomeyzev I.V. EFFICIENT SOCIAL MANAGEMENT ISSUES

The article is devoted to the historical and philosophical ground of the milieu approach in modern sociology that focuses on values mechanism of sociocultural control of the social system. The efficiency of social management is connected with the control over stable functioning of the social system. Moral virtues and absolute law principles emphasized in different periods of the philosophic science have been analyzed as the principles of the efficient social management.

SOCIAL MANAGEMENT. EFFICIENCY. MORAL VIRTUE. VALUES. NATURAL LAW. LIBERALISM. SOCIOCULTURAL MILIEU.

Oboturova N.S. EVOLUTION OF THE VIEWS OF EDMUND HUSSERL IN UNDERSTANDING THE NATURE OF THE IDEAL

The author analyses understanding of the nature and essence of idea in phenomenology by Husserl, shows the importance of phenomenological interpretation of the idea for the development of non-traditional approaches to the problems of epistemology and philosophy of science.

PHENOMENOLOGY. IDEAL. CONSCIOUSNESS. LEARNING. IDEA. «LIFE WORLD».

Goncharko D.N. THE CONCEPT OF DONATION IN THE REPRESENTATIVE MODEL OF CULTURE

The article focuses on contemporary interpretations of the concept of culture regarded as a process of donation exchange. Author suggests the shift from representation model of culture to non-representative one.

CULTURE. REPRESENTATION. TIME. HUMAN BEING. HISTORY. ETHICS.

Pozdniakova K.S. LITERARY AND AESTHETIC POSITION OF EARLY P.A. VYAZEMSKIY

The paper gives a review on the literary and aesthetic positions of early P.A. Vyazemskiy. The issue is topical because it has not been adequately explored before and recently the reader's interest in the development of critical literary ideas of XIX century has significantly increased.

ROMANTICISM. CRITIQUE. LITERARY FORM.

Tuminskaya O.A. TO HISTORY FORMATION OF AN ICONOGRAPHY OF AN IMAGE THE FOOLISH IN THE CHRIST

In given article the question of formation of an iconography of an image of the sacred foolish on the basis of materials of hagiographical sources and texts icon-painting originals is brought up. The visual image of foolishes for goodness sake in an Old Russian iconography is created on the basis of copying of initial samples on icon-painting to originals with allocation of the lines necessary for the image of this kind of sanctity.

THE FOOLISH. AN ICONOGRAPHY. AN IMAGE OF THE FOOLISH ON AN ICON. THE BLISSFUL. SAINT. CHRISTIAN DEVOTEE.

Konovalova T.A. THE TEXTS MODEL OF ANCIENT AND MODERN ARCHITECTURE

This article describes the texts model of ancient and modern architecture. The purpose of the article to consider the architectural models of the text from the point of view of research approaches: historical, architectural, mythological, linguistic and semiotic. Use is made of studies from architecture, history, mythology, semiotic and linguistic.

TEXT AND ARCHITECTURE. MODEL OF THE TEXT OF ARCHITECTURAL STRUCTURES. HISTORICAL AND ARCHITECTURAL APPROACHES. MYTHOLOGICAL APPROACH. SEMIOTIC AND LINGUISTIC APPROACHES. THE ARCHITECTURAL DISCOURSE.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ СПбГУ

№ 2 (111) 2010

Серия «Гуманитарные и общественные науки»

Учредитель – Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Издание зарегистрировано в Госкомпечати РФ, свидетельство № 013165 от 23.12.94

Редакция

д-р техн. наук, профессор *В.Н. Козлов* – председатель редакционной коллегии

д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – ответственный секретарь

Л.Д. Чернухо – редактор, корректор

канд. филос. наук *А.С. Сафонова* – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – *С.В. Горячева*

Директор Издательства Политехнического университета *А.В. Иванов*

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Подписано в печать 28.12.2010. Формат 60x84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,1 Уч.-изд. л. 35,1 Тираж 1000. Заказ 491

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Адрес университета и издательства: 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.